

Новомученики и исповедники Российские
пред лицом богоборческой власти

*Да не утратим помалу, неприметно,
той свободы, которую даровал нам
Кровию Своею Господь Иисус Христос,
Освободитель всех человеков*

8-е прав. III Вселенского Собора

**СВЯЩЕННОИСПОВЕДНИК
ДИМИТРИЙ,
АРХИЕПИСКОП ГДОВСКИЙ.
СПОДВИЖНИКИ ЕГО И СОСТРАДАЛЬЦЫ**

Жизнеописания и документы

Составитель
Л. Е. Сикорская

УДК 27-36
ББК 86.372
С25

Редактор
И. И. Осипова

С25 Священноисповедник Дмитрий, архиепископ Гдовский. Сподвижники его и сострадалцы. Жизнеописания и документы / Сост. Л. Е. Сикорская. – М.: Братонез, 2008. – 528 с. + [24] ил. – (Серия «Новомученики и исповедники Российские пред лицом богоборческой власти».)

ISBN 978-5-7873-0408-4

В книге повествуется о жизни архиепископа Гдовского Дмитрия (Любимова), викария Петроградской епархии, заместителя митрополита Иосифа (Петровых) в 1927–1929 годах, а также о сподвижниках его – священнослужителях, монашествующих и мирянах – активных деятелях иосифлянского движения.

При написании книги использовались архивные материалы, в частности документы из архивно-следственных дел 1929–1931 годов, а также воспоминания современников. Приведены фотографии из частных собраний.

© Л. Е. Сикорская, 2008

Предисловие

Книга об архиепископе Димитрии (Любимове) и его сподвижниках продолжает серию «Новомученики и исповедники Российские пред лицом богоборческой власти», посвященную священномученикам, монашествующим и мирянам Русской Православной Церкви XX столетия, пострадавшим от богоборческой власти за твердое исповедание правды Христовой, за отстаивание церковной свободы.

Серия была начата в 2006 году книгой «Священномученик Иосиф, митрополит Петроградский», и, как отмечалось в ее предисловии, – не случайно, поскольку в церковной истории прошлого века, и особенно в борьбе за церковную свободу, Петроградской епархии в целом принадлежало особое место. «Предшественник митрополита Иосифа на Петроградской кафедре, митрополит Вениамин (Казанский), в ряду первых новомучеников Русской Церкви пострадал за свою верность Церкви и претерпел мученическую кончину от богоборцев в 1922 году. Его бессмертные слова, написанные в тюрьме незадолго до расстрела, стали заветом и руководством для Русской Церкви в грядущих испытаниях и заняли в церковном предании подобающее место наряду с посланиями древних мучеников. Написанные поистине не чернилами, а кровью, эти слова вдохновляли всех ревнителей церковной свободы, следовавших по стопам мужественного святителя:

“...Страдания достигли своего апогея, но увеличилось и утешение. Я радостен и покоен, как всегда. Христос – наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда и везде хорошо. За судьбу Церкви Божией я не боюсь. Веры надо больше, больше ее надо иметь нам, пастырям. Забыть свою самонадеянность, ум, ученость и дать место благодати Божией.

Странны рассуждения некоторых, может быть, и верующих пастырей (разумею Платонова) – надо хранить живые силы, т. е. их ради поступиться всем. Тогда Христос на что? Не Платоновы, Вениамины и т. п. спасают Церковь, а Христос. Та точка, на которую они пытаются встать, гибель для Церкви, надо себя не жалеть для Церкви, а не Церковью жертвовать ради себя...”

Преемнику священномученика Вениамина митрополиту Иосифу (Петровых) суждено было возглавить исповедническое движение, противостоявшее именно той церковной политике, о губительности которой предупреждал владыка Вениамин в своем предсмертном письме»¹.

Поскольку митрополит Иосиф был сразу же удален от своей паствы – власти сначала запретили ему въезд в Ленинград, а затем выслали его в Николо-Моденский монастырь под Устюжной – фактическое руководство этим движением осуществлял его заместитель, викарий Петроградской епархии, епископ (с декабря 1928 года архиепископ) Гдовский Димитрий (Любимов). Как утверждал на допросах сам митрополит Иосиф:

«Я был главой нашей организации в чисто церковном смысле. Практически действовал по моему доверию архиепископ Димитрий»;

«Епископу Димитрию предоставлена была полная свобода управления до того, что он позволял себе действовать даже вопреки моим ожиданиям и определенно выраженным желаниям и советам. Я не претендовал в таких случаях, оп-

¹ Священномученик Иосиф, митрополит Петроградский: *Жизнеописание и труды* / Сост. Сахаров М. С., Сикорская Л. Е. СПб., «КИФА», 2006. С. 7–9.

равдывая такие поступки епископа Димитрия тем, что на месте ему виднее большая или меньшая целесообразность такого или иного решения. Во многих случаях, когда он спрашивал моего совета, я так и отвечал ему, предлагая на месте обсуждать дело с более опытными лицами из духовенства, если он не надеется на свой опыт и рассуждение»².

Даже противники иосифлян высоко отзывались о помощниках и советниках владыки Димитрия³, к числу которых принадлежали замечательные петроградские пастыри, а также выдающийся московский церковный деятель М. А. Новоселов. Вместе с владыкой они успешно организовали административное управление Петроградской епархией и многими отделившимися от митрополита Сергия приходами других епархий; в своих письмах и посланиях дали основательное каноническое обоснование иосифлянского движения и глубокое богословское осмысление происходящих церковных событий, не потерявшее своей актуальности по сей день.

Труды помощников и сподвижников владыки Димитрия вместе с их краткими жизнеописаниями помещены во второй и третьей главах книги. Архипастырские документы, письма архиепископа Димитрия, протоколы допросов приведены в *Приложении I*. Церковные документы, изъятые при арестах иосифлян в 1929–1930 приведены в *Приложении II*. Взаимоотношения иосифлян с митрополитом Кириллом и духовенством его круга рассматриваются в *Приложении III*.

² Дело «Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников "Истинно-православная церковь"» / ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7377. Т. 11. Л. 340; 332.

³ Например, епископ Мануил (Лемешевский), который всенародно заявил в Троицком соборе 16/29 апреля 1928 года: «Отошли, откололись наилучшие пастыри, которые своей непорочностью в борьбе с обновленчеством стояли много выше других». Иоанн (Снычев), митрополит. Церковные расколы в Русской Церкви. Самара, 1997. С. 265.

Документы, за некоторыми исключениями, оговоренными особо, даются в современной орфографии. Купюры обозначены отточиями. Цитаты из воспоминаний, следственных дел и архивных документов, находящиеся в основном тексте книги, отделяются от основного текста отступом и даются другим шрифтом.

Большая благодарность за помощь в работе над книгой Михаилу Сергеевичу Сахарову, Игорю Васильевичу Ильичеву, Александру Дмитриевичу Антонову и его супруге Екатерине Владимировне Антоновой, а также Вере Федоровне Сазоновой – за предоставленные фотографии.

Особая признательность Фрэнсису ГРИНУ, без дружеского участия и постоянной поддержки которого была бы невозможна многолетняя работа в архивах и подготовка к изданию данной книги.

ГЛАВА I

Архиепископ Димитрий (Любимов)

Память 4 мая
(† 1935)

О жизни архиепископа Димитрия (Любимова) известно немного. Скучные сведения в исторических источниках – редкое упоминание его имени в дореволюционной церковной периодике, главным образом в сухих консисторских документах Петербургской епархии, да краткий послужной список в клировых ведомостях. Не осталось ни подробных воспоминаний о нем, ни документов личного характера, дневниковых записей или писем, ни каких-либо его публикаций. Ничего выдающегося. Скромный приходской, хотя и столичный, батюшка. Почти сорок лет иерейского служения. И из них лишь три года на должности настоятеля, а все остальное время вторым и третьим священником.

Между тем именно этому «не выдающемуся» пастырю предстояло на склоне своей скромной, внешне ничем не примечательной жизни осуществлять архипастырское руководство одним из самых ярких исповеднических движений Русской Православной Церкви.

Протоиерей Гавриил Любимов, отец Димитрия

Будущий архиепископ Димитрий происходил из духовного сословия. Его отец, протоиерей Гавриил Маркович Любимов, служил настоятелем придворной городской церкви в Ораниенбауме. «Ораниенбаум – небольшой городок в 39 верстах от Петербурга, в 9 верстах от Петергофа, на южном берегу Финского залива, против Кронштадта. До революции в просторечии он назывался обыкновенно Рамбовом. Название получил или от красивых мест, или от оранжерей, устроенных при основании города и существующих отчасти донныне, или от немецкого названия оранжевого дерева⁴, будто бы найденного при первом заведении города. Так, гербом города служит именно оранжевое дерево»⁵. Начало городу было положено в 1710 году, когда император Петр I пожаловал князю А. Д. Меншикову земли, где располагалась бедная чухонская мыза. Там началось строительство загородного дворца, по своему размаху и великолепию не уступавшего царскому в Петергофе⁶. В 1727 году в одной

⁴ Orangenbaum (нем.) – апельсиновое или померанцевое дерево.

⁵ «Лавры, монастыри и храмы на Св. Руси». СПб., 1908. Вып. 1. С. 37.

⁶ Кроме «меншиковского» дворца был создан так называемый Нижний сад с фонтанами и скульптурами. От сада к морю был прорыт судоходный канал. По краям Нижнего сада был построен Картинный дом и померанцевая оранжерея. В 1728 году, после того как князь А. Д. Меншиков впал в немилость, дворец и вся усадьба перешли в собственность казны. В 1743 году императрица Елизавета Петровна подарила Ораниенбаум своему наследнику, будущему императору Петру III, и он перестроил Большой дворец и возвел ряд других построек. В 1762–1774 году императрица Екатерина II реконструировала весь дворцово-парковый комплекс, устроив здесь свою летнюю резиденцию. Однако здесь она практически не бывала. Позднее Ораниенбаум принадлежал будущему императору Александру I, а затем перешел к его брату, Великому князю Михаилу Павловичу.

из галерей дворца была устроена церковь Св. великомученика Пантелеймона. Из дворцовой слободы, где обосновались строители дворца, несколько десятков крепостных крестьян и вольных мастеровых с семьями, собственно и вырос сам город Ораниенбаум.

К середине XIX века в Ораниенбауме проживало уже около трех тысяч человек. Нижняя часть города, где теснилась беднота, была довольна непривлекательной: скученные постройки, пыль летом или непролазная грязь во время дождей и слякоти. Верхняя, напротив, была удобной и красивой: добротные дома, тенистые сады, ухоженные палисадники, чистые улицы, — грязи здесь не было даже во время сильных дождей. Все это, а также близость морского залива и прекрасного дворцового парка привлекало летом на отдых немало состоятельных горожан, и постепенно Ораниенбаум стал одним из центров дачной колонизации⁷. Тихо и размеренно протекала здесь жизнь. На лето приезжал в Ораниенбаум и Великий князь Михаил Павлович со своей супругой Великой княгиней Еленой Павловной⁸. До 1866 года церковь Св. великомученика Пантелеймона в их дворце была не только придворной, но и приходской церковью, как единственный храм в окрестностях Ораниенбаума.

⁷ Симанский В. К. Куда ехать на дачу? Петербургские дачные местности в отношении их здоровья. СПб., 1892. Вып. II. С. 118–119.

⁸ Великий князь Михаил Павлович (1798–1849) — четвертый сын в семье императора Павла I. Великая княгиня Елена Павловна — супруга Великого князя Михаила Павловича, урожденная принцесса Шарлотта Вюртембергская (1806–1873). Имя Елены получила по принятии православной веры. Император Николай I называл Елену самым образованным человеком семьи. В ее салоне собирались выдающиеся ученые, художники и другие деятели культуры. Великая княгиня выступала инициатором различных культурных и благотворительных учреждений. Во время Крымской войны учредила первую организацию сестер милосердия при русской армии. В 1862 году основала Санкт-Петербургскую консерваторию.

Служивший в церкви священник часто виделся с великоименитыми владельцами дворца и имел возможность с ними близко познакомиться. Более полувека занимал это ответственное, но во многих отношениях и выгодное положение протоиерей Гавриил Маркович Любимов, но использовал его с начала служения своего не для себя лично, а на пользу ближнего.

Сам отец Гавриил был выходцем из семьи бедного сельского священника. Родился он 5 июля 1820 года в селе Горшок Моршанского уезда Тамбовской губернии. Способный к наукам и усердный в учении и службе, он по окончании Тамбовской Духовной семинарии поступил в Санкт-Петербургскую Духовную академию и в 1846 году успешно ее закончил. 20 марта 1846 года митрополитом Санкт-Петербургским и Новгородским Антонием (Рафальским) Гавриил Маркович был рукоположен в священный сан и назначен настоятелем церкви Св. великомученика Пантелеймона при Большом дворце в Ораниенбауме. Молодой батюшка ревностно отдался пастырской службе, тем более что поле деятельности было обширное. Необразованное население Ораниенбаума и окрестностей весьма нуждалось в пастырской опеке, поэтому отец Гавриил все свои труды направил на церковное окормление, духовное просвещение и попечение о бедных и обездоленных.

В своей квартире он сразу же открыл уездное училище для детей, где сам преподавал Закон Божий и церковное пение (в училище обучалось до восьмидесяти учеников). Позднее он изыскал средства для постройки отдельного дома для училища, обеспечив его дальнейшее существование неприкосновенным капиталом. О своих трудах в поисках средств отец Гавриил писал в одном из своих частных писем так:

«"Образ" моих сношений с благотворителями таков: прежде иду в храм Божий, приношу молитву Господу Богу и Царице Небесной, ставлю свечи за их здравие и спасение,

вынимаю частицы просфор и уже после этого иду к благотворителю и ему собственно приношу св. икону угодника Пантелеймона, книжки, изданные в пользу богадельни, и просфору. И благословит меня Господь, я снова иду в храм Божий или с радостью или со скорбью, смотря по тому, что принес мне благотворитель. Таков образ моих действий. Я смотрю на него, как на семя, положенное в землю, которое, по-видимому, для незнающего и неверующего умирает, но для верующего "принесет плод сторицею"⁹.

Вскоре отец Гавриил занялся строительством богадельни для престарелых. В Ораниенбауме при Свято-Троицкой кладбищенской церкви была богадельня, но в весьма жалком состоянии: в одной темной комнатке при церковной сторожке ютились в полной нищете восемь старушек. Сердобольный отец Гавриил дал обет пред Богом найти средства для обеспечения убогих. На его доброе начинание откликнулась Великая княгиня Елена Павловна. Она выделила участок земли для строительства Богадельного дома и позволила принимать пожертвования. Отцу Гавриилу удалось собрать до 20 тысяч рублей пожертвований, на которые был выстроен двухэтажный дом с флигелем на сто призываемых. В 1861 году Богадельный дом был освящен и открыт, причем на этом торжестве присутствовала Великая княгиня Елена Павловна, принявшая его под свое покровительство. В дальнейшем отец Гавриил постоянно заботился о материальном обеспечении Богадельного дома, находя благотворителей и не раз проводя сбор пожертвований. В Богадельном доме были учреждены постоянные кровати, которые обеспечивались отдельными благотворителями¹⁰. Но главное, Богадельный дом был обеспечен капи-

⁹ Попов И. В. Ораниенбаумский пастырь – протоиерей Гавриил Любимов. / Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости. СПб., 1995, № 14. С. 93.

¹⁰ Например, Великой княгиней Еленой Павловной, императором Александром II и другими.

талом в процентных бумагах и недвижимым имуществом, а именно дачами, сдаваемыми внаем. Число призреваемых в нем постоянно увеличивалось, позднее было открыто мужское отделение, и к 1886 году там было уже 125 престарелых обоего пола.

Для дальнейшей помощи обездоленным отец Гавриил решает создать «Общество вспомоществования бедным», и в 1877 году такое Общество начинает свою работу в Ораниенбауме. На пожертвования, которые собирались Обществом, ежегодно осуществлялись выплаты пособий бедным горожанам и оплачивались обучение и содержание учениц в петербургских школах. «Инициатива учреждения Общества принадлежала всецело незабвенному отцу протоиерею Гавриилу Марковичу Любимову»¹¹, – сообщалось позднее в кратком очерке, изданном к 25-летнему юбилею Общества, и отмечалось, что председателем Совета при его создании был избран отец Гавриил. В 1883 году, опять-таки по его инициативе, в Ораниенбауме был открыт Дом призрения бедных горожан и сирот в память Императора

¹¹ Вместе с представителями городского общества, городским головой и церковным старостой отец Гавриил обратился к Великой княгине Екатерине Михайловне:

«Ваше Императорское Высочество!

Между благотворительными учреждениями, основанными в Ораниенбауме Вашим Императорским Высочеством, в Бозе почивающею Августейшею Вашою Родительницею и доброхотными дателями, недостает еще общества вспомоществования бедным, подобно тем, какие в недавнее время открыты в Петербурге при приходских церквях. И в нашем городе есть бедные, которые настолько могут трудиться, что в силах доставать себе пропитание и одежду, но не в силах нанять квартиры, отопить и осветить оныя. Как достающие кусок хлеба честным трудом, они не могут ходить по домам и собирать милостыню. Таким бедным должна прийти на помощь общественная благотворительность. <...> В сих видах предположено учредить при церкви Св. Михаила Архангела Общество вспомоществования бедным...» Отчет Общества вспомоществования бедным в г. Ораниенбауме за 1897–1901 гг. СПб., 1901. С. 6.

Александра II, и попечительницей Дома выступила Великая княгиня Екатерина Михайловна, дочь почивших к тому времени благотворителей Ораниенбаума, Великого князя Михаила и Великой княгини Елены. Позднее рядом был устроен Дом трудолюбия по примеру кронштадтского, где предоставлялись простейшие работы для бедных и обездоленных.

Отец Гавриил принял горячее участие и в создании Ораниенбаумской больницы, построенной на участке дворцовой земли, пожертвованном Великой княгиней Екатериной Михайловной. Открытие больницы имело большое значение для жителей города. «До 1876 года Ораниенбаум был совершенно без больницы, — отмечалось в брошюре, изданной к 25-летию создания больницы, — правда, был маленький приемный покой в Троицкой слободе за городом, в Дворцовом помещении, но он был исключительно для больных Дворцового ведомства. Другие же больные, кроме состоятельных, не находили себе должного приюта и, по словам ораниенбаумских старожилов, нередко умирали на улице. В особенности тяжело было положение острозаразных бедных больных, которых никто не принимал к себе в дом. Ввиду этого оспа, корь, скарлатина и др. болезни распространялись довольно свободно и уносили немало своих несчастных жертв. Тяжело было положение жителей, но еще тяжелее — тех немногих врачей, которым приносили заразных больных на квартиру»¹². В создании этой больницы, как отмечалось далее, отец Гавриил помогал делом и советами, и до самой своей кончины состоял почетным членом ее Совета.

Отец Гавриил был ревностным храмостроителем. В Ораниенбауме и окрестностях он организовал строительство трех храмов, обновление одного и возведение

¹² Ораниенбаумская городская больница, учрежденная в память государыни Великой княгини Елены Павловны. СПб., 1901. С. 1.

храма в соседней Большой Ижоре. Кроме того, отец Гавриил собирал пожертвования на постройку храмов в других областях России. С его помощью в разных местах страны было воздвигнуто 96 храмов, в основном в северных областях. Так, в Архангельской губернии было выстроено двадцать церквей, а в беднейшем Олонецком крае – сорок одна церковь. Сам отец Гавриил не имел капиталов и был небогат, но его горячая вера, непреклонная воля и усердное желание послужить ближним сделали его одним из первых храмостроителей в России: «Если за 13 лет царствования императора Александра III в Российской Империи строилось по одной церкви в день, то о скромном Ораниенбаумском пастыре можно сказать, что он один в течение всей своей жизни строил более одной церкви в год, и за 30 лет на сооружение храмов о. Гавриилу жертвователями было вверено до полутора миллионов рублей»¹³.

Примечательно, что в освящении новых храмов постоянно принимал участие Св. праведный отец Иоанн (Кронштадтский), сомолитвенник и сподвижник отца Гавриила во всех его начинаниях. Он часто бывал в Ораниенбауме и сослужил с отцом Гавриилом. В 1896 году, во время празднования 50-летнего юбилея служения отца Гавриила в священном сане, отец Иоанн, сослуживший в сонме другого духовенства в Пантелеймоновском храме, сказал юбиляру:

«Многоплодно твое служение и для сколь многих благотворно, живительно и радостно! Вот тут у тебя под боком воздвигнутая тобою богадельня со многими призреваемыми, старыми и малыми, убогими и калеками, тут школа, а на обширном пространстве России сколько воздвигнуто тобою храмов в бедных селах для меньшей бедной братии, к которой ты вовремя успел прийти, движимый чувствами благочестия и сострадания! И как умел ты найти жертвователей, буду-

¹³ Попов И. В. Ораниенбаумский пастырь – протоиерей Гавриил Любимов. Указ. соч. С. 94.

чи одарен от природы практическим умом и добрым сочувственным сердцем»¹⁴.

Последнее свое дело – строительство в ораниенбаумском Градском лесу церкви Божией Матери «Всех Скорбящих Радосте» – отец Гавриил завершил за год до кончины. Церковь была освящена в августе 1898 года. При этом отцу Гавриилу сослужил его младший сын, отец Димитрий, к тому времени настоятель Михаило-Архангельского храма в Ораниенбауме.

Скончался отец Гавриил 10 октября 1899 года. Его похороны собрали многотысячные толпы народа. На погребение прибыли епископ Гдовский Вениамин (Муратовский), и несколько десятков духовных лиц. Похоронили отца Гавриила в выстроенном им соборе Архангела Михаила, в левом приделе, близ амвона. В пол была вмонтирована мраморная доска с надписью: «Протоиерей Гавриил Маркович Любимов. 5 июля 1820 – 10 октября 1899». Наверху укреплена икона Св. Архистратига Гавриила, небесного покровителя почившего. При постройке нового каменного собора в 1911–1914 годах могила отца Гавриила была сохранена.

Жители Ораниенбаума хранили память о почившем отце Гаврииле – духовном отце и великом благодетеле их города. В зале заседаний городской Думы был помещен портрет батюшки, а одна из улиц города была названа в честь него Любимовской¹⁵.

Начало пастырского пути Димитрия Любимова

Родился будущий архиепископ Димитрий 15 сентября 1857 года. О его детстве мы ничего не знаем. Можно только догадываться, что он получил обычное

¹⁴ Попов И. В. Указ. соч. С. 95.

¹⁵ С 1924 года переименована в Колхозную, ныне – улица Рубакина.

для детей духовенства образование, что с ранних лет бывал на богослужениях в храме и прислуживал в алтаре. Не вызывает сомнений, сколь велик был для него авторитет его отца-священника, являвшего собою достойный для подражания пример истинного христианина и доброго пастыря, душу свою полагавшего за паству. Очевидно, не случайно, не только в силу сословного происхождения, Димитрий, так же как и его старший брат, Сергей Гаврилович Любимов, в дальнейшем избрали пастырскую стезю¹⁶. В выборе жизненного пути, как и в целом в их духовном формировании, немалую роль сыграло и знакомство с великим святым, праведным отцом Иоанном (Кронштадтским), близким другом и соратником отца Гавриила Любимова на пастырском поприще. Оба пастыря более полувека трудились на Божьей ниве рядом друг с другом, по мере данных им талантов принесли богатые плоды и в глубокой старости отошли в мире ко Господу, украшенные седой мудростью и святыми добродетелями.

Отец Иоанн так же, как и отец Гавриил, начинал свое служение в сер. XIX в. в соседнем с Ораниенбаумом Кронштадте. Во многих начинаниях отца Гавриила отец Иоанн принимал активное участие, состоял членом многих благотворительных учреждений Ораниенбаума. В свою очередь, отец Гавриил использовал опыт Дома трудолюбия и других начинаний отца Иоанна. Но больше всего ценил отец Гавриил высокий духовный опыт

¹⁶ Известно, что в 1899 году протоиерей Сергей Любимов служил в посольском храме в Штутгарте, затем был настоятелем Св. Николаевского собора в Ницце (Франция). Именно по его инициативе в 1903 году началась подготовка к строительству нового большого храма, поскольку прежний (один из первых русских храмов в Западной Европе), построенный в 1859 году, не вмещал уже всех прихожан увеличившейся русской колонии. Инициативу отца Сергея поддержала вдовствующая императрица Мария Федоровна, ставшая попечительницей строительного комитета. Новый великолепный храм в Ницце был построен и в декабре 1912 года освящен.

кронштадтского пастыря, прозревая в нем великого святого. Конечно же, и вся семья Любимовых, в том числе и будущий архиепископ Димитрий, глубоко почитали отца Иоанна. С годами это почитание не ослабело¹⁷, и после кончины праведника, подобно многим православным петроградцам, владыка Димитрий постоянно в молитвах обращался к предстательству св. Иоанна Кронштадтского.

В 1879 году по окончании Духовной семинарии Димитрий Гаврилович Любимов поступил на церковно-историческое отделение Санкт-Петербургской Духовной академии. На третьем курсе им была написана диссертация на тему «Никита Пустосвят и его значение в расколе». Диссертация состояла из трех частей: в первой части приводились библиографические сведения о Никите Добрынине, или Пустосвяте, и особенно подробно – об участии Никиты в стрелецко-раскольничьем бунте 1682 года; во второй – разбиралась челобитная Никиты; в третьей – Никита рассматривался как раскольнический писатель и полемист. В отзыве о диссертации ординарного профессора Нильского, представленном общему Совету академии 19 сентября 1881 года, говорилось:

«Труд г. Любимова не без недостатков; в представленной им биографии Никиты замечаются по местам пробелы, зависящие не от недостатков данных; при разборе челобитной г. Любимов не обратил должного внимания на некоторые, хотя и частные, но очень важные вопросы, невольно возникающие при чтении того или другого места челобитной.

¹⁷ Примечательно, что и чекисты отметили это «крайне контрреволюционное» почитание. «Человек старых взглядов и непримиримой настроенности в отношении советской современности и социальной революции, чтитель памяти покойного протоиерея Иоанна Сергиева Кронштадтского и его идеалов старой Руси – православия и самодержавия», – отмечалось о владыке Димитрии в материалах следственного дела. Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 260.

Характеристика Никиты как писателя хотя и верна, но слишком обща и голословна.

Несмотря однако на указанные недостатки, сочинение г. Любимова может быть признано удовлетворительным для степени кандидата. Автор обнаружил в своем труде и достаточное знакомство с литературой предмета, и умение писать языком правильным. Главное же достоинство сочинения г. Любимова состоит в том, что в нем челобитная Никиты рассматривается в связи с сочинениями других современных Никите расколотчиков, вследствие чего читатель сам получает возможность определить значение ее в истории раскольничьей литературы»¹⁸.

В 1882 году Димитрий Гаврилович окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию со степенью кандидата богословия. Указом Синода от 23 марта 1882 года он был направлен псаломщиком в Штутгартский храм Св. Екатерины в Германии. Построенный в византийском стиле¹⁹ и расположенный на месте родового замка на одном из живописных холмов (Ротенберг), окружающих Штутгарт, храм являлся посольской церковью, и молились там православные (русские, греки и сербы), жившие в окрестностях города. 11 апреля 1882 года Димитрий был посвящен в стихарь. Причт храма, в который помимо священника и дьякона входили еще два псаломщика и четверо певчих, обслуживал и дворцовую церковь Великой княгини, а затем королевы, Ольги Николаевны, а также выезжал с походной церковью в разные места, посещаемые русскими в Германии. Протоиерей Иоанн Базаров, настоятель храма с 1851 по 1895 год, писал в воспоминаниях:

¹⁸ «Христианское чтение». 1882, ч. I, вып. 1–6. С. 45.

¹⁹ Храм был построен королем Вюртембергским в 1824 году в качестве надгробной усыпальницы его супруги, королевы Екатерины Павловны (дочери императора Павла I), скончавшейся в 1819 году.

«Самым большим праздником на Ротенберге была Троица. К этим дням мы украшали церковь по русскому обычаю березовыми ветвями, цветами и зеленью. Великая княгиня с кронпринцем, русское посольство в полном составе и все русские из ближних и дальних окрестностей приходили к этому дню в церковь. После богослужения все шли ко мне пить чай. Многие оставались к обеду. Чтобы этому празднику придать русский народно-сельский характер, наши певчие становились за кустами и оттуда пели русские народные песни, а в саду прислуживал лакей, одетый русским крестьянином»²⁰.

Два с половиной года продолжалось служение Димитрия Гавриловича в Германии. В сентябре 1884 года указом Синода он был определен в Ростовское духовное училище на должность учителя латинского языка. Весной 1886 года Димитрий Гаврилович вернулся в родной город. В это время при Ораниенбаумской придворной церкви открылась вакансия второго священника, и 26 апреля 1886 года, по желанию Великой княгини Екатерины Михайловны, Димитрий Гаврилович был назначен кандидатом на эту вакансию. К тому времени он уже вступил в брак с Агриппиной Ивановной Чистяковой, и 17 октября 1885 года у них родился первенец, названный Сергеем.

6 мая 1886 года Димитрий Гаврилович был рукоположен в сан иерея. Хиротонию совершил архиепископ Казанский и Свияжский Палладий (Раев) в Исаакиевском соборе Санкт-Петербурга. Тогда же иерей Димитрий был утвержден законоучителем Ораниенбаумского городского училища, а позднее он также преподавал Закон Божий в женском приходском училище в Ораниенбауме и в детском приюте Великой княгини Екатерины Михайловны. Молодой иерей Димитрий под пас-

²⁰ Русская Православная Церковь за границей. Под ред. Гр. А. А. Сологуб. Русская Духовная миссия в Иерусалиме. Т. II. С. 960.

тырским руководством своего отца, протоиерея Гавриила Любимова, прослужил в ораниенбаумских церквях более десяти лет и стал достойным продолжателем пастырского служения отца и хорошим помощником во всех его благотворительных начинаниях. Он являлся почетным членом Свято-Троицкого богадельного дома, членом попечительного комитета Ораниенбаумской больницы, почетным членом Дома призрения бедных.

17 марта 1887 года за усердную службу иерей Димитрий был награжден набедренником, в марте 1889 года – скуфьей, в 1892 году – камилавкой. 2 апреля 1895 года за отлично-усердную службу – золотым наперсным крестом из кабинета Его Величества. 5 сентября 1895 года отец Димитрий был назначен настоятелем Ораниенбаумской церкви Св. Архистратига Михаила²¹ и приписанных к ней Троицкой кладбищенской церкви и церкви Божьей Матери «Утоли моя печали» в селе Мартышкине. Через три года отец Димитрий покинул Ораниенбаум – в сентябре 1898 года он был переведен в Покровско-Коломенскую церковь в Санкт-Петербурге. С чем это было связано, не совсем ясно: с одной стороны, перемещение в столицу можно рассматривать как продвижение, однако с должности настоятеля отец Димитрий перемещался на место третьего священника.

Как бы то ни было, все дальнейшее служение отца Димитрия будет проходить в Санкт-Петербурге, а в Покровском храме он прослужит более четверти века. В 1903 году он будет возведен в сан протоиерея, а в 1913 году – за достойное служение награжден палицей.

²¹ В марте 1895 года церковь Св. Архистратига Михаила в Ораниенбауме была отчислена от Ораниенбаумской придворной церкви и сделана городской приходской с переводом ее в епархиальное ведомство.

Служение иерея Димитрия в церкви Покрова Богородицы

Церковь Покрова Богородицы в Большой Коломне являлась одной из известнейших церквей Петербурга. Одно время ее посещал великий русский поэт А. С. Пушкин, отец его был прихожанином ее и постоянным жертвователем на церковь. О церкви Покрова поэт упоминает в поэме «Домик в Коломне», написанной в 1830 году в Болдино:

«... Я живу
Теперь не там, но верною мечтою
Люблю летать, заснувши наяву,
В Коломну, к Покрову, и в воскресенье
Там слушать русское богослуженье».

Церковь Покрова Богородицы была заложена в 1798 году по просьбе жителей Коломны, к тому времени уже достаточно заселенной. Поселения на этом месте существовали еще при основании Петербурга, но то были небольшие финские деревушки. Русское же население появилось после 1740 года, когда после пожаров, опустошивших часть города на Мойке, по указанию Анны Иоанновны погорельцы были переселены на пустующие болотистые места к западу от Крюкова канала. Эти выселки были названы немецким словом «Kolonie» – «селение», русские переделали его на свой лад – «Коломна». Северная часть, менее населенная, стала называться Малой Коломной, а южная, более заселенная, – Большой Коломной. Сначала здесь селились адмиралтейские служащие, чиновники, корабельщики, позднее – купцы, военные чины, придворные служащие.

Средства на строительство храма собирали все жители. И поскольку большинство из них были люди небогатые, то после утверждения плана строительства

императором Павлом I храм строился четырнадцать лет, а ограда и часовни были закончены еще позднее, лишь в 1817 году. С увеличением коломенского населения и его благосостояния улучшалось и благоуукрашение храма. К середине XIX века потребовалось расширить храм, и с 1848 по 1852 год были сделаны две пристройки. К концу века было проведено еще одно расширение – пристроены два придела, так что храм стал вмещать до тысячи человек. Причт состоял из трех священников, дьякона и трех псаломщиков. Жалованья не было, и причт жил исключительно доходами от совершения треб и добрых дел пожертвований местных прихожан.

Приходская община храма Покрова Богородицы вела широкую благотворительную деятельность. С 1871 года при храме было открыто «Общество вспоможения бедным прихода церкви в Большой Коломне». Общество выдавало постоянные и единовременные пособия неимущим, содержало двухклассную церковно-приходскую школу, обширную приходскую библиотеку, богадельню для престарелых женщин и два приюта для девочек и мальчиков (в них содержалось шестьдесят детей). При храме работала также бесплатная столовая для бедных, и там отпускалось до десяти тысяч обедов в год. В пригороде Петербурга на станции Сиверская Обществом была открыта Санатория для бедных детей прихода, и при ней освящена домовая церковь.

Иерей Димитрий Любимов был назначен в причт храма Покрова Богородицы 12 сентября 1898 года и сразу включился в благотворительную деятельность приходской общины, благо сам он имел большой опыт подобной деятельности. В дальнейшем на протяжении многих лет отец Димитрий входил в совет Общества вспоможения бедным и активно в нем работал. В 1901–1902 годах на Покровской площади²² рядом с храмом Обществом был построен большой пятиэтаж-

²² Ныне площадь Тургенева.

ный дом²³, позднее причисленный к числу примечательных зданий в Петербурге. Там были размещены все благотворительные учреждения Общества, в их числе и церковно-приходская школа, где преподавал отец Димитрий, возведенный в сан протоиерея в 1903 году. А в 1904 году на международной школьной выставке коллектив школы был премирован похвальным отзывом.

Помимо напряженной работы в благотворительных организациях отец Димитрий неустанно вел пастырскую миссионерскую работу. Он являлся действительным членом Православного миссионерского общества по Санкт-Петербургскому Комитету, постоянно вел пастырские беседы и проводил богослужения в полицейских арестных домах города. Причем с каждым годом это становилось делать все труднее, о чем не раз откровенно говорилось на собраниях пастырей-проповедников. Например, 16 ноября 1906 года на собрании под председательством епископа Гдовского Кирилла (Смирнова) с сожалением отмечалось заметное ослабление энергии самих проповедников и указывались основные причины сокращения дела проповеди: «1) арестные дома переполнены; 2) со стороны заключенных были случаи враждебного отношения к священникам, что можно объяснить усилением среди заключенных элемента из лиц, отбывающих наказание за политические проступки, а отчасти вообще озлоблением, вызываемым тяжелыми условиями заключения в зависимости от крайнего переполнения арестных домов»²⁴.

Тогда же было решено ходатайствовать «об отделении от заключенных вышеуказанного враждебного Церкви элемента из отбывающих наказание за политические проступки; о введении в полицейских домах доб-

²³ Сенная улица, дом № 104.

²⁴ Известия по Санкт-Петербургской Епархии. 1907. № 1–2. С. 51.

ровольного труда по указанному примеру арестного дома при Литейной части; об улучшении обстановки, главным образом помещения»²⁵. На собрании подчеркивался принцип добровольного участия лиц в проповеди Слова Божия, и для поддержания духа проповедников владыка рекомендовал «возможно частое общение членов кружков». Протоиерей Димитрий Любимов и в дальнейшем продолжал свое служение в полицейских арестных домах. Его имя постоянно встречается в публикуемых еженедельником Санкт-Петербургской епархии списках священнослужителей, совершающих молитвословия и ведущих пастырские беседы с заключенными.

Одновременно отец Димитрий возглавлял и Покровское отделение Всероссийского христианского союза трезвости, открытое при храме Покрова Богородицы по примеру других приходов²⁶. Работа священнослужителей и других грамотных членов Общества трезвости была настолько эффективной, что к 1914 году его Покровское отделение насчитывало около пяти тысяч трезвенников²⁷. Ежегодно Общество трезвости проводило грандиозные крестные ходы и паломничества: в третий день Пасхи – в Александро-Невскую лавру к мощам св. Александра Невского, перед Троицей – в Троице-Сергиеву пустынь и в середине лета – в Валаамский монастырь. Эти паломничества весьма подкрепляли дух трезвенников. Приведем выдержку из статьи с описанием крестного хода в третий день Пасхи:

²⁵ Известия по Санкт-Петербургской Епархии. 1907. № 1–2. С. 51.

²⁶ Христианский союз трезвости был создан в 1899 году, его петербургские отделения насчитывали десятки тысяч членов, которые своим добрым примером проповедовали трезвый образ жизни. Они давали обет абсолютной трезвости от трех до двенадцати месяцев или на всю жизнь. Священнослужители и другие грамотные члены общества проводили беседы и чтения для народа, открывали мастерские и школы грамоты для детей трезвенников.

²⁷ Известия по Санкт-Петербургской Епархии. 1914. № 15–16. С. 16–17.

«Крестный ход двинулся под гул колоколов и пение толпы... Получился какой-то грандиозный, захватывающий шум... Чувствовалась какая-то непреодолимая мощь в этом гуле и шуме колоколов и голосов. В этом величавом движении народной массы, в этих спокойных или несколько суровых ликах святых, колыхающихся поверх голов несметной толпы... А сверкающие на солнце кресты и развевающиеся красивые хоругви, несомые путиловскими хоругвеносцами в нарядных кафтанах с серебряными кистями и бархатными перевязями, внушали благоговейный трепет и сознание величины той работы и той идеи, которой охвачены и скованы все эти торжественные люди...

Когда же крестный ход вышел на Невский проспект, где к внушительному шествию присоединились еще несколько крестных ходов, — зрелище было поразительное и для Петербурга редкостное... Представьте себе густую, но стройно шествующую массу восторженно настроенного поющего народа, сплошь заполнившего широкий и красивый проспект от Литейного проспекта до Знаменской площади и дальше. Представьте и неумолкаемый трезвон церквей на всем пути от Варшавского вокзала до Александро-Невской лавры. Чудное солнечное утро, ослепительный блеск крестов, образов и хоругвей...

На балконах, в окнах многоэтажных домов толпились обыватели с лорнетами и биноклями в руках, пораженные и восхищенные необыкновенным зрелищем. Ясно всеми чувствовалось и создавалось, что тому врагу, против которого шла эта грозная рать, недобровать, что для страшного, кровавого чудовища, бича русской земли — Бахуса настал если и не конец, то час решительной битвы. Чувствовалось, что если бы такие ополчения поднялись и по другим городам нашей измучившейся родины, то господству пьянства на Руси был бы нанесен последний роковой удар»²⁸.

²⁸ Известия по Санкт-Петербургской Епархии. 1907. № 9. С. 8–9.

Активное участие протоиерея Димитрия в юбилейных торжествах в октябре 1912 года

Одним из важнейших событий для причта и прихожан церкви Покрова Богородицы стало празднование столетнего юбилея со дня освящения ее главного престола, прошедшее в октябре 1912 года. К юбилею храм был заново отделан, украшен внутри и снаружи: иконостасы вызолочены, возобновлена позолота глав и крестов, все обветшавшие иконы обновлены, ризы вызолочены, приобретены новые хоругви. В главном приделе сооружен серебряный жертвенник, заново отделан серебряной одеждой св. престол; над плащаницей сооружена бронзовая гробница художественной работы. В храм было проведено электричество, которое приводило в действие вентиляцию, все праздничные дни храм был освещен, а ограда и колокольня иллюминированы разноцветными огнями. Все это было сделано на средства прихожан, которые за два года до юбилея собрали на отделку и обновление церкви сорок тысяч рублей.

Грандиозные празднества совершались в течение трех дней – 29, 30 сентября и 1 октября 1912 года. Накануне, вечером 28 сентября, причтом церкви Покрова Богородицы был отслужен заупокойный парастас, причем за парастасом слово «о необходимости и пользе церковного поминовения усопших братьев наших» сказал протоиерей Димитрий Любимов. 29 сентября была торжественно отслужена заупокойная литургия и панихида по всем почившим создателям, благотворителям, священнослужителям и прихожанам церкви Покрова Богородицы, а вечером – всенощная. А на следующий день, 30 сентября, благовест возвестил о наступлении юбилея.

«Столетний храм, обновленный и благолепно украшенный ко дню юбилея, мерным звоном своего большого колокола звал детей своих – прихожан его помолиться под сво-

дами своими, уже 100 лет служащими прибежищем и в горе, и в радости для всего окрестного населения. Торжественное соборное служение поздней Божественной литургии было совершено во главе с членом Св. Синода Высокопреосвященным Сергием, Архиепископом Финляндским и Выборгским, сонмом духовенства в сослужении 4-х митрофорных протоиереев»²⁹.

К началу литургии прибыли в церковь Покрова Богородицы крестные ходы из соседних приходов, более тысячи верующих. По окончании литургии было совершено торжественное молебствование Господу Богу во главе с тремя архиереями – архиепископом Сергием (Страгородским), епископом Могилевским Константином (Булычевым) и епископом Гдовским Вениамином (Казанским). После чего был совершен крестный ход вокруг церкви с краткими литейными молениями на четырех сторонах церкви. Затем архипастырей и гостей ознакомили с благотворительными учреждениями прихода: богадельней, где проживали тридцать старушек, двумя приютами, бесплатной приходской столовой и церковной школой, где владык встречал соединенный хор детей приюта и учеников церковно-приходской школы с пением «Достойно есть». После этого в обширной зале церковно-приходской школы была приготовлена праздничная трапеза.

Вечером 30 сентября было совершено праздничное всенощное бдение во главе с епископом Нарвским Никандром (Феноменовым), и протоиереем Димитрием Любимовым перед шестопсалмием было прочитано краткое сказание «О явлении Божией Матери с омофором во Влахернском храме». На следующий день, 1 октября, в день храмового праздника, торжественное соборное служение возглавил епископ Гдовский Вениамин, пел митрополичий хор. За литургией слово «Покров Божьей Матери в судьбах нашего Отечества и каждого

из нас» вновь произнес протоиерей Димитрий³⁰. 30 сентября и 1 октября после окончания служения Божественной литургии на церковные средства были устроены праздничные трапезы для бедных³¹. В течение всех дней праздника храм с утра до вечера был переполнен молящимися, там непрерывно совершались молебны, и во время богослужений ограда едва вмещала всех желающих. Настоятель храма, протоиерей Василий Акимов, в своем слове отметил прежде всего активнейшее участие прихожан в сборе средств для проведения юбилея:

«Все это принесено как дар любви к Царице Небесной. Прославим же Ее за то, что не угасает в нашем приходе вера, не слабеет усердие к святой Церкви, ибо этими вещественными знаками выражается духовный подъем веры. Будем чтить свято и благоговейно наш храм. Это живой свидетель и памятник твердой веры и преданности Богу наших предков. Они шли в него с горем и радостью — и никто не уходил из него не утешенным. "По вере вашей да будет вам" (Мф. IX, 29), — сказал Господь. И вера в заступничество и Покров Пресвятой Девы никогда не останется без ответа.

Храм наш был освящен в тяжелую для России годину, враг жестокий и сильный, могуществу коего, казалось, ничто не могло противиться, с несметными силами ополчился на нашу родину, проник в ее пределы и захватил нашу древнюю столицу — сердце России — Москву. Но упование на милость Божию и заступничество Пресвятой Владычицы, твердость веры и преданность Отечеству спасли Русь, как то бывало уже и прежде. Над землей нашей простерся Покров Всемирной Заступницы, и снова совершилось чудо милости Божией — Россия поборола врага. Воспоминание о временах, когда был освящен наш храм — о 1812 году — должно в нас возбудить живейшее чувство благодарения к Всевышней Заступнице рода христианского и чувство любви к храму, посвященному памяти его дивного явления.

³⁰ Известия по Санкт-Петербургской Епархии. 1912. № 19. С. 4–5.

³¹ «Им были предложены суп с мясом, мясные котлеты и пироги с вареньем». Известия по Санкт-Петербургской Епархии. 1912. № 19. С. 5.

Будем же молить Господа, чтобы храм наш служил и в новом столетии своей жизни для всех нас и потомков наших прибежищем во всех напастях и печалях, чтобы Покров Пресвятой Владычицы простирался над ним и всеми, с молитвою и верою входящими в него»³².

Увы... Спустя всего два десятилетия после столетнего юбилея храм Покрова Богородицы будет закрыт, а еще через два года по решению Ленинградского Совета снесен до основания – под предлогом выправления трамвайных путей³³. Чуда не случилось... Россия не смогла побороть нового врага, врага более жестокого, лютейшего всех прежних. По грехам своего народа, отступившего от Бога, она лишилась милости Божьей и Покрова Божьей Матери. Конечно, это произошло не в один день, события 1917 года и последующих лет стали лишь закономерным итогом постепенно развивавшегося в России зла.

В то время, когда в церкви Покрова Богородицы тысячные толпы богомольцев, охваченные одним духовным порывом, проливали слезы умиления перед чудотворными иконами и принимали участие в торжественных праздничных богослужениях, другие толпы того же русского народа, но охваченные совершенно иным духом, «праздновали» по-своему – в пьяном угаре, предаваясь диким дракам и прочим неистовствам. Причем это были не какие-то единичные, из ряда вон выходящие события в отдельных местах, а, судя по тревожным сообщениям печати того времени, повсеместные явления массового характера. Примечательно следующее сообщение в еженедельнике Санкт-Петербургской епархии о событиях, происходящих в губернии в то же самое время, когда в церкви Покрова Богородицы праздновался юбилей:

³² Известия по Санкт-Петербургской Епархии. 1912. № 20. С. 7.

³³ Трамвайные пути так и не были выправлены. На месте храма разбили жалкий сквер, а площадь из Покровской переименовали в Тургеневскую.

«В истекшем октябре земские деятели Санкт-Петербургской губернии собирались для выработки мер борьбы с хулиганством. Хулиганство во всех уездах губернии в одинаково диких формах пьянства, драк, сквернословия, неуважения к старшим, наглого попрошайничества с угрозами кулачной расправы за отказ в подаении, полного презрения к праву собственности, к чести женщин и девиц и ко всему укладу жизни мирных граждан. Есть местности, особенно в фабричных районах или в пригородах, где совершенно не обеспечены ни спокойствие, ни личная жизнь, ни имущественная безопасность населения.

Тьма ополчилась на свет! Злые демоны объявили войну столь ненавистному им добру.

Стонет от хулиганства не одна наша губерния. Редкое земство не озабочено борьбой с хулиганством. Просматривайте в газетах "внутренние известия" и вы легко увидите, что вот Саратовское земство выработало ряд мер борьбы с хулиганством ("Новое Время", №3169) или все уездные земства Псковской губернии твердо установили, что теперь идет самоистребление деревни в силу того, что народился огромный класс деревенских хулиганов, главным образом из среды молодых людей, которые открыто хвастают своим разбоем, бахвалятся разнузданностью и развратом, демонстрируют полную безнаказанность. Нет для них никаких нравственных устоев, никакой власти и авторитета.

Растет страшное ожесточение и бессмысленность преступлений. Врываются в чужие деревни, разносят по бревнам сараи и амбары, душат кур, гусей, режут коров и лошадей, рубят здоровые фруктовые деревья.

Абсолютно ничего святого, полная анархия, атеизм, граничащий с безумным кощунством, — полное растление нравов, грабежи, изнасилования, святотатства и убийства...

Деревенские девки и молодницы открыто исповедуют культ Венеры и отвратительным цинизмом заткнули за пояс своих подруг по ремеслу — городских проституток. Пьянство, курение табака малолетними детьми — будущими хулиганами еще более высокой марки, ибо зло имеет рост, отвратительная ругань этих подростков, — вот ад, где приходится жить деревне!

Несладко живется и хуторянам: их жгут, травят. Душат, мешают им насаждать новую культуру, словно эти хуторяне

находятся в неприятельской стране и вынуждены выдерживать партизанские набеги и осады со стороны одичавшего зверя...»;

«До каких пределов доходит разнузданность пьяной и развратной хулиганствующей оравы, видно из того, что в Островском уезде на расстоянии 45 верст оказалось за 2 праздника — Покрова и Кузьмы-Дамиана — убитыми, ранеными и искалеченными не меньше, чем за сутки на Балканской войне»;

«Да, воистину ужас объемлет душу от грустнейшей картины полного развала деревни!

И не одна деревня объята адским пламенем хулиганства — этого страшного апокалиптического "зверя из мрачных глубин греховной бездны"! Городская хроника пестрит нескончаемыми повестями о злохудожествах озорной этой хулиганствующей братии, алкогольной и босоногой армии, бесчисленных прожигателей жизни, для которых "чрево есть бог" и "вся слава их — в бесстыдстве"!.. Положение вещей трагическое!»³⁴

К прискорбию, чем дальше, тем все больше множилась эта разнузданная, предающаяся гнусным порокам толпа, потерявшая веру и поклоняющаяся лишь своему чреву. Как печально, но точно заметил автор статьи, зло имеет рост. Да еще какой! Через несколько лет подрастут те малолетние будущие хулиганы, о которых с ужасом писали губернские летописцы. Вместе со своими старшими товарищами под руководством осатаневших богоборцев они примутся «злохудожествовать» в еще больших масштабах. И, как прежде разносили по бревнам сараи и амбары работающих сельчан, примутся безжалостно разносить уже всю страну с ее тысячелетней историей и культурой. Они поднимут пядь на все самое святое, попирая веру отцов, оскверняя и разоряя храмы, терзая и убивая пастырей Церкви.

³⁴ Известия по Санкт-Петербургской Епархии. 1912. № 24. С. 4–5.

Революционные события 1917 года, борьба с обновленчеством и первый арест протоиерея Димитрия

Революцию 1917 года в России и дальнейшее ее развитие после захвата власти большевиками многие верующие восприняли в эсхатологическом смысле. Действительно, казалось, что апокалиптический зверь вышел из мрачных глубин преисподней: «И отверзе уста своя в хуления к Богу, хулити имя Его, и селение Его, и живущие на небеси. И дано бысть ему брань творите со святыми, и победите я» (Апок. 13, 6-7). Однако, при всем ужасе наступивших «окаянных дней», более рассудительные верующие предостерегали от поспешных выводов о последнем времени и наступлении конца мира. Отмечали, что последнему зверю, то есть антихристу, власть будет дана над всем миром и на определенный срок – сорок два месяца. Богоборческая же советская власть, при неустанном ее стремлении распространиться на весь мир через мировую революцию, утвердилась лишь в границах несчастной России и на гораздо больший срок³⁵.

Не отвергая апокалиптический характер событий, для правильного понимания происходящего обращались к иной главе Апокалипсиса и в революционных событиях усматривали снятие четвертой печати: «И егда отверзе четвертую печать, слышах глас четвертого животного глаголющий: гряди и виждь. И видех, и се конь блед, и сидящий на нем, имя ему смерть: и ад идяше в след его: и дана бысть ему область на четвертой части земли убить оружием и голодом и смертью, и зверьми земными» (Апок. 6, 7-8). Последующие собы-

³⁵ Именно на это будет ссылаться впоследствии митрополит Сергей в беседе с делегацией духовенства и мирян Ленинграда в 1927 году (об этом подробно ниже).

тия на четвертой части суши, которую занял подменивший собой Россию безбожный Советский Союз, явились почти буквальным исполнением этих строк. Следует отметить следующее отношение к толкованию Апокалипсиса. Как писал новомученик Михаил Александрович Новоселов:

«Не подумайте, что эти апокалиптико-эсхатологические экскурсы я предлагаю в качестве непреложно-догматического толкования данных мест Откровения. Это было бы с моей стороны непозволительным притязанием, безумной дерзостью. Я только провожу пунктирную линию между образами Апокалипсиса и современными церковными событиями, которые невольно обращают мысль к этим пророческим образам, со своей стороны бросающим яркий луч света на данные события»³⁶.

Как бы ни относиться к этим или иным толкованиям Апокалипсиса, трудно было отрицать антихристианский, богоборческий характер новой власти. И чуткие христианские души не могли этого сразу не почувствовать. Позднее это будет осознано соборным разумом Церкви: подробное и развернутое определение богоборческой советской власти дадут в своих трудах архипастыри и пастыри Русской Церкви за границей, а оставшиеся на родине и ушедшие в катакомбы назовут ее коллективным антихристом, предтечей антихриста последних времен. Заметим, что архиепископ Димитрий (Любимов) в своих показаниях на допросах 1930 года назвал советскую власть антихристовой, но затем оговорился, что не совсем правильно выразился, и попросил «заменить слово "антихристовой" на "безбожной", как более точное выражение, а именно "безбожники" — это в полном смысле

³⁶ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / Сост. М. И. Губонин. М. С. 526–527.

отрицающие и Бога, и Христа, а антихристы не признают Христа, но могут признавать Бога»³⁷.

Однако найдется среди церковных пастырей немалое число и тех, кто, вопреки очевидности, не только не признает богоборческий характер новой власти, но, напротив, будет утверждать единство идеалов христианства и социализма, а в революции усмотрит «зарю новой жизни». В то время как патриарх Тихон, истинный архипастырь Церкви, с первых же дней избрания на патриарший престол призывал русский народ вернуться к Богу и Церкви, в покаянии и посте вознести слезные молитвы о своих грехах и о спасении России, эти церковные деятели приветствовали революцию, пропагандировали свои социалистические взгляды и требовали внутрицерковных демократических реформ. Они рвались к церковной власти, желая по своим планам «оживить» и «обновить» Церковь.

Позиция патриарха Тихона и «консервативного», «тихоновского» духовенства была для них совершенно неприемлема. Не принимали они и посланий патриарха, потрясающих по силе и откровенности документов отца и печальника за весь русский народ, в особенности его знаменитое Послание от 19 января 1918 года с анафе-

³⁷ На первый взгляд – это несущественное замечание. Однако безбожие, голый материализм, всецело отрицающий религию, действительно антихристу не нужны, а, напротив, нужна смутная вера в нечто мистическое, сверхъестественное. Поэтому атеизм и уничтожение истинной веры – это лишь первый шаг на пути к его воцарению, а затем должно последовать распространение ложных вер и непосредственная подготовка к принятию антихриста, как «царя» и «бога». Ярким подтверждением этому стали события последних двух десятилетий, особенно на территории бывшего СССР, когда со сменой коммунистического режима внезапно исчез прежний атеизм, а в оставленный им идеологический вакуум хлынул мутный поток всякого рода сомнительной духовности. И в считанные месяцы, по меткому замечанию церковного публициста Московской патриархии, страна «развитого социализма» превратилась в страну «развитого оккультизма».

матствованием гонителей Церкви³⁸. К примеру, критически отозвался на Послание патриарха В. В. Титлинов, профессор Петроградской Духовной академии, в своей статье в воскресной газете «Правда Божия»: «Кто хочет вести борьбу за права духовенства, тот должен не отвергать революции, не отталкивать, не анафематствовать, а просветлять, одухотворять, претворять ее»³⁹.

Подобные взгляды пропагандировались и в других изданиях «прогрессивного» духовенства при руководящей роли созданного в Петрограде «Всероссийского союза демократического православного духовенства». Причем основные участники этого союза вынашивали свои идеи еще со времен первой революции 1905 года. Однако идеи «прогрессивного», обновленческого духовенства поначалу не находили особого отклика в Церкви, и до 1922 года его влияние на церковную жизнь было малозаметно. Более того, по-видимому, в первые годы революции это духовенство, напуганное и растерянное в хаосе гражданской войны, еще не отделяло и не противопоставляло себя «тихоновскому». А один из главных его представителей, талантливый оратор и артистический демагог, протоиерей Александр Введенский, даже вошел в то время в число близких друзей Петроградского митрополита Вениамина (Казанского)

³⁸ Хотя по тексту Послания анафематствовались «творящие кровавые расправы», ни у кого не было никаких сомнений в отношении однозначности этой анафемы, как и у самой власти, расценившей Послание как контрреволюционный акт: «Выражая свое негодование по поводу разнообразных актов пролетарской диктатуры, нагло квалифицирующихся "кровавыми расправами" и "сатанинским делом", послание анафематствует сторонников Советской власти и заклинает всех верных чад Православной Церкви не вступать с такими извергами рода человеческого в какое-либо общение». «Обвинительное заключение по делу граждан: Беллавина...» Акты Святейшего патриарха Тихона. С. 229.

³⁹ Шкаровский М. В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат 1917–1945. СПб., 1995. С. 27.

и сопровождал его во время поездок по епархии, выступая повсюду с яркими проповедями.

В целом духовенство Петроградской епархии в первые годы революции проявило, вопреки ожидаемым раздорам и разладице, удивительную дисциплину и словесную солидарность: «С 1918 по 1922 год не было ни одного случая, за который бы приходилось краснеть и который бы причинял вред Церкви»⁴⁰. Существовала еще одна немаловажная (если не самая важная) причина незначительности влияния обновленцев на церковную жизнь – они еще не имели никакой поддержки властей. Ситуация изменилась в 1922 году, когда боготорческие власти предприняли целенаправленное наступление на Церковь, воспользовавшись удобным политическим моментом. В это время в Поволжье разразился страшный голод: вымирали целые деревни, в некоторых местностях обезумевшие от голода люди поедали своих детей или охотились на прохожих. «Даже по официальным данным советской историографии, голодом было охвачено 22 млн. человек, к маю 1922 года в неурожайных районах Поволжья, Урала, Казахстана, Украины от голода умерло более 1 млн. человек»⁴¹.

Под предлогом сбора средств для голодающих боготорческие власти развернули кампанию по изъятию церковных ценностей, при этом преследуя двоякую цель: с одной стороны, обогатиться за счет ограбления Церкви, а с другой – получить повод для жестоких расправ с церковниками⁴². 26 февраля 1922 года ВЦИКом был издан

⁴⁰ Чельцов Михаил, прот. В чем причина церковной разрухи в 1920–1930 гг. // Минувшее: исторический альманах. М., СПб., 1994. Вып. 17. С. 423–424.

⁴¹ Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг. В 2-х кн. / М. – Новосибирск, 1997. Кн. 1. С. 7.

⁴² Из письма В. И. Ленина членам Политбюро о событиях в Шуе от 19 марта 1922 г.: «Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику, чтобы на несколько десятков лет ни о каком

Декрет об изъятии из храмов всех драгоценных вещей, в том числе священных сосудов и других богослужебных предметов. Патриарх, еще ранее призывавший верующих жертвовать на помощь голодающим, в том числе и церковные ценности, не имеющие богослужебного употребления, осудил изъятие священных предметов. Власти намеренно действовали насильственно, не допуская добровольного пожертвования и провоцируя верующих на сопротивление. Направленные в храмы комиссии вели себя грубо и бесцеремонно. Во многих местах, когда верующие пытались воспрепятствовать грубому поруганию святынь, произошли кровавые инциденты.

Всю вину за это власти возложили на патриарха Тихона и «контрреволюционное» духовенство. Были произведены аресты и начались судебные процессы. В Петрограде кампания по изъятию церковных ценностей также не обошлась без эксцессов, хотя и незначительных. Митрополит Вениамин (Казанский) предпринял все возможное для предотвращения кровопролития. Он вступил в переговоры с властями, призвал народ сохранять спокойствие и подчиняться силе, он позволил даже отдавать церковные предметы, имеющие богослужебное употребление, ризы с икон и сами иконы (кроме чудотворных). Настоятели храмов также старались успокоить народ и порой за свое молчаливое «бездействие» или покорность во время изъятий подвергались упрекам и даже оскорблениям со стороны разгоряченных прихожан, возмущенных бессовестным грабежом храмов⁴³.

В некоторых храмах все же было оказано «противодействие» комиссиям, главным образом со стороны воз-

сопротивлении они не смели и думать». Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг. В 2-х кн. Кн. 1. С. 141–143.

⁴³ Так, например, настоятель Владимирского собора протоиерей Михаил Союзов получал не только упреки, но и, по свидетельству члена Приходского совета, «толчки» со стороны верующих за то, что сам принимал непосредственное участие в передаче церковных сосудов.

мущенных женщин. Однако дальше выкриков и брошенных камней, не причинивших, согласно милицеским сводкам, никому вреда, дело не пошло. Лишь у церкви Спаса на Сенной был избит начальник отделения милиции, да у церкви Путиловского завода изрядно намаяли бока в толпе одному члену комиссии и подбили камнем глаз другому. В целом же, судя по информационным донесениям исполнителей, таких инцидентов было совсем немного, и операция по изъятию церковных ценностей во всех районах города «протекла и закончилась удовлетворительно».

Тем не менее власти обвинили духовенство в сопротивлении изъятию и возбудили дело, по которому привлекли несколько десятков человек, в том числе и немало священнослужителей. Был арестован и настоятель церкви Покрова Богородицы в Большой Коломне протоиерей Василий Акимов, хотя, очевидно, само изъятие, имевшее место 24 апреля 1922 года, прошло относительно спокойно и сведений о каких-либо эксцессах не отмечалось. Но петроградские власти решили провести показательный судебный процесс, как и в Москве, где к групповому процессу в качестве обвиняемого был привлечен и патриарх Тихон, ранее участвовавший на судебных заседаниях в качестве свидетеля. Причем московский процесс завершился смертным приговором для одиннадцати обвиняемых, из них пятеро были расстреляны, а шестеро помилованы и отправлены в лагеря.

Именно в этот момент появляются на сцене, как ее активные участники, обновленцы, действуя не только при поддержке властей, но фактически по их сценарию⁴⁴. Среди главных обновленческих деятелей —

⁴⁴ Еще в марте 1922 года Троцкий «советское» духовенство, названное им сменовеховским, предложил допустить в Помгол и создать раскол среди духовенства на конкретном вопросе изъятия ценностей: «Кампания по поводу голода для этого крайне выгодна, ибо заостряет все вопросы на судьбе церковных сокровищ. Мы должны, во-первых, заставить сменовеховских попов

А. Введенский и другие «прогрессивные» петроградские клирики. Сначала они выступают с так называемым «письмом 12», напечатанным в газете «Правда», в котором обвиняют православное духовенство в равнодушии к голодающим и контрреволюционных взглядах. Затем, вслед за властями, открыто обвиняют патриарха Тихона и его сторонников «в контрреволюционном выступлении против советской власти», назвав их «виновниками пролития крови».

А в мае 1922 года уже непосредственно приступают к «обновлению» Церкви — совершают «революционный» переворот, пользуясь арестом патриарха, захватывают его канцелярию и образуют так называемое Высшее Церковное Управление (ВЦУ), которое провозглашают высшим административным органом в Русской Церкви. Одновременно они выступают с требованием созыва нового Поместного Собора для «суда над виновниками церковной разрухи, для решения вопроса об управлении Церковью и об установлении нормальных отношений между нею и советской властью»⁴⁵. Так что теперь архиереям и пастырям Русской Церкви, помимо внешних открытых врагов, богоборцев, приходится иметь дело с врагами внутренними, своими же прежними собратьями. Налицо были не только раскол и узурпация церковной власти, но и явное предательство и отступничество.

целиком и открыто связать свою судьбу с вопросом об изъятии ценностей; во-вторых, заставить их довести эту кампанию внутри церкви до полного организационного разрыва с черносотенной иерархией, до собственного нового собора и новых выборов иерархии. <...> Мы до завершения изъятия сосредотачиваемся исключительно на этой практической задаче, которую ведем по-прежнему исключительно под углом зрения помощи голодающим. Попутно расправляемся всечехистскими способами с контрреволюционными попами, ответственными за Шую и пр.» Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг. Кн. 1. С. 162–163.

⁴⁵ Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 70.

В Петрограде обновленцы получили сразу же серьезный отпор. Митрополит Вениамин (Казанский) не только не признал самочинное обновленческое ВЦУ, но и отлучил от Церкви главных зачинщиков раскола, петроградских священников Введенского, Красницкого и Белкова. На следующий день после этого, 29 мая 1922 года, митрополит был арестован. Введенский сразу же попытался добиться отмены указа митрополита, об этом подробно писал в своих воспоминаниях протоиерей Михаил Чельцов:

«Введенский, совершенно верно оценивая для дальнейшего роста обновления свое правомочие как свободного от запрещения в священнослужении, собирает в квартире Алексия всех викариев⁴⁶ и требует от них снятия с него запрещения. Викарии вполне резонно отказываются, ссылаясь на общецерковные правила. Введенский требует, Бакаев настаивает и грозит, викарии не сдаются. Не один час толковали. Алексей сдавался на разрешение и склонял к нему прочих викариев. Николай все время молчал, Венедикт сильно, но тактично не соглашался, а Иннокентий резко и категорически отказывал. В конце собрания даже и Николай сказал, что не согласен дать разрешение на священнодействие Введенскому. С этим концом все разошлись по домам.

А наутро, к своему ужасу и удивлению, читают в газетах о снятии запрещения с прот. Введенского епископом Алексием. Было поражено и возмущено этим поступком и все питерское духовенство (я в это время уже сидел в тюрьме), и отношение у него к Алексию из безразличного перешло во враждебное. Духовенство хорошо сознавало, что запрещенный в священнослужении Введенский — бессильный человек в рясе, а так как обновление было почти исключительно его одного дело, то с ним, запрещенным, оно не пошло бы вперед и заблекло; он же, свободный от запрещения, естествен-

⁴⁶ К тому времени в Петроградской епархии было несколько викарных епископов: Ямбургский Алексей (Симанский), Лужский Артемий (Ильинский), Кронштадтский Венедикт (Плотников), Ладожский Иннокентий (Тихонов), Петергофский Николай (Ярушевич).

но, должен был творить обновление и развивать его как свое детище. Таким образом, в конечном выводе оказывалось, что епископ Алексей, снявший запрещение с Введенского, послужил делу обновления в значительной степени, — послужил как самый ревностный сторонник его. Поэтому вина за обновление на Алексии лежит очень великая и ничем не могущая быть оправданной или извиненной.

Впоследствии Алексей оправдывал себя тем, что этот антиканонический поступок допустил только в желании облегчить участь Вениамина: ему-де было обещано это за снятие запрещения Введенскому. Алексею нельзя отказать в уме, и он не мог досообразить, что Введенский запрещенный весьма нуждался в Вениамине и не мог бы допустить его казни, дабы не оставить себя навсегда под запрещением. Введенский, свободный от запрещения, совершенно не нуждался в Вениамине, и последнему требовалось отплатить за запрещение, стерев его с лица земли. Таким образом, Алексей этим своим актом, конечно, бессознательно подвел под расстрел митр. Вениамина⁴⁷. Снял запрещение с Введенского только потому, что испугался угроз и тюрьмы, чем поплатились чуть ли не на другой день после этого снятия активные противники его — епископы Венедикт и Иннокентий»⁴⁸.

Епископ Алексей (Симанский), как старший из викариев после ареста митрополита Вениамина, оказался формально во главе Петроградской епархии. По отношению к обновленческому ВЦУ он занял неопределенную позицию. Он то признавал ВЦУ, то брал это признание назад: «Если бы он заявил о своем непризнании ВЦУ, он немедленно бы разделил участь арестованных своих собратий. Между тем, признав ВЦУ, епископ немедленно восстановил бы против себя епархию, — и, следовательно, власть его все равно оказа-

⁴⁷ После показательного судебного процесса митрополит Вениамин и еще трое подсудимых, архимандрит Сергей (Шеин), Юрий Новицкий и Иван Ковшаров, были расстреляны в ночь с 12 на 13 августа 1922 года.

⁴⁸ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 441–442.

лась бы фиктивной»⁴⁹. В конце июня Алексей отказался от управления Петроградской епархией. Кроме епископа Алексея на свободе оставались епископы Петергофский Николай (Ярушевич) и Лужский Артемий (Ильинский). Последний сразу же безоговорочно признал обновленческое ВЦУ, а Николай, как и Алексей, вел переговоры с ВЦУ, используя тактику «оттягивания».

Ситуация была сложная. Сопротивление обновленцам грозило репрессиями со стороны властей. В это время шел судебный процесс над митрополитом Вениамином и другими священнослужителями и мирянами, обвиняемыми «в сопротивлении советской власти во время изъятия церковных ценностей». 5 июля митрополит и еще девять обвиняемых были приговорены к смертной казни. Обновленческое ВЦУ объявило о «лишении сана» митрополита и других осужденных «за борьбу против государственной власти». Тогда же на Петроградскую кафедру обновленцы «рукоположили» епископа из белого духовенства, Николая Соболева, настоятеля Введенской церкви на Петербургской стороне. 16 июля он прибыл в Петроград и после торжественной встречи совершил молебен в Казанском соборе. 17 июля он отправился в Александро-Невскую лавру. Настоятель лавры, епископ Николай (Ярушевич), встречал его в бывших митрополичьих покоях, облобызался с ним, водил по лавре и пригласил к завтраку. Однако не сослужил с ним и не приглашал к служению.

Затем почти месяц епископ Николай продолжал свою дипломатическую игру с обновленческим архиереем и его Петроградским епархиальным управлением. 11 августа в своем заявлении он просил это управление оставить его в должности настоятеля лавры, но предос-

⁴⁹ Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 140.

тавить ему отпуск на месячный срок⁵⁰. Такая хитрая политика не вызывала одобрения у православного духовенства Петрограда. Непосредственный очевидец и участник церковных событий того времени, иерей Михаил Чельцов отмечал:

«Ни Алексей, ни Николай не смогли остаться в стороне от обновления: они оба признали ВЦУ. Алексей это признание выразил, испросив увольнение от управления епархией у него, Николай — взяв себе от него отпуск. В отставке Алексей недолго пробыл. Почему-то духовенство, обходя бывшего на свободе еп. Николая, снова призвало к управлению Алексея; на каком-то собрании духовенства Алексей и Николай приносили покаяние пред священниками и были приняты от обновления как православные. Этому покаянию пред священниками как-то не верится, но оно было, это утверждают авторитетные из пастырей»⁵¹.

Очевидно, именно эта группа священников убедила наконец епископов Алексея и Николая выступить против обновленчества и подала 26 августа 1922 года заявление в губернский исполком с просьбой о регистрации Петроградской Православной Кафолической Церкви как автокефального религиозного объединения. В этом заявлении среди прочего было сказано о непризнании ВЦУ, как самочинного антиканонического учреждения. Под представленным проектом устава Петроградской Автокефальной Церкви от 1 сентября стояли подписи причта тридцати храмов города, в том числе и храма Покрова Богородицы в Большой Коломне.

⁵⁰ Епископ Николай писал в своем заявлении: «Будучи вполне и безусловно лояльным в отношении ВЦУ и Петроградского епархиального управления...». Авторы «Очерков по истории русской церковной смуты» замечают: «Интересно отметить, что здесь впервые появляется на сцену каучуковый термин "лояльность", который впоследствии сыграл такую огромную роль в истории Церкви двадцатых годов». Левитин-Краснов А., Шавров В. Указ. соч. С. 146.

⁵¹ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 443.

Ответа из губисполкома не последовало. Вместо этого через несколько дней начались аресты православного духовенства, не приемлющего обновленцев. Среди первых был арестован и протоиерей Димитрий Любимов, исполнявший в то время обязанности настоятеля церкви Покрова Богородицы. Отец Димитрий активно противодействовал обновленчеству, а также пытался отстаивать свободу церковных проповедей, которую власти ограничили введением обязательного заявления о разрешении их произнесения. Известно, что 31 августа 1922 года отец Димитрий вместе с другим священником церкви Покрова Богородицы, Николаем Чепуриным, подали в совет Центрального городского района заявление, в котором писали:

«Ввиду того, что проповедь, посвященная наставлению в вере и христианской нравственности, составляет неотъемлемую часть богослужения, без чего богослужение это оказывается неполным и лишенным значительной части своего смысла и наставления... Покровский причт просит совет ЦГР⁵², в отмену ограничения его богослужебно-проповеднических прав, сделанных б<ывшим> 2-м городским районом, разрешить ему постоянное беспрепятственное ведение духовных бесед за богослужениями в своем храме на общем, по законам РСФСР, основании»⁵³.

5 сентября 1922 года отец Димитрий был арестован в числе двадцати священников и мирян по обвинению «в антисоветской деятельности». Основной причиной арестов были их антиобновленческие настроения, а поводом послужил донос инженера Снежкова о существовании некой «подпольной организации попов и прихожан для борьбы с советской властью». О ней ему якобы сообщил настоятель Введенской церкви Димитрий Кратиров, хотя последний категорически отрицал существование подпольной организации и какие-либо разговоры со Снежко-

⁵² Центральный городской район.

⁵³ Шкаровский М. В. Судьбы иосифлянских пастырей. СПб., 2006. С. 63–64.

вым на эту тему⁵⁴. Отец Димитрий Любимов был допрошен по этому делу лишь один раз, 6 сентября 1922 года. На вопрос о «подпольной организации» духовенства в Петрограде он заявил, что ни в каких организациях не состоит и ничего не знает об их существовании:

«— Известно ли вам что-либо о существовании в Петрограде так называемого Комитета помощи пострадавшему при изъятии церковных ценностей духовенству?

— О существовании такового мне ничего не известно, но частным образом мне известно, что в нашем приходе жертвовали прихожане на уплату судебных издержек по приговору суда над бывшим настоятелем нашей церкви Акимовым, который осужден трибуналом на три года, но как производился этот сбор и куда что отдавалось, я хорошо не припомню.

— Знаете ли вы лично священника Пищулина?

— Фамилию слышал, но где он служит, я лично не знаю. И еще раз добавляю, о существовании каких-либо организаций в Петрограде мне ничего не известно. Кроме того, добавляю, что мы, группа духовенства, количества точно не знаю, подавали заявление в Петрогубисполком об оставлении нас независимыми от "Живой церкви", ибо последнюю мы считаем неправославной и пастырей ее незаконными. Но я полагаю, что эта группа есть официальная»⁵⁵.

⁵⁴ Отец Димитрий Кратиров отслужил молебен для болящей жены инженера Снежкова, после чего Снежков угостил его чаем. На следующий день инженер Снежков написал в ГПУ донос: «Он после молебна за чаем развил агитацию, что бороться необходимо с советской властью путем сорганизовывания в подпольную организацию попов и прихожан — для свержения существующего государственного строя. Он заявил, что это уже воплощено в жизнь, и что подобного рода организация существует, и что она держится на строгой конспирации. Считаю, что этот гражданин, как вредный элемент, должен быть изъят из общества, которое нуждается в покое после гражданской войны и в мирном строительстве. Я его не считаю нужным скрывать от ГПУ и делаю это с полным сознанием своего гражданского долга перед народами РСФСР, и желал бы быть обвинителем на суде этих церковников». Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 64.

⁵⁵ Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 65–66.

В тот же день было вынесено официальное постановление о заключении отца Димитрия под стражу. Следствие по групповому делу «участников подпольной организации» завершилось быстро. Уже 13 сентября было утверждено «Обвинительное заключение» на группу из двадцати двух участников, их обвинили в «антисоветской деятельности в рамках религиозного объединения». 14 сентября Петроградский губернский отдел ГПУ постановил: девятнадцать участников, как «крайне неблагонадежных в политическом отношении», выслать на три года в различные губернии⁵⁶, в отношении же трех лиц следствие по делу продолжить.

26 сентября протоиерей Димитрий Любимов был выслан из Петрограда, сначала он отбывал ссылку в городе Уральске, а в начале 1923 года переведен в город Теджен (Туркестан). В ссылку отца Димитрия сопровождала Александра Георгиевна Куликова (1880 года рождения, уроженка Кронштадта, портниха по профессии). Она прожила в семье Любимовых около тридцати лет, в конце 1890-х поступив к ним прислугой. После революции А. Г. Куликова продолжала вести хозяйство отца Димитрия, в дальнейшем была его верной помощницей и «заботницей», подобно другим самоотверженным верующим женщинам того времени, сопровождавшим архипастырей и пастырей в изгнаниях и служившим им в их нуждах. По возвращении из ссылки Александра Георгиевна приняла монашеский постриг с именем Анастасия.

Отец Димитрий был освобожден из ссылки 1 марта 1925 года⁵⁷. В графе о судимости в регистрационной карточке Д. Г. Любимова от 1925 года указано: «Административная высылка с 6 сентября 1922 до марта

⁵⁶ 10 августа 1922 года декретом ВЦИК была введена трехлетняя административная высылка без суда, которая широко и повсеместно применялась к духовенству.

⁵⁷ По постановлению Особого совещания ОГПУ и распоряжению начальника ГПУ города Полторацка.

1925 года»⁵⁸. В конце марта отец Димитрий вернулся в Петроград, 31 марта он получил вид на жительство, а 2 апреля Приходской совет церкви Покрова Богородицы подал заявление в районный отдел «о регистрации служителя культа Д. Г. Любимова, зачисленного единогласно в состав причта храма». Вскоре после утверждения регистрации протоиерей Димитрий стал официально служить в своей церкви.

«Полуобновленчество» и легализация. Архиерейская хиротония протоиерея Димитрия

К тому времени обновленцы уже потеряли свое влияние в Петроградской епархии. Их торжество в начале 1923 года, когда в епархии не оставалось православных архиереев и почти все храмы города оказались в их руках, оказалось недолгим. Хотя большая часть священнослужителей под угрозой арестов и репрессий признали обновленческое ВЦУ, отнятые храмы оставались пустыми, народ, как и повсюду в стране, туда не шел, чувствуя неправду. А помпезно проведенный в Москве в храме Христа Спасителя «собор» обновленцев, провозглашенный ими «вторым поместным собором», на котором изливались верноподданнические чувства перед советским правительством и клеймились «мировая и отечественная контрреволюция» и «лишенный» сана и монашества «бывший» патриарх Тихон, еще больше оттолкнул от обновленцев церковный народ.

Выход из тюрьмы патриарха Тихона в июне 1923 года нанес окончательный удар по обновленчеству. В Петрограде от обновленцев начали отходить храмы и духовенство. В течение нескольких месяцев большая часть петроградского духовенства вернулась к патриарху с покаянием. Во многом этому способствовала энер-

⁵⁸ ЦГА СПб. Ф.7484. Оп. 33. Д. 278. Л. 51.

гичная деятельность епископа Мануила (Лемешевского), направленного в Петроградскую епархию патриархом Тихоном. Арест самого Мануила в феврале 1924 года уже не мог изменить существенно положение в епархии – православие в ней было восстановлено. Кроме того, в епархии пополнился православный епископат: в конце 1923 года вышел из тюрьмы епископ Венедикт (Плотников), были рукоположены новые епископы: Шлиссельбургский Григорий (Лебедев), Колпинский Серафим (Протопопов) и Сестрорецкий Николай (Клементьев), а в октябре 1924 года – Нарвский Сергей (Дружинин). Правда, все они были викарными епископами, и по-прежнему правящего митрополита не было.

В это время теряющие влияние обновленцы пытались примириться с православными, заручившись поддержкой властей. В Петрограде они попытались вступить в переговоры с православными епископами, причем действовали они через протоиерея Николая Чукова, ходатайствовавшего о них перед епископом Венедиктом. Владыка Венедикт крайне отрицательно отнесся к затее примирения с обновленцами и, зная их лукавство, не рекомендовал священникам даже вступать с ними в переговоры. Тем не менее протоиерей Чуков вместе с протоиереем Николаем Чепуриным эти переговоры продолжали и даже составили пункты или положения примирения. После кончины патриарха Тихона 25 марта/7 апреля 1925 года эти переговоры активизировались. В то время обновленцы развернули энергичную подготовку к своему новому «поместному собору», который они собирались провести летом 1925 года, надеясь добиться от православных примирения и совместного участия в нем. Собор, конечно же, они хотели провести на своих условиях, чтобы принять нужные им решения.

Епископ Венедикт и другие архиереи были против переговоров с обновленцами и категорически отвергли пункты или положения примирения, составленные при

участии протоиерея Чукова. Епископ Ладожский Иннокентий (Тихонов), вернувшийся в Петроград летом 1925 года после ссылки, также крайне отрицательно отнесся к подобному «примирению». Тем не менее иереи-«примиренцы», среди которых видную роль играли Василий Акимов и Николай Чепурин, клирики церкви Покрова Богородицы в Большой Коломне, настаивали и добились проведения нескольких совещаний с архиереями. Протоиерей Михаил Чельцов, упоминая о двух совещаниях, отметил, что на втором совещании «ничего доброго не сделали, только перессорились»⁵⁹.

Протоиерей Димитрий Любимов не только не принимал участия в совещаниях с обновленцами, но, очевидно, не разделял и «примиренческих» настроений клириков своего храма. Вероятно, это были первые серьезные разногласия между отцом Димитрием и настоятелем храма, протоиереем Василием Акимовым, с которым он прослужил более четверти века. В ходе дальнейших событий эти разногласия еще более углубились, причем в связи с основным вопросом, так называемой «легализацией» церковного управления. Этот вопрос приобрел особую актуальность после того, как переговоры о «примирении» окончились ничем после Послания митрополита Петра (Полянского)⁶⁰. Власти, не получившие желаемой дезорганизации Церкви через обновленцев, решили добиться этого путем легализации законного патриаршего управления.

⁵⁹ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 436.

⁶⁰ Все колебания и разговоры о примирении прекратились после того, как Патриарший Местоблюститель, митрополит Петр (Полянский), издал 28 июля 1925 года ясное и недвусмысленное Послание, в котором назвал обновленческие живоцерковные собрания самочинными и незаконными, и объявил, что присоединение обновленцев к Православной Церкви возможно только при условии, если каждый из них в отдельности отречется от своих заблуждений и принесет всенародное покаяние в своем отпадении от Церкви.

Переговоры об этой легализации были начаты еще самим патриархом Тихоном, который по вполне понятным причинам пытался добиться хоть какого-то юридического статуса для Русской Православной Церкви, ведь с самого начала революции она не имела никакого легального статуса и фактически была поставлена вне закона в советском государстве. На местах происходили регистрации отдельных приходов, общин верующих, но ни епархиальные, ни центральные церковные органы не были зарегистрированы, не имея разрешения на существование. Архиереи также регистрировались только в качестве служителей культа при общинах и официально имели право только на совершение богослужений⁶¹.

Более того, во время торжества обновленцев в первой половине 1923 года под угрозой существования оказались и «тихоновские» приходские общины, так как, согласно инструкции наркома юстиции, местные органы власти отказывались регистрировать православные общины, не имевшие общения с обновленческим Высшим Церковным Советом (ВЦС). После своего освобождения, ценой «покаянных» заявлений перед советской властью, патриарху Тихону удалось добиться фактической отмены этой инструкции⁶², но до полноценной легализации было далеко. Для получения раз-

⁶¹ «Всякое проявление их власти, административной, а тем более судебной, в глазах советской власти было актом противления ей и даже контрреволюционным. Епископам приходилось таиться. Во всем урезать свое епископствование и, действительно, сводить права лишь к богослужению по церквам. Даже всякая написанная на бумаге резолюция была для них опасна, как наглядный акт их правления. И они должны были избегать их и делать назначения устно, или в частном письме давая о них извещение». Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 434.

⁶² Новая инструкция от 1 июля 1923 года запрещала государственным учреждениям поддерживать какой-либо культ в ущерб другим культам, отменяла принцип обязательности регистрации, что являлось косвенной легализацией «тихоновской» Церкви.

решения на организацию Высшего Церковного Управления патриарху и его ближайшим помощникам пришлось вести дальнейшие переговоры с Тучковым, который настойчиво выдвигал свои условия.

Сначала он требовал примирения и объединения патриарха с новым обновленческим Синодом. Получив твердый отказ, Тучков стал настаивать на включении в состав ВЦУ при патриархе петроградского протопресвитера В. Красницкого, одного из самых беспринципных обновленческих деятелей. Патриарх было согласился на этот невероятный союз, ошеломивший всех, как православных, так и самих обновленцев, и получил в мае 1924 года разрешение на организацию Священного Синода и Высшего Церковного Совета (ВЦС). Однако вскоре, благодаря твердой позиции наиболее авторитетных архиереев⁶³, патриарх отказался от этого своеобразного «троянского коня» Тучкова. Естественно, что теперь не могло быть и речи ни о Синоде, ни о ВЦС, патриарх не имел права даже открыть канцелярию⁶⁴.

⁶³ Например, митрополита Казанского Кирилла (Смирнова). «Еще при жизни Святейшего Тихона в 1924 г. Владыка Кирилл возвращался из Зырянского края, и ему было предписано явиться в Москву к Тучкову, никуда по дороге не заезжая. Однако Владыка Кирилл первым делом все же отправился к Патриарху, который только что подписал согласие принять в общение обновленца Красницкого. На вопрос, зачем Святейший это делает, митрополит Кирилл услышал ответ: "Я болею сердцем, что столько архипастырей в тюрьмах, а мне обещают освободить их, если я приму Красницкого". На это Владыка Кирилл сказал: "Ваше Святейшество, о нас, архиереях, не думайте. Мы теперь только и годны на тюрьмы..." Святейший вычеркнул фамилию Красницкого из только что подписанной бумаги...». «Молитва всех вас спасет». Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского / Сост., предисл. и примеч. О. В. Косик. М., 2000. С. 43.

⁶⁴ Мелкие советские чиновники, типа «уполномоченного по управлению зданиями бывшего Донского монастыря», могли издеваться над патриархом Московским и всея России. Вот один

Переговоры о легализации все же тянулись до самой кончины патриарха, а затем продолжались и при его преемнике, Патриаршем Местоблюстителе митрополите Крутицком Петре (Полянском). Обе стороны были в них заинтересованы, но если патриарх и митрополит Петр путем легализации стремились обеспечить условия для нормальной деятельности Церкви, то богорбоческая власть намеревалась использовать легализацию совсем в других целях. В обмен на разрешение официально оформить административные органы Тучков потребовал от митрополита Петра согласиться на: «1) издание декларации определенного содержания; 2) исключение из числа Управления неугодных власти епископов; 3) осуждение заграничных епископов; 4) в дальнейшем определенный контакт в деятельности с правительством в лице Тучкова»⁶⁵. Владыка Петр категорически отказался принять эти условия, вскоре он был арестован и выслан.

В 1926 году Тучков продолжил переговоры с заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским), который с ноября 1925 года, по завещанию митрополита Петра, оказался во главе

из примеров: «Декабрь 5, 1924 г. Василию Ивановичу Белавину. Мною неоднократно Вам сообщалось, что Вы никакими юридическими правами не пользуетесь иметь в своей квартире канцелярию, но до сего времени масса приходящих посетителей в б<ывший> Донской монастырь спрашивает не Вас лично, а Вашу канцелярию. Последний раз предупреждаю, если мною будут обнаружены канцелярские занятия и прием, кроме Вас, другим духовенством, я вынужден буду об этом сообщить в милицию, а также опечатать Вашу комнату, дабы снять с себя всякую ответственность перед административно-судебными властями за нарушенный Вами порядок». Вострышев М. Патриарх Тихон. М., 2004. С. 285.

⁶⁵ Обзор главных событий церковной жизни России за время с 1928 года до наших дней. // Выписки из журналов Архиерейского Синода, переписка с патриархом Московским Тихоном, митр. Евлогием и другими о положении Православной Церкви в Советской России. ГАРФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 2.

церковного управления. Митрополит Сергей составил проект декларации, разослал его всем епископам для ознакомления и только после этого, убедившись, что епископы, а с ними и вся Церковь солидарны с его проектом, в июле 1926 года передал его Тучкову. Но такой проект – где при всей лояльности к власти твердо отстаивалась духовная свобода Церкви – совсем не устроил власти, и Тучков потребовал большего. В это же время для дезорганизации Церкви через местные органы ГПУ власти стали навязывать отдельным епархиям и округам сепаратные легализации на своих условиях.

Так и в Петрограде ОГПУ начало переговоры о легализации с упомянутой выше группой «примиренческого» духовенства во главе с клириками Николаем Чуковым и Николаем Чепуриным. К тому времени в епархии были арестованы и высланы из Петрограда в Сибирь епископы Венедикт (Плотников), Серафим (Протопопов) и Иннокентий (Тихонов). На свободе остались епископы Григорий (Лебедев), временно управляющий епархией, и Сергей (Дружинин).

В конце 1925 года епископ Григорий убедил принять архиерейский сан отца Димитрия Любимова. Принимая архиерейский сан в такое сложное время, отец Димитрий, очевидно, понимал, какое тяжкое бремя служения ему предстоит в его преклонных годах – ему тогда шел уже шестьдесят девятый год. Ибо не почести и привилегии, как прежде в православной империи, а скорби и поругания во враждебной окружающей действительности богоборческого государства ожидали носителя этого высокого церковного сана.

Точная дата архиерейской хиротонии владыки Димитрия неизвестна. Рукоположен он был с титулом Гдовский, как викарий Петроградской епархии. Извещение в регистрационный стол о возведении его в сан епископа было подано 16 января 1926 года⁶⁶. Судя по

⁶⁶ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 278. Л. 116.

записям отца Михаила Чельцова, архиерейскую хиротонию провел в Нижнем Новгороде митрополит Сергей в конце декабря 1925 года. Когда и при каких обстоятельствах был совершен монашеский постриг отца Димитрия, также точно не известно⁶⁷. Существует мнение, однако документально ничем не подтвержденное, что постриг был совершен в Даниловом монастыре, причем отцу Димитрию было оставлено то же имя, но другого небесного покровителя – великомученика Димитрия Солунского вместо святителя Димитрия Ростовского.

Через несколько дней после Рождества 1925 года, по новому стилю в январе 1926, епископ Димитрий вернулся в Петроград. Епископ Григорий предоставил ему Гдовский и Ладожский уезды, а также бракоразводные вопросы по епархии. О их частных встречах и положении в епархии протоиерей Михаил Чельцов писал:

«Епископ Димитрий на правах не столько епископа, сколько близко ставшего к Григорию человека, часто бывал у Григория, как и Григорий у него, и они как-то так управляли епархией, что мы ничего не знали и не понимали — да, сказать по правде, мало интересовались ими и их делопроизводством... При Григории жизнь епархиальная шла тихо и спокойно. С обновленцами не входили ни в какие сношения, большими делами не задавались. Но авторитет и влияние Григория как-то росли, к нему влеклось и духовенство. Ему сочувствовали, и с ним любили беседовать и служить»⁶⁸.

5 апреля 1926 года епископы Григорий и Димитрий подписали документ, в котором выразили свою под-

⁶⁷ Историк Шкаровский М. В. пишет о том, что отец Димитрий был пострижен в монашество и возведен в сан архимандрита митрополитом Сергием, и им же с его сомолитвенниками, в числе коих был и епископ Алексей (Буй), хиротонисан в епископский сан 30 декабря 1925/12 января 1926 года, однако не указывает источник этой информации. Шкаровский М. В. Судьбы иосифлянских пастырей. СПб., 2006. С. 67.

⁶⁸ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 438–439.

держку митрополиту Сергию, признав закономерность его вступления в права заместителя Патриаршего Местоблюстителя, и одобрили его линию поведения в отношении григорианского Высшего Церковного Совета⁶⁹. Весной 1926 года в Петроград из ссылок вернулись епископы Николай (Ярушевич) и Алексей (Симанский), как более старшие по хиротонии, они стали претендовать на главенство в епархии. Положение епископа Григория в качестве временного управляющего их не устраивало, так что отношения между ними установились довольно напряженные, и они собирались посетить и говорить с митрополитом Сергием. Епископ Григорий, узнав об этом, написал тому письмо, в котором выразил желание быть освобожденным от управления епархией. Никто не одобрил это письмо, да и сам епископ Григорий вскоре раскаялся, но было уже поздно. Из Москвы епископы Алексей и Николай вернулись с резолюцией об освобождении Григория от управления епархией и назначении временным управляющим самого Алексия.

С лета 1926 года епископ Алексей стал служить в кафедральном храме Воскресения на Крови, где настоятелем был протоиерей Василий Верюжский. Но скоро духовенство разочаровалось в Алексии, протоиерей Михаил Чельцов утверждал, что первым «определенно и катего-

⁶⁹ ВВЦС под председательством архиепископа Екатеринбургского Григория (Яцковского) был создан 9/22 декабря 1925 года. Двенадцать архиереев после ареста Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Полянского) собрались в Донском монастыре, приняли решение образовать этот Совет для ведения текущих дел в Церкви и подготовки Поместного Собора. Тем самым они не признали заместительские права митрополита Сергия. Митрополит Сергей отстаивал свои права на возглавление Церкви на основании завещания митрополита Петра и не только не признал григорианский Совет, но и подверг всех его членов запрещению в священнослужении. Большинство российских архиереев поддержало митрополита Сергия, не без оснований восприняв ВВЦС как очередную разработку ОГПУ.

рически высказался против него», в основном за «его величайшую вину против Церкви и митрополита Вениамина, и за его громадную услугу обновлению». Эти обвинения стали распространяться по епархии, «пошли толки, что Алексей как был, так и остался обновленцем, что им руководит группа обновленцев». Внешние обстоятельства, «как нарочно, способствовали утверждению и распространению этих слухов», и все больше священников и мирян стало противиться епископу Алексею, о чем ему стало известно. И он для укрепления своего положения стал приближаться к «обновленческой» группе священнослужителей во главе с Николаем Чуковым:

«Чуков, а потом Павел Антонович Кедринский были вызываемы в ЧКа, там с ними любезно говорили, выказывали недоумение, почему мы живем без легализации, что такое положение, естественно, возбуждает советскую власть на всякие подозрения против нас и особенно против епископов наших; почему духовенство принимает и держится таких епископов, как Димитрий Любимов, известный черносотенец, почему духовенство не может и не желает само взять управление епархией в свои руки; что такое управление советская власть непременно бы признала и легализировала, — в конце концов, предложили им начать дело о легализации в масштабе пока только местном епархиальном, обещав помощь и дав надежду»⁷⁰.

Эти переговоры с ОГПУ, в дальнейшем с участием епископа Алексея, вызвали еще большие подозрения. Ничего доброго не ждали от властей, а тем более от переговоров с лицами, которых подозревали в скрытом обновленчестве. Начались ходатайства к митрополиту Сергию с просьбой назначить в Петроград правящего архиерея из авторитетных старейших иерархов и удалить Алексея. Однако осуществить это было непросто. Многие архиереи, кому предлагалось назначение на

⁷⁰ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 443–444.

Петроградскую кафедру, отказывались, опасаясь высылки и прочих скорбей, связанных с видным, но весьма беспокойным положением во главе этой епархии. Тогда митрополит Сергей позволил петроградским клирикам самим подыскать себе епископа. В конце концов возглавить епархию согласился архиепископ Иосиф (Петровых).

Назначение на Петроградскую кафедру владыки Иосифа (Петровых) и его последующее удаление. Объединение епископов Григория (Лебедева), Димитрия (Любимова) и Сергея (Дружинина)

Назначение митрополита Иосифа на Петроградскую кафедру имело большое значение в развитии дальнейших событий. Этому назначению во многом способствовал настоятель кафедрального Воскресенского собора, протоиерей Василий Верюжский. Он был ранее знаком с владыкой и приглашал его служить в своем храме, когда тот бывал проездом в Ленинграде. Еще в начале 1926 года, по свидетельству Никифора Стрельникова, протоиерей Василий встречался с митрополитом Иосифом на квартире Дмитрия Варганова⁷¹ и уговаривал владыку стать митрополитом в Ленинграде. При этом он утверждал, что управление епархией владыкой Иосифом сразу же «положит конец намечавшемуся тогда среди духовенства Ленинграда сдвигу на прогрессивную платформу»⁷². А летом протоиерей Василий специально ездил в Нижний Новгород к митрополиту Сергию и просил его назначить владыку Иосифа

⁷¹ Дмитрий Петрович Варганов – купец, земляк митрополита Иосифа, в его квартире владыка останавливался в Петрограде. Упоминался в донесениях ОГПУ как активнейший церковный деятель.

⁷² Архив УФСБ СПб. Д. П-83017. Т. 1. Л.178–179.

митрополитом Петроградским⁷³. Посольство это увенчалось успехом, и 29 августа (11 сентября) 1926 года Петроградская епархия встречала нового митрополита:

«Митрополит Иосиф был известен, и то очень немногим, небольшому кругу духовенства и отчасти мирян. Но назначение его было встречено с большой, даже восторженной радостью. Ну, думалось, наконец-то мы опять с настоящим архиереем, наконец-то прекратятся архиерейская рознь и скачки на первенство, наконец-то наступит мало-помалу порядок в наших делах и взаимоотношениях. Так мы думали и наивно думали, мы забывали ужасного нашего врага: советскую власть, которая не могла нас оставить хотя бы при малом благополучии, — да и мы при нашей наивности допустили грандиознейшую нетактичность»⁷⁴.

Собор Александро-Невской лавры ранее был в руках обновленцев, но к концу августа был возвращен православным, что вызывало огромную радость прихожан. К тому же приближался и престольный праздник, перенесение мощей св. Александра Невского, 30 августа, так что торжество в этот день увеличивалось. К двум торжествам решили приурочить еще и третье, гораздо большее — встречу и первое служение прибывающего митрополита, давно желанного. Это само по себе способно было собрать в соборе массы верующих, а при соединении с первыми двумя праздниками получилось торжество величайшее:

«Духовенство за всенощной и литургией присутствовало почти все; народу-богомольцев было до чрезвычайности

⁷³ В документах Синода митрополита Сергея употреблялся титул «Ленинградский», но сторонники митрополита Иосифа продолжали именовать его «Петроградским». И в дальнейшем иосифляне не признавали переименование города и подчеркнуто продолжали называть его не Ленинград, а Петроград или Питер; как и в отношении переименованных улиц.

⁷⁴ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 448.

много, запружена была вся площадь перед собором. Кажется, весь православный Питер перебивал в эти службы все-нощной и литургии в лавре. Восторгам и умилению не было пределов, радость слышалась отовсюду и виделась на лицах, разговоры лились самые оживленные и молитвенно Богу благодарные.

Да и сам митрополит Иосиф внушал к себе, с первого же взгляда на него, симпатию и доверие. Высокий ростом, несколько сутуловатый, с седеющей длинной бородой, нависшими бровями, умными приятными глазами, совершенно аскетического облика монах привлекал к себе и нравился; в богослужении у него не было ничего вычурного: просто и молитвенно. Симпатия к нему развивалась от отзывов о нем людей, выдавших и говоривших с ним. Отзывались о нем как об истинном монахе, добром человеке, горячем молитвеннике, отзывчивом к нуждам и горестям людским; хотелось быть около него, слушать его... И нам, духовенству, казалось, что именно его-то нам и нужно, что именно он-то и может проявлять тот авторитет, который обязывает к послушанию, отклоняет от противления, научает порядку, дисциплинирует одним взглядом, — словом, что с ним-то начнется у нас настоящая жизнь, что будет у нас Владыка Отец. Но человек предполагает, а Бог располагает»⁷⁵.

По завершении первой службы митрополит Иосиф выехал из Ленинграда за вещами, затем был вызван в ОГПУ, где ему было отказано во въезде в Ленинград и предложено выехать в Ростов Ярославский. Тогда владыка назначил временным управляющим епархией епископа Гавриила (Воеводина), который до того не служил и жил на положении частного лица у родных. Тем временем епископ Алексей (Симанский), переведенный в Новгород, добился разрешения остаться в Ленинграде и стал служить в тех церквях, где причт поддерживал его. Епископы Григорий (Лебедев) и Димитрий противились этому служению, опасаясь, что сторонники Алексея добьются его назначения митрополитом.

⁷⁵ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 448–449.

Примечательно, что именно духовенство, группировавшееся вокруг Алексия, вело переговоры с ОГПУ по поводу легализации Епархиального управления. И оно же настоятельно пыталось добиться от митрополита Иосифа согласия с условиями этой легализации, а через две недели после его отъезда потребовало «заявить в Административный отдел о солидарности с запиской», в которой ему предлагалось принять следующие условия: выбирать vikariev, приемлемых для власти; оставаться нейтральным среди группировок духовенства; оставить vikariev епископа Алексия; дать указание поминать себя митрополитом «Ленинградским», от чего отказывались «правые»⁷⁶. Очевидно, от митрополита не добились нужного, и он не только не остался нейтральным, но поддержал «правых».

Как правящий архиерей, митрополит написал письмо с запрещением архиереям других епархий служить в храмах Ленинграда без разрешения его заместителя, епископа Гавриила (Воеводина). Вероятно, это письмо было получено через протоиерея Никифора Стрельникова, ключаря храма Воскресения на Крови, который по поручению протоиерея Василия Верюжского ездил к митрополиту Иосифу в Ростов в октябре 1926 года, чтобы узнать – «вернется или нет в Ленинград митрополит Иосиф»⁷⁷, а если не вернется, то какие указания надо передать его заместителю, архиепископу Гавриилу. Епископ Алексей, не обращая внимания на распоряжение митрополита, продолжал служить в храмах Ленинграда. Духовенство волновалось, стали распространяться слухи, что владыка Иосиф уже не вернется, что Алексей скоро снова будет назначен сюда правящим с титулом митрополита.

Духовенство стало требовать от архиереев исполнения распоряжения митрополита Иосифа, так как, не-

⁷⁶ Антонов В. В. Священномученик митрополит Иосиф в Петрограде. / Возвращение, № 4, 1993. С. 48.

⁷⁷ Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 179.

смотря на удаление от епархии, его считали правящим, и имя его, как правящего, продолжало произноситься: «И произношению его имени за богослужением все мы придавали большое значение – значило оно, что у нас все-таки есть правящий митрополит, а поэтому все поползновения друзей Алексия и К^о провести Алексия к нам в митрополиты должны будут оставаться в области лишь мечтаний»⁷⁸. На первый взгляд эта борьба между двумя группами духовенства представляется обычными конфликтами на почве личных симпатий и антипатий к тем или иным архиереям.

Но на самом деле она имела более глубокие причины, о которых позднее на следствии показал протоиерей Василий Верюжский: «Алексия Симанского и Николая Ярушевича считали склонными к обновленчеству и чуть ли не агентами власти. Вот в этой боязни проникновения безбожной власти в Церковь, в особенности через Алексия Симанского, сделавшегося правящим епископом, и крылась причина борьбы, поднятой против него»⁷⁹. Так что возникновение групп: Григорий–Димитрий и Алексей–Николай⁸⁰, – и размежевание между ними было связано не с взаимоотношениями личного характера, а с церковными принципиальными вопросами. Ярким подтверждением тому явилось присоединение к Димитрию епископа Сергия (Дружинина):

«За это время объединились Григорий с Димитрием, у них завелась дружба при единомыслии по разным церковным вопросам. В это же время отшлифовалось противление Алексию и Николаю с антипатией к ним обоим. Сергий, в силу его близости к Верюжскому и ко мне, также более примыкал к кружку Григория, хотя лично имел большие основания враждовать с Григорием и тянуться к Николаю с Алексием. Григорий долгое время не признавал епископства Сергия,

⁷⁸ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 452.

⁷⁹ Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 260.

⁸⁰ Имеются в виду Григорий (Лебедев)–Димитрий (Любимов) и Алексей (Симанский)–Николай (Ярушевич).

не принимал его лично, откровенно называл его архиереем-мужиком, невеждой. С Николаем же, в бытность его в ссылке, Сергей был в переписке, иногда посылал ему кое-что туда и пользовался от него заметной ответной благосклонностью. Казалось, и теперь в этом епископском раздвоении Сергей должен был быть на стороне Николая, но практическая смекалка и близость к кружку лиц, не признающих Алексея, поставила Сергия в ряды Григория»⁸¹.

Следует заметить, что в «ряды» именно этой группы архиереев поставила епископа Сергия (Дружинина), вопреки личным симпатиям, не практическая смекалка, а верность истинному православию, что и подтвердили все последующие события, которые также ясно показали, что разделение петроградского духовенства на упомянутые группы и их противостояние явилось разделением и противостоянием двух церковных направлений: строго церковного, бескомпромиссного – и полубо обновленческого, соглашательского.

В начале Великого поста 1927 года в Ленинграде был арестован епископ Григорий (Лебедев), а в конце поста епископ Гавриил (Воеводин). В апреле 1927 года временным управляющим епархией на время отсутствия митрополита Иосифа был назначен епископ Николай (Ярушевич). Епископы Димитрий (Любимов) и Сергей (Дружинин) держались от него в стороне, вернувшийся с Соловков в сентябре 1926 года епископ Серафим (Протопопов) также находился в общении с ними и вдали от Николая, однако, по свидетельству отца Михаила Чельцова, епископ Николай ничего не предпринимал в отношении их и не обращался к «проалексиевской» группе Чукова: «Далеко он себя держал и от обновленцев, так что даже самые ярые враги его не могли его в чем-либо заподозрить».

Как ни странно, но отец Михаил не упоминает о том, что епископом Николаем (Ярушевичем) 26 августа

⁸¹ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 447.

1927 года было подано заявление в Административный отдел ОГПУ с просьбой зарегистрировать Епархиальное Управление Православной Церкви в составе: его, как управляющего епархией, викарных епископов Колпинского Серафима (Протопопова) и епископа Гдовского Димитрия (Любимова), а также временный Совет в составе шести протоиереев: Василия Верюжского, Николая Чукова, Николая Виноградова, Сергия Боголюбова, Михаила Чельцова и Василия Яблонского при секретаре Алексии Западалове (по-видимому, в то время было достигнуто примирение между группами петроградских священнослужителей). Власти рассматривали это заявление до ноября 1927 года, а когда 14 ноября Епархиальный совет был все-таки зарегистрирован Леноблс-полкомом, то в его составе не оказалось епископа Димитрия, а во временном Совете – протоиереев Василия Верюжского, Сергия Боголюбова и Алексия Западалова⁸².

Декларация митрополита Сергия (Страгородского). Отношение к ней петроградского духовенства

В декабре 1926 года митрополит Сергий (Страгородский) был арестован и препровожден во внутреннюю тюрьму ОГПУ на Лубянке. В апреле 1927 года его выпустили, и он получил право жить в Москве, которым он «не пользовался даже до ареста». В мае он собрал на совещание нескольких архиереев, составивших Временный Патриарший Священный Синод, и 20 мая деятельность этого Синода была разрешена властями. 16/29 июля 1927 года совместно с членами своего Си-

⁸² Об этом содержится информация в донесениях Ленинградского ОГПУ в Москву. «Совершенно секретно. Срочно. Лично Тов. Тучкову». Донесения из Ленинграда в Москву, 1927–1928 годы / Публикация, вступление и примечания А. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 10. М., Изд-во ПСТБИ, 2002. С. 365–366.

нода митрополит Сергей выпустил «Послание к пастырям и пастве», получившее в дальнейшем известность как Декларация 1927 года. Послание было разослано по всем епархиям и приходам и затем опубликовано в «Известиях ЦИК» от 19 августа 1927 года. В Декларации митрополит Сергей сообщал о создании Временного Синода и его легализации и выражал благодарность «Советскому Правительству за такое внимание к духовным нуждам православного населения». Надеясь на легализацию церковных управлений на местах и на введение церковной жизни в мирное русло, митрополит Сергей призывал церковных деятелей:

«Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской Власти, могут быть не только равнодушные к православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которых оно дорого как истина и жизнь, со всеми его догматами и преданиями, со всем его каноническим и богослужебным укладом. Мы хотим быть православными и в то же время сознать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное Варшавскому⁸³, сознается нами как удар, направленный в нас. Оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданами Союза "не только из страха, но и по совести", как учил нас Апостол (Рим. 13,5)»⁸⁴.

Упоминание Варшавского убийства в Декларации не случайно. Несмотря на желание и неоднократные попытки митрополита Сергея и его последователей истолковать ключевые слова Декларации о «радостях» и

⁸³ Убийство на Варшавском вокзале русским гимназистом Борисом Ковердой советского полпреда П. Л. Войкова, как одного из организаторов расстрела царской семьи в Екатеринбурге.

⁸⁴ Акты Святейшего патриарха Тихона... С. 510–512.

«горестях» в смысле радостей и горестей страны, а не советской власти, заявление о Варшавском убийстве как ударе, направленном в православных, ясно показывало действительный смысл этих «радостей» и «горестей», не оставляя места никаким другим толкованиям. Замечательно по своей точности и глубине высказывание по этому поводу протоиерея Льва Лебедева:

«Просто так Дьявол ничего не дает, все дается им только при условии известного договора — за душу! И такой чудовищный договор был заключен. Он нашел свое первое и очень откровенное выражение в знаменитом Послании ("Декларации") Митрополита Сергия 1927 года. Давно известно, что в этом документе выражалась не просто и не только гражданская лояльность Церкви государству (выражения простой лояльности делались и св. Патриархом Тихоном). В "Декларации" Сергия впервые в мировой истории Церкви заявлялось о полном духовном братании Церкви Христовой с откровенным наглым антихристовым режимом. "Радости и успехи (этого режима) — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи", — говорилось в "Декларации". И чтобы никто не думал, что это простая политическая лояльность, признание Советской власти постольку поскольку, как Божия попущения, а именно — полное духовное братание, тут же давался интересный перечень тех бедствий режима, которые Церковь, по Сергию, рассматривает и своими бедствиями, или "ударами в нас", то есть в Церковь, как выражалась "Декларация". В числе таких "ударов" обозначено "убийство из-за угла, подобное варшавскому". До сей поры, кажется, никто не обратил должного внимания на этот своеобразный "пароль", секретные слова Сергия оголтелым антихристам. Под "варшавским убийством" имеется в виду убийство русским патриотом Борисом Ковердой большевистского дипломата Войкова (он же — Пинхус Лазаревич Вайнер) в 1927 году. Теперь не все знают, кто такой был Вайнер (он же — Войков), а тогда, в 1927, все, в том числе и Митрополит Сергий, прекрасно знали, что он один из самых главных организаторов убийства Царской Семьи... Так, прикровенно, косвенно, но достаточно определенно для по-

нимающих Сергей давал понять, что Церковь едина с большевиками во всех их преступлениях, начиная с главного — с цареубийства. Все управление Церковью, всеми Ее внутренними делами, то есть всей жизнью, отдавалось сергианским церковным руководством в руки заведомых и беспощадных врагов Церкви. Но так, что воля этих врагов исполнялась как воля и решение церковной иерархии... Все это — в обмен на "легальное существование" церковной власти в центре ("патриархия") и обещание разрешить церковную власть на местах (епархиальные управления)»⁸⁵.

Вот такой ценой была достигнута легализация высшего церковного управления, о которой столь долго шли переговоры и которая на самом деле ничего, кроме потери духовной свободы, Церкви не принесла. Как справедливо отмечал очевидец событий, автор церковного документа 1930 года:

«Получая легализацию, Церковная организация вступала в известные договорные, конечно несчастные, отношения с правительством, принимая на себя ряд обязательств. Права, полученные ею при этом, как показала история, не выходили за пределы тех, кои предусмотрены советским же законодательством, т. е. фактически Церковь не получала ничего, обязательства же, даваемые Ею, были громадны. Она допускала, признавала право правительства регулировать свою внутреннюю жизнь, т. е. фактически вступала в такие отношения с правительством, которые напоминают положение Государственной Церкви, с наличием всех привилегий государства, предусматриваемых этим положением, и при отсутствии таковых для Церкви.

Всякий дальновидный и сознательный ум не может не понимать, что Советское государство, приобретая права вмешиваться во внутреннюю церковную жизнь, не может использовать их иначе как в интересах разрушения Церкви, а поэтому признание Церковью этих прав равносильно самоубийству...

⁸⁵ Лебедев Лев, протоиерей. Границы Церкви. Сентябрь 1996. [www/monarchist-spb.narod.ru/library/Lev_Lebedev/](http://monarchist-spb.narod.ru/library/Lev_Lebedev/); Православное Обозрение, СПб., 1998, № 2.

Однако церковные деятели, соблазняясь легализацией, думали, что им удастся перехитрить советскую власть, что, приобретя права легальной организации, они сумеют парировать влияние советской власти на церковную жизнь, так что оно не даст своих разрушительных для Церкви последствий. Так думал митрополит Сергей, так думали, между прочим, и деятели Украинской автокефалии. Однако история показала всю немощь их рассуждений. Сказавши А, принимая обязательства легализации, они вынуждены были сказать и В, и затем С! Это было исторически неизбежно. Митрополит Сергей, издавая Декларацию, может быть, полагал, что она ни к чему не обязывает его. Однако через год он вынужден был поминать в храмах власть, которая гонит веру, а через 2 года вынужден был в своих знаменитых интервью произнести величайшую клевету на Церковь, на себя самого, сорвав с Церкви Ее мученический венец и втопав его в грязь у ног безбожия»⁸⁶.

Все это сразу почувствовали чуткие православные души, увидев в Декларации неприемлемое для православной совести подчинение Церкви безбожному государству. Последовали протесты. Многие пастыри отослали Декларацию обратно автору, посчитав невозможным даже огласить текст своим пасомым. В Петроградской епархии, по свидетельству Михаила Чельцова, происходило следующее:

«В жизни епархии ничего особенного не произошло, все было видимо спокойно. Но вот в августе месяце стало известно пресловутое послание митр. Сергия от 16 (29) июля 1927 года. Ему предшествовали самые разнородные слухи. По одним — состоялось-де примирение советской власти с Церковью, все находящиеся в тюрьмах и во изгнании получают скоро возможность вернуться в свои епархии, власть-де сдалась. По другим — власть настояла пред Сергием и заставила его примириться с обновленцами, как эти хотели; надо ждать больших неприятностей для Православия. Вышедшее посла-

⁸⁶ К вопросу о положении Православной Церкви в СССР. ГАРФ. Ф. Р-6343. Оп. 1 Д. 263. Л. 139–140.

ние поразило громадное большинство верующих. Против трех основных мыслей его — о необходимости легализации церковного управления, о естественности для нашего заграничного духовенства отказаться от резких выступлений против советской власти и о желательности созыва Поместного Всероссийского Собора — возражать было нечего, это все принималось почти всеми. Но тон послания — какой-то угоднический и не церковный, его многие слова и даже целые выражения не столько резали ухо, сколько возмущали ум и чувства.

Виделось, что церковная власть снова связала себя со светским правительством, подчинила себя ему, теряя свою свободу. И за что же? Пока только за учреждение и легализацию митр. Сергия и при нем состоящего Синода. Но что это за Синод? Имена членов его никому из нас ничего доброго не предвещали: все это имена викариев или неизвестных епископов. А нахождение среди них имени Алексия, бывшего нашего викария, а теперь архиепископа Хутынского, настраивало громадное большинство из нас против Синода»;

«Не знаем, с каким препроводительным наказом было передано из Москвы нашему Николаю (Ярушевичу) послание, будто бы, — как потом сам Николай говорил у нас на празднике в сентябре, — на усмотрение настоятелей храмов: хотят — читают, не хотят — не читают. Хорош наказ! Настоятель — к ответу, а митр. Сергий — в стороне. Николай также молчаливо распространял по церквям это послание; он его без письма и без слов пересылал к благочинным: как хотят, так и поступают. Так, наш благочинный, придя на квартиру, увидал у себя на столе это послание — по количеству церквей его округа, — принесенное и оставленное какой-то женщиной.

Благочинные приняли и разослали — опять без всяких слов — на усмотрение и ответственность настоятелей. Надлежащий порядок вещей — настоятель руководствуется и наставляется от епископа, а здесь епископ — в стороне, лишь наблюдает, что сотворит настоятель и что потом с ним сотворят прихожане или власть»⁸⁷.

Один из благочинных, иерей Сергей Тихомиров, служивший в церкви Воскресения Христова на Петро-

⁸⁷ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 455–456.

градской стороне, отослал Послание назад к епископу Николаю и отказался от благочиния. Иерей Николай Чуков после всенощной повел беседу на тему обстоятельств церковной жизни, вызвавших это Послание: «И, Боже мой, какой шум и гвалт поднялся в церкви! Громадное большинство было против чтения и по существу против послания. Досталось и бедному Чукову»⁸⁸. Такой прием Посланию, естественно, заставил многих священнослужителей быть более осторожными: кто-то просто не стал его читать совсем, кто-то читал его с большими пропусками, кто-то передавал его своими словами.

Но тут выступили обновленцы, причем как против митрополита Сергия, «выпустившего-де послание с целью замазать рот большевикам», так и против питерского духовенства, «в своем контрреволюционерстве доходящего-де до ослушания своего митрополита»⁸⁹. Тогда уж епископу Николаю пришлось дать распоряжение о необходимости прочтения Послания по церквям. Но, независимо от того, читалось ли это Послание или не читалось, настроение у питерцев было резко отрицательное и против митрополита Сергия, но в гораздо большей степени против епископа Николая:

«Православие их, особенно первого, было взято под сильное подозрение, доверие к ним было подорвано. Духовенство наше, если и читало послание, все было против него. Викарии также не сочувствовали ему, и обнародование его ставили в вину еп. Николаю: он-де знал неизбежность народного смущения от него, а поэтому должен был отклонить чтение его по церквям»⁹⁰.

Между тем митрополит Сергей, зная и о смущении, вызванном в Церкви Декларацией, и о несогласии и не-

⁸⁸ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 456.

⁸⁹ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 457.

⁹⁰ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 457.

приятии ее в целом ряде епархий, подобно Петроградской, и не думал от нее отказываться или пересматривать, он стал деспотичен и, не считаясь с мнением духовенства, пошел теперь «на величайшее смещение кесарева и Божьего, на полное отдание последнего в жертву первого»⁹¹. И это было неизбежно, поскольку, получив легализацию на условиях богоборческой власти, митрополит Сергей вынужден был эти условия выполнять – не прислушиваясь к соборному голосу Церкви, строго следовать инструкциям:

«Сергий осуществлял совершенно ясно принцип Тучкова: ссыльные епископы в большинстве увольнялись на покой, возвращающиеся из ссылок за отбытием срока или вообще "малонадежные", с точки зрения Соввласти, — назначались на кафедры на далекие окраины. Что же касается наиболее влиятельных и центральных кафедр, то туда назначались либо новые люди, либо те, кто во всеуслышание выражал свою готовность на принятие всех условий и на верность принципам Декларации»⁹².

Именно так и произошло с Петроградской кафедрой. Правящий архиерей, митрополит Иосиф (Петровых), которого власти не допускали в его епархию с осени 1926 года, был удален от своей паствы – постановлением Синода митрополита Сергея от 12 сентября 1927 года владыка Иосиф был перемещен в Одессу.

⁹¹ Обзор главных событий церковной жизни России за время с 1925 года до наших дней / Выписки из журналов Архиерейского Синода (РПЦЗ), переписка с патриархом Московским Тихоном, митр. Евлогием и другими о положении Православной Церкви в Советской России. ГАРФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 14.

⁹² Там же. ГАРФ. Ф. Р-6343. Оп. 1 Д. 263. Л. 10.

Перемещение владыки Иосифа на Одесскую кафедру. Защита его епископом Димитрием Гдовским

Митрополит Иосиф не согласился с перемещением в Одессу и отказался подчиняться постановлению Синода. Вот что он писал об этом в своих показаниях на допросах в 1930 году:

«Вызванный по этому случаю в Москву и узнав, что перемещение вызвано интригами отдельных лиц из духовенства, я заявил, что нахожу перемещение по таким причинам — незаконным, сославшись на постановление собора, что никакой епископ, пресвитер, диакон и даже псаломщик не могут быть перемещаемы, иначе как по одной из следующих причин: а) собственное желание, б) неизлечимая болезнь, и в) впадение в ересь и другое какое тяжкое преступление, подлежащее церковному суду. После такого заявления и требования, чтобы мое дело было передано на суд епископов, я с разрешения Москвы отбыл в Ростов Ярославский»⁹³.

Митрополит Иосиф не скрыл своего протеста от петроградской паствы, он поделился своими скорбями с прибывшим к нему епископом Димитрием (Любимовым) и познакомил его с содержанием письма, отправленного митрополиту Сергию. Слухи о переводе митрополита Иосифа встревожили Петроградскую епархию. Когда же в конце сентября епископ Петергофский Николай (Ярушевич) дал указание прекратить поминовение имени митрополита Иосифа, а вместо него возносить его, Николая, имя как правящего, это вызвало сильное волнение:

«Взволновались и духовные, и миряне. Прежде всего, стали обсуждать то, почему Иосифа не хотят пускать в Питер и кто не хочет? Сошлись на одном, казавшемся бесспорным,

⁹³ Дело «Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников "Истинно-православная церковь"» / ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7377. Т. 11. Л. 332.

утверждении, что Иосифа не пускает советская власть совместно с Сергием и его Синодом. Причина: общее желание ввести у нас обновление. Советской власти-де во что бы то ни стало хочется насадить у нас обновление. Сергей с Синодом, сами не без сочувствия этому делу, не могут противиться советской власти после их послания»⁹⁴.

«Когда стало известно, что их любимец и "страдалец" за веру православную не согласен с решением Синода и открыто выражает протест против него, смущение народное достигло крайних пределов. Оно клокотало в народных сердцах и готово было могучей лавиной обрушиться на деяния митрополита Сергия и временного при нем Патриаршего Синода. То там, то здесь, и особенно около храмов можно было видеть кучки людей, рассуждавших о происшедшем и открыто выражавших свой гнев»⁹⁵.

«Епископ Димитрий, ничем доселе не проявлявший себя, активно и резко становится на защиту Иосифа и отказывается помянуть Николая. На Покров (1 октября ст. ст.) в храмовый праздник церкви, при которой он в течение многих лет священствовал и теперь епископствовал, он не служил, будучи вполне здоров и оставаясь в своей квартире. Отчего? Почему? Да потому, что Николая он помянуть не хотел, но и Иосифа не мог, ввиду распоряжения церковной власти и принятого причтом церкви решения. Ярко отмежевавши себя от Николая, Димитрий старается чаще служить в лавре, где Николая не поминали. Вместе с Димитрием были епископы Серафим Колпинский и Сергей Нарвский»⁹⁶.

Епископ Николай, как временный управляющий Петроградской епархией, отправил доклад митрополиту Сергию о нестроениях в епархии. На заседании Синода 12 октября перемещение митрополита Иосифа на Одесскую кафедру с предписанием немедленного прекращения возношения его имени в Петроградской епархии было подтверждено. Постановление об этом

⁹⁴ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 458.

⁹⁵ Иоанн (Снычев), митрополит. Церковные расколы в Русской Церкви. Самара, 1997. С. 200.

⁹⁶ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 461.

направлено 19 октября митрополиту Иосифу, епископу Иннокентию (назначенному в Ростов) и епископу Николаю – в Ленинград. А 21 октября 1927 года митрополит Сергей издал Указ о поминовании за богослужением советских властей и об отмене поминования всех епархиальных архиереев, находящихся в тюрьмах, лагерях и ссылках. Это вызвало еще большую волну возмущения среди духовенства и прихожан по всей России.

30 октября митрополит Иосиф направил в адрес заместителя Патриаршего Местоблюстителя второе письмо, в котором указал, что не он виноват в тех нестроениях, которые возникли в Ленинграде и Ростове. Он подчеркнул, что его связь с ленинградской паствой не искусственная, о чем свидетельствует горячая любовь к нему пасомых, и что жизнь в Ростове его не соблазняет, ибо он имеет весьма скудные средства для своего существования. В завершении письма владыка заявил, что «послушание церковной власти оказывать не желает, поскольку признает, что церковная власть сама находится в рабском состоянии»⁹⁷. Когда же митрополит Киевский Михаил (Ермаков) запросил митрополита Иосифа телеграммой, намерен ли он прибыть на свою кафедру в Одессу, тот ответил: «Перемещение противоканоническое, недобросовестное, угождающее злой интриге, мною отвергнуто»⁹⁸.

Нестроения в Петроградской епархии увеличивались, и народное негодование особенно усилилось после официального объявления епископом Николаем (Ярушевичем) в кафедральном соборе⁹⁹ о перемещении митрополита Иосифа на Одесскую кафедру. Это выступление епископа Николая не прошло бесследно: «Оно произвело на слушателей тяжелое впечатление и у одних вызвало слезы, у других споры, а у третьих внутреннее

⁹⁷ Иоанн (Снычев), митрополит. Указ. соч. С. 207.

⁹⁸ Иоанн (Снычев), митрополит. Указ. соч. С. 205.

⁹⁹ Храм Воскресения Христова (Воскресения на Крови).

негодование»¹⁰⁰. Против Николая активно и очень определенно выступили протоиереи Иоанн Никитин и Василий Верюжский, очень известные и уважаемые пастыри.

В конце октября, в понедельник, после всенощной в Троицком Измайловском соборе протоиерей Иоанн произнес «зажигательную митинговую» речь. В ней он с большим внутренним волнением, «в очень резких, непастырских выражениях» говорил о походе обновленцев на Церковь, упоминал о законных правах митрополита Иосифа на питерскую кафедру и говорил о недостойном поведении пастырей, поминающих Николая. Речь его произвела сильное возбуждение, «в соборе слышится шум и крик против Николая и Сергия, требуют возвращения Иосифа»¹⁰¹. Дня через два протоиерей Иоанн, по донесению настоятеля собора, был запрещен епископом Николаем в священнослужении на месяц, причем он предвидел это запрещение и принял его. Но «волнение им было создано очень сильное», оно перекинулось на все приходы, всюду заговорили громко и требовательно о возвращении владыки Иосифа, о недоверии епископу Николаю и требовали послать к митрополиту Сергию депутацию, которая осведомила бы его о происходящем в епархии.

Протоиерей Василий Верюжский действовал по-другому. Он отказался помянуть у себя в кафедральном соборе епископа Николая, продолжая помянуть митрополита Иосифа; духовенство его причта последовало за ним: «Кафедральный собор – и в нем не поминается правящий епископ – из ряда вон выходящее положение»¹⁰². Епископ Николай требовал помянуть себя, а отец Васи-

¹⁰⁰ Иоанн (Снычев), митрополит. Указ. соч. С. 208.

¹⁰¹ «Небольшие кучки отстаивают первых и начинают обвинять отца Никитина за производимый им беспорядок в храме, дело доходит до перебранок, шум и крик не умолкает и на улице». Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 463.

¹⁰² Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 463.

лий отказывался. Тогда были назначены богослужения в соборе с участием правящего епископа, но под разными предложениями отец Василий постоянно отказывался сослужить Николаю¹⁰³. Протоиерей Михаил Чельцов, решивший для себя подчиняться высшей церковной власти в лице митрополита Сергия, встречался и беседовал с епископом Димитрием и протоиереем Василием, доказывал им необходимость принять решения Синода митрополита Сергия и оставить в покое митрополита Иосифа.

Упорное непризнание перемещения митрополита Иосифа, по убеждению Михаила Чельцова, неминуемо привело бы к отказу от митрополита Сергия как законного главы Церкви, то есть к расколу. Однако при всей убедительности своих доводов отец Михаил не мог ничего возразить на последний довод отца Василия, всю нравственную мощь которого он не мог не признать, отдавая справедливость его заслуге в отстаивании владыки Иосифа в качестве митрополита их епархии. Именно отец Василий всего год назад, летом 1926 года, уговорил епископа Иосифа «покинуть спокойное, безмятежное епископствование в Ростове и принять в управление Ленинградскую епархию». Так что, считая себя виновником теперешнего положения владыки, он не мог оставить его без поддержки в тяжелые для того дни¹⁰⁴.

Для прекращения нестроений в Петроградской епархии митрополит Сергей, полагаясь на свой авторитет, решил взять на себя управление епархией. До его Послания его авторитет у петроградцев действительно стоял высоко и, по свидетельству отца Михаила, «имя его проносилось с почтительностью и уважением, он был чист от всяких подозрений». Теперь же бывшего авторитета в Ленинграде митрополит Сергей не имел, но все же «приезда его ждали к Александрову дню с большими надеждами». Когда же он, вопреки ожиданиям и обещаниям,

¹⁰³ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 463.

¹⁰⁴ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 466.

не приехал – власти не выпустили его из Москвы, – авторитет его совершенно пал в глазах большинства:

«Какое же ждать улучшение в церковных делах и успокоение в общецерковной и епархиальной смуте, коли он по рукам и ногам связан советской властью, коли она его держит как пленника или заложника?! И пошли о митрополите Сергии большие разговоры. Вот тут, копаясь повсюду и во всем, вспомнили о почти что забытом послании июльском его. Его стали читать и растолковывать, находить всякие отступления от чистоты Православия, угодничество пред советской властью, скрытую дверь в обновление и т. п. Вокруг послания образовался большой разговор людей ответственных и энергичных, чего не было в августе, когда был лишь бабий шум»¹⁰⁵.

Теперь даже самые преданные его почитатели потеряли к нему доверие, многие старались как можно дальше отойти от митрополита Сергия и решительно требовали возвращения митрополита Иосифа. Церковная атмосфера все больше и больше накалялась. Отдельные приходы как в самом городе, так и в окрестностях, перестали приглашать к себе епископа Петергофского Николая, как сторонника сергиевской политики, а многие верующие «в знак протеста перестали посещать те храмы, где возносилось имя Заместителя за богослужением»¹⁰⁶. Волна недовольства все увеличивалась, причем коснулась она не только простых верующих, но и низшего духовенства.

«Многие из тех пастырей, которые в годы борьбы с обновленчеством показали себя стойкими борцами за чистоту Православия, выступили теперь против митр. Сергия. Они не

¹⁰⁵ Чельцов Михаил, прот. Указ. соч. С. 468.

¹⁰⁶ «Отдельные приходы как в самом городе, так и в окрестностях, смущаемые разными церковными распоряжениями митр. Сергия и Синода, отказались совершенно выдавать денежные средства на содержание Епархиального Управления». Иоанн (Снычев), митрополит. Указ. соч. С. 210.

согласны были с той политикой, которую проводил в жизнь Заместитель Патриаршего Местоблюстителя. В ней они видели прямое искажение чистоты Православия и подчинение Божьего кесареви. До времени они как-то еще мирились с новой политикой митр. Сергия и ожидали печальных ее плодов. Теперь же, когда, по их мнению, отрицательные плоды новой политики Церковной Власти были как бы налицо, эти пастыри возвысили свой голос протеста. Раскол приближался. На фоне народного недовольства видны были самые очертания его величины и широты»¹⁰⁷.

Группа духовенства и мирян, желая предотвратить неминуемо надвигавшийся раскол в Ленинграде, решила предупредить митрополита Сергия и, если возможно, убедить его изменить «намеченный курс церковной политики, от которого, как они были убеждены, исходило все зло». Протоиерей Василий Верюжский написал от имени духовенства и мирян специальное обращение к митрополиту Сергию, в котором указал основные пункты, являвшиеся причиной разделения, и просил его для предотвращения раскола и установления мира в епархии немедленно предпринять следующие меры:

- «1) Отказаться от намеченного курса порабощения Церкви государством;
- 2) Отказаться от перемещений и назначений епископов помимо согласия на то паствы и самих перемещаемых и назначаемых епископов;
- 3) Поставить временный Патриарший Синод на то место, которое было определено ему при самом его утверждении в смысле совещательного органа, чтобы распоряжения исходили только от имени заместителя Местоблюстителя;
- 4) Удалить из состава Синода пререкаемых лиц;
- 5) При организации епархиальных Управлений должны быть всемерно охраняемы устои Православной Церкви, ка-

¹⁰⁷ Иоанн (Снычев), митрополит. Указ. соч. С. 210.

ноны, постановления Поместного Собора 1917–1918 гг. и авторитет епископата;

6) Возвратить на Ленинградскую кафедру митрополита Иосифа (Петровых);

7) Отменить возношение имени заместителя Патриаршего Местоблюстителя;

8) Отменить распоряжение об исключении из богослужения молений о ссыльных епископах и о возношении молений за гражданскую власть.

Содержание обращения важно в том отношении, что оно яркими красками рисует нам не только морально-религиозное состояние церковного общества, и особенно в Ленинградской епархии, но и с достаточным основанием вскрывает главные причины, породившие иосифлянский раскол. Судя по обращению профессора Верюжского, церковная смута в Ленинграде была вызвана не митрополитом Иосифом, а политикой, проводимой в жизнь митрополитом Сергием»¹⁰⁸.

Действительно, хотя Декларация митрополита Сергия сразу повлекла за собой протесты, но причиной дальнейшего их усиления, вплоть до отделения от митрополита целого ряда архиереев, послужила не столько сама Декларация, сколько церковная политика, на ней основанная. Этим и объясняется некоторая задержка с протестами. Сначала многие надеялись, что Декларация останется только бумагой, что написана она, как в свое время и покаянные заявления патриарха Тихона в 1923 году, «не для нас, Церкви, а для них – властей». Старались даже не замечать ключевых слов Декларации или истолковывать их в ином смысле.

Однако в скором времени действия митрополита Сергия убедили в их самом однозначном толковании и подтвердили изначальные опасения, что митрополит «капитулировал перед ГПУ, принял все условия " лега-

¹⁰⁸ Иоанн (Снычев), митрополит. Указ. соч. С. 210–211.

лизации" и ныне последовательно проводит их в жизнь»¹⁰⁹. Как писал позднее епископ Димитрий священнослужителям, служившим в церквях на станции Сиверской:

«Вас смущает прежде всего то, что мы так долго не порывали канонического общения с митр. Сергием, хотя и послание его и дело митр. Иосифа давно уже были перед нашими глазами. На сие отвечаю так. Последнее представлялось нам первоначально одним из обычных даже для патриарха подтверждений о невмешательстве Церкви в дела гражданские. Нам пришлось изменить отношение к нему лишь тогда, когда обнаружилось, что послание начинает оказывать сильное влияние на дела чисто церковные, искажать не только канонически, но и даже догматически лицо Церкви»¹¹⁰.

¹⁰⁹ Эти опасения возникли весной 1927 года, когда митрополит Сергей был выпущен из тюрьмы и неожиданно собрал в Москве Синод. «Для людей дальновидных стало несомненно, что между митрополитом Сергием и советским правительством в лице ГПУ во время тюремного заключения состоялось какое-то соглашение, которое поставило его самого и близких ему епископов в совершенно исключительное положение наряду с другими.

В то время как продолжались аресты и ссылки, когда в ответ на убийство Войкова за границей в тюрьмы бросали по всей России не только последних епископов, но и рядовое духовенство, митрополит Сергей получил право свободно жить в Москве, каковым правом он не пользовался даже до ареста. Наконец, когда стали известны имена епископов, призванных им в Синод, в капитуляции митрополита Сергия перед советской властью не могло быть больше сомнений». Обзор главных событий церковной жизни России за время с 1925 года до наших дней / Выписки из журналов Архиерейского Синода (РПЦЗ), переписка с патриархом Московским Тихоном, митр. Евлогием и другими о положении Православной Церкви в Советской России. ГАРФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 9.

¹¹⁰ Иоанн (Снычев), митрополит. Указ. соч. С. 220.

**Петроградская делегация во главе
с епископом Димитрием Гдовским
у митрополита Сергия (Страгородского)**

Осенью 1927 года общецерковная и епархиальная ситуация горячо обсуждалась на собраниях духовенства и мирян в Петрограде. Одним из решающих стало собрание на квартире протоиерея Феодора Андреева в день св. Екатерины, 24 ноября/7 декабря 1927 года. На этом собрании кроме хозяина и его московского гостя Михаила Александровича Новоселова, присутствовали епископ Димитрий (Любимов), протоиерей Василий Верюжский и архимандрит Киево-Печерской лавры Гермоген (Голубев). Вместе обсуждали Декларацию, причем М. А. Новоселов заявил, что в ней митрополит Сергий «воскурил фимиам перед безбожной властью», потом решали, отходить ли сейчас от митрополита Сергия или подождать еще. Протоиерей Василий заявил, что, «по видимому, еще рано», пояснив, что и владыка Иосиф высказался в этом же смысле¹¹¹. Протоиерею Феодору Андрееву вместе с М. А. Новоселовым было поручено написать обращение к митрополиту Сергию.

Через несколько дней оно было заслушано в квартире епископа Димитрия Любимова в присутствии М. А. Новоселова, архиепископа Гавриила Воеводина, протоиереев Феодора Андреева, Василия Верюжского и других лиц из духовенства. Протоиерея Василия Верюжского тогда удивило, что «это не было просто обращение, а уже заявление о формальном отходе, чего не имелось в виду на предшествовавшем совещании», причем такой характер этому обращению, по убеждению отца Василия, придал М. А. Новоселов. Несомненно, в развитии событий в Петроградской епархии и в целом в оформлении иосифлянкой оппозиции Михаилу Алек-

¹¹¹ Архив УФСБ РФ по СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 262.

сандровичу Новоселову, как и его другу, протоиерею Феодору Андрееву, принадлежит ключевая роль. О них самих речь пойдет ниже¹¹², что же касается обращения, составленного ими, то, очевидно, именно это обращение духовенства и мирян от 26-28 ноября / 9-11 декабря 1927 года предполагалось вручить митрополиту Сергию от имени делегации Петроградской епархии, незамедлительно отправлявшейся к нему в Москву.

Встреча петроградской делегации с митрополитом Сергием состоялась 12 декабря 1927 года. Она имела важное значение для Петроградской епархии и явилась поворотным пунктом в дальнейшем развитии событий. Профессор И. М. Андреевский назвал участников: епископ Димитрий, отец Викторин Добронравов, Сергей Алексеев¹¹³ и профессор И. М. А., очевидно, не кто иной, как сам Иван Михайлович Андреевский¹¹⁴. На встрече митрополиту Сергию должны были вручить упомяну-

¹¹² Трудно осветить в полной мере жизненный путь и величественный духовный облик этих замечательных русских людей, но совсем умолчать о них нельзя. И чтобы хоть в какой-то мере соприкоснуться с духом и жизнью этих глубоких мыслителей, ревностных защитников, исповедников и мучеников Церкви, мы помещаем в отдельной главе материалы о них, главным образом воспоминания личного характера их близких и очевидцев событий 1927–1928 годов.

¹¹³ В показаниях на следствии протоиерея Никифора Стрельникова в 1931 году указан как участник делегации некий Сергей Федоров, мирянин, сапожник, один из близких епископу Димитрию людей, «крайнего религиозно-фанатического и нетерпимого к Советской власти контрреволюционного настроения», рукоположенный владыкой Димитрием в священнический сан в 1928 или 1929 годах. К сожалению, по имеющимся в нашем распоряжении источникам не удалось уточнить эти данные и найти какие-либо дополнительные сведения о Сергее Федорове или Сергее Алексееве.

¹¹⁴ Митрополит Иоанн Снычев называет имена только двух участников, протоиерея Василия Верюжского и епископа Димитрия (Любимова), причем участие отца Василия Верюжского – это предположение Снычева, так как в документе не названо полное имя, а лишь «о. В.».

тое выше обращение духовенства и мирян и еще два письма: от епископата Петроградской епархии, подписанное шестью архиереями, и от верующих ученых Академии наук и профессуры ленинградских институтов, составленное профессором Военно-юридической академии С. С. Абрамовичем-Барановским¹¹⁵.

Существует две редакции записи беседы делегации с митрополитом Сергием: в воспоминаниях профессора Ивана Андреева (псевдоним Ивана Михайловича Андреевского) и в документе № 59 из архива митрополита Мануила¹¹⁶. Судя по всему, этот документ составлен И. М. Андреевским только по свежим впечатлениям, в отличие от зарубежных публикаций, которые появились спустя десятилетия. Текст беседы из архива митрополита Мануила, за исключением нескольких мест, почти совпадает с текстом машинописной копии записи беседы, изъятой при арестах по первому групповому делу иосифлян. Ниже текст этой записи из материалов следственного дела 1929–1930 годов приводится полностью, дополнен он цитатами из зарубежных публикаций Ивана Михайловича Андреевского, выделенными курсивом.

«Мы все подошли под благословение. Епископ Димитрий дал прочитать митрополиту Сергию письмо, подписанное шестью епископами (в этом письме содержались, кажется, общие полномочия епископа Димитрия говорить с митрополитом Сергием от их лица); отец В. дал митрополиту Сергию прочитать письмо, составленное священниками. Наконец, мною дано было митрополиту Сергию заявление от верую-

¹¹⁵ «О чем писали епископы и ученый мир, нам доподлинно неизвестно: их письма не сохранились. Но письмо от группы священников и мирян сохранилось. Оно было составлено прот. Феодором Андреевым, б. доцентом Московской духовной академии и магистром богословия». Иоанн (Снычев), митрополит. Указ. соч. С. 212. Полностью текст обращения приводится в третьей главе.

¹¹⁶ Опубликованного в книге: Иоанн Снычев, митрополит. Церковные расколы в Русской Церкви. Самара, 1997. С. 213–216.

щих академических кругов Ленинграда. В промежутке между чтением этих бумаг, епископом Димитрием были даны митрополиту Сергию разные письма и бумаги (письмо И. Н. Влад. и другие). Митрополит Сергей читал все это очень внимательно, медленно, но часто отрывался и делал замечания. На наши замечания он делал возражения, и таким образом получилась беседа.

— Вот вы протестуете, а многие другие группы меня признают и выражают свое одобрение, — говорил митр. Сергей, — не могу же я считаться со всеми и угодить всем, каждой группе. Вы каждый со своей колокольни, а я действую для блага всей Русской Церкви.

— Мы, Владыко, — возражаем мы, — тоже для блага всей Церкви хотим трудиться. А затем, — мы не одна из многочисленных маленьких групп, а являемся выразителями церковно-общественного мнения Ленинградской епархии из восьми епископов — лучшей части духовенства; я являюсь выразителем сотни моих друзей и знакомых и, надеюсь, тысячи единомышленников — научных работников Ленинградской епархии. А С. А. — представитель широких народных кругов.

— Вам мешает принять мое воззвание политическая контрреволюционная идеология, — сказал митр. Сергей, — которую осудил Святейший Патриарх Тихон (и он достал одну из бумаг, подписанную Святейшим Патриархом Тихоном).

— Нет, Владыко, нам не политические убеждения, а религиозная совесть не позволяет принять то, что Вам Ваша совесть принять позволяет. Мы вместе с Святейшим Патриархом Тихоном (с указанной бумагой) вполне согласны, мы тоже осуждаем контрреволюционные выступления. Мы стоим на точке зрения соловецкого осуждения Вашей декларации. Вам известно послание из Соловков?

— Это воззвание написал один человек (Зеленцов), а другие меня одобряют. Вам известно, что меня принял и одобрил сам митрополит Петр?

— Простите, Владыко, это не совсем так, не сам митрополит, а Вам известно это через епископа Василия.

— Да, а вы почему это знаете?

— Мы знаем это со слов епископа Василия. Митрополит Петр сказал, что "понимает", а не принимает Вас. А сам митрополит Петр ничего Вам не писал?

— Так ведь с ним у нас сообщения нет! — сказал митрополит Сергей.

— Так зачем Вы, Владыко, говорите, что сам митрополит Петр признал Вас?

— Ну, а чего же тут особенного, что мы поминаем власть? — сказал митр. Сергей. — Раз мы ее признали, мы за нее и молимся. Молились же за царя, за Нерона и других?

— А за антихриста можно молиться? — спросили мы.

— Нет, нельзя.

— А вы ручаетесь, что это не антихристова власть?

— Ручаюсь. Антихрист должен быть три с половиной года, а тут уже десять лет прошло.

— А дух-то ведь антихристов, не исповедующий Христа, во плоти пришедшего?

— Этот дух всегда был со времени Христа до наших дней. Какой же это антихрист, я его не узнаю!

— Простите, Владыко, Вы его не узнаете, так может сказать только старец. А так как "есть" возможность, то есть, что это антихрист, то мы и не молимся. Кроме того, с религиозной точки зрения наши правители — не власть.

— Как так не власть?

— Властью называется иерархия, когда не только мне кто-то подчинен, а я и сам подчиняюсь выше меня стоящему и т. д. и все это восходит к Богу, как источнику всякой власти!

— Ну, это тонкая философия!

— Чистые сердцем это просто чувствуют; если же рассуждать, то рассуждать тонко, так как вопрос новый, глубокий, сложный, подлежащий соборному обсуждению, а не такому упрощенному пониманию, какое даете Вы.

— А молитва за ссыльных и в тюрьмах находящихся исключена потому, что из этого делали политическую демонстрацию.

— А когда, Владыко, будет отменена девятая заповедь блаженства, ведь ее тоже можно рассматривать как демонстрацию?

— Она не будет отменена, это часть литургии!

— Так и молитва за ссыльных тоже часть литургии!

— *А кому нужна молитва за власть? Ведь советской безбожной власти эта молитва не нужна. Верующие же могли бы молиться только в смысле мольбы "о смягчении жестоких сердец правителей наших" или "о вразумлении*

заблудших"... Но чем вызвана молитва? Вас заставили ввести это прошение?

— Ну, я и сам нашел это необходимым.

— Нет, Владыко, ответьте, как перед Богом, из глубины Вашей архипастырской совести, заставили Вас это сделать, как и многое в Вашей новой церковной политике, или нет?

Этот вопрос пришлось повторять упорно и настойчиво много раз, пока митрополит Сергей, наконец, ответил. "Ну, и давят, и заставляют... Но я и сам тоже так думаю", — поспешно и пугливо закончил он.

— А зачем Вы, Владыко, распорядились поминать рядом с именем митрополита Петра и Ваше имя? Мы слышали, что это тоже Вам приказано сверху с тем, чтобы вскоре отменить поминовение имени митрополита Петра вообще.

— Мое имя должно возноситься для того, чтобы отличить православных от "борисовщины", которые митрополита Петра поминают, а меня не признают.

— А известно Вам, Владыко, что Ваше имя теперь в обновленческих церквах произносится?

— Так это только прием!

— Так ведь борисовщина — это тоже только прием. А скажите, Владыко, имя митрополита Петра предполагается отменить?

Митрополит Сергей долго не отвечал на этот вопрос, но вынужденный, наконец, сказал:

— Еще в 1925 году предполагалось отменить возношение имени митрополита Петра. Если власти прикажут, так что же, будем делать. И сам Святейший Патриарх Тихон разрешил под давлением властей не помянуть его.

— Но св. Патриарх Тихон мог разрешить не помянуть себя, а Вы отменить поминовение имени митрополита Петра не можете?

— Ну, а вот Синод-то чем вам не нравится?

— Мы его не признаем, не верим ему, а Вам пока еще верим. Ведь Вы Заместитель Местоблюстителя, а Синод лично при Вас вроде Вашего секретаря ведь?

— Нет, он орган соуправляющий.

— Без Синода Вы сами ничего не можете сделать?

После долгого нежелания отвечать: "Ну да, без совещания с ним".

— Мы Вас просим о нашем деле ничего не докладывать Синоду. Мы ему не верим и его не признаем. Мы пришли лично к Вам.

— Чем же вам не нравится митрополит Серафим?

— Будто Вы, Владыко, не знаете?

— Это все клевета и сплетни.

— А на Вас, Владыко, власти не оказывают давления? Скажите из глубины Вашей Архипастырской совести.

Митрополит Сергей, после долгого нежелания отвечать: "Ну, и давят, но и мои мнения таковы же".

— Куда же Вы нас толкаете? Каким гонениям обрекаете?

— Ничего вам не будет. Вот епископ Виктор открыто выступил против меня и благополучно сидит, никто не трогает его (в ссылке).

— Мы пришли не спорить к Вам, а заявить от многих пославших нас, что мы не можем, наша религиозная совесть не позволяет нам принять тот курс, который Вы проводите. Остановитесь, ради Христа остановитесь!

— Эта ваша позиция называется исповедничеством. У вас ореол...

— А кем же должен быть христианин?

— Есть исповедники, мученики, а есть дипломаты, кормчие, но всякая жертва принимается. Вспомните Киприана Карфагенского.

— Вы спасаете Церковь?

— Да, я спасаю Церковь!

— *Что Вы говорите, Владыко! — в один голос воскликнули все члены делегации. — Церковь не нуждается в спасении, — добавил протоиерей Добронравов, — врата ада не одолеют ее. Вы сами, Владыко, нуждаетесь в спасении через Церковь.*

— *Я в другом смысле это сказал, — несколько смущенно ответил митрополит Сергей.*

— Ну да, конечно, с религиозной точки зрения бессмысленно сказать: "Я спасаю Церковь", но я говорю о внешнем положении Церкви.

— А митрополит Иосиф?

— Вы его знаете только с одной стороны; нет, он категорически не может быть возвращен.

Кроме того, были разговоры с Сергием Зенкевичем о запрещении отца Иоанна Никитина (в среду он может служить), об епископе Николае и многие другие.

В среду 14/27¹¹⁷ в 7 часов 10 мин. митрополит Сергей принял меня и передал в письменной форме ответ на шесть¹¹⁸ из восьми пунктов (о возношении своего имени и возврате Иосифа — подумает). В тех же выражениях, пере-

¹¹⁷ Очевидная ошибка, скорее всего это было 1/14 декабря 1927 года.

¹¹⁸ «1) Отказаться от курса церковной политики, который я считаю правильным и обязательным для христианина и отвечающим нуждам Церкви, было бы с моей стороны не только безрас-судно, но и преступно.

2) Перемещение епископов — явление временное, обязанное своим происхождением, в значительной мере, тому обстоя-тельству, что отношение нашей церковной организации к гражданской власти до сих пор оставалось неясным. Согла-сен, что перемещение часто — удар, но не по Церкви, а по личным чувствам самого епископа и паствы. Но, принимая во внимание чрезвычайность положения и те усилия многих разорвать церковное тело тем или иным путем, и епископ, и паства должны пожертвовать своими личными чувствами во имя блага общецерковного <...>.

3) Синод стоит на своем месте, как орган управляющий. Таким образом, он был и при Патриархе, хотя тоже состоял из лиц приглашенных.

4) О митрополите Серафиме я не знаю ничего, кроме сплетен и беспредметной молвы.

6) Устранено не моление за сущих в темницах и пленении (в ек-тении оно осталось), а только то место, которым о <тцы> протодиаконы, в угоду известным настроениям, иногда зло-употребляли, превращая молитвенное возглашение в демон-страцию. Ведь не нужно забывать, что богослужение (литур-гия верных) у нас совершается не при закрытых дверях, как в древности, а публично, и потому подлежит правилам вся-ких публичных собраний. Моление же за власть является только естественным следствием нашего гражданского ее признания. Не поминали мы ее (Патриарх, впрочем, и сам поминал и делал распоряжение о поминовении) только пото-му, что не решались открыто сказать, что мы ее признаем.

Подлинный подписал Сергей, митрополит Нижегородский. 1/14 декабря 1927 г.»

Иоанн (Снычев), митрополит. Указ. соч. С. 218–219.

скакивая с темы на тему, он убеждал меня согласиться с ним: “Ну, нас гонят, а мы отступаем, — говорил он, почти прыгая по комнате, — но зато мы сохраняем единство Церкви”.

Ясно, что сговориться невозможно.

“Да вразумит Вас Господь Бог, Владыко”, — сказал я и, поклонившись, вышел¹¹⁹.

Отход от митрополита Сергея петроградского духовенства во главе с епископом Димитрием Гдовским

После возвращения делегации из Москвы события в Петроградской епархии приняли более драматический характер и развивались стремительно. К сожалению, о точном их ходе не сохранилось подробных записей самих непосредственных участников. Единственный подробный источник — это документы из недоступного архива митрополита Мануила (Лемешевского), соратника митрополита Сергея (Страгородского), и соответственно написанная на их основе книга с однозначно тенденциозными оценками священнослужителей, отделившихся от митрополита Сергея:

«Делегация после такого неудачного собеседования возвращалась к себе в Ленинград с глубоким разочарованием и твердым намерением прервать всякое молитвенное общение с митрополитом Сергием. Терпеть долее, как им казалось, такое насилие над Церковью они уже не могли. Наступил момент, когда все, что кипело и бурлило внутри, должно было вылиться наружу и образовать из себя самостоятельный поток церковной жизни, независимый от митрополита Сергея. Было созвано срочное совещание духовенства и мирян во главе с епископом Димитрием для обсуждения назревших вопросов, касавшихся отделения от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя. <...> С общего согласия

¹¹⁹ Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 4. Л. 164–165 об.

решено было неотложно и официально объявить митрополиту Сергию о своем отходе от него. Инициативу руководства в этом деле взяли на себя оба викария: епископ Димитрий (Любимов) и епископ Сергей (Дружинин). Был составлен письменный акт отхода, предназначенный для вручения его представителю Московской Патриархии.

Когда все уже было подготовлено, тогда епископ Димитрий пригласил к себе на квартиру епископа Сергия, епископа Серафима (Протопопова), двух протоиереев: В. Верюжского и Ф. Андреева — своих единомышленников, и епископа Петергофского Николая (Ярушевича) — заместителя временно управляющего Ленинградской епархией митрополита Сергия.

В присутствии указанных лиц оба епископа — Димитрий и Сергей — заявили епископу Николаю, что они и их единомышленники порывают молитвенное общение с митрополитом Сергием, Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, и, как доказательство всему этому, вручили ему заранее приготовленный и подписанный акт отхода, в котором говорилось:

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Сие есть свидетельство совести нашея (2 Кор. 1,12), не позволительно нам долее, не погрешая против уставов Святой Православной Церкви, пребывать в церковном единении с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя Сергием, митрополитом Нижегородским, и его Синодом, и со всеми, кто единомыслен с ним.

Не по гордости, да не будет сего, но ради мира совести отрицаемся мы лица и дел бывшего нашего предстоятеля, незаконно и безмерно превысившего свои права и внесшего великое смущение ("и дымное надмение мира в Церковь Христову, которая желающим зрети Бога приносит свет простоты и день смиренномудрия" — из послания Африканского Собора к папе Келестину). И решаемся мы на сие лишь после того, как из собственных рук митр. Сергия приняли свидетельство, что новое направление и устройство русской церковной жизни, им принятое, ни отмене, ни изменению не подлежит.

Посему, оставаясь, по милости Божией, во всем послушными чадами Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, сохраняя Апостольское преемство чрез Патриарше-

го Местоблюстителя Петра, митрополита Крутицкого, и имея благословение нашего законного Епархиального митрополита, мы прекращаем каноническое общение с митрополитом Сергием и со всеми, кого он возглавляет, и впредь до суда, "совершенного собором местности", то есть с участием всех православных епископов, или до открытого и полного покаяния пред Святой Церковью самого митрополита Сергия сохраняем молитвенное общение лишь с теми, кто блюдет "да не преступаются правила отец"... и да не утратим помалу не приметно тоя свободы, которую даровал нам кровию Своею Господь наш Иисус Христос, Освободитель всех человеков (из 8-го правила III Вселенского Собора). Аминь.

Подписи:

Епископ Сергей
Епископ Димитрий

Декабря 13/26 дня 1927 г.»¹²⁰

К тому времени, по-видимому, епископ Димитрий уже получил письмо митрополита Иосифа:

«Дорогой владыко!

Узнав от М. А. о принятом Вами решении, нахожу (и после ознакомления со всеми материалами), что другого выхода нет. Одобрю Ваш шаг, присоединяюсь к Вам, но, конечно, помочь Вам, более существенно, лишен возможности. Время вспомнить и исполнить всем нам руководственное указание митр. Агафангела (пред отправлением в ссылку) и архиеп. Серафима Угличского на тот случай, когда мы будем лишены возможности правильно строить свое церковное дело, чтобы мы управлялись самостоятельно каждый, обращая все взоры и надежды наши к единственно законному Местоблюстителю Петру и будущему Поместному Собору всех наших Святителей, а не случайного подбора их отдельными лицами.

Этого законного Собора только и должны сейчас добиваться всякие правители и Синоды, и если они бессильны сделать это, должны честно сами сойти со сцены и сказать

¹²⁰ Иоанн (Снычев), митрополит. Указ. соч. С. 219, 228–229.

открыто, что мы готовы на все мучения, но правды Христовой никогда не принесем в жертву и посмеяние мракобесию безбожия. Помогите Вам Господь»¹²¹.

На рапорте епископов Димитрия и Сергия об отделении от митрополита Сергия митрополит Иосиф написал следующее:

«Для осуждения и обезврежения последних действий митр. Сергия, противных духу и благу Св. Христовой Церкви, у нас, по нынешним обстоятельствам, не имеется других средств, кроме как решительный отход от него и игнорирование его распоряжений. Пусть эти распоряжения приемлет одна всетерпящая бумага да всевмещающий бесчувственный воздух, а не живые души чад Церкви Христовой.

Отмежевываясь от митр. Сергия и его деяний, мы не отмежевываемся от нашего законного первосвятителя митр. Петра и когда-нибудь да имеющего собраться Собора оставшихся верных Православию святителей. Да не поставит нам тогда в вину этот желанный Собор, единый наш православный судья, нашего дерзновения. Пусть он судит нас не как презрителей священных канонов святоотеческих, а только лишь как боязливых за их нарушение.

Если бы мы даже и заблуждались, то заблуждались честно, ревнуя о чистоте Православия в нынешнее лукавое время. И если бы оказались виновными, то пусть окажемся и особо заслуживающими снисхождения, а не отвержения. Итак, если бы нас оставили даже все пастыри, да не оставит нас Небесный Пастырь по неложному Своему обещанию пребывать в Церкви Своей до скончания веков.

25 дек<абр> 1927 г.

7 января 1928 г.»¹²²

Власти внимательно следили за ходом событий и оказывали на него определенное влияние. Вот что сообщ-

¹²¹ Иоанн (Снычев), митрополит. Указ. соч. С. 225–226.

¹²² Иоанн (Снычев), митрополит. Указ. соч. С. 231–232. Польский М., протопресв. Новые мученики Российские, в 2-х ч. Ч. 2. Репр. воспр. изд. 1957. Репринт: М., 1992. С. 5.

щал Тучкову в секретном донесении от 26 ноября 1927 года начальник Ленинградского секретного отдела ОГПУ: «Недовольство Сергием главным образом выражается назначением им на управление Ленинградской епархией Николая Ярушевича, а не митрополита Иосифа. На этом базируется вся противосергиевская группа; состоит она из епископа Димитрия Любимова, епископа Серафима Протопопова, епископа на покое Стефана Беха»¹²³. Далее перечислялись фамилии священнослужителей Василия Верюжского, Сергея Тихомирова, Александра Тихомирова, Устименко, Советова, Ивана Никитина, Измаила Рождественского, Покровского, Полякова Филофея, Сокольского и Никольского, которые «при участии торговцев с Сенного рынка всячески стараются восстановить массу против Сергия и Ярушевича». Далее в донесении говорилось:

«Так, епископ Димитрий Любимов, несмотря на указ о назначении Иосифа в Одессу, все время поминает при богослужении Иосифа, выполняя указания Иосифа и игнорируя распоряжения Ярушевича. Епископ Серафим Протопопов, получив воззвание Сергия, в церкви его не читал, приказал двадцатке воззвание вывесить повыше, чтобы не было возможности прочитать. Священник Филофей Поляков ходит по домам, ругая Ярушевича, называет красным. Священник Никитин собирал подписи за оставление Иосифа в Ленинграде, ругая в проповеди Ярушевича и митрополита Сергия. Сергей Тихомиров отказался читать воззвание Сергия, на этом основании отказался от благочиния и исповедника. Священник Измаил Рождественский, после совершения Ярушевичем в его церкви богослужения (в престольный праздник), кричал в церкви, что епископ Ярушевич осквернил его храм и нужно освящать вновь престол. В общем, оппозиция в целом базируется на митрополите Иосифе, на его отстранении от управ-

¹²³ «Совершенно секретно. Срочно. Лично Тов. Тучкову»: Донесения из Ленинграда в Москву, 1927–1928 годы / Публикация, вступление и примечания А. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 10. М., Изд-во ПСТВИ, 2002. С. 363–364.

ления Ленинградской епархией. В числе таких оппозиционеров состоят: архимандриты Лев и Гурий Егоровы и епископы Григорий Лебедев и Гавриил Воеводин, которые до 19/XI находились под арестом»¹²⁴.

В донесении сообщалось также, что со стороны епископа Николая (Ярушевича) к оппозиционерам принимаются меры – запрещение служения на один месяц или предупреждение запрещения, – «но меры эти слишком слабые, и все они сводятся к тому, чтобы количественно ослабить оппозицию». Как следует далее из донесения, епископа Николая (Ярушевича) подталкивали на активные действия, указывали ему, что «только его твердость и более решительные меры, как-то: перевод с доходных в бездоходные церкви, перевод в провинцию, длительное запрещение служения – парализуют оппозицию»¹²⁵. При этом отмечалось, что такая твердость скорее подтолкнет «оппозицию – к непримиримости», что и нужно было ГПУ на первом этапе.

Специально «для укрепления» оппозиции осенью 1927 года были освобождены арестованные в Ленинграде епископы Григорий (Лебедев) и Гавриил (Воеводин) и архимандриты Лев (Егоров) и Гурий (Егоров), их оппозиционные настроения были известны, и, по расчетам ГПУ, они должны были поддержать антисергианскую оппозицию. В дальнейшем, по мере того как оппозиция наберет силу и в церковной среде произойдет разделение на более и менее «лояльных» к власти, ГПУ приступит к уничтожению «менее лояльной» части духовенства, которая еще ранее будет подвергаться церковным наказаниям со стороны «более лояльной» части¹²⁶.

¹²⁴ «Совершенно секретно. Срочно. Лично Тов. Тучкову». С. 363–364.

¹²⁵ «Совершенно секретно. Срочно. Лично Тов. Тучкову». С. 364.

¹²⁶ «Данная программа действий, очевидно, была не нова. Она почти копирует разработанный в 1922 году Л. Троцким сценарий использования в деле борьбы с Православной Церковью обнов-

Тучков в резолюции на данном донесении написал, что надо «наиболее активных из оппозиции мирян арестовать под другими предложениями», а также сообщить в Ленинград, что митрополита Сергия заставят «запретить в служении некоторых оппозиционных епископов», после чего Ярушевич должен «запретить некоторых попов»¹²⁷. Это указание было исполнено быстро: уже через два дня, 17/30 декабря, на внеочередной сессии Временного Синода митрополита Сергия был заслушан письменный доклад епископа Петергофского Николая (Ярушевича) «о церковных нестроениях» в Ленинграде и единогласно принято Определение № 208, в котором говорилось:

«1) потребовать в трехдневный срок по получении сего от Преосвященных епископов Димитрия и Сергия в письменной форме точный и определенный ответ — считают ли они себя пребывающими в молитвенно-каноническом общении с митрополитом Сергием как Заместителем Патриаршего Местоблюстителя и Временным Патриаршим Священным Сино-

ленческого движения (с той лишь разницей, что обновленцам нужно было захватывать церковную власть, а митрополиту Сергию — нет). Тогда, как известно, Троцкий предложил расколоть Церковь на два крыла: "черносотенное контрреволюционное" и "сменовеховское советское"...

С конца 1920-х годов в полемической церковной литературе многократно встречалась тема уподобления деятельности митрополита Сергия обновленческой. В ответ всякий раз указывалось на то, что такое уподобление некорректно: канонический статус митрополита Сергия был принципиально иным, нежели статус обновленцев. Это верно. Однако видно, что если сравнить роли, отводимые властью обновленцам в 1922 году и митрополиту Сергию с его единомышленниками в 1927 году, то они действительно окажутся очень сходными». «Совершенно секретно. Срочно. Лично Тов. Тучкову»: Донесения из Ленинграда в Москву, 1927–1928 годы / Публикация, вступление и примечания А. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 10. М., Изд-во ПСТВИ, 2002. С. 363–364.

¹²⁷ «Совершенно секретно. Срочно. Лично Тов. Тучкову»: Донесения из Ленинграда в Москву, 1927–1928 годы». С. 368–369.

дом или нет, и подчиняются ли они всем распоряжениям законной Высшей Церковной Власти. Впредь до получения от них и обсуждения означенного ответа Преосвященных Гдовского Димитрия и Копорского Сергия на основании 13—15 правила Двукратного Собора запретить в священнослужении.

2) Предоставить Преосвященному Петергофскому на протоиереев Василия Верюжского, Никифора Стрельникова и других клириков, порвавших молитвенно-каноническое общение с митрополитом Сергием и Временным при нем Патриаршим Священным Синодом, наложить запрещения в священнослужении впредь до их раскаяния.

3) Ввиду того, что невозможность за богослужениями в Александро-Невской лавре имени митрополита Сергия производит смущение среди верующих, давая повод считать ее участницей в движении против законной Высшей Церковной Власти, предписать Преосвященному Шлиссельбургскому Григорию, наместнику Александро-Невской лавры, по получении сего немедленно ввести, с возношением имени Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра, поминовения митрополита Сергия»¹²⁸.

В тот же день епископ Николай запретил в священнослужении протоиереев Василия Верюжского и Феодора Андреева, и других священников¹²⁹. А 18/31 декабря 1927 года митрополит Сергей обратился с особым посланием к Церкви. В нем, стараясь успокоить пастырей и чад Церкви, он заявил о благоприятных условиях, которые создала для Церкви лояльность, выраженная в июльской Декларации:

«Будьте уверены, что мы действуем в ясном сознании всей ответственности нашей пред Богом и Церковью. Мы не забываем, что при всем нашем недостоинстве мы служим тем канонически бесспорным звеном, которым наша русская

¹²⁸ «Дело митрополита Сергия». ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 117.

¹²⁹ Из донесения ОГПУ от 17 марта 1928 года известно, что вслед за епископами заявление о своем отходе от митрополита Сергия выпустили шесть священников.

православная иерархия в данный момент соединяется со Вселенской, чрез нее — с Апостолами, а чрез них — и с Самим Основоположителем Церкви Господом Иисусом Христом»¹³⁰.

И далее он призывал архипастырей и чад Церкви не смущаться, не поддаваться всяким слухам и, дабы «не утратить союза со Христом и не оказаться вне спасительного ковчега — Св. Его Церкви», надо «крепче держаться законного священноначалия и от него неустанно искать разъяснения по всем недоумениям, смущающим совесть»¹³¹. В конце послания митрополит Сергей напомнил, что по канонам разрыв со своим законным епископом или патриархом оправдан только в одном случае: когда он уже осужден Собором или когда он начнет проповедовать заведомую ересь, тоже уже осужденную Собором:

«Во всех же остальных случаях скорее спасется тот, кто останется в союзе с законной церковной властью, ожидая разрешения своих недоумений на Соборе, чем тот, кто, вос-

¹³⁰ Акты Святейшего патриарха Тихона... С. 549.

¹³¹ Вот что писал по этому поводу один из основных оппонентов митрополита Сергея протоиерей Феодор Андреев, главный «идеолог иосифлянства»: «Так утвердив за собою раз и навсегда эти права на представительство Самого Господа, митрополит Сергей рассылает свои послания и указы без совета с Церковью, не допуская даже мысли, что сам, может быть, за свою церковную политику, уже выпал из Церкви, увлекая в свое отступничество и тех, кто с ним, а бегущим от него шлет вслед запрещения и угрозы отлучением и убеждает, что "боязнь потерять Христа (так!) побуждает христианина не бежать куда-то в сторону от законного священноначалия, а наоборот, крепче за него держаться и от него неустанно искать разъяснений по всем недоумениям, смущающим совесть", т. е. совершенно подобно папе или "братцу" запугивает опасностью вместе с собою потерять Христа и всех зазывает на поклон и совет к себе, а не ко св. Церкви, отцам, соборам и совести». *«Апология отошедших от м. Сергея (Страгородского)»*. Полный текст в главе III.

хитив себе Соборный суд, объявит эту власть безблагодатной¹³² и порвет общение с ней»¹³³.

12/25 января 1928 года митрополит Сергей собрал новую, внеочередную сессию своего Синода, на которой было принято постановление № 17 об увольнении с кафедры епископа Димитрия (Любимова), запрете его в священнослужении и предании каноническому суду. То же самое было принято в отношении епископа Сергея (Дружинина), а от епископов Григория Шлиссельбургского и Серафима Колпинского, не поминавших митрополита Сергея, было потребовано незамедлительно ввести поминовение и заявить всенародно об осуждении епископов Димитрия и Сергея. Епископ Серафим подчинился постановлению, а епископ Григорий по-прежнему не поминал Сергея.

20 января/2 февраля 1928 года к митрополиту Иосифу (Петровых) в Ростов прибыла комиссия в составе трех архиереев Синода митрополита Сергея¹³⁴ с тем, чтобы получить ответы на два главных вопроса: признает ли он свою резолюцию на рапорте петроградских викариев; и с его ли ведома, согласия и благословения распространяется их воззвание к пастырям и пасомым с призывом порвать молитвенно-каноническое общение с заместителем Патриаршего Местоблюстителя, митро-

¹³² Отметим, что никаких заявлений «о безблагодатности» митрополита Сергея и его Синода в первых документах отделявшихся иосифлян, в том числе самого митрополита Иосифа и архиепископа Димитрия, не было. Речь идет именно о документах, выражающих официально церковную позицию иосифлянского епископата и духовенства, а не о личных мнениях отдельных лиц, которые могли быть высказаны в полемическом задоре или переданы по слухам в искаженном виде. Это именно митрополит Сергей именовал своих оппонентов «безблагодатными» раскольниками.

¹³³ Акты Святейшего патриарха Тихона... С. 551.

¹³⁴ Архиепископы Вологодский Сильвестр (Братановский), Костромской Севастьян (Вести) и Самарский Анатолий (Грисюк).

политом Сергием. Хотя неизвестно, что ответил комиссии митрополит Иосиф, но «одно является непреложным: той цели, ради которой совершалась поездка в Ростов, комиссия не достигла», даже наоборот, она «ускорила его решимость порвать молитвенно-каноническое общение с митр. Сергием»¹³⁵.

**Отделение от митрополита Сергия
архиереев Ярославской епархии.
Последующее их примирение с Сергием.
Отношение к этому владыки Иосифа**

6 февраля 1928 года митрополит Иосиф вместе с группой архиереев Ярославской епархии – митрополитом Агафангелом (Преображенским), архиепископом Серафимом (Самойловичем), архиепископом Варлаамом (Ряшенцевым) и епископом Евгением (Кобрановым) – официально подписали декларацию об отделении от митрополита Сергия. Митрополит Иосиф высоко оценивал эту ярославскую декларацию и на следствии 1930 года говорил:

«Историческое ее значение неизгладимо и пойдет в глубь веков, чтобы когда-нибудь на свободно избранном и свободно действующем законном церковном соборе дать полноценный материал для выявления истинного виновника нынешней церковной разрухи <...> Декларация была разослана по распоряжению митрополита Агафангела ко всем запрашивавшим его советов и руководства, с разъяснением, что в силу постановления соборного, при отсутствии облеченной доверием центральной духовной власти или при невозможности сноситься с нею, архиереи на местах облачаются всею полнотою прав и управляют совершенно самостоятельно.

Подписанная и полученная и мною, эта декларация не могла не налагать и на меня соответствующих обязательств.

¹³⁵ Иоанн (Снычев), митрополит. Указ. соч. С. 242–243.

Ленинградская группа духовенства, опротестовавшая произвол митрополита Сергия в моем перемещении и фактически уже отложившаяся от него, указала и мне на мой долг: не покидать их на произвол судьбы и, если нет мне возможности и надежды быть в Ленинграде, все же не отнимать у них права считать меня их законным архипастырем. Непосредственное же управление может быть оставлено в руках епископа Димитрия, около которого сплотилось отложившееся от Сергия духовенство»¹³⁶.

8 февраля 1928 года митрополит Иосиф направил своим петроградским vikarіям письмо, где сообщал об акте отделения ярославских архиереев от митрополита Сергия, в котором он принимал участие и лично подписал, и далее сообщал:

«Таким образом, все распоряжения митрополита Сергия отныне для нас не имеют никакой силы. Это дает мне основание вновь опротестовать свое незаконное удаление от ленинградской паствы и требовать канонически правильного решения этого вопроса надлежащим судом православных епископов. А до такого решения я считаю себя не вправе предоставить вверенную мне паству (по смыслу 16-го правила Двукратного Собора) произволу не пользующихся нашим доверием Церковных Администраторов, перед Господом Богом и своею совестью приемлю долг принятия мер к умиротворению смущенной и взволнованной паствы. Для сего призываю прежде всего моих vikарных епископов к мирному согласию и единомысленному со мною служению ленинградской пастве. Преосвященному епископу Гдовскому Димитрию поручаю временное управление Ленинградской епархией. Преосвященного Григория прошу также продолжать служение Св. Александро-Невской лавре в звании ея единомысленного со мною наместника. Пастырей и всех верующих, призывая на них Божие благословение, прошу и молю довериться нашему руководству и архипастырскому

¹³⁶ Дело «Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников "Истинно-православная церковь"» / ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7377. Т. 11. Л. 332.

попечению, мирно и тихо продолжая дело молитвы, душевного спасения и Богоугождения.

Смиренно повинуюсь гражданской власти, не находящей пока возможности допустить мое недостойнство до непосредственного молитвенного общения со вверенной мне паствой, буду находиться и вдали в постоянной молитвенной о ней памяти и попечении, прося возносить и мое имя за Богослужениями по установленному порядку.

Да услышит Господь наши общие стоны и да благословит миром и тишиною нашу многострадальную Церковь.

Ленинградский Митрополит Иосиф
Г<ород> Ростов-Ярославский
26 января

8 февраля 1927 г.»¹³⁷

Выступление ярославских пастырей во главе с митрополитом Агафангелом не на шутку встревожило митрополита Сергия. Здесь было уже не «самочиние» малоизвестных викарных архиереев, которых можно было обвинить в расколе и легко подвергнуть запрету, но выступление владыки Агафангела, старейшего и одного из авторитетнейших архиереев Русской Церкви, к голосу которого явно прислушивался весь епископат. Он, будучи законным кандидатом на должность Патриаршего Местоблюстителя, вторым из названных в завещании патриарха Тихона, при желании мог легко оспорить законность первосвятительских прав митрополита Сергия. К тому же в отправленном одновременно с ярославской декларацией письме¹³⁸ архиепископ Серафим

¹³⁷ Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 6. Л. 19. Данный документ приведен по машинописному тексту из следственного дела 1930–1931 годов. Под ним подписано, очевидно рукою епископа Димитрия: «С подлинным верно, Димитрий епископ Гдовский». И далее рукою следователя: «Отобрано у обвиняемого Никольского С. В. при его аресте».

¹³⁸ Письмо Владыки Серафима исполнено глубокой скорби и братского сочувствия к митрополиту Сергию: «Вы писали мне и искренне верили, что избранный Вами путь принесет мир Церкви.

Углический прямо указывал митрополиту Сергию достойный выход из создавшегося положения, а именно передать заместительские права «старейшему иерарху Российской Церкви высокопреосвященному Агафангелу (Преображенскому), митрополиту Ярославскому, впредь до возвращения к власти высокопреосвященного Петра (Полянского), митрополита Крутицкого»¹³⁹.

Митрополит Сергей «внял» этому братскому совету и «обратился» к митрополиту Агафангелу через митрополита Серафима Тверского. В переданном письме от 10 февраля он просил митрополита Агафангела не прерывать с ним общение, «потерпев еще немного нашим немощам, пока не выяснится с определенностью, куда мы хотим вести церковный корабль: к сравнительно ли сносному существованию в данных условиях или к гибели». Далее митрополит Сергей просил митрополита Агафангела поддерживать его усилия по устройению церковных дел, не скрывая опасения, что авторитет последнего может создать серьезную угрозу его власти¹⁴⁰, и утверждал, что он всегда готов передать свои полномочия, но если у него будут к тому достаточные основания.

В марте он послал к митрополиту Агафангелу еще одного архиерея своего Синода, епископа Павла (Бори-

А что же видите и слышите теперь? Страшный стон несется со всех концов России.

Вы обещали вырывать по 2, по 3 страдальца и возвращать их к обществу верных, а смотрите, как много появилось новых страдальцев, которых страдания еще более усугубляются сознанием того, что эти страдания явились следствием Вашей новой церковной политики».

«Как же Вы могли в своей декларации наложить на них и на многих клеймо противников нынешнего гражданского строя, когда они и мы по самой духовной природе своей всегда были чужды политике, строго, до самопожертвования охраняя чистоту Православия!» Акты Святейшего патриарха Тихона... С. 571–572.

¹³⁹ Акты Святейшего патриарха Тихона... С. 571–572.

¹⁴⁰ «Представьте, какое будет смущение в Церкви, если Вы тогда окажетесь среди отколовшихся. Какая богатая почва для всяких самочиний?» Акты Святейшего патриарха Тихона... С. 571–572.

совского). Однако, не получив нужного ему ответа, в своем официальном Деянии¹⁴¹ он объявил митрополита Агафангела и всех подписавших ярославскую декларацию, как учинивших «раскол», «порвавшими благодатный союз с Матерью Церковью» и «подлежащими суду и должному наказанию». Власти «поддержали» Сергия соответствующим образом: к тому времени из Ярославской епархии были отправлены в ссылку: митрополит Иосиф – в Николо-Моденский монастырь под Устюжной, и архиепископ Серафим – в Буйничский под Могилевом. Митрополит Агафангел ответил Сергию в письме от 7 апреля 1928 года, что согласен пересмотреть вопрос об отложении при условии участия в переговорах архиепископа Серафима, удаленного из епархии, и подтвердил, что остался с Сергием «в союзе веры и молитвы, а отделился только в порядке административного управления»¹⁴².

В ответном письме митрополит Сергей настаивал на пересмотре ярославского заявления и без участия архиепископа Серафима. А 11 апреля Синодом митрополита Сергия было принято постановление № 76, в котором подтверждались прежние определения в отношении отделившихся епископов Виктора (Островидова), Димитрия (Любимова) и Сергия (Дружинина) и были запрещены в священнослужении с преданием каноническому суду митрополит Иосиф (Петровых), епископ Никольский Иерофей (Афонин) и ярославские архиереи¹⁴³. В отношении митрополита Агафангела эти меры решено было применить по истечении месячного срока,

¹⁴¹ От 29 марта 1928 года.

¹⁴² Относительно митрополита Иосифа владыка Агафангел писал: «Что касается митрополита Иосифа и объединения оппозиции под его главенством, то это от Ярославского епископата не зависит и им не одобряется». Акты Святейшего патриарха Тихона... С. 601.

¹⁴³ Угличский архиепископ Серафим (Самойлович), бывший Пермский Варлаам (Ряшенцев) и Ростовский епископ Евгений (Кобранов).

если он письменно не откажется от своего заявления от 6 февраля. По истечении этого срока митрополит Сергей послал к митрополиту Агафангелу третьего посланца – архиерея своего Синода архиепископа Рязанского Иувеналия (Масловского) в сопровождении московского протоиерея Владимира Воробьева.

В результате их беседы было составлено письменное заявление митрополита Агафангела и архиепископа Варлаама (Ряшенцева) от 10 мая 1928 года, подписанное затем и епископом Евгением (Кобрановым). В этом заявлении из шести пунктов ярославские архипастыри утверждали, что они признают власть митрополита Сергея как заместителя и не порывают с ним молитвенного общения. Это заявление весьма укрепило позицию митрополита Сергея. Однако в обращении ярославских архипастырей был пятый пункт, никак не устраивающий митрополита Сергея: «Распоряжения заместителя, смущающие нашу и народную религиозную совесть и, по нашему убеждению, нарушающие каноны, в силу создавшихся обстоятельств на месте, исполнять не могли и не можем»¹⁴⁴.

Митрополит Сергей прекрасно понимал, что этот пункт фактически сводил на нет все его начинания, поэтому в постановлении его Синода от 17 мая отмечалось, что заявление ярославских преосвященных «не обнаруживает с желательной определенностью их сознания размеров и пагубности произведенного ими церковного соблазна; пятый же пункт заявления и совершенно отнимает надежду на устранение произведенного соблазна»¹⁴⁵. Тем не менее, используя неуверенность и нерешительность ярославских пастырей, митрополит Сергей торопится объявить об их полном отказе от прежнего заявления и примирении с ним, считая, что они ему полностью подчинились. На самом деле ярославские архи-

¹⁴⁴ Акты Святейшего патриарха Тихона... С. 610.

¹⁴⁵ Акты Святейшего патриарха Тихона... С. 615.

пастыри примирились с митрополитом Сергием на своем условии и не соглашались с его церковной программой¹⁴⁶. Пошли они на это «примирение» не из-за угрозы прещений, а в надежде найти взаимопонимание с митрополитом Сергием, откликаясь на его умоляющие призывы, дававшие надежду на возможность его вразумления.

Так и архиепископ Серафим (Самойлович), присоединившийся к майскому разъяснению и телеграфировавший об этом митрополиту Агафангелу из Буйничского монастыря, пояснял в одном из своих писем: «Ведь мы должны испробовать все пути к примирению. Мы остаемся на прежней позиции – но нужно же выйти из положения, которое может сделаться безнадежным»¹⁴⁷. Однако уже к концу года владыка Серафим убедился в тщетности надежд и в своем дневнике писал о необходимости разрыва отношений с Сергием:

«Только к празднику Рождества Христова получил полное духовное умиротворение, окончательно выравнивается наше делание, и становится определеннее и политика митрополита Сергия, и наше противление этому новообновленцу. Мне кажется, пора уже сказать свое слово и отмежеваться от митрополита Сергия, ибо мы своим именем смущаем слабых и немощных, а людям, сожженным в своей совести, даем повод говорить о силе их политики и незыблемости их положения»¹⁴⁸.

¹⁴⁶ «По Вашей программе начало духовное и Божественное в домостроительстве церковном всецело подчиняется началу мирскому и земному; во главу угла полагается не всемерное попечение об ограждении истинной веры, а никому и ничему не нужное угодничество "внешним", не оставляющее места для важного условия устройства церковной жизни по заветам Христа и Евангелия – свободы, дарованной Церкви Ее Небесным Основателем и присущей самой природе Ее – Церкви». Акты Святейшего патриарха Тихона... С. 573.

¹⁴⁷ Мазырин Александр, иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920-х–1930-х годах. М., 2006. С. 298–299.

¹⁴⁸ «Год скорби и печали»: Дневник священномученика Серафима (Самойловича), архиепископа Угличского, за 1928 год / Мир Божий. 2003. № 1 (9) С. 44.

Через несколько дней архиепископ Серафим окончательно порвал с митрополитом Сергием¹⁴⁹, и это стало главной причиной его ареста и заключения в концлагерь. В 1933 году при новом аресте он мужественно заявил: «Я лично твердо стою на позиции непризнания митрополита Сергия, так как я уже сказал, что я не согласен с его политикой в вопросе признания им советской власти и внесения поминовения, то есть моления за нее, при богослужении»¹⁵⁰. По свидетельствам очевидцев, незадолго до своей кончины митрополит Агафангел готовился возобновить свой протест, будучи доведен до предела терпения требованиями упорствующего в своей разрушительной политике митрополита Сергия, о чем свидетельствовал митрополит Иосиф в своем письме 1929 года одному петроградскому протоиерею¹⁵¹.

16 октября 1928 года владыка Агафангел отошел ко Господу. Утверждения о его полном примирении, согласии и даже безоговорочном подчинении митрополиту Сергию неоднократно будут встречаться в исторической литературе. Однако эти утверждения не соответствуют действительности. Хотя митрополит Агафангел не разорвал общения с митрополитом Сергием, но он и не стал проводником его церковной политики и нисколько ей не подчинился, как и его викарии. Это подтверждается и скрупулезными исследованиями современных историков, утверждающих на основании многих свидетельств, что «движение "непоминающих" вплоть до кончины святителя Агафангела продолжало обымать собой всю

¹⁴⁹ «Послание ко всей Церкви священномученика Серафима Угличского от 20 января 1929 года / Публ. О. В. Косик // Богословский сборник. Вып. 11. М., Изд-во ПСТБИ, 2003. С. 302–329.

¹⁵⁰ Мазырин Александр, иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920-х–1930-х годах. М., 2006. С. 325.

¹⁵¹ Полностью письмо см.: Священномученик Иосиф, митрополит Петроградский: Жизнеописание и труды / Сост. Сахаров М. С., Сикорская Л. Е. СПб., 2006. С. 195–198.

его епархию», что он сам до конца оберегал свою паству от соблазнов, порождаемых политикой Сергия¹⁵².

В памяти церковной святитель Агафангел остался как исповедник, вставший на защиту церковной свободы и если и поколебавшийся решительно разорвать с тем, кто начал эту свободу попираť, то не по малодушию и страху, а по кротости и мягкости любвеобильного сердца, хранившего надежду на уврачевание заблуждений прегрешающего собрата-архиерея.

Характерно, что в первое время и сами иосифляне, решительно отделившиеся от митрополита Сергия, не осуждали тех, кто продолжал сохранять общение с Сергием, не соглашаясь при этом с его политикой. В знаменитой брошюре «Беседа двух друзей. О сергиевской смуте»¹⁵³ о таких клириках и мирянах говорилось, что их не только не должно осуждать, «но почитать их как своих друзей, которые от них (иосифлян)¹⁵⁴ разделяются не образом мыслей, но образом действий»¹⁵⁴. В ходе дальнейших

¹⁵² Мазырин Александр, иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920-х–1930-х годах. М., 2006. С. 317.

¹⁵³ Брошюра написана в 1928 году, входит в машинописный сборник «Дело митрополита Сергия: документы к церковным событиям 1927–1928 гг.». Китеж. Часть документов была опубликована в изданиях Русской Зарубежной Церкви. После Второй мировой войны один из экземпляров сборника из фонда митрополита Евлогия передан в Москву. ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1.

¹⁵⁴ И далее авторы брошюры дают образное описание действий обеих групп: «Действия отделившихся от митрополита Сергия епископов и клириков и неотделившихся можно образно представить в следующем виде. Первые, т. е. отделившиеся, как хирурги, сделали легкую операцию на теле больного, надеясь, что они своим сочинением предупредят ампутацию заболевшего члена. Вторые же, т. е. неотделившиеся, как любвеобильные родственники, своею любовью и преданностью утешают больного, представляя ему не так болезненно произведенную операцию. Те и другие имеют одинаковые намерения излечить тяжело больного, хотя и действуют различно». ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1.; «Беседа двух друзей» / Православная жизнь, № 6, 1999. С. 20–21.

событий, когда митрополит Сергей все больше упорствовал в своей политике и, называя раскольников и отщепенцами несогласных, подвергал их прещениям, оценка иосифлянами его заблуждений приобретала более строгий характер, а их отношение к единомысленным с ним становилось более требовательным.

В этой связи весьма характерно суждение митрополита Иосифа о ярославских архиереях, примирившихся с митрополитом Сергием, в его письме к епископу Димитрию Гдовскому от 6 августа 1928 года:

«Ярославские "дезертиры" меня как-то мало смутили и удивили. Да и в конце концов не в них дело, и не они когда-либо являлись опорой нам или давали содержание и питание нашему образу мыслей и действий. Самое их выступление в хронологическом отношении было позднее нашего и, если в свое время, казалось, было на пользу нам, то теперь — лишение этой "пользы" не составило для нас никакого вреда, оказавшись укором лишь для новых изменников и предателей истины и правды дела. Итак, мимо их — далее!.. Пусть они промелькнут как отставшие и ничуть не задержавшие нас на нашем крестном пути!»¹⁵⁵

Переход епископа Димитрия в собор Воскресения Христова (Воскресения на Крови)¹⁵⁶

До конца 1927 года епископ Димитрий находился в составе причта храма Покрова Богородицы в Большой Коломне, где он прослужил без малого тридцать лет. Но

¹⁵⁵ Акты Святейшего патриарха Тихона... С. 619–620.

¹⁵⁶ Храм Воскресения Христова на набережной канала Грибоедова (Екатерининском канале). Заложен в 1883 году на месте убийства государя императора Александра II, отсюда и закрепившееся за ним название — храм Воскресения на Крови. В последнее время в исторической литературе встречается наименование — храм Спас на Крови, однако в материалах следственных дел и в воспоминаниях иосифлян храм неизменно именуется — храм Воскресения на Крови.

поскольку настоятель храма, протоиерей Василий Акимов, вместе с другим священником, протоиереем Николаем Чепуриным, продолжали почитать епископа Николая (Ярушевича) и митрополита Сергия, заручившись при этом поддержкой большинства членов «двадцатки», владыка Димитрий вынужден был уходить. 1 января 1928 года епископ Димитрий вместе с двумя иереями, Василием Тулиным и Иоанном Быстревским, подали заявление о прекращении своего служения в храме. 5 января заявление было рассмотрено Приходским советом. Епископа Димитрия и священников просили «отложить свое намерение выйти из состава Покровского причта и быть в единении со всею Православною Церковью», но решение их было непреклонно. С 6 по 13 января вслед за владыкой Димитрием Приходской совет покинули еще шесть человек, позднее в заявлении «двадцатки» в районный стол регистрации от 20 января утверждалось, что все они «перестали быть нашими единоверцами и членами одного с нами исповедания». С 24 января епископ Димитрий считался «выбывшим из состава причта»¹⁵⁷.

Владыка Димитрий, как и другие иосифлянские священнослужители, в том числе и митрополит Иосиф, были зарегистрированы в причте кафедрального собора Воскресения на Екатерининском канале. В достоинство кафедрального собора этот храм, известный как храм Воскресения на Крови, был возведен патриархом Тихоном в 1924 году за твердую исповедническую позицию и активную борьбу с обновленчеством, которую вело его духовенство во главе с настоятелем, протоиереем Василием Верюжским. В период с 1925 по 1927 год собор Воскресения стал, по версии чекистов, центром «самого крайнего, реакционного направления среди духовенства "тихоновской" ориентации», а после опубликования

¹⁵⁷ Шкаровский М. В. Судьбы иосифлянских пастырей. СПб., 2006. С. 72.

Декларации митрополита Сергия – и «центром контрреволюционной организации "иосифлян"»¹⁵⁸. Позднее в материалах следственного дела утверждалось, что «открытая контрреволюционная деятельность "иосифлян" началась с того момента, когда храм Воскресения на Крови был зарегистрирован в районном административном отделе за группой, последовавшей за митрополитом Иосифом»¹⁵⁹.

Храм был зарегистрирован за иосифлянами 20 января 1928 года, и этому предшествовала напряженная борьба, поскольку часть духовенства и «двадцатки» храма отказались последовать за своим настоятелем протоиереем Василием, прервавшим общение с митрополитом Сергием. Позднее ключарь храма, протоиерей Никифор Стрельников, показал на допросе, что при получении собора в пользование группой «иосифлян»

¹⁵⁸ Или «центром контрреволюционной организации истинно-православных», так как в материалах первого следственного дела 1929–1930 годов, по которому проходил владыка Димитрий, она называется «контрреволюционная монархическая организация церковников "иосифлян"», а в последующих делах – «всесоюзная монархическая организация церковников "истинно-православных"». «История» возникновения «контрреволюционной организации» неизменно излагалась по одной схеме, лишь с незначительным изменением деталей и наименований: «Борьба против Соввласти со стороны православной церкви с начала Октябрьской революции нашла прежде всего свое отражение на деятельности церковного собора 1917–1918 гг. <...> Эта борьба сказалась в первый период деятельности патриарха Тихона и особенно в период изъятия церковных ценностей в 1921–1922 гг. Внутри так называемой "Тихоновской" церкви сохранились наиболее непримиримо настроенные к Соввласти круги мирян, духовенства и иерархов; выступление митр. Сергия с его декларацией (1927 г.) послужило только толчком к отколу от него и возглавляемой им церкви этой наиболее непримиримой части иерархов, духовенства и мирян и к ее последующему оформлению в виде к.-р. монархической организации церковников "истинно-православных"». Архив УФСБ РФ по СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 5. Л. 3–4.

¹⁵⁹ Архив УФСБ РФ по СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 147 об.

епископ Димитрий (Любимов) «"влил" в церковную "двадцатку" преобладающее большинство своих людей», таким образом протоиерей Василий с владыкой Димитрием и составили свою «двадцатку» храма, причем отец Никифор в этом им помогал. Позднее об этом же подробно сообщалось в секретном донесении от 24 января 1928 года в Москву:

«Церковная оппозиция в Ленинграде растет, причем с ее стороны был допущен захват Тихоновского кафедрального собора в свои руки — церковь Воскресения на Крови. В этой церкви до создания оппозиции состоял настоятелем священник Верюжский; после того как Верюжский выявил себя ярким оппозиционером, двадцатка потребовала от него признать Сергия или оставить настоятельство церкви. Верюжский признать Сергия отказался, а для того, чтобы остаться в церкви, в один день ввел 60 новых членов в двадцатку, преимущественно женщин, и в результате — старая двадцатка, стоявшая за Сергия, осталась в меньшинстве, а Верюжский — настоятелем. Это торжество оппозиция отпраздновала торжественным богослужением при двух оппозиционных епископах и 9 священниках. После этого колебавшиеся церкви в Лесном, Полюстрове и на станции Володарская всецело примкнули к оппозиции»¹⁶⁰.

Следует отметить, что состав клира изменился после отхода от митрополита Сергия, когда четыре прежних священника ушли из храма. С протоиереем Василием Верюжским остались только ключарь храма протоиерей Никифор Стрельников и дьякон Иоанн Быстряков, вскоре посвященный во иерея. На штатные должности отец Василий пригласил единомышленников ему священников, протоиереев Феодора Андреева и Иоанна Никитина, оба они после отхода от митрополита

¹⁶⁰ «Совершенно секретно. Срочно. Лично Тов. Тучкову»: Донесения из Ленинграда в Москву, 1927–1928 годы / Публикация, вступление и примечания А. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 10. М., Изд-во ПСТБИ, 2002. С. 371.

Сергия ушли из своих храмов: Феодор Андреев – из Сергиевского всей Артиллерии собора, а Иоанн Никитин – из Измайловского Троицкого собора. Как показал позднее отец Василий, протоиерей Феодор «занял исключительное положение» при епископе, позднее архиепископе Димитрии (Любимове), став его главным советником и секретарем; а отец Иоанн – как «трибун» вел за собой верующих, и говоря о митрополите Иосифе, венчал его «ореолом исповедничества».

В качестве нештатных и приписных иереев в храме стали служить братья, протоиереи Сергей и Александр Тихомировы, известные ранее своей деятельностью против обновленцев, а теперь – непримиримым отношением к митрополиту Сергию. Протоиерей Сергей был ранее одним из самых деятельных духовников по воссоединению обращавшихся из обновленчества, теперь же он стал одним из духовников по принятию воссоединившихся с архиепископом Димитрием и пользовался его большим доверием. Протоиерей Александр за свою борьбу против обновленчества прошел ссылку и после отхода от митрополита Сергия причта храма Воскресения стал здесь приходским священником. Но в храме служил редко из-за болезни и, по словам отца Василия, «как "исповедник" находился на особом, привилегированном положении», так как «тюремное заключение или пребывание в ссылке того или другого лица создавало ему в наших глазах и в церковных массах ореол мученичества и исповедничества»¹⁶¹. Приписным священником к храму стал и иерей Василий Тулин, принявший священный сан после революции и пришедший в храм Воскресения вместе с епископом Димитрием из церкви Покрова Богородицы в Коломне.

Как сообщала позднее агентура, епископ Димитрий в своих первых проповедях в храме Воскресения, обращаясь к богомольцам, говорил, что именно митрополит

¹⁶¹ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 265–268.

Иосиф и верное ему духовенство «защищают чистоту православной веры, и что настало время каждому стоять на страже веры, а если нужно, и пострадать за нее»¹⁶². По материалам следственного дела, епископ Димитрий «возглавил руководящее ядро контрреволюционной организации», состоящее из клириков храма Воскресения на Крови, все беседы между клириками в храме во время или после праздничных или воскресных служб были представлены в следственном деле не иначе как «обмен мнениями между лицами ядра организации», а чаепития на квартире протоиерея Василия или на квартире протоиерея Никифора, происходившие обыкновенно после литургии, – как «собрания руководителей ядра контрреволюционной организации».

По версии следствия, именно там «руководители организации обсуждали вопросы в области контрреволюционных "идеологических" иосифлянских установок» (хотя эти «контрреволюционные установки» не выходили за рамки чисто церковных вопросов). Например, «с разных сторон обсуждали вопрос о "сергианстве", как проявлении полной победы большевизма над Церковью, как о симптоме внутреннего разложения Церкви, как о внедрении большевизма в самый церковный строй, как о явлении предательства митрополитом Сергием Церкви большевикам»; говорили также о «принципиальных обоснованиях "немоления" за власть», о иосифлянской непричастности ко всеобщему отступлению от веры, о необходимости «стойкости и сохранения чистоты веры через отвержение всякого соприкосновения советской власти с Церковью»¹⁶³.

Разработку этих вопросов и различные церковно-исторические справки давали главным образом протоиереи Феодор Андреев и Василий Верюжский, бывшие профессора духовных академий. Роль отца Феодора Анд-

¹⁶² Архив УФСБ РФ по СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. 147 об.

¹⁶³ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 148–148 об.

реева «в разработке идеологии иосифлян» особенно отмечалась в материалах следственных дел, его даже именовали «идеологом иосифлянства». Подчеркивалось и влияние московского церковного деятеля М. А. Новоселова, которого также именовали «одним из идеологов и организаторов движения "истинно-православных"». Тот часто бывал в Петрограде и принимал активное участие в собраниях, где ему, по свидетельству Василия Верюжского, «принадлежала в общем ведущая роль». В феврале 1928 года М. А. Новоселов на собрании у отца Василия говорил «о современном положении Церкви, сравнивая его с положением во времена гонений иконоборцами православия при Феодоре Студите; он проводил параллели между тогдашним, почти всеобщим отступлением духовенства от православия и теперешним, тоже почти всеобщим отступлением Церкви в СССР на путь предательства ее духовенством на поругание большевиками»¹⁶⁴.

Позднее, на собрании в квартире владыки Димитрия, где присутствовали епископ Сергей (Дружинин), двенадцать клириков¹⁶⁵ и трое мирян, М. А. Новоселов утверждал, что епископы Русской Церкви потому не выступают против митрополита Сергия, что они «свою боязнь пострадать за Церковь скрывают за прикрытием того, что они монахи и что первый обет монашества – послушание, и что они идут за митрополитом Сергием из-за "послушания"». На этом собрании епископ Димитрий предложил М. А. Новоселову принять епископский сан. Судя по свидетельствам очевидцев, это было не первое предложение, но М. А. Новоселов, как и прежде, его отклонил.

Тогда же владыка Димитрий объявил всем о получении официального согласия митрополита Иосифа «о возглавлении им всех отошедших от митрополита Сер-

¹⁶⁴ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 150–151.

¹⁶⁵ Феодор Андреев, Иоанн Никитин, Сергей Тихомиров, Василий Верюжский, Алексей Кибардин, Сергей Баташев, Викторин Добронравов, Николай Прозоров, Филофей Поляков, Дмитрий Кратиров, Михаил Рождественский, Александр Советов.

гия», а также о снятии «запрещений, наложенных на духовных лиц митрополитом Сергием», и зачитал текст, написанный митрополитом Иосифом, очевидно, на рапорте петроградского духовенства¹⁶⁶:

«Митрополит Ярославский Агафангел с прочими епископами Ярославской области отделились также от митрополита Сергия и объявили себя самостоятельными в управлении вверенными им паствами, к чему я присоединил свой голос. По сему благому примеру нахожу благовременным открыто благословить подобное же правильное отделение части Ленинградского духовенства со своими паствами. Согласен на просьбу возглавить это движение своим духовным руководством и молитвенным общением и попечением; готов не отказать в том же другим, желающим последовать добром решению ревнителей Христовой истины. Молю Господа, да сохранит всех нас в единомыслии и святой твердости духа в переживаемом Церковью новом испытании»¹⁶⁷.

¹⁶⁶ С этим рапортом в начале февраля ездили в Ростов к владыке Иосифу протоиереи Василий Верюжский и Иоанн Никитин. Об этой поездке протоиерей Василий показал на следствии 1931 года, сообщив, что в Москве они навестили протоиерея Валентина Свенцицкого, их видного сторонника, заходили к нему и на обратном пути и встретили там М. А. Новоселова: «Мы сообщили, что митр. Иосиф, ввиду только что тогда состоявшегося отделения от митр. Сергия Ярославской церковной области, во главе с Ярославским епископом, составил проект объявить себя заместителем Патриаршего Местоблюстителя вместо митр. Сергия. Новоселов и Свенцицкий неодобрительно отнеслись к этому сообщению. Новоселов, видимо, не особенно надеялся на митр. Иосифа. Он находил, что последний высказался открыто за отход от митр. Сергия только теперь, когда от него отошли все Ярославские епископы. И, конечно, митр. Иосиф, человек недостаточно решительный и колеблющийся, не мог заменить своей личностью патр. Тихона. Как будто, Новоселов и Свенцицкий предполагали даже сделать специальную поездку в Ростов к митр. Иосифу, чтобы отклонить его от предполагавшегося им шага». Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 263–264.

¹⁶⁷ Польский Михаил, протопресв. Указ. соч. Ч. II. С. 8.

Все участники собрания были воодушевлены и надеялись, что теперь за митрополитом Иосифом пойдет большая часть духовенства и создастся серьезное противодействие «сергианству», при этом владыка Димитрий предложил всем начать разъяснительную работу с клириками и мирянами. Вскоре владыка Иосиф еще раз подтвердил свое благословение, и об этом стало известно властям. 29 февраля 1928 года в Москву было передано секретное сообщение:

«По сведениям нашего осведомителя, митрополит Иосиф проездом в Устюжну заезжал в Ленинград, где убеждал всех крепко стоять за него, ни в коем случае не каяться перед митрополитом Сергием ("...Наоборот, — говорил Иосиф, — митрополит Сергей должен перед нами каяться"). "Пусть я буду сослан, казнен, — говорил Иосиф, — но не покину тех, кто идет за мной"»¹⁶⁸.

Начало борьбы с «иосифлянским расколом».

Иосифляне Петроградской епархии под руководством владыки Димитрия в 1928—1929 годах

Деятельность иосифлян в Петроградской епархии и их контакты с антисергианским духовенством других епархий серьезно обеспокоили власти. В очередном секретном донесении в Москву из Секретного отдела ГПУ Ленинграда от 17 марта 1928 года сообщалось об «энергичной агитационной и организационной деятельности оппозиционных церковников» в городе и области и особо отмечалась «письменная и путем разъездов связь церковной оппозиции в Ленинграде с духовенством других епархий»:

¹⁶⁸ «Совершенно секретно. Срочно. Лично Тов. Тучкову. И не только ему»: Донесения из Ленинграда в Москву, 1928—1930 годы / Публикация, вступление и примечания А. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 11. М., Изд-во ПСТБИ, 2003, С. 336.

«Установлена переписка с духовенством Новгородского, Череповецкого и других округов, Коми-Зырянской области. Зарегистрированы поездки отдельных оппозиционных церковников в Новгород и другие округа, в АКССР, в Тверскую губернию и другие. Некоторые церковники, главным образом лидеры оппозиции, выезжали в Ярославскую губернию к митрополиту Иосифу. Вся эта работа оппозиционных церковников приблизительно к половине февраля приняла настолько интенсивный характер и внушительные размеры, что среди "сергиевцев" стало наблюдаться состояние некоторой неуверенности и растерянности. К этому времени от митрополита Сергия и его управляющего Ленинградской епархией епископа Николая Ярушевича официально отошли 8 церквей. Количество же хотя и признавших Сергия, но не упоминающих его имя в богослужениях было значительно больше»¹⁶⁹.

Укрепление и расширение антисергианской оппозиции не входило в планы безбожных властей, поэтому в срочном порядке ими были предприняты следующие меры:

«Чтоб несколько парализовать дальнейшее развитие и усиление оппозиции, нами был арестован ее наиболее яркий и фанатичный представитель, допускавший в своих речах антисоветские выражения, — священник Измаил Рождественский и с ним вместе иподиакон и слушатель богословских курсов, ездивший с поручениями к сосланным церковникам, — Сергей Апланов. Арест Рождественского, как это и соответствовало нашим намерениям, был расценен оппозиционными церковниками как предостережение "власти", которая не позволит внутрицерковную борьбу выносить на улицу. В связи с этим арестом среди оппозиционеров стали распространяться слухи о предстоящих арестах оппозиционных церковников и т. д. Наблюдались и панические на-

¹⁶⁹ «Совершенно секретно...». С. 375. В это время много клириков епархии, в том числе и епископы Григорий (Лебедев) и Серафим (Протопопов), несмотря на то, что официально не отделялись от митрополита Сергия, тем не менее не возносили его имени за богослужением и поминали только митрополита Петра.

строения. Так, в соборе Воскресения¹⁷⁰ кем-то во время службы был пущен слух, что все духовенство, служившее в церкви, после службы будет арестовано. Появилась паника, и церковники, кое-как окончив службу, быстро ушли через черный ход.

В это же время стало известно о назначении в Ленинград митрополита Серафима Чичагова, против которого у оппозиции не было что сказать¹⁷¹.

Далее в донесении сообщалось, что в личном свидании с уполномоченным митрополит Серафим «заверил в своей лояльности к Соввласти, выразил уверенность, что он "сумеет установить единство в Церкви", и обещал все предпринимаемые им меры осуществлять лишь с согласия "власти", которую он будет обо всем своевременно информировать».

Митрополит Серафим прибыл в Ленинград 8 марта 1928 года. Спустя неделю он смог занять митрополичьи покои в Александро-Невской лавре, настоятель которой, епископ Григорий (Лебедев), подал митрополиту Сергию прошение об увольнении на покой¹⁷². Особых успехов в борьбе с «расколом» митрополиту Серафиму достигнуть не удалось, иосифляне его не признавали. Епископ Димитрий отказался принять его пригласительное письмо, заявив, что он знает только Петроградского митрополита Иосифа, заместителем которого он явля-

¹⁷⁰ Имеется в виду собор Воскресения на Крови.

¹⁷¹ «Совершенно секретно...». С. 375–377.

¹⁷² «Так как линия моего церковного поведения и руководства в направлении укрепления единства Церкви вне ориентировки по личности учитывается Вами как ошибочная, а я считаю ее в условиях данного момента здешней церковной жизни единственно мудрой, и так как результаты этой линии расцениваются Вами как углубление смуты, между тем как я считал таковые локализацией смущения, то единственным выходом для меня остается удаление от дальнейшего руководства церковной жизнью», — писал епископ Григорий митрополиту Сергию. Акты Святейшего патриарха Тихона... С. 581.

ется. Со своей стороны, епископ Димитрий звал к себе митрополита Серафима, но только без посторонних, но согласился ли последний посетить владыку Димитрия, так и неизвестно¹⁷³.

В какой-то мере стабилизировать положение в епархии митрополиту Серафиму удалось лишь с помощью епископа Мануила (Лемешевского), имевшего высокий авторитет у питерцев за его мужественную борьбу с обновленчеством в 1923 году.

15/28 марта 1928 года епископ Мануил в своем письме призвал своих почитателей Петроградской стороны умолять своих архипастырей (Димитрия и Сергия) подчиниться постановлению Синода о запрещении в священнослужении. Спустя месяц митрополит Сергей направил епископа Мануила в Ленинград для умиротворения епархии. В первый же день своего приезда 15/28 апреля 1928 года епископ Мануил служил всенощную с митрополитом Серафимом в Зверинском подворье. После службы в беседе с молящимися он сказал, что у «иосифлян» не было оснований для отделения от митрополита Сергия, что они не имели права отделяться и выносить суждение о нем до архиерейского суда и что причина разделения в гордости и отсутствии любви. Это же он повторял в своих словах и беседах в других местах в течение пяти дней своего пребывания в Ленинграде. Не приходится сомневаться в искренности епископа Мануила. Это действительно было его убеждением, и он, очевидно, от души сожалел о своих прежних собратиях, создавших, по его мнению, «раскол»¹⁷⁴.

Очевидно, что и петроградское духовенство уважительно относилось к епископу Мануилу, надеялось найти с ним единомыслие, и до его приезда в Ленинград иосифляне не сомневались в том, что он будет на их

¹⁷³ Иоанн (Снычев), митр. Указ. соч. С. 246.

¹⁷⁴ Иоанн (Снычев), митр. Указ. соч. С. 265, 281–282.

стороне. Об этом свидетельствуют их собеседования и встречи, организованные в то время. Первая встреча была проведена 29 апреля на квартире протоиерея Василия Верюжского, куда был приглашен епископ Мануил и где собралось немалое число иосифлянских священников и светских лиц. Как пишет митрополит Иоанн Снычев, беседа носила мирный характер, не было резких выпадов, и в чем-то стороны даже имели общие взгляды, но в принципиальных вопросах между ними лежала непроходимая пропасть.

То же самое подтвердила встреча на следующий день в Александро-Невской лавре, где собралось уже около двухсот человек, видных представителей иосифлянства. Обсуждались те же вопросы, что и на квартире отца Василия Верюжского, только в более острой форме. «Собеседование продолжалось более 2-х часов, но ни одна из спорящих сторон не пришла к общему согласию. Иосифляне доказывали, что церковная политика митр. Сергия ведет к порабощению церковной свободы, епископ возражал на это и доказывал обратное». Так они и разошлись, оставшись при своих убеждениях, и владыка Мануил категорически отказался их поддержать, оставшись верен митрополиту Сергию.

«Епископ Димитрий, когда услышал об этом печальном для него факте, с болью в сердце сказал: "Я не могу поверить, чтобы епископ Мануил был не с нами!" Но когда убеждался, что это именно так, тогда он, как бы в недоумении о совершившемся, говорил: "Неужели и этот высокий столп Православия пал?"»

А тем временем епископ Мануил заканчивал свое пребывание в Ленинграде более резкими обличениями уклонившихся в «раскол». Спустя два дня он отбыл к месту своего нового назначения в Серпухов, где также рьяно приступил к борьбе с «иосифлянским расколом». Долгое время бытовало мнение, что именно благодаря его решительным действиям дальнейшее распростра-

нение иосифлянства было остановлено, и что после того, как «в Ленинграде и Серпухове был нанесен сокрушительный удар главным силам раскола, "иосифлянское" движение быстро начало падать»¹⁷⁵. Однако факты свидетельствуют об обратном – именно в это время, после «сокрушительного удара Мануила», иосифлянское движение набирало силу.

К осени 1928 года в Петроградской епархии насчитывалось двадцать пять иосифлянских храмов. К иосифлянам присоединились Старо-Ладожский женский монастырь, Свято-Троицкий Зеленецкий, Макарьевская пустынь под Любанью, Перекомский монастырь под Новгородом. Тогда же начали вступать в общение с иосифлянами отделившиеся от митрополита Сергия клирики и монашествующие других епархий. Лишь жестокие репрессии безбожных властей, физическая расправа с пастырями и пасомыми остановили дальнейшее распространение иосифлянства. Всего по уточненным данным на сегодняшний день известно, что только в Петроградской епархии к иосифлянам присоединилось шестьдесят семь приходов, в том числе двадцать один приход в самом городе. Из них перешли позднее к митрополиту Сергию только шесть, а остальные были закрыты властями¹⁷⁶.

Примечательна характеристика основных иосифлянских церквей Петроградской епархии, данная протоиереем Василием Верюжским в подробнейших показаниях позднее на допросах. В чекистском стиле изложения это утомительный перечень «ячеек контрреволюционной организации», связанных с храмом Воскресения на Крови, как «руководящим центром этой организации»¹⁷⁷:

¹⁷⁵ Иоанн (Снычев), митр. Указ. соч. С. 296.

¹⁷⁶ Шкаровский М. В. Судьбы иосифлянских пастырей. С. 15, 21.

¹⁷⁷ В каждом случае дается истинное название храма или часовни и дальнейшая их судьба.

– «"Истинно-православная" часть лавры, составлявшая противовес ее "сергианской" части», куда время от времени «посылались специальные проповедники-агитаторы, протоиерей Иоанн Никитин, протоиерей Сергей Тихомиров». В Александро-Невской лавре иосифлянскими храмами до самого их закрытия в конце 1931 года оставались: храм Иконы Божией Матери Тихвинской, храм Благоверного князя Феодора Ярославича, храм Преподобного Исидора Пелусиота, храм Благовещения Пресвятой Богородицы.

– «Церковь Св. Николая при Убежище престарелых сценических деятелей на Петровском острове». Церковь Свт. Николая Чудотворца при Убежище престарелых сценических деятелей¹⁷⁸ была закрыта в феврале 1930 года, затем превращена в концертный зал, а после войны здание было полностью перестроено.

– «Церковь в Лесном во главе с прот. Александром Советовым составляла противовес "сергианской" церкви в том же приходе». Деревянный храм Пресв. Троицы в Лесном подворья Лютикова Св.-Троицкого монастыря Калужской епархии¹⁷⁹ до 1943 года был иосифлянским храмом, в 1967 году разрушен в связи «с расширением проспекта». Рядом находился каменный храм Тихвинской иконы Божией Матери, он был сергианский, закрыт в 1934 году, снесен в 1982.

– «Другая церковь в Лесном, во главе с прот. Сергеем Баташевым. Обе церкви в Лесном группировали около себя разноставный антисоветски настроенный элемент Лесного». Часовня во имя Святого Алексия Человека Божия при подворье Арзамасского Новодевичьего Алексеевского монастыря¹⁸⁰ была закрыта 3 апреля 1930 года и передана под Ленинский уголок ЖАКТа, позднее здание часовни снесено.

¹⁷⁸ По адресу: Петровский пр., 13.

¹⁷⁹ По адресу: Дорога в Гражданку (Гражданский пр.), 2 и угол Большой Спасской улицы (пр. Непокоренных).

¹⁸⁰ По адресу: Выборгское шоссе (проспект Энгельса), 28.

– «Церковь в Пискаревке, во главе со свящ. Николаем Прозоровым, видным деятелем организации». Часовня Вмч. Пантелеймона подворья Александро-Ошевенского монастыря Олонецкой епархии¹⁸¹ была закрыта в 1931 году, затем здание часовни использовалось под кладовую общежития рабочих сахарного склада и молочной фермы, позднее было полностью разрушено.

– «Церковь на Охте во главе со свящ. Николаем Ушаковым. Эта церковь обслуживала мещан Охты». Храм Грузинской иконы Божьей Матери закрыт в 1934 году, снесен в 1950-х гг.

– «Церковь в Полюстрове обслуживала местный рабочий район, способствовала распространению в нем антисоветских настроений». Храм Сретения Господня¹⁸² был закрыт в 1933 году, здание передано под общежитие, а позднее разобрано, в настоящее время на его месте построены учебные заведения.

– «
.
».
-
-

183.

. 25 1933 .

– «Церковь Преп. Серафима Саровского за Нарвской Заставой, во главе с прот. Василием Прониным». Храм Преп. Серафима Саровского¹⁸⁴ Общества распространения религиозно-нравственного просвещения был закрыт в 1930 году, разобран, в настоящее время на его месте – детские ясли.

– «Церковь Михаила Архангела в Коломне. Вела "истинно-православную" и антисоветскую агитацию

¹⁸¹ По адресу: угол Беляевского (Волго-Донского) и Петра Великого (Пискаревского) пр., 13.

¹⁸² По адресу: Александровская (Жукова) ул., 9.

¹⁸³ : (), 58.

¹⁸⁴ По адресу: Серафимовская (Трефолева) ул., 38.

среди местного мелкобуржуазного (торгового) класса. Составляла противовес местной сергианской церкви». Нижний храм Воскресенского Мало-Коломенского храма¹⁸⁵ был закрыт в марте 1932 года и взорван.

Из «периферийных иосифлянских ячеек контрреволюционной организации» в Ленинградской области, связанных с храмом Воскресения на Крови, были названы следующие церкви:

- Храм Прпмч. Андрея Критского при Благотворительном обществе ревнителей веры и милосердия на станции Володарская Балтийской железной дороги, служил кафедрой епископа Сергия (Дружинина);

- Спасо-Преображенская церковь на станции Стрельна;

- Собор Феодоровской иконы Божией Матери в Детском Селе;

- церковь иконы Божией Матери Знамения в Петергофе;

- церковь Александра Невского в Красном Селе;

- церковь Святителя Алексея в Тайцах «служила своего рода кафедрой архиепископа Димитрия, особенно в летнее время», имела еще и «приписную церковь в селе Александровском во главе с игуменом Никодимом». Известно, что в храме Св. бл. князя Александра Невского в селе Александровском с 1927 по 1931 год служил иеромонах Ново-Афонского подворья Никострат (Лаврешов), строгий иосифлянин, в апреле 1931 года был арестован и отправлен на три года в лагерь;

- церковь Петра и Павла в Вырице;

- церковь Входа Господня в Иерусалим в селе Посолодино Лужского уезда;

- церковь Свт. Николая Чудотворца в селе Лебяжье за Ораниенбаумом¹⁸⁶.

В начале 1930-х годов все храмы были закрыты, однако их здания сохранились до наших дней, за исклю-

¹⁸⁵ По адресу: Воскресенская (Кулибина) пл., 1.

¹⁸⁶ Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 275–279.

чением здания Спасо-Преображенской церкви в Стрельне и Знаменской церкви в Петергофе.

Исповедническое духовенство иосифлянских церквей именовалось в материалах следственных дел «антисоветски настроенным», «реакционным», а его богослужebная и пастырская деятельность – «антисоветской пропагандой и агитацией». Относительно роли владыки Димитрия протоиерей Василий во время следствия подтвердил, что он стоял «в центре организации "истинно-православных"», отметив при этом, что владыка «затенял собою до некоторой степени даже личность самого митрополита Иосифа». А о пастырях-иосифлянах показал следующее:

«Протоиерей Викторин Добронравов, настоятель церкви Св. Николая, "группировал около себя в своем приходе преимущественно интеллигентный антисоветски настроенный слой населения". Архиепископ Димитрий весьма уважал отца Викторина, ценил его как хорошего работника-пропагандиста и организатора прихода и нередко советовался с ним по тем или другим вопросам, считаясь с его мнением.

Протоиерей Александр Советов, настоятель церкви Пресв. Троицы в Лесном, энергичный пастырь и яркий проповедник-агитатор, был в близких и дружественных отношениях с митрополитом Иосифом (Петровых) и постоянно переписывался с ним.

Иерей Николай Прозоров, служивший в церкви на Пискаревке, был близким советником владыки Димитрия (Любимова), уединенное положение его церкви позволяло им использовать ее для некоторых секретных дел, как варение св. мира и как "тайное" посвящение епископа Максима (Жижиленко).

Иерей Николай Ушаков, служивший в церкви на Охте – "фанатик, крайне непримиримо настроенный к советской современности человек, привлекал много антисоветского элемента и из города".

Протоиерей Сергей Никольский, настоятель церкви в Полюстрове, "способствовал распространению антисоветских настроений" среди своих прихожан-рабочих.

Протоиерей Димитрий Кратиров, настоятель Моисеевской церкви на Пороховых заводах, "считался хорошим проповедником-агитатором" и был близок к архиепископу Димитрию.

Протоиерей Василий Пронин, настоятель церкви Преп. Серафима Саровского, вел "антисоветскую работу среди рабочих за Нарвской Заставой".

Иерей Филофей Поляков, настоятель церкви Михаила Архангела в Коломне, активно вел "истинно-православную и антисоветскую агитацию среди местного мелкобуржуазного (торгового) класса".

Протоиерей Феодор Романюк, настоятель церкви на станции Володарская, был непосредственно связан с епископом Сергием (Дружининым), жившим при церкви, считался "человеком реакционных воззрений" и вел активную "антисоветскую пропаганду".

Протоиерей Измаил Рождественский, настоятель Спасо-Преображенской церкви на станции Стрельна, "человек враждебно настроенный к Советской власти и монархист по убеждениям", был хорошим проповедником и "привлекал в свою церковь массу посетителей из простонародья, главным образом пришедшего из города".

Иерей Михаил Рождественский, в 1928 году ставший настоятелем Спасо-Преображенской церкви на станции Стрельна после ареста и ссылки брата, продолжил его дело, хотя "не имел такого влияния на массы". Оба брата были непосредственно связаны с владыкой Димитрием.

Протоиерей Алексей Кибардин, настоятель Феодоровского собора в Детском Селе и бывший духовник императора Николая II, в храмовые праздники "устраивал торжественные архиерейские соборные служения, привлекая много паломников из Ленинграда, читателей монархического прошлого".

Протоиерей Константин Быстриевский, настоятель Знаменской церкви в Петергофе, был энергичным пастырем и хорошим проповедником.

Протоиерей Николай Телятников, настоятель церкви Александра Невского в Красном Селе, был "человеком старорежимных и монархических симпатий" и стал здесь опорой иосифлян.

Протоиерей Петр Белавский, настоятель церкви Свяителя Алексея в Тайцах, был близок к архиепископу Димитрию, жившему здесь в последнее время. Именно в его церкви "нередко проходили посвящения в священный сан приезжавших".

Протоиерей Георгий Преображенский, настоятель церкви в Вырице, "человек антисоветских настроений", был непосредственно связан с протоиереем Иоанном Никитиным, жившим здесь.

Протоиерей Алексей Вознесенский, настоятель церкви в селе Посолодино Лужского уезда, "человек реакционных, контрреволюционных воззрений", агитировал за "истинное православие" в деревне и в местном округе, рассказывая "о скором пришествии антихриста, о гибели власти и возвращении доброго старого времени".

Протоиерей Иоанн Лебедев, настоятель церкви в селе Лебяжье за Ораниенбаумом, "человек старых, антисоветских взглядов и симпатий", часто бывал в храме Воскресения на Крови»¹⁸⁷.

Безусловно, о каждом из упомянутых священников история сохранила гораздо больше, чем эти жалкие сухие строки из чекистских документов¹⁸⁸. Все они, будучи незаурядными и ревностными пастырями, подверглись жестоким репрессиям, прошли тюрьмы и лагеря, и большинство из них претерпело страдания и мученическую кончину. В 1930 году были расстреляны отцы Николай Прозоров и Сергей Тихомиров, в 1937 – отцы Викторин Добронравов, Сергей Никольский, Измаил Рождественский, Сергей Баташев. Из клириков храма Воскресения на Крови был расстрелян в 1937 году отец

¹⁸⁷ Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 275–279.

¹⁸⁸ Следует отметить, что упомянуты далеко не все даже из самых известных иосифлянских клириков Петроградской епархии. Общее же число иосифлянского духовенства до сих пор точно не известно. По данным Шкаровского М. В., примерно четверть духовенства епархии поддерживали иосифлян, вместе с монашествующими это составляло в общей сложности до 500 человек. Шкаровский М. В. Судьбы иосифлянских пастырей. С. 15.

Никифор Стрельников, в 1945 году скончался в тюрьме отец Алексей Вознесенский.

Неизвестна судьба приговоренных в 1931 году к 5 годам концлагеря отца Василия Пронина, к 4 годам концлагеря – отцов Георгия Преображенского, Иоанна Лебедева и Иоанна Ушакова. Ничего не известно о кончине приговоренных к заключению в концлагеря клириков храма Воскресения на Крови: отцов Александра Тихомирова, Василия Тулина и Иоанна Быстрыкова.

Примирились с митрополитом Сергием протоиерей Александр Советов и иерей Филофей Поляков¹⁸⁹, после войны воссоединились с патриархом Алексием I – отцы Василий Верюжский, Николай Телятников, Константин Быстриевский, Алексей Кибардин, Петр Белавский и Феодор Романюк.

1945–1947 . -

1988 .

, -
-

.

¹⁸⁹ Да не вменится это в клевету и нареkanie, но нельзя умолчать о том факте, что в среде иосифлян за отцом Филофеем закрепилась репутация «предателя и доносчика». Причем сам по себе факт перехода к сергианам в официальную Церковь не играл здесь роли. Как ни сокрушались иосифляне о переходе других, бывших иосифлянских батюшек, но ничего, кроме сожаления, в их адрес не выражали. Слабость, немощь человеческую понимали и по-человечески ей сочувствовали. Но предательства и «стукачества» не терпели и предателями справедливо гнушались.

Владыка Димитрий (Любимов) — руководитель «церковно-административного центра иосифлян»

Иосифляне рассматривались безбожными властями как непримиримые враги. С ними не расправились сразу лишь по тактическим соображениям. Позволяя открыто действовать, даже допустив за ними регистрацию кафедрального собора, власти выявляли самый опасный с их точки зрения «контрреволюционный элемент», к ликвидации которого они вскоре не замедлили приступить. Лишь на начальном этапе власти особо не препятствовали возникновению антисергианской оппозиции и как будто даже способствовали ее росту¹⁹⁰.

Но уже в феврале 1928 года, будучи обеспокоены слишком активной деятельностью оппозиции, предприняли все необходимые меры, чтобы «несколько парализовать ее дальнейшее развитие»¹⁹¹. Одновременно активно расширялась агентурная сеть, и в первую очередь искалось «осведомление внутри группировки» иосифлян. Например, согласно донесению от 24 февраля 1928 года, был задержан и завербован один из распространителей противосергианской литературы¹⁹², а в до-

¹⁹⁰ В январе 1928 года в ответ на предложение Тучкова произвести обыски и аресты наиболее активных деятелей церковной оппозиции руководители Секретного отдела ГПУ Ленинграда указывали, что предпринимать репрессивные меры преждевременно, поскольку «церковная оппозиция еще только в стадии своего возникновения, что она настолько слаба, что малейшая с нашей стороны репрессия, хотя бы и к отдельным членам таковой, безусловно, может ее уничтожить, если не навсегда, то надолго». «Совершенно секретно. Срочно. Лично Тов. Тучкову. И не только ему»: Донесения из Ленинграда в Москву, 1928–1930 годы / Публикация, вступление и примечания А. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 11. М., Изд-во ПСТБИ, 2003, С. 336–337.

¹⁹¹ См. в предыдущей главе донесение в Москву от 17 марта 1928 года.

¹⁹² «Сов. секретно...» / Богословский сборник. Вып. 10. М., Изд-во ПСТБИ, 2002. С. 371.

несении от 27 октября сообщалось, что «в настоящее время один из священников, входящих в эту группу, нами завербован»¹⁹³. Впоследствии именно этим иереем-осведомом постоянно передавалась информация о действиях иосифлян, в том числе о собраниях духовенства и беседах епископа Димитрия (Любимова) с ним лично.

Связи иосифлян отслеживались через храм Воскресения на Крови, по версии следствия, «церковно-административный центр организации», которому стали придавать еще больший «вес» и «всесоюзное значение». Как подчеркивалось в документах следствия:

«Так как митр. Иосиф считался ленинградским митрополитом, то церковно-административный центр в Ленинграде превратился во всесоюзный, руководящий всей практической к.-р. деятельностью филиалов организации, раскиданных по всей территории Союза ССР»¹⁹⁴;

«В этот образовавшийся в Ленинграде церковно-административный центр организации тайком потянулись со всего Союза самые реакционные, изуверские, черносотенные элементы, видевшие в этой вновь возникшей организации возможность оказать сопротивление победоносному социалистическому наступлению в стране. Контрреволюционно настроенные монахи и монашки из закрытых и разгромленных монастырей, бродячие безместные попы, юродивые и бесноватые, руководители кулацких, церковных, черносотенных группировок — весь этот темный к/р. элемент, услышав о существовании центра "Истинно-православия", устремлялся в Ленинград к храму Воскресения»¹⁹⁵;

«Нужно иметь в виду, что так называемое "иосифлянство", или "истинное православие", как оно в последнем выражалось, коренилось глубоко в церковных традициях, в фор-

¹⁹³ «Сов. секретно...» / Богословский сборник. Вып. 11. М., Изд-во ПСТБИ, 2003, С. 339.

¹⁹⁴ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 5. Л. 6–7.

¹⁹⁵ Обвинительное заключение по следственному делу Н-7377 в 11 томах — дело «Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников "Истинно-православная церковь"». Далее именуется — «Дело ИПЦ».

мах прежнего строя бытовой и политической народной жизни. Социальная революция разрушила эти формы. Понятно, что она возбудила против себя реакцию не только в центре, но и на местах. И только одного слуха о митр. Иосифе, об архиеп. Димитрии, о храме Воскресения в Ленинграде было достаточно, чтобы привлечь в Ленинград эти реакционные элементы»¹⁹⁶.

Эти ненавистные для безбожников «реакционные элементы» на самом деле являлись лучшими представителями православного духовенства и церковного народа, как правило, наиболее ревностными и искренне верующими пастырями и мирянами. Их единственное преступление состояло в твердой вере и духовном противостоянии безбожию. Пример петроградцев привлек многих из них и помог определиться в сложной церковной обстановке: кого-то он подтолкнул к таким же решительным действиям, кого-то укрепил в уже принятом. За пастырским советом отовсюду стали обращаться к иосифлянам равнодушные к судьбе Православной Церкви пастыри и миряне, со всей страны стали приезжать в Ленинград самые разные люди, посланцы общин и приходов. Интересно свидетельство митрополита Иосифа, к которому в ссылку в Николо-Моденский монастырь заезжали некоторые из направившихся к иосифлянам:

«Некоторые приезжающие осуждали ленинградцев, что они так поздно отошли от митрополита Сергия, что они уже давно это сделали, однако, не имея у себя руководителя, они приезжали в Ленинград, прося принять и разрешить недоуменные вопросы. Обращающихся ко мне с теми или иными вопросами я направлял к епископу Димитрию, прося его решать все вопросы»¹⁹⁷.

¹⁹⁶ Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 268–269.

¹⁹⁷ ЦА ФСБ РФ. «Дело ИПЦ». Т. 11. Л. 317.

А вот еще свидетельство непосредственной участницы событий того времени Валентины Яснопольской. Она жила в Киеве и была прихожанкой храма Николая Доброго, где служил отец Анатолий Жураковский, не принявший Декларации митрополита Сергия. Летом 1928 года во время отпуска Валентина собралась в Ленинград, и ей было поручено повидать епископа Димитрия и узнать подробно о положении церковных дел.

«Владыка служил в храме Воскресения на Крови на канале Грибоедова; там были дивные службы. Там и состав духовенства был замечательный — все потом стали мучениками. Я не решилась подойти к епископу в храме и отправилась к нему домой. Он жил в районе Садовой улицы. На двери висела табличка: "Епископ Гдовский Димитрий Любимов". Дверь мне открыла его домоправительница матушка Анастасия. Она сказала, что владыка уехал в город, но если я хочу, то могу его подождать. Я осталась и ждала довольно долго.

Наконец владыка приехал, и не один. Через стенку я услышала, как мать Анастасия сказала: "Владыка, вас долго ждет какая-то барышня". Я сидела в столовой, где был накрыт стол. Вошел владыка, высокий и величественный, с какой-то необычайной духовностью и кротостью во всем облике, и спросил, какое у меня к нему дело. Я отвечала, что приехала из Киева, где Декларация митрополита Сергия вызвала большую тревогу и недоумение. Киевские верующие, узнав, что в Петрограде есть епископ, открыто не принявший ее, поручили мне узнать об этом подробнее. Владыка Димитрий со всей серьезностью рассказал мне, тогда еще девчонке (мне было 23 года, а на вид еще меньше), что в Церкви существует положение, по которому при чрезвычайных обстоятельствах епископ может объявить о своей независимости от вышестоящих церковных властей и отделиться от них, сохраняя за собой право совершать богослужения и таинства. Митрополит Сергей зорко следит за духовенством и при малейшем колебании касательно принятия его Декларации запрещает в служении. Поэтому они с епископом Сергием (Дружининым) и митрополитом Иосифом (Петровых) поспешили объявить — пока митрополит Сергей не успел их запретить — о своем несогласии с

Декларацией и отделении от официальной Церкви. Еще долго и терпеливо говорил он мне о канонических правилах и приводил примеры из церковной истории, свидетельствующие о праве отделяться от официальной Церкви»¹⁹⁸.

С марта 1929 года после своего переезда в Ленинград Валентина стала постоянно посещать службы в храме Воскресения на Крови, видела она и служение епископа Димитрия: «Когда он выходил, благословлял народ, то за словами архипастырской молитвы "Да будут милости Великого Бога... со всеми вами" чувствовался настоящий служитель Великого Бога»¹⁹⁹.

К владыке Димитрию приезжали священнослужители из многих городов и областей страны: из Вятской, Воронежской, Харьковской, Костромской, Оренбургской областей, из Серпухова и Твери. Все приезжавшие прежде всего «подвергались предварительной исповеди у особых духовников», протоиереев Сергия Тихомирова и Иоанна Никитина, иерея Николая Прозорова и отчасти протоиерея Никифора Стрельникова.

«Приезжали преимущественно в зипунах, поддевках, так что трудно было распознать их духовный сан в толпе. В церкви они снимали верхнюю одежду и оставались в одетых внизу подрясниках или переодевались тут же в подвальном помещении церкви. Первое время приезжавшее из провинции духовенство останавливалось и ночевало в подвальном помещении церкви, но после обыска в церкви эти ночлеги прекратились»²⁰⁰.

После исповеди у духовника присоединившийся направлялся к владыке Димитрию. Некоторым из священнослужителей владыка давал духовное право принимать через исповедь клириков из своего округа, осво-

¹⁹⁸ Валентина Яснопольская. Счастливый случай: воспоминания / Мироносицы в эпоху ГУЛАГа. // Сост. П. Г. Проценко. Нижний Новгород, 2004. С. 500–501.

¹⁹⁹ В. Яснопольская. Указ. соч. С. 515.

²⁰⁰ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 280–281.

бождая их от необходимости лично приезжать в Ленинград. Кроме того, епископ Димитрий рукоположил немало священнослужителей как для Петроградской, так и для других епархий. Эти рукоположения позднее станут серьезным обвинением владыке, как «средства увеличения руководящих кадров организации из антисоветских элементов города и деревни», получавших от него «углубление своих контрреволюционных взглядов, санкцию вербовать в число последователей контрреволюционной организации из духовенства соседних с ними приходов – ячеек контрреволюции»²⁰¹.

Часто рукоположения производились по ходатайству приходов различных епархий. Характерна выдержка из письма прихожанина храма Воскресения на Крови, Ивана Ивановича Рябова, уроженца Тверской губернии, проживавшего в Ленинграде. Он писал своему другу Егору Никитовичу Сидоренков, псаломщику церкви погоста Песочня Ржевского района:

«Сегодня 29-го за поздней литургией совершалось рукоположение Димитрием из диаконов во пресвитера для Олонецкой губернии. На приходскую должность прихожане сами по духу выбирают себе пастыря не Сергиевского течения, а Дмитриевского направления. Таких уже было несколько рукоположений. Я подумал о тебе, тоже не худо бы переменить мысли о настоящем моменте <...> вот люди разбираются, отказываются от своих священников, идущих по Сергиевской указке, а призывают хотя и молодых, но понимающих, что значит измена или малое отклонение от постановлений апостолов»²⁰².

Чекисты называли рукополагаемых «темным», «фанатичным элементом», верующие же почитали их исповедниками, мужественным примером которых вдохновлялись на подвиг духовного противостояния

²⁰¹ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017.Т. 1. Л. 160–162.

²⁰² Тверской центр документации новейшей истории. Ф. 7849. Оп. 1. Д. 25701с. Т. 2. Л. 163.

усиливающемуся безбожию. Принятие духовного сана в то время влекло за собой не только лишение всех политических

и социальных прав, причем «лишенцами» становились и священнослужители, и члены их семей, но в дальнейшем и жестокие преследования, вплоть до расстрела. И это понимали все, в том числе и сами посвящаемые.

«В эти времена — как Вы, конечно, знаете, — были церковные события и разделения на разные юрисдикции, основы различия были очень глубоки и исконны; мы все волновались наподобие эпохи Вселенских Соборов. Я пела (не в качестве службы, конечно, а для практического изучения церковного пения) в великолепном храме Воскресения на Крови и своими глазами лицезрела каждое воскресенье хиротонии — некое неиссякаемое число монахов, священников и диаконов, из коих, вероятно, каждый знал, что идет, если не на смерть, то на подвиг, — то были страстотерпцы, праведники, мученики, подвижники. Были и пожилые, и средних лет — иереи, о которых можно говорить лишь с предельным благоговением»²⁰³.

Рукополагаемые епископом Димитрием иоанниты удастаивались в материалах следственных дел особо презрительных характеристик как «изуверы», «крайние фанатики», «антисемиты» и «приверженцы монархии». Владыка Димитрий выделял иоаннитов среди верующих, считая их православными по духу и вере, людьми строгой праведной жизни, ревнителями церковных традиций и преданий²⁰⁴. Очевидно, что владыка

²⁰³ Из письма известной пианистки Марии Юдиной отцу Герасиму (Прокофьеву). 1965 год. / Мария Юдина. Лучи Божественной Любви. Литературное наследие. М.; СПб., 1999. С. 525.

²⁰⁴ Движение иоаннитов, возникшее еще в конце XIX в. вокруг настоятеля Андреевского собора в Кронштадте, отца Иоанна Сергеева, было непростым явлением. Так, иоаннитами называли и православных почитателей отца Иоанна, но были и экзальтированные почитатели кронштадтского духоносного пастыря, дей-

имел дело не с иоаннитами-сектантами, а с православными почитателями св. Иоанна Кронштадтского, каковым являлся и он сам, с детства знавший отца Иоанна, друга и – в полном смысле этих слов – сослуживца и сотрудника на пастырской ниве его отца, протоиерея Гавриила Любимова.

В соборе Воскресения иоанниты старались после или перед богослужением обязательно подойти кладыке под благословение, очень часто многие из них подходили именно к нему, когда он причащал, чтобы от него получить причастие. Иоанниты-«книгоноши» распространяли вместе с крестиками и иконками разную литературу, в том числе и антисергианскую, вроде «Киевского воззвания»²⁰⁵, как в городе, так и в провинции. Когда же они ездили по деревням, то вместе с церковной проповедью убеждали крестьян не вступать в колхозы, распространяя слухи, что «чаша скоро закроется, и православие скроется и должно уйти в подполье»²⁰⁶.

Близко к иоаннитам по своему умунастроению примыкали монахини из закрытого Иоанновского монастыря на Карповке, которые также были почитателями св. Иоанна Кронштадтского, создателя и духовного наставника их монастыря. Нужно отметить, что в целом многие иосифляне считали прав. Иоанна Кронштадтского святым и часто в их молитвенных уголках рядом с ико-

ствительно впавшие в прелесть и глубокие заблуждения, вплоть до обожествления отца Иоанна, почитания его «воплотившимся Христом».

²⁰⁵ Замечательный по глубине содержания и выразительности отклик на Декларацию митрополита Сергия, написанный, очевидно, протоиереем Анатолием Жураковским. Действительно, имел широкое хождение в среде иосифлян наряду с письмами епископа Виктора (Островидова) и другими антисергианскими документами. Машинописные и стеклографические копии «Киевского воззвания» были изъяты при первых массовых арестах в Ленинграде в ноябре 1929 года. Полностью текст этого документа приведен в главе 2.

²⁰⁶ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 157.

нами был и портрет «батюшки дорогого», как они с любовью его называли²⁰⁷. Владыка Димитрий уделял монашеству особое внимание, называя его опорой иосифлянского движения, а для чекистов это был «фанатичный и крайне контрреволюционный элемент»:

«В храме Воскресения с момента его отхождения под контрреволюционный лозунг, выставленный митрополитом Иосифом, *<спасть Истинную Церковь от разложения ее большевиками>* было много монашек и из других закрытых монастырей. Они распространяли всевозможные слухи о близком конце мира, о пришествии антихриста, о "скрытии" Православной Церкви в потаенных местах, о том, что Церковь уже теперь должна идти в подполье, о том, что теперь нигде в церквах благодати уже нет»²⁰⁸.

Владыка Димитрий постоянно благословлял совершать монашеские постриги верующих как своей, так и других епархий. Многие из постригов были совершены тайно, проходили они на квартирах и иногда во внебогослужебное время – без прихожан – в храмах. Игумен Клавдий (Савинский), которому владыка поручил духовное окормление монашествующих, в течение двух лет постриг тридцать четыре монахини. Также тайные постриги совершали епископы Сергей (Дружинин) и Василий (Докторов). Некоторые из монашествующих становились «своеобразными миссионерами истинного православия», например, новгородский иеромонах Гавриил (Владимиров), «посредством бесед и листовок» распространявший «истинное православие» в пределах Новгородского и Псковского края. Тайные

²⁰⁷ Впоследствии дожившие до церковного прославления отца Иоанна питерские иосифляне с великой радостью переписывали службу, привезенную в начале 1970-х годов из Америки, из Синода Русской Православной Церкви за границей.

²⁰⁸ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 158.

постриги, по версии чекистов, были одним из методов «увеличения кадров организации»:

«Политические мотивы введения тайного монашества заключались в стремлении увеличить кадры надежных для церкви лиц, которые были ценны уже тем, что не могли изменить ей; и, во-вторых — они с большей безопасностью и более незаметно могли распространять "истинное православие" и работать в духе контрреволюционных установок организации, в духе борьбы с безбожной властью»²⁰⁹.

В том же ключе рассматривалось и посвящение в архиереи, как необходимость создания «тайного епископата в целях увеличения числа епископов и в целях обезопасить контрреволюционную организацию от арестов ее епископов со стороны Советской власти». О тайной архиерейской хиротонии Максима Жижиленко осенью 1928 года показал на следствии протоиерей Василий Верюжский: «Посвящение было произведено епископами Димитрием Любимовым и Сергием Дружининым в Пискаревской церкви. Я участвовал в служении при этом посвящении. "Тайным" епископ Максим оставался недолго. Вскоре он был назначен епископом Димитрием уже в качестве явного епископа в Серпухов, в противовес сергианскому серпуховскому епископу Мануилу Лемешевскому»²¹⁰.

Назначение первого²¹¹ иосифлянского епископа в Серпухов было неслучайным. Здесь организовалось сильное антисергианское движение, охватившие практически все храмы города. Кроме того, с серпуховскими клириками были тесно связаны категорически не принявшие Декларацию и отделившиеся от митрополита

²⁰⁹ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 281.

²¹⁰ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 282.

²¹¹ В показаниях обвиняемых во время следствия упоминаются также кандидаты в тайные епископы: архимандриты Никон (Катанский), Алексей (Терешихин) и Клавдий (Савинский), однако достоверных документальных подтверждений об их рукоположении пока не найдено.

Сергия священнослужители ряда московских и тверских храмов. Как вспоминала В. Д. Пришвина, ставшая прихожанкой иосифлянских храмов:

«Все мои московские друзья отшатнулись от митрополита Сергия, и знающие и не знающие историю, но имеющие опыт церковной жизни. Мне рассказали, что когда после литургии о. Роман²¹², выполняя указ, прочел с амвона воззвание митрополита Сергия, несколько человек, не сговариваясь, выбежали из храма и больше в него не вернулись. Это произошло еще в бытность мою на Кавказе. Сцены, подобные описанной, повторились во всех храмах и по всей России.

К митрополиту Сергию шли и ехали ходоки от мирян, и ближних и дальних, шли послания по рукам и по почте от мирян и духовенства. Мы читали своими глазами эти документы: они были величественны, искренни, напоминали по духу мученические акты первохристианства, сохраненные, к счастью, человечеством в подлинниках. Не знаю, сохранились ли документы о подобных актах 1927 года XX столетия. Никто не призывал в них к борьбе с государственным строем. Все стояли вне оценок форм гражданской жизни, вне классовых и материальных интересов. Их связывала лишь одна мысль: люди умоляли Сергия не уступать государству независимость, приобретенную и приобретаемую кровью и жизнью мучеников»²¹³.

Хотя с Декларацией и политикой митрополита Сергия были не согласны многие из московских священников, но большинство из них заняло неопределенную позицию – не соглашались с митрополитом Сергием и, тем не менее, не уходили от него, продолжали его почитать или, не поминая, не прерывали канонических связей. Однако были и такие, которые самым решительным образом общение порывали и сразу обращались к иосифлянам. Так, одним из первых перешел непосредственно к епископу Димитрию Гдовскому настоятель храма Ни-

²¹² Роман Медведь, настоятель храма Св. митрополита Алексия в Глинищах.

²¹³ Пришвина В. Д. Невидимый град. М., 2003. С. 373–374.

кола Большой Крест на Ильинке, известный и весьма уважаемый в церковных кругах протоиерей Валентин Свенцицкий. 30 декабря/12 января 1928 года он уведомил об этом митрополита Сергия:

«Сознавая всю ответственность перед Господом за свою душу и за спасение душ вверенной мне паствы, с благословения Димитрия (Любимова), епископа Гдовского, я порываю каноническое и молитвенное общение с Вами и организовавшимся при Вас совещанием епископов, незаконно присвоившим себе наименование "Патриаршего Синода", а также со всеми, находящимися с Вами в каноническом общении»²¹⁴.

В тот же день отошли от митрополита Сергия священнослужители подмосковного Серпухова. В своем письме они заявили, что порывают каноническое и молитвенное общение с митрополитом и его так называемым «Патриаршим Синодом» на том основании, что он поставил Церковь в зависимость от гражданской власти и лишил ее внутренней свободы и самостоятельности:

«Вы являетесь не чем иным, как продолжателем так называемого "обновленческого" движения, только в более утонченном и весьма опасном виде, ибо, заявляя о незыблемости Православия и сохранении каноничности, Вы затума-

²¹⁴ Далее он писал: «Декларация Ваша от 16 (29) июля и все, что общеизвестно о Вашем управлении Церковью со времени издания Декларации, с несомненностью устанавливает, что Вы ставите Церковь в ту же зависимость от гражданской власти, в которую хотели поставить Ее два первых "обновления", – вопреки священным канонам Церкви и декретам самой власти гражданской. И "Живая Церковь", захватившая власть патриарха, и "григорианство", захватившее власть местоблюстителя, и Вы, злоупотребивший его доверием, – вы все делаете одно общее, антицерковное обновленческое дело, причем вы являетесь создателем самой опасной его формы, так как, отказываясь от церковной свободы, в то же время сохраняете фикцию каноничности и православия. Это более, чем нарушение отдельных канонов!» Акты Святейшего патриарха Тихона... С. 553.

ниваете умы верующих и сознательно закрываете от их глаз ту пропасть, к которой неудержимо влекут Церковь все Ваши распоряжения»²¹⁵.

Инициатива отхода серпуховского духовенства принадлежала священнику Троицкого собора Александру Кремышенскому. 2 января 1928 года на собрании духовенства в Серпухове он заявил, что митрополит Сергей «продался Соввласти и потому нужно порвать с ним всякую связь»²¹⁶. Вскоре иерей Александр уехал в Москву к М. А. Новоселову, а оттуда в Ленинград – к епископу Димитрию (Любимову), и тот назначил отца Александра благочинным. По его возвращении серпуховское духовенство упомянутым письмом известило митрополита Сергея о своем официальном от него отходе. Несмотря на то, что в августе 1928 года иерей Александр был арестован и выслан из Серпухова, целый ряд серпуховских храмов продолжали оставаться иосифлянскими под омофором епископа Димитрия. С владыкой Димитрием были также непосредственно связаны и монахи Высоцкого монастыря Серпухова и соседней Давыдовской пустыни во главе с ее настоятелем, архимандритом Иларием.

В Москве, кроме храма Николы Большой Крест, к епископу Димитрию присоединилось духовенство Крестовоздвиженского храма на Воздвиженке с настоятелем Александром Сидоровым²¹⁷; Троицкого в Никитни-

²¹⁵ Акты Святейшего патриарха Тихона... С. 547.

²¹⁶ Следственное дело № 3015 по обвинению членов нелегальной церковно-монархической организации «Истинного Православия» – Жижиленко, Кремышенского, Левковского и др. Т. IV. С. 1196–1200, вошедшее в состав общего дела 1930–1931 годов № 28850. ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-28850. Здесь и далее в данной главе, кроме отмеченных особо, цитаты из этого дела.

²¹⁷ Из воспоминаний об отце Александре княгини Н. В. Урусовой, которая встретила с ним в Крестовоздвиженском храме в 1927 году: «И облик будущего мученика-священника, и все служение поразили меня глубоко. Я давно, да и не помню где, не

ках²¹⁸ с настоятелем Сергием Голощаповым²¹⁹; Успенского храма в Гончарах с настоятелем Алексеем Вознесенским и священником Григорием Лысяком; Воскресения Словущего на Таганке с настоятелем Ипполитом Красновским и священником Николаем Троицким. Сохранилось письмо настоятеля Александра Сидорова к епископу Димитрию и ответное письмо владыки к нему²²⁰. После арестов клириков этих храмов приходские советы направляли к епископу Димитрию новых кандидатов на рукоположение. Все они также подвергались репрессиям и почти все погибли:

«Жизнь была наполнена самоотверженностью и страданиями. Начались аресты. Брали священников и мирян одинаково — всех, кто хоть сколько-нибудь выделялся в толпе тех храмов, где не поминали митрополита Сергия. Это не были

была так хорошо настроена духовно. Да и быть иначе не могло. Чувствовалось, что все молящиеся испытывали то же самое. В храме благоговейная тишина, ни хождения, ни разговоров даже шепотом не допускалось. Тарелочного сбора, нарушающего обычно углубление в молитву, не было. У дверей кружка на все требы и нужды церкви. Пел хор любителей, еще не арестованных прихожан». Княгиня Н. В. Урусова. Материнский плач Святой Руси. М., 2006. С. 268–271.

²¹⁸ Называемого также храмом Грузинской Богоматери.

²¹⁹ «Я помню сцену, когда на литургии в храме Грузинской Божьей Матери, не примкнувшем к митрополиту Сергию и поминавшем по прежнему — еще живого! — митрополита Петра, сослуживший с настоятелем храма провинциальный епископ помянул митрополита Сергия как главу Церкви. Сейчас же к нему в алтарь по рукам была послана записка, написанная одним из молящихся тут же на спине у стоявшего впереди человека. Записка была краткой, твердой, никого не оскорблявшей, но через нее говорил дух Церкви. Вскоре мы увидели этого епископа, который вышел из алтаря и, быстро пройдя между расступившимся народом, покинул храм. Это напоминало времена Вселенских Соборов, борьбу великих Отцов Церкви, но она происходила в наше время, на наших глазах. В. Д. Пришвина. Невидимый град. М., 2003. С. 373–374.

²²⁰ Они приведены в Приложении I.

тайные храмы в горах или тайные собрания сектантов. Нет, они открывали свои двери для всех среди городских улиц и ни от кого ничего не таили. Там собирались не заговорщики или подпольщики, а люди, простодушно открывавшие свою "разрешенную" им государством веру».

«Я была свидетелем, как в церкви Большого Креста на Ильинке (ныне снесенной) один за другим выходили из толпы прихожан молодые люди разных профессий, чтобы принять посвящение, заступить опустевшее место арестованного священника и через короткий срок последовать за ним и сгинуть навсегда. Иногда этот срок длился не больше одной недели. Так погиб Измаил Сверчков, тот самый студент Института Слова, затем исчезнувший с поля моего зрения и неожиданно оказавшийся священником этого храма»²²¹.

С московским и серпуховским духовенством было связано и тверское духовенство. На собрании духовенства в Твери 23 апреля 1928 года настоятель собора Христорожественского монастыря отец Александр Левковский заявил, что «в настоящее время есть только один архиерей, который говорит правду, что Соввласть преследует веру и церковь, – это Димитрий

²²¹ Пришвина В. Д. Невидимый град. М., 2002. С. 375. Пришвина писала о поразившем ее преображении этого прежнего студента ораторского факультета Института слова, «мешковатого молодого человека типа провинциального бухгалтера». «Студентом он производил почти отталкивающее впечатление сухого скептика. Я была поражена, когда в конце той зимы он мне сказал однажды: "Сегодня я выполнил свой долг, чего не делал с детства". Это значило, что он исповедался и причастился. Помню, его слова показались мне тогда невозможно сухими и оскорбительными для события, о котором он мне сообщал. Только позднее я поняла, что Измаил так говорил от благоговения перед тем, чего боялся касаться словами. А через несколько лет я снова встретила его – уже священником. Это был редкий на моей памяти и поразивший меня пример полного перерождения: даже внешне Измаил стал неузнаваем. Он светился внутренним изяществом, мягкостью, во время службы в храме был вдохновлен». Пришвина В. Д. Невидимый град. М., 2002. С. 229.

Гдовский». Через день-два отец Александр уехал в Ленинград, к владыке Димитрию, 2 мая он вернулся, созвал вторично тверское духовенство и объявил им: «...К Димитрию Гдовскому присоединились не только мы, но также Серпухов и другие города». Далее в материалах следственного дела утверждалось, что «благодаря отделению Левковского явочным порядком от митрополита Сергия и местного Тверского митрополита Серафима (Александрова) образовалась "дмитровская группировка"», а сам иерей Александр именовался как «неофициальный благочинный "дмитровского" реакционного церковного толка».

В 1928 году епископ Димитрий направил в Тверь в Желтиковской монастырь иеродьякона Фотия (Солодова). Прежде тот был насельником Новгородского Вязищского монастыря, откуда ушел по причине несогласия с игуменом, принявшим Декларацию митрополита Сергия. Фотий обратился к митрополиту Иосифу, которого знал по службе в Новгороде, и владыка направил его в Ленинград, в храм Воскресения на Крови. А через несколько месяцев владыка Димитрий направил его в Тверь, где иеродьякон Фотий служил до закрытия монастыря в ноябре 1930 года.

Позднее на одном из допросов в июне 1931 года Фотий показал, что «местное дмитровское духовенство держало постоянную живую связь с правящими епископами в Ленинграде», что ездили в Ленинград по очереди, что «писем совершенно не писалось», так как епископ Димитрий «письменной связи поддерживать не разрешил, предлагая периодически являться лично»²²². В 1929 году владыка Димитрий назначил настоятелем Желтиковского монастыря иеромонаха Горгония (Анисимова), монаха Ново-Афонского монастыря,

²²² Тверской центр документации новейшей истории. Ф. 7849. Оп. 1. Д. 25317-с.

прежде служившего на подворье монастыря в Петербурге.

В 1929 году в Тверь приехал священник Николай Модестов²²³ из села Наумовка Бугурусланского округа. После беседы с отцом Александром он решил вступить в общение с владыкой Димитрием и просил назначить ему в помощники священника. Иерей Александр рекомендовал и направил в Ленинград Владимира Бартоломея, служившего у него псаломщиком. После рукоположения отец Владимир приехал в село Наумовка, но через две недели был там арестован и выслан из Бугурусланского округа. Он вернулся в Тверь и служил в Желтиковском монастыре. Вероятно, в ноябре 1929 года он еще раз ездил к архиепископу Димитрию для решения церковных вопросов, среди них был вопрос об установленных советской властью патентах на продажу свечей и просфор в церквях. По этому поводу владыка зачитал иерею Владимиру письмо от митрополита Иосифа:

²²³ Интересны показания отца Николая на допросах в 1932–1933 годах по групповому делу «религиозно-монархической организации филиала контрреволюционного центра ИПЦ в Татарской АССР», как одного из основных обвиняемых. Говоря о «двух ответвлениях в руководстве ИПЦ», где с одной стороны – это митрополит Иосиф Петровых, архиепископ Димитрий Гдовский и митрополит Кирилл, а с другой – епископ Андрей, бывший князь Ухтомский, он пояснил: «По существу, те и другие составляли одно тождественное целое, но в своей практической деятельности имели некоторые разногласия, в частности, по вопросу признания законности прав на местоблюстительство патриаршего престола митр. Петра Крутицкого, с одной стороны, и правильности решения старообрядческого вопроса, с другой». В Казани на встрече с уфимским священником Аркадием Волокитиным отец Николай высказал свое пожелание: «Как бы хорошо было, если бы эти четыре архипастыря шли одною дорожкой и примирились бы – митр. Петр, архиеп. Андрей, митр. Кирилл и митр. Иосиф – трое последних терпя подле себя первого». Архив УФСБ РФ по Республике Татарстан. Дело Модестова. 1932 год.

«В этом письме говорилось, что священники должны внушать церковным советам и доводить до их сознания, что от патентов отказываться не следует, но что это мероприятие власти противно духу православия, как приравнивающее церковь лавочке. <...> Архиепископ Димитрий собирался передать мне письмо для Левковского, но закончить и передать это письмо не успел, так как был арестован».

Осенью 1928 года епископы Димитрий и Сергей рукоположили на Серпуховскую кафедру епископа Максима (Жижиленко). Владыка Максим весьма укрепил антисергианское движение в Москве и Московской области. Однако в мае 1929 года он был арестован, и после этого московские иосифляне вновь стали обращаться непосредственно к владыке Димитрию. Так, например, приехавший в Серпухов с Украины иерей Николай Ищенко, принятый церковным советом Спасо-Занарской церкви, обратился с прошением к архиепископу Димитрию об утверждении его при этой церкви. Позднее на допросе он показал, что свое прошение он передал иеродиакону Капинусу Анувию, который ехал для рукоположения в сан иеромонаха. После возвращения отца Анувия он получил записку от владыки, в ней говорилось, что иерей Николай назначается временно исполняющим обязанности священника Спасо-Занарской церкви, но до возвращения из ссылки ее настоятеля.

Рукоположенный владыкой Димитрием иеромонах Анувий служил в Покровской церкви Серпухова, в дальнейшем подвергался арестам и много лет провел в лагерях, а после войны до самой своей кончины в 1966 году осуществлял катакомбное служение в Воронежской области, окормляя десятки тайных монашествующих и сотни православных христиан. Весной 1929 года священник Илья Крылов из села Гора Орехово-Зуевского района Московской области ездил в Ленинград и присоединился к владыке Димитрию, тогда же и священник Иоанн Инюшин из села Малыгино Загор-

ского района, а через него и монашествующие закрытой Троице-Сергиевой лавры. В Клинском районе целая община монахинь бывшего Акатьевского монастыря окормлялась иеромонахом Мелхиседеком (Лихачевым), также присоединившимся к владыке. Установила связь с епископом Димитрием и община иеромонаха Феофана Ишкова в Вышнем Волочке.

В дальнейшем, во время массовых арестов, в оперативных сводках, «Постановлениях об аресте», протоколах допросов, «Обвинительных заключениях», наряду с терминами «истинно-православные», «иосифляне», «иосифовцы», часто употреблялись: «дмитровцы», «дмитровское течение» и «дмитровской ориентации»²²⁴. Использовали эти термины и сами обвиняемые:

«Жили мы как на вулкане, ожидая с минуты на минуту ареста, потому что представителей "дмитровского" течения арестовывали именно за то, что они принадлежат к данной церковной ориентации, а не за активные правонарушения»²²⁵.

«Принадлежу я к "дмитровскому" течению потому, что далеко не сторонник Советской власти»²²⁶.

²²⁴ «ХП-30 г. Нач. Тверского Оперсектора ОГПУ

По Вашей спецсводке № 10 проходит около 20 монашек, сторонниц Дмитровской ориентации, причем многие из них принимали активное участие в а/с работе ликвидированной к-р. группы Левковского. С получением сего – общите, арестуйте и доставьте к нам со спецконвоем наиболее активный элемент из числа этих монашек не старше 50 лет».

«8 XII – 1930 г. СО ПП ОГПУ МО /3 Отделение/

Вместе с сим сопровождаются арестованные по Вашему предложению проходящие по разработке "Иосифовцы" (с. Гора)».

²²⁵ Из показаний иерея Николая Ищенко, настоятеля Спасо-Занарской церкви в Серпухове. «Хотелось бы всех поименно называть...»: По материалам следственных дел и лагерных отчетов ГУЛАГа / Составитель И. И. Осипова. М., 1993. С. 17.

²²⁶ Из показаний Арсения Фессалоницкого, священника Никольской церкви на Плацу в Твери. «Хотелось бы всех поименно называть...»: По материалам следственных дел и лагерных отчетов ГУЛАГа / Составитель И. И. Осипова. М., 1993. С. 17.

К началу 1931 года почти все духовенство «дмитровского церковного течения», а также монашествующие и активные миряне были репрессированы. Серпуховское, тверское и часть московского духовенства проходило по одному групповому делу. В феврале 1931 года по нему был вынесен приговор: 17 человек, главным образом священнослужители, в том числе епископ Максим (Жижиленко), были расстреляны. В мае 1931 года был вынесен приговор еще по одному групповому делу в Московской области – 60 человек из Загорского, Клинского и Сходненского районов были осуждены, из них 9 человек, в том числе 4 священника, были также расстреляны.

Архиепископ Димитрий во главе антисергианского движения в других регионах

Подобно московским «иосифлянам-дмитровцам», непосредственно к архиепископу Димитрию присоединялись клирики из других епархий. Так, в начале 1928 года к владыке Димитрию обратились клирики и монашествующие Перекомского монастыря под Новгородом. Впоследствии почти одновременно с владыкой, в конце 1929 года, они были арестованы по одному делу. В Обвинительном заключении по этому делу говорилось, что после выхода Декларации митрополита Сергия «крайне реакционная» группа монахов «вступила в контакт с Центром оппозиции в лице епископа Димитрия Гдовского и примкнула к группе иосифлян, войдя в духовное общение с ними»²²⁷.

Из Новгородской епархии к иосифлянам присоединился приход Спасо-Преображенской церкви в Новгороде и несколько сельских приходов. Также присоединился и целый ряд приходов и общин в соседней Псковской епархии. В следственных материалах под-

²²⁷ Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 1. Л. 486.

черкивалось, что руководители этих групп имели «живую связь с Центром в лице архиепископа Димитрия», что они ездили в Ленинград неоднократно и, посещая владыку, «получали от него соответствующие указания в дальнейшей работе»²²⁸.

В июле 1928 года к владыке Димитрию обратился киевский священник Димитрий Иванов, настоятель храма в Покровском женском монастыре. За ним последовал священник местной церкви Виктор Давидович и инокини монашеской общины в Ирпени. Осенью 1928 года еще несколько киевских священников, прервавших общение с митрополитом Сергием и киевским митрополитом Михаилом (Ермаковым), присоединились к иосифлянам. Среди них замечательный пастырь и проповедник отец Анатолий Жураковский, написавший Киевское воззвание-обращение к митрополиту Сергию и еще ряд документов, которые потом широко распространялись среди иосифлян. В конце октября иерей Андрей Бойчук отвез в Ленинград письменное прошение к владыке Димитрию, и с тех пор киевляне стали поминать владыку в храмах и обращаться к нему по всем пастырским вопросам. С киевскими иосифлянами были связаны приходы и общины в других областях Украины, а также и в соседней Белоруссии. В июле 1928 года три гомельских священника написали письменные заявления о присоединении к епископу Димитрию, которые передали с киевским священником Димитрием Ивановым, направлявшимся в Ленинград; связались с епископом Димитрием и несколько приходов в Витебской епархии. Также непосредственно к владыке Димитрию обратились общины в Оренбургском округе и Самаре. Их посланцы посещали Ленин-

²²⁸ Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 1. Л. 487.

град, получали «иосифлянские» документы, а владыка направлял в Самару священнослужителей²²⁹.

Установили связь с иосифлянами и священнослужители Ярославской епархии. Об этом есть интересные свидетельства в материалах следственного дела церковной группы г. Углича Ивановской промобласти 1931 года. Так, при обыске 24 февраля 1931 года у монаха Алексеевского монастыря Петренко Порфирия Яковлевича была изъята переписка с архиепископом Димитрием Гдовским по вопросу о посвящении в игумены иеромонаха Игнатия и резолюция архиепископа Димитрия Гдовского от 21 июня /4 июля 1929 г. на рапорте временно исполняющего обязанности благочинного церквей г. Углича протоиерея Димитрия Соколова об увольнении за штат иеромонаха Нектария <Афанасьева>.

Другой угличский монах, Геннадий Крылов, был рукоположен во иеромонаха летом 1930 года епископом Сергием (Дружининым) в храме Воскресения. Во время следствия иеромонах на вопрос, почему он поехал посвящаться в Ленинград, ответил: «Потому, что я принадлежу к Истинно-Православной Церкви, епископ которой живет в Ленинграде. К Истинно-Православной Церкви принадлежит все духовенство г. Углича и района, и кроме Ленинградского епископа и высланного епископа Угличского Серафима мы никого не признаем. Рукополагаться в Ленинград меня направила община Алексеевского монастыря»²³⁰.

В Костромской области негласным иосифлянским центром стал Железно-Боровский монастырь Буйского района, где главную роль играл духовник монастыря

²²⁹ Подробные сведения по материалам региональных архивов об иосифлянах и их связях с Петроградом: Осипова И. И. «Сквозь огонь мучений и воды слез...». М., 1998. С. 24–122; Шкаровский М. В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999. С. 90–157.

²³⁰ Государственный архив новейшей истории Костромской области. Д. С-10706. Л. 63 об.

иеромонах Иоасаф (Григорий Меркулович Сазонов). В 1929 году монастырь был разорен, монахи арестованы и высланы из пределов губернии. Иоасаф из ссылки скрылся и перешел на нелегальное положение. Часто ездил в Ленинград. После закрытия монастыря поехал в Ленинград и поступил псаломщиком в Свято-Троицкую церковь монах Борисов Павел Владимирович²³¹, в 1930 году он был рукоположен в сан иеродиакона епископом Сергием Дружининым. В своих показаниях на допросах подтвердил:

«О задачах Истинно-Православной Церкви я узнал из личных бесед с Дмитрием Гдовским, с коим меня познакомил архимандрит Макарий (тоже находится в ссылке), от коего я и узнал об существовании так называемой “ИПЦ”...»

«Я лично слышал от Дмитрия Гдовского и еп. Сергея Дружинина, что к ИПЦ примыкает Вятская епархия, где имеется до ста приходов нашей ориентации, об этом мне также рассказывал иеромонах Варсонофий из Вятки. В Костромской епархии наших приходов как будто бы нет, но отдельные последователи имеются. За Иоасафом²³², по его словам, шло до 300 человек»²³³.

Вятская епархия особо выделялась по количеству антисергианского духовенства. Это духовенство в следственных документах именовалось «контрреволюционными кадрами», а главную заслугу в их формировании ОГПУ приписывало одному из «контрреволюционных вождей» – бывшему vikарию Вятской епархии, епископу Глазовскому Виктору (Островидову). У епископа

²³¹ 1906 года рождения, поступил в монастырь в 1924 году, в 1929 был пострижен в рясофор.

²³² Иеромонах Иоасаф погиб в декабре 1931 года в Ленинграде – попал под поезд (сбит с ног потоком воздуха между двумя поездами). Похоронен на Богословском кладбище, отпевал, вероятно, отец Анатолий Соголаснов.

²³³ Государственный архив новейшей истории Костромской области. Д-5652 с. Т. 2. Л. 32–32 об., 33 об.

Виктора сохранялись прочные связи с Петроградской епархией, где до возведения в епископский сан, с 1910 до 1919 года, он служил настоятелем Троицкого Зеленецкого монастыря, а затем в 1919 — наместником Александро-Невской лавры. Письма епископа Виктора митрополиту Сергию и другие документы широко распространялись среди верующих и духовенства²³⁴, о чем не преминул отметить в своем донесении в Москву 17 марта 1928 года начальник Ленинградского ОГПУ. О распространении воззваний епископа Виктора упоминал в своих показаниях на следствии в 1931 году Сергей Левицкий, слушатель богословских курсов, знакомый владыки по Ижевску и Глазову.

Приехав в Ленинград, он вел переписку с владыкой, информируя его о положении в Церкви. Как-то через неизвестную ему женщину он получил пакет с печатными воззваниями епископа Виктора, которые показал священнику Филофею Полякову: «В это время я уже сам примкнул к этой организации. Поляков, посмотрев эти бумаги Виктора, сказал, что это надо кое-кому показать». Через некоторое время они пошли вместе в церковь Св. Николая, где настоятелем был Викторин Добронравов, и решили воззвания епископа Виктора «размножить на пишущей машинке». Позднее Левицкий получил от псаломщика этой церкви отпечатанные воззвания, которые у него тут же «несколько штук разобрали, а остальные впоследствии разошлись по рукам разных лиц»²³⁵.

Епископ Виктор категорически не принял Декларацию митрополита Сергия и еще в августе 1927 года сразу же по прочтении отослал ее обратно автору. Тем не менее поначалу он, подобно петроградцам, не отхо-

²³⁴ В следственных делах иосифлян, в том числе и в первом деле 1929–1930 годов, по которому проходил владыка Димитрий, наличествуют машинописные копии писем владыки Виктора, изъятые при арестах.

²³⁵ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 340 об.

дил от митрополита Сергия и писал тому увещательные письма. Однако, столкнувшись с непробиваемым упорством и увидев разрушительные последствия церковной политики Сергия, владыка Виктор вынужден был прервать с ним каноническое общение. В начале декабря 1927 года от митрополита Сергия отошла Воткинская епархия, а 22 декабря и Глазовское духовное управление на своем заседании приняло решение воздержаться от общения с Сергием и признать своим духовным руководителем епископа Виктора. Этому примеру последовала часть духовенства Вятки, Ижевска, Яранского, Котельнического и Слободского районов²³⁶.

К епископу Виктору перешли несколько приходов и Усть-Клюкинский монастырь Пермской епархии. Как отмечалось в материалах следственных дел, проживающая группа монашек в Усть-Клюкинке «держит постоянную связь с духовенством Глазовского уезда и Ленинградским епископом Димитрием Гдовским. Принадлежат к к/р. группе "викторианства", т. е. находятся в подчинении б<ывшего> епископа Глазовской епархии Виктора; в селе Большая Соснова Сосновского района ими также организована "викторианская" группа, в которую входит местное монашество».

Игуменья Усть-Клюкинского монастыря монахиня Феофания (в миру Ольга Сметанина) была названа ОГПУ «основательницей "Викторианства" в Сивинском районе». Она ездила к епископу Виктору, а затем неоднократно посещала приходы района, по версии следствия, «с целью склонить на свою сторону и духовенство». В результате приходы в селах Екатерининское, Ново-Михайловское, Сатинское и Усть-Клюкинка отошли от епископа Пермского Павлина и присоединились к епи-

²³⁶ 10 (23) декабря 1927 года митрополит Сергей и его Синод наложили на епископа Виктора запрет в священнослужении. Постановление № 201. Акты Святейшего патриарха Тихона... С. 540, 606.

скопу Виктору. Священник Филипп Сычев, по свидетельству монахинь и прихожан, часто говорил:

«Молитесь, спасайтесь! Религия наша терпит небывалое гонение.

Надо тесней сплотиться, отстаивать свои церкви, выстроенные на народные деньги.

Церковь нашего монастыря подчинена Виктору, епископу Глазовскому, поминаются Димитрий Гдовский и Петр»²³⁷.

Епископ Виктор и его последователи постоянно были в контакте с петроградцами. В следственных протоколах «викторовцы» неизменно назывались в числе первых лиц, состоящих в контрреволюционной организации «истинно-православных», «иосифлян», непосредственно связанных с епископом Димитрием (Любимовым). Весной 1928 года, после ареста епископа Виктора, его приходы перешли под непосредственное управление епископа Димитрия. Владыка Виктор, будучи в заключении на Соловках, совершал, по свидетельству профессора И. А. Андреева, тайные богослужения с заключенными там архиереями: епископом Максимом (Жижиленко), Иларионом (Бельским) и Нектарием (Трезвинским).

Епископ Нектарий после освобождения из лагеря осенью 1928 года по совету епископа Виктора приехал в Казань. По пути он останавливался на несколько часов в Ленинграде, где виделся с некоторыми знакомыми, фамилии которых он отказался позднее назвать на допросе. Еще в 1927 году на Соловках владыка Нектарий получил через кого-то из заключенных профессоров и студентов, прибывших с очередным этапом из Ленинграда, просфору от епископа Димитрия Гдовского, по его словам, «в знак молитвенного общения». А уже в Казани на письмо, полученное от владыки

²³⁷ Государственный архив по делам политических репрессий Пермской области. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8893. Л. 55 об. – 56.

Димитрия, ответил телеграммой, в которой «сообщил о твердом единении с ними». Всего до ареста в Казани епископ Нектарий получил три письма от владыки Димитрия, и в свою очередь им было послано помимо телеграммы три письма. Письма передавались с нарочными.

«Содержание нашей с архиеп. Гдовским переписки включало в себя вопросы церковного порядка. Он мне писал о положении дел нашей организации «Истинно-Православная Церковь» в Ленинграде, о репрессиях на наше духовенство и верующих и пр.

Я в свою очередь запрашивал его о том, как обстоит дело с количеством единомышленников, не пора ли поминать Патриаршим Местоблюстителем митр. Кирилла вместо митр. Петра, в отношении канонического преемства которого есть сомнения, и поздравлял с праздниками. Сообщал также, что на Казань, в смысле привлечения здесь сочувствующих организации, не приходится, т. к. здесь верны еп. Афанасию, но что со стороны чуваш есть большое тяготение в сторону от митр. Сергия. <...> Такое же движение было и в Вятке, куда им требовалось поставить епископа, в качестве которого я рекомендовать кого-либо не находил возможным, т. к. не имел кандидата. Архиепископ Гдовский на это мне ответил, что ставить епископа — это значит подготовить нового кандидата в тюрьму»²³⁸.

На следствии 1930–1931 годов по групповому делу Казанского филиала (точнее, «филиала в Татарской АССР») контрреволюционного центра «Истинно-Православной Церкви» епископу Нектарию, среди прочих обвинений, вменялась непосредственная связь с владыкой Димитрием и московскими истинно-православными, а также «вербовка» священнослужителей и мирян в Истинно-Православную Церковь в Казани, Марийской, Вотской и Вятской областях.

²³⁸ Архив УФСБ РФ по Республике Татарстан. Д. 2-18199. Т. 3. Л. 575–576, 570.

В 1932 году священнослужители Яранского, Кикнурского, Котельнического и еще целого ряда районов Кировской и Нижегородской областей были арестованы по групповому делу «церковно-монархической организации "Истинно-Православная Церковь"». Им вменялось участие в этой «контрреволюционной» организации, непосредственное руководство которой осуществлялось «реакционными» епископами Виктором Глазовским и Нектарием Яранским, связанными с «Ленинградским центром ИПЦ». В Обвинительном заключении подчеркивалось, что после ликвидации первой группы «к.-р. организации, возглавляемой епископом Виктором» обвиняемые восстановили связь с Ленинградскими епископами Димитрием Гдовским и Сергием Нарвским и «продолжали к.-р. деятельность в духе установок еп. Виктора, получая в то же время указания» от Димитрия Гдовского, вплоть до 1929 года. «После 1929 года руководство филиалами к.-р. организации "ИПЦ" перешло к епископу Нектарию (Трезвинскому), возвратившемуся из ссылки, в которой Нектарий встретился с еп. Виктором и от последнего получил указания. После изоляции Нектария руководство филиалами к.-р. организации сосредоточилось в руках отдельных благочинных». Обвиняемые священники показали на следствии:

«После ареста епископа Виктора приходы 5-го Благочиннинского округа перешли под руководство архиепископа Димитрия Гдовского.

В 1929 году я по рекомендательному удостоверению Нектария ездил в Ленинград к архиепископу Димитрию Гдовскому, который меня посвятил в сан дьякона»²³⁹.

«Связь с епископом Ленинградским Сергием и Димитрием была письменная. В 1929 году я писал епископу Димитрию о священнике села Гостева, которого община удаляла с при-

²³⁹ Показания Касьянова А. И.

хода за нетвердость в ориентации, на мое письмо епископ предложил Фролову искать другой приход»²⁴⁰.

«Постоянным епископом нашего округа является епископ Глазовский Виктор. После его ареста нашим округом руководили епископы Дмитрий Гдовский, Сергей Нарвский. В настоящее время руководит благочинием свящ. Галицкий»²⁴¹.

«Руководство над приходами Шабалинского района архиепископ Дмитрий Гдовский поручил мне как благочинному»²⁴².

Вошли в общение с петроградскими иосифлянами и епископы Никольский Иерофей (Афонин) и Ветлужский Николай (Голубев), прервавшие общение с митрополитом Сергием. После гибели епископа Иерофея²⁴³ владыка Димитрий поручил руководство приходами в Великоустюжской епархии священнику Анатолию Шипунову с тем, «чтобы при нем были в качестве неофициальных советников несколько других священников», кто-то из них приезжал к владыке Димитрию за советом. Епископ Николай (Голубев) ездил в Ленинград и получил от архиепископа Димитрия разрешение на служение и организацию епархии. Позднее при обыске у владыки Николая было изъято следующее удостоверение:

«Предъявитель сего епископ Николай Голубев, бывший Ветлужский, ныне состоящий на покое, принадлежит к Православной Церкви, возглавляемой митрополитом Петром, и состоит в каноническом общении с митрополитом Иосифом.

²⁴⁰ Показания Попова И. А.

²⁴¹ Показания Прахова Н. С.

²⁴² Показания Галицкого П. С. Государственный архив социально-политической истории Кировской области. Фонд 6799. Оп. 8. Дело СУ 10267.

²⁴³ В мае 1928 года он был смертельно ранен чекистами во время ареста.

Временно управляющий Ленинградской епархией архиепископ Димитрий Гдовский. 1 июня 1929 г.»²⁴⁴

В мае 1928 года в Ленинград приехал управляющий Воронежской епархией, епископ Козловский Алексей (Буй). Еще 9/22 января 1928 года он отделился от митрополита Сергия и в своем послании написал, что избирает своим высшим духовным руководителем митрополита Иосифа (Петровых). Митрополит Иосиф отказался административно возглавлять воронежское духовенство и благословил епископа Алексея управляться самостоятельно. У епископа Алексея было несколько десятков приходов Воронежской епархии, а также множество приходов на юге России и Украине. Благочинным своих приходов на Кубани и в Ставрополье владыка Алексей назначил священника Василия Перепелкина из Ейска.

К тому времени к епископу Димитрию уже присоединился ряд приходов и общин на юге России, Северном Кавказе и Кубани. Владыка назначил там своими благочинными протоиереев Николая Стефановского и Герасима Цветкова из Пятигорска и рукоположил ряд священников для кубанских приходов. Духовенство, непосредственно подчинявшееся епископу Димитрию, конфликтовало с отцом Василием Перепелкиным, причем «конфликты между "бுவцами" и "дмитровцами" порой доходили до того, что одни не хотели служить с другими»²⁴⁵. Владыка Димитрий на совещании в квартире протоиерея Феодора Андреева, с участием епископа Алексея (Буя), московского протоиерея Николая Дулова и Михаила Александровича Новоселова, поручил епископу Алексею управление всем югом России. По совету владыки Димитрия епископ Алексей переехал в Елец, и с этого момента, как показали позднее свидетели, «на-

²⁴⁴ Осипова И. И. «Сквозь огонь мучений и воды слез...». М., 1998. С. 117.

²⁴⁵ Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 126.

чалась волна присоединений к нему духовенства Центрально-Черноземной области и Украины»²⁴⁶.

Свои приходы в Сумском округе епископу Алексею передал и епископ Майкопский Варлаам (Лазаренко). Он приезжал в Ленинград в марте 1928 года, встречался с владыкой Димитрием и, очевидно, вступил с ним в общение²⁴⁷, а затем поддерживал переписку через доверенных лиц. Позднее владыка Димитрий показал на допросе в декабре 1930 года: «Ввиду дальности расстояния жительства Варлаама от Ленинграда, было уговорено, что он будет действовать применительно к местной обстановке и в значительной степени самостоятельно»²⁴⁸. У епископа Варлаама был целый ряд тайных скитов и монастырей в Кавказских горах Причерноморья (в районе Туапсе – Сочи). Тем не менее часть кавказских монашествующих продолжали непосредственно обращаться к владыке Димитрию. Например, монах Онисим (Поль) в январе 1929 года ездил по благословению схимонаха пустынника Даниила (Бондаренко) в Петроград и был рукоположен владыкой Димитрием в священнический сан²⁴⁹.

Кроме тайных монастырских общин епископ Варлаам окормлял немало приходов и общин в казачьих станицах на Кубани. Когда в конце 1929 года чекисты проводили крупномасштабную операцию по ликвидации «Черноморского филиала ИПЦ», многие из последователей владыки Варлаама подверглись репрессиям. Так, только в Майкопском и Армавирском районе было арестовано более 100 человек, из них 27 священнослужителей. Приме-

²⁴⁶ Осипова И. И. Указ. соч. С.106.

²⁴⁷ Позднее владыка Димитрий пояснил, что хотя епископ Варлаам в момент его приезда к нему «не был признанным епископом, так как не все правила, по мнению некоторых лиц, были исполнены при его посвящении, но данным его я поверил».

²⁴⁸ ЦА ФСБ РФ. «Дело ИПЦ». Т. 11. Л. 208.

²⁴⁹ Пришвина В. Д. Невидимый град. М., 2003. С. 400.

чательны показания «свидетеля», священника и сторонника митрополита Сергия, который утверждал:

«Благодаря работе Димитрия Гдовского и его сторонника, самозваного Варлаама, реакционные круги станиц сплошь пошли за Гдовским. Лично мне в станице Дондуковской, где я служил священником, за то, что поминал гражданскую власть, угрожал почти самосуд, и я вынужден был получить перевод в другое место»²⁵⁰.

В июне 1928 года к епископу Димитрию обратился проживающий в Харькове епископ Старобельский Павел Кратиров (по-видимому, через высланного в Ленинград харьковского священника Николая Загоровского). Владыка Павел не признавал заместительских прав митрополита Сергия, считая его узурпировавшим высшую церковную власть, а по поводу его Декларации 1927 года и основанной на ней церковной политики написал несколько посланий²⁵¹. Ознакомившись с документами, присланными епископом Павлом, епископ Димитрий вошел с ним в молитвенное общение, и в дальнейшем они постоянно поддерживали переписку. Епископ Па-

²⁵⁰ Осипова И. И. Указ. соч. С. 102.

²⁵¹ «Ведь сергиевскую молитву <о властях> свободно можно перефразировать так: "о благополучном пребывании богоотступления Господу помолимся" или "об искоренении Христовой веры Господу помолимся". Митр. Сергий и его единомышленники направо и налево рассыпаются в уверениях, что все это они делают для спасения Церкви, для спасения церковного корабля. Но ведь каждому мало-мальски сведущему в делах веры христианину ясно, что Церковь Христова это не что иное, как Царство Божие, а оно, по словам Спасителя, внутри нас. Неужели же это Царство Божие внутри нас нуждается во всей этой мерзостной системе, которую допускает митр. Сергий во взаимоотношениях со внешними? Неужели из-за сохранения церковно-хозяйственного имущества (храмы, здания, утварь), канцелярии и ее принадлежностей можно продать Христа и Царство Божие?» Письмо епископа Павла Кратирова. 3 апреля 1928. ГА РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1. Л. 199–200.

вел окормлял немало общин Харьковской и Сумской епархий, а также в Одесской, Черниговской и других соседних епархиях.

Летом 1928 года епископу Димитрию привезли письменное ходатайство от духовенства Елисаветградской (Зиновьевской) епископии протоиереи Григорий Селецкий и Николай Виноградов. Владыка принял их и назначил отца Николая благочинным округа, куда входили четырнадцать храмов, кроме того, с ними были связаны приходы в Полтавской епархии. Летом 1929 года протоиерей Григорий Селецкий побывал в Стародубе у епископа Дамаскина (Цедрика), также прервавшего общение с митрополитом Сергием. Как выяснилось, владыка Дамаскин в целом был единомыслен с иосифлянами, в сентябре того же года он написал письмо владыке Димитрию, которое передал с отцом Григорием. В этом письме он выражал глубокую признательность владыке Димитрию и всем петроградским иосифлянам за мужественное исповедание веры и смелое выступление против беззаконий митрополита Сергия²⁵².

В ноябре 1928 года после встречи с епископом Димитрием в Ленинграде к иосифлянам присоединился епископ Бахмутский и Донецкий Иоасаф (Попов). К 1930 году у владыки Иоасафа было более пятидесяти приходов в Донецкой, Днепропетровской, Подольской епархиях и на Северном Кавказе. С весны 1929 года, после ареста епископа Алексия (Буя), владыке Димитрию пришлось вновь управлять приходами и общинами на юге страны. Известно, что владыка принял также благочиния Задонского округа Воронежской епархии, Ингулецкое и Александрийское благочиния Днепропетровской епархии, откуда к нему специально приезжали посланцы.

Это далеко не полный перечень приходов и общин, обращавшихся к епископу Димитрию, но и его вполне достаточно для того, чтобы представить масштабы архипастырской деятельности владыки. 25 декабря

²⁵² Об этом подробнее в Приложении II.

1928 года митрополит Иосиф подписал указ о возведении владыки Димитрия в сан архиепископа:

«Призывая всеусердно благословение Божие и молитвенное содействие, благоизволение Святейшего Отца нашего Патриарха Тихона и Его Преемника Местоблюстителя Патриаршего Престола, митрополита Петра, призвавшего и мое недостойнство к участию в продолжении Апостольской преемственности и служения, — нахожу благовременным и неотложно необходимым и достойным делом, чтобы почтен был заслуживающий просимого: возведения в сан архиепископа Преосвященного Димитрия, Управляющего Ленинградской епархией.

Да утвердит дело сие Пастыреначальник, Зиждитель и Хранитель Церкви Господь и Спаситель наш, Коему угодно было поставить нас в необходимость действовать так, чтобы "нуждою времени и препятствиями в соблюдении точности не стесняемы были пределы управления" (37 правило 6-го Вселенского Собора)»²⁵³.

Формально владыка Димитрий являлся лишь викарием Петроградской епархии, назначенным митрополитом Иосифом ее временным управляющим²⁵⁴. Однако фактически ему приходилось самостоятельно управлять не только петроградскими приходами, но целыми округами и благочиниями в других епархиях. Более того, под руководством владыки Димитрия оказались не только священники, но и архиереи, признававшие порой не только его духовное, но и административное руководство. На допросе в 1930 году митрополит Иосиф показал следующее:

«Первое время епископ Дмитрий являлся моим заместителем только по Ленинградской епархии, но впоследствии, когда антисергианское течение разрослось далеко за пределы Ленинградской епархии, я не мог ему запретить, да и сам

²⁵³ Архив УФСБ СПб ЛО. Д.П-78806. Т.4. Л. 103.

²⁵⁴ Так он и подписывался на документах.

с ним был согласен на то, чтобы всем обращающимся к нему за руководством он давал советы. Сам епископ Дмитрий по всем вопросам меня ставил в известность, спрашивая у меня, как у своего митрополита, советов и руководства».

К митрополиту Иосифу постоянно ездили клирики и миряне, привозили письма, передачи, задавали вопросы, и владыка разрешал споры и недоумения, давал указания и советы. Так, на одном из допросов владыка Иосиф показал²⁵⁵:

«Мой заместитель архиепископ Дмитрий Любимов через монахиню Анастасию Куликову запросил меня, как ему быть и поступать с вновь вступающими в нашу организацию. На этот запрос я через Куликову же дал указание, чтобы архиепископ Дмитрий в приеме новых лиц как из духовенства, так и из мирян был бы крайне осторожным, остерегался провокации. Тут же я ему писал, чтобы он ни в коем случае не прекращал поминовение митрополита Петра, так как это свидетельствует массам о нашем единении с митрополитом Петром. Писал ему, что, если по этому вопросу будет какое-либо "давление" извне, то, не боясь никаких репрессий, твердо стоять на своем. Предупреждал епископа Дмитрия, чтобы он строго следил за тем, чтобы каждая "двадцатка" представляла из себя крепко слитое ядро. Без единомыслящей "двадцатки", лиц, в ней состоящих, никакую работу духовную проводить нельзя».

«В одном письме я писал епископу Дмитрию, чтобы с лицами, которые приезжали с других городов и местностей, он был осторожнее, и прием их в наше общение производился после тщательной проверки приехавшего. Я лично принимал тех, кои имели письмо от епископа Дмитрия»²⁵⁶.

Митрополит Иосиф писал владыке Димитрию и по множеству других вопросов. К сожалению, из их переписки ничего не сохранилось или, по крайней мере, до сих пор не обнаружено. Однако и по сохранившимся

²⁵⁵ При этом протокол этого допроса он подписал с таким замечанием: «Записано с моих слов правильно, но тенденциозно».

²⁵⁶ ЦА ФСБ РФ. «Дело ИПЦ». Т. 11. Л. 309; 323; 329.

письмам митрополита к другим лицам явствует его постоянное и активное участие в обсуждении и решении самых разнообразных вопросов церковной жизни²⁵⁷. Тем не менее основное бремя архиерейского управления епархией и всей «иосифлянской» и антисергианской оппозицией, конечно же, лежало на владыке Димитрии. Как свидетельствовал митрополит Иосиф:

«Епископу Дмитрию предоставлена была полная свобода управления до того, что он позволял себе действовать даже вопреки моим ожиданиям и определенно выраженным желаниям и советам. Я не претендовал в таких случаях, оправдывая такие поступки епископа Дмитрия тем, что на месте ему виднее большая или меньшая целесообразность такого или иного решения. Во многих случаях, когда он спрашивал моего совета, я так и отвечал ему, предлагая на месте обсуждать дело с более опытными лицами из духовенства, если он не надеется на свой опыт и рассуждение»;

«Я был главой нашей организации в чисто церковном смысле. Практически действовал по моему доверию архиепископ Дмитрий»²⁵⁸.

Митрополит Иосиф хорошо осознавал всю трудность положения владыки Димитрия, которому приходилось в сложнейших условиях, под постоянным гнетом, с одной стороны, богоборческих властей, с другой – бывших властей церковных, осуществлять архипастырское руководство. В письмах митрополита Иосифа к петроградскому духовенству звучит тревога и искреннее сочувствие своему заместителю. Митрополит просит священников всеми силами помогать епископу Димитрию, вот концовка одного из писем иерею Николаю Прозорову: «Дорогой отче! Привет и благословение. И спасибо за помощь Владыке. Берегите его!» Или из письма дру-

²⁵⁷ См. опубликованные письма митрополита Иосифа в книге: «Священномученик Иосиф, Митрополит Петроградский». СПб., 2006.

²⁵⁸ ЦА ФСБ РФ. «Дело ИПЦ». Т. 11. Л. 332, 340.

гому протоиерею, по-видимому, Василию Верюжскому: «Бедный Владыка Д^{<имитрий>}. Такой груз выпал на его долю. Помогите ему Господи! Да и Вы, о^{<тец>} протоиерей, облегчайте его Вашею помощью, советом и трудами. Да поможет Вам во всем Господь!»²⁵⁹

А груз, действительно, владыке Димитрию выпал немалый. И это на восьмом десятке лет жизни и при отсутствии архиерейского опыта. Всего два года служения викарным архиереем и вдруг управление не только целой епархией, смятенной и взбудораженной происходящими событиями, но и множеством приходов и общин других епархий, совершенно различными по социальному составу, происхождению, политическим и прочим взглядам и умонастроениям. О переживаниях владыки Димитрия можно только догадываться. К сожалению, не осталось никаких его документов личного характера, ни строчки писем или дневниковых записей. Лишь «тенденциозные» протоколы допросов из следственных дел доносят сухую информацию о проблемах, с которыми ему приходилось сталкиваться.

Помимо множества обычных для архиерейской практики вопросов, владыка Димитрий постоянно должен был регулировать взаимоотношения между иосифлянскими священнослужителями, особенно на юге России и Украине: это упомянутые выше недоразумения между «буевским» и «дмитровским» духовенством на Кубани и Кавказе, разногласия между епископом Алексием (Буюм) и епископом Павлом (Кратировым); конфликты в Киеве между иереем Анатолием Жураковским, архимандритом Спиридоном, с одной стороны, и иереем Дмитрием Ивановым и другими иосифлянскими священниками, с другой²⁶⁰. И, наконец, в самом Петрограде

²⁵⁹ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 4. Л. 111 об.; 121.

²⁶⁰ Оставляем на ученой ответственности известного историка-архивиста М. В. Шкаровского упомянутые сведения, которые хотя и приводятся в подробном изложении в его книге «Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви», но очевидно

он столкнулся с еще более серьезным конфликтом в среде духовенства храма Воскресения на Крови.

О расхождении между епископом Димитрием и настоятелем Василием Верюжским подробно показал на следствии протоиерей Никифор Стрельников в своих весьма пространных показаниях. Так, он отметил, что протоиереев Василия Верюжского и Иоанна Никитина настораживало, что «вокруг епископа Димитрия создается его почитателями "культ" его личности», что они только епископа Димитрия считали «носителем "истинного православия"» и таким образом превращали «организацию "истинно-православных" в чисто сектантское общество», закрывая возможность «примыкать к контрреволюционной организации новым кадрам "сергианского" духовенства».

Об изменении отношений с архиепископом Димитрием со второй половины 1928 года показал на следствии и Василий Верюжский:

«Принципиальная причина этих изменений заключалась в том, что архиеп. Димитрий, как мне и моим единомышленникам казалось, становился на место митр. Иосифа, совершенно почти его отстраняя. Происходило как бы перемещение центра нашей организации с митр. Иосифа на архиеп. Димитрия. Сторонники архиеп. Димитрия, на которых он опирался, в том числе и бравшие засилье иоанниты, склонны были смотреть на архиеп. Димитрия как на единственного истинно-православного епископа, заподозревая других в недостатке твердости»²⁶¹.

В 1929 году протоиерей Василий Верюжский писал о своих сомнениях митрополиту Иосифу, опасаясь, что архиепископ Димитрий «со своими крайними сторонниками могут прийти к созданию новой секты». Вместе

еще требуют более пристального исследования по архивным материалам.

²⁶¹ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Л. 274–275.

с протоиереем Иоанном Никитиным протоиерей Василий ездили к архиепископу Димитрию и просили «изменить характер его действий». Отец Василий хотел было, по его словам, даже оставить настоятельство в храме, но не сделал этого по настоянию митрополита Иосифа. Митрополит употребил весь свой авторитет для того, чтобы между петроградскими иосифлянами не произошел раскол.

Вероятно, помимо чисто личных взаимоотношений и, как выразился протоиерей Никифор, «культа» владыки Димитрия, в основе конфликта лежали и другие причины. Вполне возможно, что не последнюю роль играл и вопрос взаимоотношений Церкви и советского государства, на который не было однозначного ответа. Между двумя крайними позициями – всецелого одобрения и благословения безбожной власти и полного ее неприятия, как власти антихристовой, – были разные степени «политической лояльности», из-за которых и могли возникать разногласия и распри.

Очевидно, что владыка Димитрий и его «поклонники», занимавшие крайнюю позицию, о чем позднее он сам свидетельствовал на допросах, вызывали неодобрение у тех, кто не был согласен с этой позицией. А сторонники владыки, по мнению протоиерея Никифора, подозревали несогласных «в недостатке твердости». И хотя эти подозрения впоследствии подтвердились в отношении некоторых из клириков, но в целом представляется, что недопонимания и разногласия возникали в большей степени по недоразумению. Так, например, епископа Сергия (Дружинина) больше других подозревали не только «в недостатке твердости», но даже называли «красным» и не пускали служить в некоторые храмы, а он после ареста проявил удивительное мужество и смелостью ответов на допросах, вероятно, превзошел самых рьяных своих бывших противников. Владыка не обинуясь обличал безбожную власть и прямо заявлял следователям, что ненавидит большеви-

ков за убийство государя и его наследника и считает их извергами рода человеческого²⁶².

Возможно, из-за возникших разногласий владыка Димитрий стал меньше служить в храме Воскресения на Крови и летом 1928 года часто бывал в поселке Тайцы, недалеко от Гатчины. В это же время он встречался и имел беседы с М. А. Новоселовым и протоиереем Феодором Андреевым, вероятно, на даче, которую там же в Тайцах снимала семья отца Феодора. По свидетельству священника Воронежской епархии, отца Стефана Степанова, который в сентябре 1928 года встречался с епископом Димитрием и ездил с ним в Тайцы, именно там, в тайном месте, хранилась большая часть иосифлянской литературы. Позднее на следствии протоиерей Петр Белавский, арестованный вместе с епископом, показал, что после переезда в Тайцы владыка Димитрий передал ему сверток с документами, предупредив запрягать его подале: «Как мне помнится, в этом свертке были воззвания разных лиц, направленные в осуждение митрополита Сергия». Он же подтвердил, что были случаи, когда по требованию архиепископа Димитрия некоторые документы временно забирались, чтобы сделать с них копии²⁶³.

С весны 1929 года владыка Димитрий проживал уже в Тайцах постоянно: сначала он снимал дачу Голышевой,

²⁶² «За кровь помазанника Божьего большевики ответят. За все то, что большевики совершили и продолжают совершать, за расстрелы духовенства и преданных Церкви Христовой, за разрушение церкви, за тысячи погубленных сынов отечества большевики ответят, и русский народ им не простит. Я считаю, что у власти в настоящее время собрались со всего мира гонители веры Христовой. Русский православный народ изнывает под тяжестью и гонениями этой власти». Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 26.

²⁶³ Согласно показаниям матушки Ксении Белавской, после того как отец Петр крикнул ей на свидании, чтобы она взяла из-за дров документы и сожгла их, она, придя домой, действительно, нашла пакет и, не рассматривая, сожгла. Архив Управления ФСБ СПб. ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-78806. Т. 1. Л. 244 об.

а в сентябре переехал в дом протоиерея Петра Белавского, занимая верхний, мансардный этаж, там планировал оставаться и на зиму. Служил он с отцом Петром и с приезжающим духовенством в Таицком храме Святителя Алексея. Этот величественный каменный храм²⁶⁴, заложенный в 1914 году и освященный уже после революции епископом Венедиктом (Плотниковым), стал своего рода кафедральным собором владыки Димитрия. Сюда приезжало много священнослужителей и мирян из Ленинграда и из других регионов страны. По свидетельству протоиерея Петра Белавского, приезжали из Москвы, Твери, Воронежа, Кавказа, Вятки, приезжали также епископ Иоасаф (Попов) с Украины и архимандрит Сергей из Перекомского монастыря под Новгородом. По словам Василия Верюжского, из питерского духовенства владыку Димитрия часто посещали в Тайцах протоиереи Сергей Тихомиров и Викторин Добронравов, иереи Николай Прозоров, Сергей Федоров (бывший сапожник). Постоянно находились при владыке диакон Павел Морозов и монахиня Анастасия (Куликова).

К тому времени владыка Димитрий лишился своего лучшего советника, помощника и секретаря, протоиерея Феодора Андреева, который скончался 23 мая 1929 года²⁶⁵. Как показал позднее на следствии протоиерей Сергей Тихомиров: «Объединяющим центром "иосифлян" был умерший священник Феодор Андреев, вокруг которого и начало объединяться духовенство и миряне». Протоиерей Никифор Стрельников подчеркнул: «Прот. Феодор Андреев давал основу и направле-

²⁶⁴ Построен вместо деревянного, который был заложен в 1904 году по случаю рождения наследника Царского Престола цесаревича Алексея и освящен в 1906 году в честь его небесного покровителя святителя Алексия, митрополита Московского. После строительства каменного храма деревянный был перенесен на Таицкое кладбище.

²⁶⁵ От воспаления легких, осложнившегося сильнейшим эндокардитом.

ние как самому епископу Димитрию, так и всему контрреволюционному ядру организации. Насколько мне известно, со слов прот. Верюжского, – после смерти Андреева такое его первенствующее значение в организации было отмечено самим митрополитом Иосифом в письме к епископу Димитрию, где митрополит Иосиф, сожалея о смерти Андреева, высказывался, что теперь епископу Димитрию нет из оставшихся такого советника, как Андреев»²⁶⁶. По свидетельству самого владыки Димитрия, после отца Феодора Андреева у него не было постоянного секретаря. Скоропостижная кончина отца Феодора была в полном смысле невосполнима, и никто в полной мере не мог его заменить, несмотря на то, что около владыки оставались другие, достойнейшие помощники из петроградских клириков и мирян.

Осенью 1929 года конфликт, грозивший серьезным расколом среди петроградских иосифлян, был разрешен. В конце сентября или начале октября владыка Димитрий у себя на квартире собрал духовенство и членов президиума «двадцатки» храма Воскресения на Крови для обсуждения вопроса перерегистрации общины. После прочтения текста закона большинство присутствующих высказалось за перерегистрацию, затем владыка Димитрий прочитал письмо митрополита Иосифа, призывающее к прекращению ссор и необходимости примирения членов «двадцатки» с епископом Сергием (Дружининым), которого лишали возможности служить в соборе Воскресения на Крови некоторые члены «двадцатки»²⁶⁷. О прекращении конфликтов говорил и протоиерей Иоанн Никитин, с чем, по-видимому, все были согласны, а также и с прочитанным письмом митрополита Иосифа. Так желаемое примирение, наконец, было достигнуто.

²⁶⁶ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Л. 169–170.

²⁶⁷ Ругин Иван Дмитриевич, Колобков Нил Александрович и Сазонов Михаил Иванович.

Прошло чуть больше месяца, и начались массовые аресты – ОГПУ приступило к окончательной ликвидации «центра контрреволюционной организации иосифлян».

Расправа с антисергианской оппозицией.

Первое групповое дело «иосифлян»

С самого начала 1928 года оппозиционное митрополиту Сергию духовенство подвергалось преследованиям. Однако аресты не сразу приняли массовый характер. Власти на первых порах не препятствовали росту оппозиции и арестовывали лишь отдельных, наиболее «фанатичных» ее представителей. Так, 25 февраля 1928 года в Стрельне был арестован упомянутый в сводке донесений протоиерей Измаил Рождественский. В апреле 1928 года в Вятской епархии был арестован и отправлен в Соловецкий концлагерь епископ Виктор (Островидов). В мае выслан из Москвы протоиерей Валентин Свенцицкий, из Воронежа – епископ Алексей (Буй), а из области – ряд «буевских» священнослужителей. 5 мая 1928 года при аресте под Никольском был смертельно ранен чекистами епископ Иерофей (Афонин); через несколько дней владыка скончался в тюремной больнице Великого Устюга.

В марте 1929 года был задержан на улице в Москве и арестован М. А. Новоселов. И с конца весны здесь начались уже широкомасштабные гонения. В мае была арестована большая группа серпуховских священнослужителей, в том числе епископ «иосифлянского» поставления Максим (Жижиленко). Все они были приговорены к различным срокам концлагерей. В ссылке был арестован и отправлен на 3 года в Соловецкий концлагерь епископ Алексей (Буй).

Осенью 1929 года прошла крупная операция на Кубани и Северном Кавказе, в результате которой было репрессировано много священнослужителей и монаше-

ствующих, выявлены и разрушены скиты и кельи в труднодоступных местах Кавказских гор в районе Туапсе, Сочи и Сухуми. В феврале 1930 года десять иеромонахов и монахов «за антисоветскую агитацию» были приговорены к расстрелу, остальные – к различным срокам заключения.

В конце ноября 1929 года власти приступили к «ликвидации» «иосифлянского руководящего центра» в Ленинграде. Архиепископ Димитрий был готов к аресту – многочисленные аресты в Москве, Воронеже и на Кавказе не оставляли сомнений в том, что скоро настанет черед и петроградских иосифлян. И хотя владыка продолжал принимать духовенство и осуществлял административное руководство, он понимал: скорая расправа с ним и его единомышленниками неминуема. Примечательны свидетельства об этом в документах ОГПУ. В секретном донесении Тучкову из Ленинграда от 28 декабря 1928 года сообщалось, что 17 декабря на своей квартире владыка Димитрий собравшимся священникам высказал опасение, что скоро его арестуют:

«На вопрос нашего осведома²⁶⁸ — за что могут арестовать, ведь для этого нужно иметь какое-то основание, — Дмитрий ответил: "От таких негодяев и мерзавцев можно всего ожидать. Ведь они митрополита Иосифа сослали, не имея никаких оснований на это... Ну, ладно, ничего, эта власть долго не продержится, Бог не допустит издевательств, найдутся люди, которые пойдут во имя Христова и восстанут против власти, а мы должны стараться объединиться и помочь в этом. Наша главная задача сейчас — это вливать в свои ряды молодые стойкие силы духовенства, без этой силы нам трудно, старикам, вести борьбу со многими врагами за нашу правоту. Вот если бы нам разрешили открыть пастыр-

²⁶⁸ Осведом — секретный осведомитель ГПУ. Очевидно, завербованный чекистами священник, о котором упоминается в донесении Тучкову от 27 октября 1928 года.

ские курсы, тогда было бы хорошо, но об этом и мечтать не приходится"»²⁶⁹.

Странствующий монах Максим Генба, приехавший в Ленинград в апреле 1929 года, чтобы получить у архиепископа Димитрия благословение, на допросе в 1930 году показал, что при благословении владыка сказал ему: «Сейчас наступило тяжелое время, священство преследуют, сажают в тюрьмы, выселяют из города за несколько сот верст. Я бы сказал тебе многое, но думаю, что и со мной будет такая участь». Владыка призвал его молиться Богу и сказал: «Иисус Христос страдал, и мы должны быть мучениками за Христа, мы должны умереть за истинное православие»²⁷⁰.

В ночь с 28 на 29 ноября 1929 года архиепископ Димитрий был арестован. На основании ордера № 752 от 28 ноября 1929 года в доме № 46 по улице Юного Пролетария поселка Тайцы, месте проживания владыки, был произведен обыск, в ходе которого было изъято:

«1) Разная переписка;

2) Фотокарточка;

3) Личная печать — Димитрия.

При обыске обнаружено 150 руб. <неразб.>

Согласно данным задержаны:

Любимов Дмитрий Гаврилович

Куликова Александра Георгиевна»²⁷¹.

Также был арестован хозяин дома, настоятель Таицкой церкви Петр Белавский.

²⁶⁹ «Сов. секретно. Срочно. Лично. Тов. Тучкову. И не только ему»: Донесения из Ленинграда в Москву, 1928–1930 годы / Богословский сборник. Вып. 11. С. 341.

²⁷⁰ Здесь и далее выдержки, кроме отмеченных особо, из следственного дела № 78806. Т. 1. Архив УФСБ СПб. ЛО. Ф. арх.-след. дел.

²⁷¹ Куликова А. Г. — монахиня Анастасия. Неоднократно ездила к митрополиту Иосифу в ссылку с письмами и передачами от самого владыки, а также от питерских священнослужителей.

«Когда уже на рассвете арестованных вели к железнодорожной станции, встречные прохожие молча кланялись им, как добрым старым знакомым. Вдруг отец Петр услышал негромкий голос Владыки Димитрия:

— Прости меня, отец Петр, из-за меня ты тоже пошел на страдания!

Супруге отца Петра — матушке Ксении чекисты "милостиво" разрешили проводить мужа. Она простилась с ним у перекрестка и получила от Владыки последнее благословение. Окруженные солдатами с винтовками, узники сели в поезд, и отец Петр надолго, а Владыка Димитрий — навсегда покинули Тайцы»²⁷².

Владыка Димитрий обвинялся в контрреволюционной деятельности как глава «центра контрреволюционной монархической организации церковников, именующих себя "иосифлянами"». В Обвинительном заключении отмечалось, что церковное течение «иосифлян» возникло в ответ на провозглашенную митрополитом Сергием в его Декларации «лояльность к Соввласти», в которой «реакционная часть церковников» усмотрела нарушение канонических правил Православной Церкви и под видом борьбы с нарушением этих правил, под лозунгом «защиты истинного православия», вступила в борьбу с церковниками «сергиевской ориентации», одновременно организуя массы верующих и церковников на борьбу с советской властью. Далее утверждалось, что целый ряд видных церковных деятелей «ультра-реакционного монархического направления» во главе с митрополитом Иосифом возглавили эту борьбу, и эта часть церковников стала именовать себя «иосифлянами», и что, согласно агентурным сведениям, «церковное течение "иосифлян", быстро организационно оформившись, активизировалось в направлении политической борьбы с Соввластью».

²⁷² Антонов В. В. Священномученик архиепископ Димитрий и его сподвижники // Возвращение. 1999. № 12/13. С. 43. «И свет во тьме светится, и тьма его не объят». Протоиерей Петр Белавский. Б. м. Б. г. С. 30.

Церкви, где служило «иосифлянское» духовенство, именовались «очагами», «трибунами антисоветской пропаганды и агитации», в них усматривали место хранения контрреволюционной литературы. Храм Воскресения на Крови был назван центром «иосифлянского» течения, или, по тексту Обвинительного заключения, центром «контрреволюционной монархической организации церковников, именующей себя "иосифлянами"», который был возглавлен, по указанию митрополита Иосифа перед его отъездом в ссылку, архиепископом Димитрием (Любимовым) и который в дальнейшем «связал в единую организацию отдельные группы "иосифлян"», возникшие в других местах.

В числе лиц, входивших в состав центра, были также названы епископ Сергей Дружинин и священники: отец Феодор Андреев, к тому времени скончавшийся, и арестованные Василий Верюжский, Петр Белавский, Николай Прозоров, Сергей и Александр Тихомировы. Идейным руководителем «иосифлянской» организации считался митрополит Иосиф, находившийся в то время в ссылке в Николо-Моденском монастыре под Устюжной Череповецкого округа. Он, как отмечалось в документе, «идейно и организационно руководил центром "иосифлян" и был вдохновителем всей контрреволюционной деятельности последнего».

Следствием было отмечено наличие «крепких иосифлянских ячеек-приходов на местах» или «филиалов организации» в Ленинградской и других областях страны, а также «целой сети разъездных агентов из монахов, монахинь, странников», которые «посылались Центром на места для распространения контрреволюционной литературы, антисоветской агитации, вербовки новых членов в организацию, и попутно с этим они собирали сведения о положении и деятельности ячеек-приходов, которые и сообщались Центру по их возвращении». Особую озабоченность властей вызывали факты противодействия иосифлян различным мероприятиям и указаниям властей:

«Деятельность организации от агитационно-пропагандистского характера за последнее время стала переходить к активному сопротивлению распоряжениям Соввласти. Предложение двадцаткам церквей выбрать на продажу свечей и др. предметов патент организацией было встречено враждебно. Среди верующей массы члены организации повели агитацию, что безбожная, богоборческая власть хочет превратить храмы божии в место торговли. Главой организации еп. Дмитрием Любимовым было предписано — патент не выбирать, продажу свечей и просфор прекратить. Приказ Любимова был выше распоряжений власти в Ленинграде, и из 12 церквей, принадлежащих к этой организации, выбрала патент только одна церковь»;

«За последнее время в связи с проведением коллективизации организация, учитывая настроения кулацкой части деревни, центр тяжести своей работы перенесла в деревню. В деревню были посланы специальные агенты из духовенства, монахинь, которые, снабженные всевозможной литературой, разъезжали по деревням, завязывали связь с духовенством сельских церквей и остатками монахов ликвидированных монастырей и непосредственно и через них вели к/р агитацию, восстанавливая крестьян против мероприятий, проводимых Соввластью в деревне».

Отмечая в целом, что деятельность организации в последнее время «стала переходить к активному сопротивлению распоряжениям Соввласти», были предприняты неотложные меры по «оперативной ликвидации руководящего ядра и актива организации». Первыми, 19 ноября 1929 года, были арестованы миряне Коверский К. П. и Перфильева А. В., исполнявшие одно из важнейших поручений «Центра организации — размножение к.-р. литературы»²⁷³, которая, как отмеча-

²⁷³ Церковных антисергианских документов. В Приложении II представлена часть этих документов, изъятых при арестах и приобщенных к следственному делу.

лось в Обвинительном заключении, имела «колоссальное значение» в деле распространения идей иосифлян.

Константин Петрович Коверский, бывший подполковник, работал в Военно-Технической лаборатории и на стеклографе размножал различные церковные анти-сергианские документы. Анна Васильевна Перфильева, будучи тайной монахиней, работала машинисткой в секретном отделении административного отдела Ленинградского областного исполкома, также распространяла различные документы и, кроме того, «информировала организацию о всех мероприятиях Соввласти», о которых узнавала, «используя свое служебное положение».

22 ноября была арестована Лидия Николаевна Герман, домохозяйка, духовная дочь протоиерея Сергия Тихомирова, также участвовавшая в распространении «контрреволюционных» документов²⁷⁴. По его просьбе она передавала их своему куму Коверскому К. П. и просила отпечатать на стеклографе, а затем отпечатанное передавала отцу Сергию. На следующий день, 23 ноября, был арестован протоиерей Сергей, 28 ноября – еще три священника, отцы Иоанн Никитин, Александр Тихомиров и Николай Прозоров.

3 декабря 1929 года в присутствии настоятеля собора Василия Верюжского и ночного сторожа был произведен обыск в церкви Воскресения на Крови²⁷⁵. Вероятно, обыск был произведен ночью или ранним утром, о чем свидетельствует Акт осмотра, в котором указывалось:

²⁷⁴ В том числе и постановлений Архиерейских соборов Русской Зарубежной Церкви.

²⁷⁵ Осмотр производили: начальник 3 отдела Секретного отделения ПП ОГПУ Лебедев, уполномоченный ОГПУ Макаров, член центрального райисполкома Сергеев, начальник Административного Отдела Ленинградского Облисполкома, начальник Адмнадзора Камчатов, инспектор культа Иванова.

«Внутри церкви в момент прихода застали спящими семь монашек и 2 гражданки, которые спали в помещении церкви, и, как впоследствии выяснилось, некоторые монашки при церкви имеют постоянное местожительство. В корзине обнаружено грязное и чистое белье, вобла, два веника, принесенных из бани, и мочалка.

В проходе между клиросом и алтарем на алтарной стене повешена большого размера 2,5 метров картина с изображением Николая II и других лиц царственного Дома Романовых и его свиты.

На жертвеннике ранней литургии под клеенкой обнаружено семь разных акафистов, напечатанных на пишущей машинке, четыре экземпляра воззваний ярославских епископов, размноженных на множительном аппарате. В печке между клиросом и ризницей обнаружена изорванная на мелкие клочки разного рода переписка, написанная от руки и на машинке, в том числе клочки перепечатанной на машинке выписки из зарубежных газет, последние новости контрреволюционного духа.

В ризнице в шкафу обнаружено воззвание епископа Дамаскина и различная переписка контрреволюционного характера, а также фотокарточки».

В тот же день или той же ночью настоятель храма отец Василий Верюжский был арестован. Вероятно, и на «осмотр» он уже был доставлен под конвоем. О результатах «осмотра» чекисты не преминули упомянуть в Обвинительном заключении и даже поместили фотографию обнаруженной на алтарной стене «контрреволюционной» картины, «тайно сохраняемой и скрытой от гражданских властей, как священная реликвия», а именно большой картины «Освящение храма в присутствии царя Николая II». Там же особо отмечалось, что руководители организации символизировали этот храм как «воскресение монархии на крови», при этом он именовался «резиденцией центра» организации и «открытой трибуной для антисоветской агитации и пропаганды монархических идей».

Несмотря на такую вопиющую «антисоветчину», эта «резиденция иосифлян» не была закрыта, и власти на протяжении еще целого года «терпели» эту «открытую трибуну контрреволюционной пропаганды» в самом центре Ленинграда. Очевидно, они отслеживали новые связи и постепенно «изымали» группировавшийся вокруг него «контрреволюционный церковный элемент». В январе-феврале 1930 года были арестованы председатель «двадцатки» храма Сазонов Михаил Иванович и члены «двадцатки» – Ругин Иван Дмитриевич, Колобков Нил Александрович и еще целый ряд «иосифлян», монашествующих и мирских, питерских и странствующих. Среди арестованных оказался и ссыльный харьковский священник Николай Загоровский, на допросах подтвердивший свою принадлежность к «иосифлянам».

Всего было арестовано сорок шесть человек, в их числе кроме владыки Димитрия пять петроградских священников, а также клирики и монашествующие Перекомского монастыря под Новгородом, связанные с питерским «центром» и привлеченные к делу ленинградцев. Арестованные в Ленинграде содержались в Доме предварительного заключения на улице Воинова, бывшей Шпалерной. Владыка Димитрий и отцы Сергей Тихомиров и Василий Верюжский – изолированно от других, в одиночках.

Обвинения политического характера обвиняемыми отвергались, особенно ярко об этом свидетельствовало заявление отца Николая Прозорова, написанное им в тюрьме на имя следователя Макарова²⁷⁶. В протоколах допросов обвиняемых, при всей их лаконичности и жесткости, политической подоплеки также нет. Например, на допросе 6 декабря 1929 года владыка Димитрий заявил:

²⁷⁶ Приведено в главе II.

«От митрополита Сергия мы отошли и не признаем его своим духовным руководителем по следующим причинам: 1) перевод митрополита Иосифа из Ленинграда в Одессу; 2) учредил незаконно самовольно Синод; 3) после выпуска м<итрополитом> Сергием декларации мы требовали изменения курса церковной политики — прекратить перемещения епископов — и категорически отрицаем то, что радости Соввласти — наши радости. Мы не можем радоваться гонению и разорению церквей, т. е. тому, что радует Соввласть и 4) это указ о молении за власть, за власть, отрицающую Бога».

Арестованные иосифляне подчеркивали чисто церковный характер иосифлянского движения и выступления против митрополита Сергия²⁷⁷. Они не скрывали своего неприятия безбожной власти и открыто об этом заявляли следствию. Однако, при всей откровенности этих заявлений, за исключением двух-трех очень резких заявлений странствующих монахов²⁷⁸, они говорят только о духовном неприятии верующими людьми богоборческой политики и не имеют никакого отношения к политической борьбе. Архиепископ Димитрий на допросе 13 декабря 1929 года заявил: «Мы, "иосифляне", сохраняем истинное православие, и как истинно православные, мы выступаем против декларации митрополита Сергия с требованием изменить курс церковной политики. Мы считаем, что своей декларацией митрополит

²⁷⁷ Лишь в показаниях отца Петра Белавского, явно вынужденных под давлением следователя на повторных допросах, признается антисоветская направленность иосифлянства.

²⁷⁸ Из протокола допроса странствующего монаха Кожухарева Ивана Антоновича относительно политических убеждений: «Презираю Соввласть, так как она преследует духовенство и закрывает православные церкви». Из протокола допроса Федоровой Евдокии Ивановны, прихожанки храма Воскресения на Крови: «Ненавижу Соввласть, так как эта власть антихриста, которая стремится уничтожить Православную Церковь». В графе «Чем занимался до революции (подробно)» записано: «Ходила по св. местам». Архив УФСБ СПб. ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-78806. Т. 1. Л. 331, 376.

Сергий подчинил Церковь антихристовой власти. Мы не можем сочувствовать политике Соввласти за гонения, преследования и разрушения Православной Церкви».

Страхович Иван Осипович, бывший статский советник, член «двадцатки» собора Воскресения на Крови, на допросе 6 января 1930 года заявил: «Советская власть разрушает церкви, преследует верующих и духовенство, и поэтому чувствовать к ней симпатию и благодарность я, как истинно православный, не могу». В Протоколах допроса в графе «Политические убеждения» отец Сергей Тихомиров написал: «Противник власти, преследующей Церковь, но подчиняюсь». Отец Иоанн Никитин: «Подчиняюсь, скорбя о преследованиях Церкви». Отец Николай Прозоров поставил прочерк. Иеромонах Гавриил Владимиров эту графу просто не заполнил.

Даже самые радикальные по своим высказываниям обвиняемые, монахи Перекомского монастыря Новгородской области, подтвердившие на следствии, что вели беседы о необходимости борьбы с безбожной советской властью, подчеркивали чисто духовный характер этой борьбы. Например, иеродиакон Владимир Кожинov показал, что выражение «вести борьбу с безбожной властью» он понимает как борьбу духовную, то есть словесную, а именно убеждением, подтвердил, что он ее проводил, то есть «боролся с безбожниками Словом Божиим», а именно беседами.

Несмотря на это, вся деятельность иосифлян была квалифицирована как «политическая борьба к/р организации против Соввласти», конечной целью которой было «свержение Соввласти и реставрация монархии». Дело по обыкновению было передано через ленинградского областного прокурора на рассмотрение Особого Сопещения при Коллегии ОГПУ во внесудебном порядке. 3 августа 1930 года был вынесен приговор. Архиепископ Димитрий, отцы Сергей Тихомиров и Николай

Прозоров были приговорены к расстрелу²⁷⁹. Но владыке Димитрию «ввиду преклонного возраста» расстрел был заменен заключением в концлагерь на 10 лет.

К десяти годам концлагеря были приговорены еще девять человек, среди них отцы Иоанн Никитин, Александр Тихомиров и Василий Верюжский; к пяти годам концлагеря были приговорены двенадцать человек, в их числе отцы Петр Белавский и Николай Загоровский, монахиня Анастасия Куликова; к трем годам – восемь человек, остальные – к трем годам высылки в Северный край или Казахстан. Лишь престарелая машинистка Деева А. В., которой шел уже 68-й год, была освобождена из-под стражи с ограничением проживания в Московской и Ленинградской области на три года.

Архиепископа Димитрия, судя по архивным документам, отправили не в лагерь, а в Бутырскую тюрьму в Москве, поскольку среди осужденных по его делу, которых доставили в Соловецкий лагерь двумя группами, 24 и 26 сентября 1930 года, его имя не упоминалось. Новая «Анкета арестованного Любимова Д. Г.», датированная 28 сентября 1930 года, по-видимому, была заполнена в Бутырской тюрьме. После этого владыку намеревались отправить в Соловецкий лагерь, и в личном деле заключенного имеется распоряжение начальнику Бутырской тюрьмы от 21 октября 1930 года об отправке Любимова Д. Г. с первым отходящим этапом в Соловки. Однако остается непонятным – довели ли его до Соловков, поскольку буквально через месяц он опять оказался в Москве. Телефонграмма из Бутырской тюрьмы от 23 ноября 1930 года сообщает, что арестованный з/к Любимов Д. Г. прибыл 22 ноября из Соловецких лагерей, а 27 ноября 1930 года начальнику Бутырской тюрьмы указывается «прибывшего из Соловецких лагерей Любимова

²⁷⁹ Во второй главе помещены более подробные материалы по этому делу.

Дмитрия Гавриловича числить за 6-м отделением Секретного Отдела и содержать до особого распоряжения».

Дело «Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников ИПЦ»

В конце ноября 1930 года архиепископ Димитрий был привлечен к следствию по новому групповому делу – «Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников Истинно-православная церковь», которое начало разрабатываться в Москве с лета 1930 года. Кроме владыки Димитрия к следствию были привлечены доставленные из мест заключения епископ Алексей (Буй) и М. А. Новоселов; арестованные в Моденском монастыре митрополит Иосиф, в Киеве – отец Анатолий Жураковский, а также арестованные в Москве священники и миряне из научной интеллигенции.

Одновременно с центральным делом на местах начались массовые аресты и следствия по делам «филиалов Всесоюзного центра ИПЦ». Обвинения носили тот же политический характер – «контрреволюционная борьба с Соввластью», только теперь сама организация называлась не «иосифлянами», а «Истинно-Православная Церковь» (ИПЦ), с двумя центрами – политическим в Москве (во главе с Новоселовым М. А. и Лосевым А. Ф.) и церковно-административным в Ленинграде во главе с митрополитом Иосифом, архиепископом Димитрием и близким к нему духовенством. Еще в первом деле владыки Димитрия были отмечены тесные связи иосифлян с духовенством в других областях страны, теперь они разрослись до «всесоюзных» масштабов.

Важно отметить, что название «Истинно-Православная Церковь» прочно утвердилось во время следствия, вытеснив прежнее наименование «иосифляне», против которого на первом же допросе возражал митрополит Иосиф:

«Это течение совершенно несправедливо окрещено "иосифлянами", каковую несправедливость указывает и сам митрополит Сергей в переписке с митрополитом Кириллом. Гораздо основательнее оно должно быть названо вообще "антисергианским"»;

«Само течение нашей группы возродилось на благоприятной почве злоупотреблений митрополита Сергея и независимо от каких бы то ни было личностей вызвало одновременно повсюду соответствующе сильную реакцию в церковных кругах без всякого моего участия и влияния. Более того, я сам значительно позднее втянут был в это течение²⁸⁰, и не оно шло и идет за мною, а скорее я плетусь в хвосте за ним, не сочувствуя многим его уклонам вправо и влево. И если бы даже уничтожить вовсе меня и мое участие в этом движении, оно безостановочно пойдет дальше без малейшей надежды на полное искоренение. Это движение не в силах остановить даже имя и авторитет главного нашего начальника, митрополита Петра. Всякая попытка его в этом роде истолкована бы была как его отклонение от здравых суждений об истине и неминуемо кончилась бы лишь отпадением верующих масс и от самого митрополита Петра»²⁸¹;

²⁸⁰ О том, что митрополит Иосиф действительно сначала хотел убраться от дел, подобно многим архиереям, не согласным с митрополитом Сергием, он сам свидетельствует в своем знаменитом письме архимандриту Александро-Невской лавры Льву (Егорову): «До последнего времени я думал, что мой спор с митрополитом Сергием окончен и что, отказавшись дать себя принести в жертву грубой политике, интриганству и проискам врагов и предателей Церкви, я смогу спокойно отойти в сторону, добровольно принеся себя в жертву протеста и борьбы против этой гнусной политики и произвола. И я был совершенно искренен, когда думал и говорил, что "ни на какой раскол я не пойду и подчинюсь незаконной расправе со мной – вплоть до запрещения и отлучения, уповаю на одну правду Божию"». Польский М., протопресвитер. Новые мученики Российские... Ч. 2. С. 7–8.

²⁸¹ Здесь и далее выдержки из следственного дела «Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников "Истинно-Православная Церковь"». ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7377. В 11 Т.

«Не отрицая моего сочувствия антисергианству, я должен констатировать факт, что оно и не нуждается ни в моем и ни в чьем особом возглавлении, так как каждый антисергианский архиерей получил власть вполне самостоятельно управляться со своею паствою и не нуждается в другой центральной власти за ее, в сущности, отсутствием и невозможностью функционировать правильно».

Очевидно, что во время следствия митрополит Иосиф преуменьшал свою роль, тем более что в предъявленном ему обвинении он именуется «руководителем контрреволюционной церковной группы». Однако эта роль была немаловажной, что прекрасно понимали чекисты, неизменно именуя его в материалах следственных дел «организатором и идейным руководителем "иосифлянкой" организации и организации истинно-православных». На одном из допросов митрополит Иосиф также признал:

«Отрицая свое руководство над антисергианским течением, я все же сознаю, что нужно же кому-нибудь было быть духовным руководителем и советником того духовенства и верующих, которые в силу лжи митрополита Сергия отошли от него и примкнули к нашей церковной группе. А так как, кроме меня, никого из митрополитов не было, то только этим я и объясняю, что ко мне со всего Союза приезжало духовенство и верующие за советами».

Митрополит Иосиф подтвердил, что назначенный им в качестве заместителя епископ Димитрий (Любимов) по всем вопросам ставил его в известность, «спрашивая, как у своего митрополита, советов и руководства». Тем не менее митрополит подчеркнул, как уже указывалось выше, что основное практическое руководство осуществлялось все же владыкой Димитрием.

С первых же допросов митрополит Иосиф, как и другие обвиняемые, категорически отвергал политические обвинения и пытался доказать, что следствие идет

по неправильному пути, имея своею целью «"разгром" так называемого "иосифлянства" (правильнее "анти-Сергиянства")», организации якобы с антисоветскими тенденциями». Владыка подчеркивал, что «критика слов и дел митрополита Сергия – вовсе не есть критика или выпад против власти», и отстаивал чисто церковный характер антисергианской оппозиции:

«Никакого другого оформления политического или церковного эта оппозиция не имела и не имеет, ограничивая себя чисто церковною деятельностью, чуждою гражданской политике, и в начале только лишь в тесном кружке одной общины, к которой вскоре же однако примкнул целый ряд других общин, как в самом Ленинграде, так и в других местностях Союза. Все эти общины объединялись одним духом протеста против антиканонических деяний митрополита Сергия и никакой документальной программы, общей и обязательной для всех, не имели. Их неписаный лозунг был – совершенное отрешение от светской политики в сторону только церковного дела. Целью было одно: религиозное утешение верующих в богослужениях по строго церковному, чуждому всяких новшеств чину, и как содействующее условию этому – устройство церковной жизни на строго церковных началах, выработанных правилами Вселенских Соборов, ближе пододвинутыми к условиям современной жизни постановлениями поместного собора 1917 года».

Митрополит признавал наличие «антисоветских выпадов» и проявление «нелояльного отношения к власти со стороны отдельных лиц», но подчеркивал несправедливость возложения ответственности за это на всю организацию верующих и ее духовных руководителей.

Архиепископ Димитрий также признавал на допросе, что в некоторых документах его сторонников были места и выражения, носящие антисоветский характер: «Я очень хорошо сознаю, что в ряде документов и листовок, которые выпускали мои сторонники, были места и выражения, носящие антисоветский характер. Должен заявить, что я лично не сочувствовал увлечению

составителей в сторону политического момента и обычно советовал выбросить места такового рода из показываемых мне документов».

Далее владыка пояснил, что когда с этими документами к нему приезжали не только священники, но и крестьяне из провинции и показывали их, тогда он говорил им: «Оставьте эти документы; вы поняли, где истинная вера, и достаточно, молитесь и веруйте так». Как и митрополит Иосиф, владыка Димитрий подчеркивал чисто церковный характер выступления против митрополита Сергия, а свою «установку как необходимость в случае надобности "пострадать до крови"», весьма заинтересовавшую следствие, объяснял в церковном смысле как «готовность принять мученичество за Христа».

Однако все же позиция архиепископа Димитрия на следствии отличалась от позиции митрополита Иосифа, ведь владыка Димитрий не только не говорил о лояльности, но на одном допросе прямо сказал: «Мы считаем, что Церковь не может быть лояльной власти, которая ее гонит, а советская власть, по моему разумению, именно гонит Церковь». А на допросе 3 марта 1931 года еще откровеннее заявил:

«Мы считаем, что советская власть по религиозным соображениям не является для нас государственной властью, такой, какой мы подчиняться можем. Для нас приемлема такая власть, о которой говорится в одном из наших документов, а именно, в записи беседы с митрополитом Сергием: "Властью называется иерархия, когда не только мне кто-то подчинен, а и я сам подчиняюсь выше меня стоящему, то есть все это восходит к Богу, как источнику всякой власти". Иначе говоря, такой властью является помазанник Божий, монарх».

«Я признаю, что признание нами советской власти властью антихристовой должно было повлечь за собой для верующих, ориентирующихся на нас, невозможность участвовать в каких бы то ни было ее начинаниях».

Да, высказывания были прямо-таки вызывающими, и для следствия, несомненно, «антисоветскими» и

«контрреволюционными», хотя владыка Димитрий и оговаривался, что «дальше распространения этих идей мы не шли» и практически против советской власти «ничего конкретного не предпринимали». Но само по себе такое умонастроение делало его носителя в глазах боготорческой власти самым заклятым врагом. Чекисты, условно разделившие всех обвиняемых на две группы, «левую» и «правую», поместили владыку Димитрия во главе «правой» группы, которая, по их версии, в отличие от «левой», ограничивавшейся лишь объявлением митрополита Сергия «изменником» и созданием собственного центра, имела еще «программу свержения советской власти и восстановления монархии».

Владыке Димитрию были предъявлены обвинения и в «активном участии в повстанчестве, террористических актах против совпартработников и представителей общественности, в организации массовых выступлений и эксцессов»²⁸². Не совсем понятно, какими конкретными фактами подтверждались эти убийственные и совершенно голословные обвинения, естественно отвергаемые архиепископом Димитрием и другими обвиняемыми²⁸³.

²⁸² Осипова И. И. «Сквозь огонь мучений и воды слез...». М., 1998. С. 41.

²⁸³ В материалах следственного дела приведены два факта антиправительственных выступлений. Первое организовано иеромонахом Исайей (Кушниревым) в селе Никитовка Ахтырского района под Харьковом. После проповеди, взяв крест, он вышел из храма в священническом облачении и призвал прихожан к «крестному походу против советской власти». Верующие во главе с ним шли в село Балку, чтобы забрать в храме особо чтимую икону Покрова Божией Матери и идти с примкнувшими крестьянами до Тростянца и там на главной площади отслужить молебен «о ниспослании победы над большевиками». Народ их не поддержал, и до Тростянца они не дошли.

Второе «восстание» против власти, под руководством Фомы Трохова, прошло в августе в селе Вольном под Харьковом. Перед началом выступления по селам распространялись слухи, что «советская власть есть тот зверь, о котором говорится в Откровении Иоанна Богослова», что «царь-батюшка вместе с папой

Тем не менее в приговоре ему и другим членам «правой» группы были вынесены более суровые наказания.

3 сентября 1931 года владыка Димитрий был приговорен к 10 годам тюремного заключения, епископ Алексей (Буй) и отец Анатолий Жураковский – к смертной казни с заменой на 10 лет концлагеря, профессор А. Ф. Лосев – к 10 годам концлагеря, М. А. Новоселов – к 8 годам тюремного заключения. Все священнослужители из этой группы получили по 10 лет концлагеря. Митрополит Иосиф, как глава «левой» группы, получил 5 лет концлагеря с заменой на высылку в Казахстан на тот же срок, несмотря на то, что в Обвинительном заключении его имя названо первым среди руководителей «Церковно-административного центра организации Истинно-Православных». Остальные священнослужители из этой группы были приговорены к 3–5 годам концлагеря или ссылки.

Столь «мягкие» приговоры по делу «Центра ИПЦ» по сравнению с делами «филиалов ИПЦ», где были вынесены десятки расстрельных приговоров, могли объясняться, по мнению некоторых исследователей, намеренным планом чекистов: отслеживать связи высланных руководителей и таким образом продолжать выявлять оставшихся на свободе их единомышленников. Одновременно представляется справедливым и более простое объяснение, особенно в отношении рассматриваемого дела «Всесоюзного центра ИПЦ»: приговор выносился в зависимости от выражения степени лояльности в показаниях обвиняемых.

Римским идут крестовым походом на большевиков» и верующие должны поддержать «тех благородных людей, которые стремятся разрушить это царство сатаны». Фома Трохов и его сторонники уверяли, что у них «есть полк солдат», но крестьяне его не поддерживали, и вскоре Фому Трохова и его ближайшее окружение арестовали и осудили. Осипова И. И. «Сквозь огонь мучений и воды слез...». М., 1998. С. 85–86.

Однако, следует заметить, что эти степени лояльности на самом деле мало что меняли в общецерковной позиции «руководителей центра». Их отношение к безбожной власти в сущности было одинаково, они лишь по-разному пытались решить вопрос взаимоотношений Церкви с этой властью. Вопрос, как уже указывалось, непростой, во всех смыслах жизненно важный²⁸⁴, но окончательно не решенный.

Если в первые годы революции постановления Собора 1917–1918 годов и послания патриарха Тихона выражали крайне отрицательное отношение к советской власти и не столько определяли, сколько констатировали отсутствие взаимоотношений между Церковью и безбожным государством²⁸⁵, то в 1923 году позиция патриарха изменилась. В своих знаменитых «покаянных» заявлениях он объявил, что он «не враг советской власти» и раскаивается в своей прежней «антисоветской деятельности». Эти заявления патриарха многих тогда повергли в смущение. Не все согласились с выраженной в них лояльностью. Так и владыка Димитрий на одном из допросов сказал: «По моим и моих сторонников убеждению, Церковь вела себя правильно

²⁸⁴ Как отмечалось в известной антисергианской брошюре «Беседа двух друзей»: «Всеблагову Промыслу Божьему угодно было поставить перед лицом неверующего государства именно Православную Русскую Церковь, которая не только велика по количеству своих членов, но велика и по значению своего просвещения, имеющая многочисленный ученый епископат, клир и мирян, по сравнению с прочими автокефальными православными Церквями, а посему она должна выразить безошибочно свои определения, которые определяли бы правильное отношение Церкви к такому государству, которое ставит своей конечной целью борьбу с Богом и Его властью в сердцах народа. Такие соборные определения Русской Церкви будут иметь руководящее значение для всего мира во времена эсхатологические». Православная жизнь, 1999, № 6. С. 28.

²⁸⁵ Достаточно вспомнить знаменитое послание патриарха, анафематствовавшее гонителей Церкви и призывавшее верующих не иметь с ними никакого общения.

в политическом отношении и по отношению к советской власти до раскаяния патриарха Тихона в контрреволюционной деятельности».

Однако изменение позиции патриарха с пониманием воспринял даже такой противник безбожной власти, как глава Русской Православной Церкви за границей митрополит Антоний (Храповицкий), известный своей строгой бескомпромиссной позицией и прямолинейностью суждений. Сразу же после опубликования заявления патриарха митрополит Антоний в статье под заголовком «Не надо смущаться» убедительно показал, что заявления патриарха хотя и являются безусловно уступкой безбожникам, но не погрешают против церковных канонов и Предания в целом, и что, идя на внешнее примирение с советской властью и пытаясь найти какое-то положение для Церкви в совдепии, если и не правовое, то хотя бы терпимое, патриарх с чисто церковной точки зрения не совершил преступления ни против веры, ни против народа.

Подробное рассмотрение данного вопроса выходит за рамки данной книги, тем более что на эту тему существует огромное количество церковно-исторической литературы, отечественной и зарубежной. Отметим лишь, что «покаянные» заявления патриарх делал от своего имени и ни на кого не налагал бремени, тем более не подвергал прещениям за несогласие. И что самое главное – при всех своих уступках патриарх никогда не переступил ту грань, которая отделяет политическую лояльность от подчинения Церкви безбожной власти²⁸⁶ и,

²⁸⁶ Интересно свидетельство об этом доктора М. А. Жижиленко, близкого друга патриарха Тихона, впоследствии первого иосифлянского епископа Максима Серпуховского. «В одной из бесед Святейший патриарх Тихон высказал владыке Максиму (тогда еще просто доктору) свои мучительные сомнения в пользу дальнейших уступок советской власти. Делая эти уступки, он все более и более с ужасом убеждался, что предел "политическим" требованиям советской власти лежит за пределами верности Христу и Церкви. Незадолго же до своей кончины Святейший

сохраняя церковную свободу, не позволял безбожникам вмешиваться во внутреннюю жизнь Церкви.

В этом отношении позиция митрополита Иосифа, выраженная им в материалах следственных дел, полностью совпадала с позицией патриарха Тихона. Митрополит Иосиф, как и патриарх Тихон, пытался найти для Церкви хоть какое-то положение *status vivendi* в безбожном государстве. И даже заявления владыки Иосифа о том, что он никогда не был сознательным врагом советской власти, что готов доказать свою лояльность и т. п., напоминают подобные же заявления патриарха 1923 года. Вот, например, заявление митрополита Иосифа на допросе 5 октября 1930 года: «Я отмечаю все антисоветское и каюсь в своих ошибках, от которых, повторяю, так трудно всякому уберечься. Я готов на все, что нужно, в пределах возможного, для восстановления доверия ко мне власти и для доказательства моей лояльности к ней».

Это заявление тоже может вызвать смущение, подобно заявлениям патриарха. Однако митрополит Иосиф, идя на определенные уступки, как и патриарх Тихон, не погрешал против церковной правды и не переступал границу политической лояльности. В приведенном заявлении владыка Иосиф говорил, что готов на все «в пределах возможного». А это «возможное» для него ограничивалось рамками дозволенного Церковным преданием. Заявляя, что он никакого отношения к политике не имеет и не позволит использования своего

патриарх высказал мысль о том, что, по-видимому, единственным выходом для Русской Православной Церкви сохранить свою верность Христу будет в ближайшем будущем уход в катакомбы. Поэтому патриарх Тихон благословил профессора доктора Жижиленко принять тайное монашество, а затем, в случае, если в ближайшем будущем высшая церковная иерархия изменит Христу и уступит советской власти духовную свободу Церкви, – стать епископом». Польский М., протопресв. Новые мученики Российские... Ч. 2. С. 21.

имени ни в чем «контрреволюционном» и «противосоветском», владыка твердо добавлял:

«Но и совестью своей торговать не намерен, и всякую попытку использовать свои силы вопреки декрету о невмешательстве в дела чисто церковные и духовные — встречу отпором, ничуть не боясь погрешить этим против власти гражданской, если только она верна своим же собственным декретам и духу своих постановлений о свободе веры и совести каждого».

Напоминая представителям власти о декретах советской власти, владыка выражал «недоумение» по поводу преследования антисергианской оппозиции:

«Ведь у нас есть столь красивые (но ужели лживые?) декреты о свободе совести, об отделении Церкви от государства, о свободе всякого вероисповедания, о невмешательстве в чисто церковные дела, о запрещении поддерживать одну религиозную организацию в ущерб другой. И если законы пишутся для того, чтобы их исполнять, то не там ли настоящая контрреволюция, где эти революционные законы не исполняются, и этим самым они только роняются, уподобляясь "филькиным грамотам"»?

Если закон о запрещении поддерживать одну какую-либо религиозную ориентацию в ущерб другой не есть такая филькина грамота, то я не вижу препятствий для введения в безвредное для государства русло и этой новой антисергианской, но отнюдь не антигосударственной ориентации».

В логике рассуждений митрополиту Иосифу не откажешь, и вряд ли представители советской власти могли ему что-либо возразить или опровергнуть обвинение в «контрреволюции», которое митрополит столь умно и тонко им предъявлял в ироничной и внешне наивной форме. Это была своего рода церковная дипломатия, попытка достигнуть какого-то соглашения с явным врагом — договориться с советской властью на основании его

же провозглашенных законов, соблюдение которых могло обеспечить Церкви вполне сносное существование. Именно к ним и апеллировал митрополит Иосиф.

Другое дело, что провозгласившие их власти на практике вовсе не собирались их соблюдать²⁸⁷. Все «красивые» советские декреты и законы на деле являлись полной фикцией и для насквозь пропитанной ложью власти служили лишь цивилизованным прикрытием ее жесточайших гонений на Церковь. Очевидно, что митрополит Иосиф это понимал. Однажды, еще во время пребывания в ссылке в Николо-Моденском монастыре, после очередного вызова в ОГПУ, на требование изложить свое отношение к современным событиям владыка в сердцах написал:

«Толковать с вами — самое бесполезное и безнадежное дело. Мы никогда не столкнемся. Вы никогда не сделаете того, чего я хочу. Я никогда не сделаю того, что вам нужно. Вам нужно уничтожение Христа, мне — его процветание... По-вашему, мы мракобесы, по-нашему, вы настоящие сыны тьмы и лжи... Вам доставляет удовольствие издеваться над религией и верующими, таскать по тюрьмам и гонять по ссылкам ее служителей. Нам кажутся величайшей дикостью, позором из позоров XX века ваши насилия над свободой совести и религиозными убеждениями человечества».

Позднее эта рукопись была предъявлена митрополиту на допросе, и ему пришлось выражать «искреннее и глубокое сожаление» по поводу изложенных в ней мыслей и объяснять, что он сразу ее не уничтожил лишь потому, что «эта рукопись в суматохе куда-то завалялась». Но очевидно, что именно эта «завалявшаяся»

²⁸⁷ Вся система советского государства была построена на исполнении решений Политбюро ЦК компартии, воплощаемых в жизнь силовыми органами ОГПУ-НКВД, которые руководствовались не конституцией, а директивами своего начальства. Третий Отдел Секретно-оперативной части ОГПУ, занимавшийся церковными делами, даже носил название «ликвидационный».

ся» рукопись, а не запротоколированные на допросах показания, выражала сокровенные мысли митрополита и его истинное отношение к безбожной власти.

Очевидно, что митрополит Иосиф уже понимал, что все надежды договориться с богоборцами тщетны, что советское государство никогда не допустит существования истинной Церкви. Так же, как и патриарх Тихон, он видел, что «предел политическим требованиям советской власти лежит за пределами верности Христу и Церкви», и единственно возможный способ существования (*status vivendi*) Церкви в советском обществе – подпольный, катакомбный а легализация возможна лишь на таких условиях власти, когда от Церкви остается лишь пустая оболочка, а внешняя организация сохраняется за счет недопустимого компромисса с безбожием²⁸⁸.

Это и предвидели с самого начала сторонники «крайней позиции», прежде всего архиепископ Димитрий и протоиерей Феодор Андреев. Хотя они и продолжали открытое служение в храме и выполняли всякие бюрократические формальности, неизбежно с этим связанные (регистрацию в отделе культов, хозяйственные договоры и т. п.), но при этом они хорошо понимали, что в самом скором времени богоборческая политика советской власти положит конец как их открытому служению, так и самому существованию открытых храмов.

Протоиерей Феодор Андреев, по свидетельству протоиерея Никифора Стрельникова, еще до начала «развернутого наступления социализма» и сплошной коллективизации в деревне предупреждал, что «социалистическое строительство уничтожит Церковь». Он подчеркивал, что «в настоящее время фазис борьбы

²⁸⁸ Будучи уже в казахстанской ссылке, владыка Иосиф осуществлял тайные богослужения, действительно подпольные. Их описание приводится в книге их непосредственной участницы, княгини Н. В. Урусовой. Урусова Н. В. Материнский плач Святой Руси. М., 2006.

Соввласти с церковью устремляется на разрушение самых внутренних основ и существа христианских понятий» и что в скором времени будет произведено «переустройство общества на основе материалистических безбожных начал, при коих церковь, как видимая внешняя организация, уничтожится, и что поэтому она теперь уже должна уходить в подполье, чтобы сохранить себя в "чистоте" и полной неприкосновенности к ней безбожной власти»²⁸⁹.

Завершение операции по ликвидации «контрреволюционной организации церковников ИПЦ»

Почти одновременно с «ликвидацией всесоюзного центра ИПЦ» были выявлены и ликвидированы его «филиалы» на местах. 30 августа 1930 года прошли массовые аресты духовенства, монашествующих и мирян, не признававших митрополита Сергия, в Казани и области. Епископ Нектарий (Трезвинский) проходил по делу как один из главных руководителей «филиала Всесоюзного политического и административного центра контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ в Татарии и Нижегородском крае». В октябре–ноябре 1930 года прошли аресты в Московской и Тверской областях по делу организации «Истинное Православие», к следствию по делу были привлечены пребывавшие в заключении в Соловецком концлагере епископ Максим (Жижиленко) и отец Александр Кремышанский, привезенные в Москву²⁹⁰.

В декабре 1930 года прошла новая волна массовых арестов в Ленинграде. Среди арестованных были епи-

²⁸⁹ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 168.

²⁹⁰ 18 февраля 1931 года по приговору семнадцать человек было расстреляно, среди них епископ Максим и отец Александр.

скопы Сергей Дружинин и Василий Докторов, а также множество иосифлянских клириков и активных мирян. Следствием было выделено несколько групповых дел, только по делу епископа Сергия проходило 76 человек. 18 февраля 1931 года в Ленинграде было арестовано сразу пятьсот человек, среди них более двухсот семидесяти монашествующих. Всем обвиняемым было предъявлено обвинение в «контрреволюционной деятельности» в составе «церковно-административного центра Всесоюзной организации ИПЦ»²⁹¹.

В январе 1931 года начались аресты на Украине – в Киеве, Херсоне, Харькове, Днепропетровске, Одессе и других местах в рамках группового дела «контрреволюционной церковно-монархической организации ИПЦ». К следствию были привлечены 140 «иосифлян»: два епископа, Бахмутский Иоасаф (Попов) и Старобельский Павел (Кратиров), пятьдесят два священника, двенадцать монашествующих, семь дьяконов²⁹². Аресты духовенства и мирян по делу Самарского «филиала» в Поволжье и по делу Удмуртского «филиала» «к/р церковно-монархической организации ИПЦ» в Ижевске прошли в 1930–1931 годах, среди арестованных был епископ Ижевский Синезий (Зарубин), названный руководителем. Продолжались начатые еще в 1929 году аресты непоминающих в Ярославской, Костромской и Ивановской областях. Согласно циркуляру ОГПУ от 28 января 1931 года, Обвинительные заключения по местным организациям ИПЦ препровождались к начальнику Секретного отдела ОГПУ в Москве Я. Агранову. Все они вошли составной частью в центральное дело «Всесоюзного центра ИПЦ». В марте–апреле 1931 года прошли новые аресты в Московской области: Клину, Загорске,

²⁹¹ Все обвиняемые были приговорены к 5–10 годам концлагеря.

²⁹² Руководители филиалов и ячеек были приговорены к расстрелу с заменой на 10 лет концлагеря, рядовые участники – к 3–5 годам концлагеря или ссылке.

Сходне – по делу «контрреволюционной церковно-монархической организации "истинных христиан"»²⁹³.

В 1932 году в Ленинграде расправились с духовенством и активными мирянами последних трех незакрытых иосифлянских храмов, а также участниками тайных монашеских общин и домашних церквей, устроенных в квартирах. В феврале–апреле 1932 года были арестованы почти все монашествующие, и в их числе оказалось немало иосифлян. По делу о «контрреволюционных церковно-монархических группировках "ИПЦ"» прошло 146 человек, из них 130 было осуждено. В 1932 году прокатилась волна массовых арестов и в Москве. Среди арестованных по «делу ИПЦ» были архиепископ Андрей (Ухтомский), епископ Серафим (Звездинский), епископ Гавриил (Красновский), а также ряд клириков, непоминающих митрополита Сергия, в большинстве уже не имевших непосредственно связей с иосифлянами. Это был уже завершающий этап основной операции, при этом число арестованных в период с 1931 по 1932 год превысило 19 тысяч человек²⁹⁴.

Отметим важное «признание» следователя ОГПУ по групповым процессам иосифлян в Ленинграде 1930-х годов:

«Если бы вы знали, сказал мне следователь, как хорошо ваше дело улеглось в наши планы, мы сами не ожидали такого успеха. Мы не верим ни в Бога, ни в черта, и нам не нужно, чтобы за нас молились, но нам надо было изъять "лучшую", с вашей точки зрения, и наиболее опасную для нас часть духовенства. Мы понимали, что это опасное для нас духовенство не согласится с Декларацией митрополита Сергия. Результаты

²⁹³ В июне 1931 года девять обвиняемых были приговорены к расстрелу, девять – к 10 годам, остальные – к 5 годам концлагеря или высылки.

²⁹⁴ Наиболее активно чекисты действовали в столице и области, с гордостью рапортуя, что «в итоге работы почти повсеместно были выявлены и арестованы филиалы и ячейки этой организации с общим количеством участников свыше 4000 человек». Осипова И. И. Указ. соч. С. 27.

превзошли все наши ожидания. Мы выполнили план на 300 процентов. Мы изъяли почти все тело Церкви, оставили только костяк. Подождем, когда он обрастет, и изыдем опять»²⁹⁵.

В 1933–1934 году аресты продолжались, но к тому времени фактически все архипастыри, как и большинство пастырей, уже были в лагерях и тюрьмах. Правда, кое-где еще некоторое время существовали открытые анти-сергианские храмы, например, в Вятской епархии, где в 1932 году было еще немало приходов, не поминавших митрополита Сергия, а в Котельничах все три храма до закрытия в 1934–1935 годах оставались «викторианскими». С конца 1934 года «викториан» окормлял сосланный в Северный край епископ Дамаскин (Цедрик), назначивший там несколько благочинных²⁹⁶. Но во второй половине 1930-х годов и с этими последними, легально действующими храмами непоминающих было покончено. Оставался один-единственный действующий храм – ленинградская церковь Троицы в Лесном, не закрытая властями с целью дальнейшего выявления «антисоветских» настроений²⁹⁷. Те священники, которым посчастливилось избежать ареста или выйти на свободу из лагерей, перешли на нелегальное положение и служили тайно.

²⁹⁵ Об этом «признании» следователя вспоминала позднее Валентина Яснопольская-Ждан, арестованная и привлеченная к следствию по второму делу иосифлян в 1930–1931 годах. Валентина Яснопольская. Счастливый случай: воспоминания. / Мироносицы в эпоху ГУЛАГа. С. 535.

²⁹⁶ Один из них, иерей Василий Перминов из села Пищалье Оричевского района, арестован 24 апреля 1936 года по обвинению в том, что «в 1935–1936 годах входил в к.-р. группу, представляющую нелегальное руководящее ядро Вятской епархии, являлся нелегальным благочинным – уполномоченным епископа Дамаскина – и посылал ему доклады». Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 61.

²⁹⁷ Большинство иосифлян не доверяло ее новому настоятелю, иеромонаху Павлу Лигору, которого стали просто бояться и сторониться. Свидетельства старейших петербургских иосифлянок Лидии Павловны Семеновой и Веры Федоровны Сазоновой, записи бесед 2005–2007 годов.

Расправившись с антисергианской оппозицией, безбожные власти не пощадили и сторонников митрополита Сергия. Согласно своему плану, после создания разделений в церковной среде ОГПУ сначала ликвидировало церковную оппозицию, менее «лояльную», то есть наиболее опасную для себя часть духовенства и церковного народа, а затем приступило к уничтожению и оставшейся более лояльной части. В 1934 году начались массовые репрессии против оставшихся на свободе лояльных церковников. К весне 1935 года Сергиевский епископат настолько поредел, что митрополит Сергий был вынужден распустить Временный Патриарший Синод. В 1937–1938 годах были расстреляны тысячи священнослужителей, а те, кто оставался в живых, находились в лагерях и ссылках.

К 1939 году на свободе, помимо митрополита Сергия, осталось на своих кафедрах только три архиерея, да и те в страхе со дня на день ожидали ареста²⁹⁸. Таким образом, вопреки надеждам митрополита Сергия, его Декларация и дальнейшая политика не остановила гонений, «не спасла Церковь»:

«В судьбе "сергианства" обнаружились и провал порочного замысла, и наказание за грех в постигшем его страдании. Церковь времен митрополита Сергия, в итоге его морального компромисса и в фактическом контакте с безбожниками, перенесла, как мы говорили, жесточайшее гонение от последних. Что же представляет собою мученичество этого периода? Митрополит Сергий отнял у себя и у своих последователей исповедничество правды Божией. Представители церкви — кто страдали, но в процессе личного, лояльно-

²⁹⁸ Их не арестовали, как объяснял митрополит Сергий (Воскресенский), по той причине, что «для Советского государства важно было сохранить Патриархию как орган высшего церковного управления "в целях рекламы и пропаганды", "как неоспоримое доказательство, что в Советском государстве даже Православная Церковь, эта опора реакции царизма, пользуется полной религиозной свободой"». Цыпин В., прот. История Русской Церкви 1917–1997. М., 1997. С. 256.

го уже сотрудничества с врагами Церкви; кто даже и при добром желании и способности чисто и свято послужить Церкви Божией лишались мужества; кто и добре страдали, но в условиях, когда вопреки велению Евангелия и своим совести и долгу пошли на соглашение и подчинились водительству "под чужое ярмо с неверными" своей падшей церковной власти. "Что за похвала, если вы терпите, когда вас бьют за проступки?" (1 Петр. II, 20). — Какая похвала тем многим, которые в декларации М. Сергия готовы были видеть новую зарю жизни Церкви, оправдывая ее, вводя в заблуждение людей нелепым и несбыточным миражом грядущей свободы церковной и восхваляя премудрость этого акта? Возлагать же всю ответственность за этот акт на плечи вождей нельзя. Ибо каждый христианин, имея свободную волю, сам несет ответственность за свои поступки.

И вот страдания при таком компромиссе и жертве правдою только доказали всю бесполезность и вредоносность этого пути и правду пути исповедничества, которого эти страдальцы себя лишили, от которого отказались. Не то же ли самое они получили, от чего первоначально хотели уклониться лукавым соблазном свободы своих слепых вождей, — только без венцов? Взирая на исповедников, им оставалось оценивать всю духовную красоту их подвига.

То были мученики, действительно достойные этого звания, то были исповедники правды Божией, согласно евангельской заповеди и примеров церковной истории: те, кто умучены до контакта с безбожниками, кто противостояли этому контакту, за что и пострадали, равно как и те, кто остались "там" вне этого контакта по сей день. Могут ли к ним, на равных основаниях, быть причислены соглашатели, пострадавшие в компромиссе с безбожниками? Последние сами должны сказать первым со слезами: "Вы правы, вы — мученики Христовы, достойные этой славы, а мы — жертвы своего заблуждения, и Господь да простит нам грехи наши за претерпеваемые нами скорби"»²⁹⁹.

²⁹⁹ Польский Михаил, протопресв. Новые мученики Российские: в 2-х ч. Ч. 2. Репр. воспр. 1949–1957 гг. (Джорданвилль). М., 1994. С. XI–XII.

Кончина архиепископа Димитрия (Любимова)

О последних годах жизни владыки Димитрия почти ничего не известно. После вынесения приговора он был отправлен в Ярославский политизолятор, где, возможно, содержался в одиночке. Дочь владыки, Вера Дмитриевна, узнала о месте заключения отца после своего обращения в Политический Красный Крест, причем довольно быстро, через две-три недели после вынесения приговора, – сообщение из ПКК датировано 14 сентября 1931 года. Вера Дмитриевна сразу же ходатайствовала о свидании, однако только 15 ноября из ПКК ей отправили письмо, в котором сообщили, что она может прислать заявление с просьбой о свидании в ОГПУ и две фотографии, которые ПКК брался передать в ОГПУ и в дальнейшем уведомить Веру Дмитриевну о результате.

Неизвестно, получено ли было разрешение на свидание до конца 1931 года. В письме от 15 января 1932 года Вера Дмитриевна вновь просит исходатайствовать право свидания для нее и для племянницы отца. В феврале она, обращаясь с вторичной просьбой о разрешении свидания, просит сообщить место нахождения отца, не зная, куда посылать передачи, так как не знает, дошли ли до него письма и посылки, а также отвезенная «туда лично передача». Вероятно, разрешение на свидание все же было получено в первой половине 1932 года, так как в июле из ПКК следует ответ на новое ходатайство Веры Дмитриевны о получении свидания: ей предлагалось, как и прежде, прислать заявление, адрес в ОГПУ, приложить фотографии и указать месяц, удобный ей для свидания³⁰⁰. Было ли получено разрешение и когда состоялось свидание, неизвестно.

В июне 1935 года в письме в Политический Красный Крест (ПКК) Вера Дмитриевна просила выяснить о судьбе отца, сообщив, что с мая не получала от него пи-

³⁰⁰ См. документы в Приложении I.

сем, а продуктовая посылка, отправленная ему тогда же, вернулась обратно. Ответ из ПКК последовал лишь спустя полгода, в декабре 1935 года. В нем на основании полученной справки сообщалось, что Димитрий Гаврилович Любимов скончался 17 мая 1935 года.

Существует предание, что владыка Димитрий умер на руках епископа Сергия (Дружинина), который с декабря 1931 года также пребывал в Ярославском полит-³⁰¹изоляторе.

³⁰¹ Узнала ли о кончине отца Вера Дмитриевна, неизвестно, и поскольку от нее не последовало никаких писем, то ПКК в феврале 1936 года информировал о кончине архиепископа Димитрия Наталью Тимофеевну Дмитриеву, вероятно, его племянницу. В дальнейшем никаких сведений о Вере Дмитриевне нет, и дожившие до наших дней иосифляне после войны уже ее не застали. В клировых ведомостях 1898 года упоминается пятеро детей отца Димитрия: Сергей, Вера, Анна, Гавриил и Надежда. По воспоминаниям монахини Анастасии Куликовой, служившей в семье Любимовых на протяжении почти 30 лет, младший сын страдал от головных болей, и до революции она сопровождала его в поездке на лечение во Францию. Очевидно, к концу 1920-х годов дети владыки либо умерли, либо были за границей. Краснов-Левитин упоминает, что якобы в 1914 году «единственная дочь о. Димитрия, учившаяся в немецкой школе, вышла замуж за немецкого офицера и уехала в Германию» и после этого из-за войны «отец с дочерью были разлучены навсегда». Эти сведения представляются по меньшей мере неточными. (Краснов-Левитин А. Лихие годы 1925–1941. Париж, 1977. С. 102). Как бы то ни было, в «Анкете арестованного» в 1929 году владыка Димитрий указал только одну дочь, Веру Дмитриевну.

ГЛАВА II

Иосифляне — сострадальцы священноисповедника архиепископа Дмитрия

*По материалам следственного дела
1929–1930 годов*

Подробно написать обо всех иосифлянах, и даже о тех, кто проходил по одному делу с владыкой Дмитрием, непросто. О большинстве из них мало сохранилось сведений, и в основном это скудные биографические данные из материалов следственных дел. Составление полного мартиролога – соборное дело Русской Православной Церкви в будущем, если ей суждено Промыслом Божиим будущее на этой грешной земле. Надеемся, что наша работа хоть в какой-то самой скромной мере послужит этому великому делу. Краткое же упоминание имен пострадавших от безбожной власти пусть станет своего рода нашей поминальной запиской об упокоении их душ. А те из них, кто удостоился Небесной славы у Господа в сонме мучеников и исповедников, да примут наши скромные труды в прославлении их памяти и помогут и нам достигнуть Царствия Небесного.

Союзники архиепископа Дмитрия

По одному групповому делу с архиепископом Дмитрием проходили 46 человек, арестованных в конце

1929 – начале 1930 годов в Ленинграде, Новгородской и Псковской областях. Фактически с этого дела иосифлян развернулась уже давно готовившаяся властями операция по уничтожению церковной оппозиции. Через год в Ленинграде вновь последовали массовые аресты, к следствию по новому делу были привлечены иосифлянские епископы Сергей (Дружинин) и Василий (Докторов), целый ряд клириков и активных мирян, всего 89 человек. Почти одновременно разрабатывалось дело «иоаннитов» – иосифлян и непоминающих – Кронштадта и Ораниенбаума, в числе 86 человек. С начала 1932 года по разным делам были арестованы десятки монашествующих, а осенью по групповому делу «истинно-православных» было арестовано уже 146 человек и осуждено из них 130, почти все остававшиеся на свободе иосифлянские клирики и монашествующие. В дальнейшем преследования иосифлян, оказавшихся на нелегальном положении и перешедших к тайному служению, продолжались³⁰². Даже во время войны в блокадном Ленинграде чекисты не ослабляли бдительности, отслеживая иосифлян и выявляя их тайные церкви³⁰³.

В Обвинительном заключении по делу владыки Димитрия перечислены 44 обвиняемых³⁰⁴. Из них только одна – 67-летняя Деева Александра Васильевна – была

³⁰² 16 марта 1933 года по указанию ОГПУ совещание районных инспекторов по делам культа постановило «не выдавать паспорта служителям культа иосифлянского вероисповедания». ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 2. Д. 20. Л. 5. Шкаровский М. В. «Иосифлянство...». СПб., 1999. С. 177.

³⁰³ Так, в 1942 году был арестован игумен Клавдий (Савинский), в 1943 – отец Михаил Рождественский. Об этих замечательных иосифлянских пастырях мы надеемся рассказать в следующих книгах нашей серии.

³⁰⁴ Двое арестованных умерли во время следствия: инвалид Маркинов Николай Федорович, 1869 г. р., из мещан Вологды, и шестидесятилетний крестьянин из Псковского округа Алексеев-Бобров Иван Алексеевич.

освобождена из под стражи, но с лишением права проживания в Московской и Ленинградской областях. Все остальные обвиняемые получили следующие приговоры: архиепископ Димитрий, протоиереи Сергей Тихомиров и Николай Прозоров были приговорены к расстрелу. «Ввиду преклонного возраста» владыке Димитрию расстрел был заменен заключением в концлагерь на 10 лет, отцы Сергей и Николай были расстреляны.

К 10 годам концлагеря были приговорены:
протоиерей Василий Верюжский;
протоиерей Иоанн Никитин;
протоиерей Александр Тихомиров;
иеромонах Гавриил Владимиров;
странствующий монах Максим (Генба);
иеромонах Макарий (Клишин), бывший насельник Перекомского монастыря под Новгородом;
архимандрит Сергей (Андреев) из Перекомского монастыря;
тайная монахиня Анна Васильевна Перфильева, работавшая машинисткой в секретном отделении административного отдела при Ленинградском областном исполкоме³⁰⁵;
Михаил Андреевич Коптев, техник судостроительного завода.

К 5 годам концлагеря:
протоиерей Петр Белавский;
протоиерей Николай Загоровский;
монахиня Анастасия Куликова;

³⁰⁵ В Обвинительном заключении подчеркивалось, что Анна Васильевна, используя служебное положение, «информировала организацию о всех мероприятиях Соввласти, участвовала с Тихомировым в распространении заграничных к./р. документов, вербовала в организацию новых членов, одновременно ведя антисоветскую агитацию». Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 1. Л. 509.

«странствующий монах», бывший послушник при Древне-Зверинской пещере Гавриил Антонович Кожухарев;

Константин Петрович Коверский, бывший подполковник, помощник начальника лаборатории Военно-Технической академии им. Дзержинского, размножавший на стеклографе антисергианские документы;

Владимир Александрович Егунов, приват-доцент Военно-Морского инженерного училища³⁰⁶;

новгородские монашествующие Перекомского монастыря:

иеромонах Варсонофий (Кузьмин);

иеромонах Николай (Степанов);

иеродиакон Владимир (Кожин);

иеродиакон Алексей (Семенов);

протоиерей Серафим (Суздальцев).

К 3 годам концлагеря:

монахиня Елена Васильевна Домнышева, бывшая насельница Иоанновского монастыря, куда поступила в 12 лет; входила в «двадцатку» храма иосифлянкой церкви в Александро-Невской лавре;

монахиня Евдокия Ивановна Федорова, из крестьян Ленинградской губернии³⁰⁷;

тайная монахиня Ия, Репина Ольга Ивановна, в 1925 году приняла монашество, в 1923 году при-

³⁰⁶ В Обвинительном заключении о нем говорилось: «Участвовал в составлении контрреволюционных документов, получал из-за границы контрреволюционные монархические документы и снабжал ими организацию». Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 1. Л. 511.

³⁰⁷ В Обвинительном заключении выделено: «...ненавидит Соввласть, как власть антихриста, который стремится уничтожить православную Церковь»; «...будучи прихожанкой церкви Воскресения на Крови, сопровождала странствующих монахов и вместе с ними ходила по квартирам для распространения к.р. документов». Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 1. Л.

влекалась за распространение к.р. воззваний, с 1927 года инвалид II группы³⁰⁸.

Лидия Николаевна Герман, жена полковника, входила в «двадцатку» Тихоновской церкви и в «братство» при церкви Александро-Свирского подворья, распространяла антисергианские документы;

Николай Степанович Утилов, бывший подполковник, конструктор завода «Большевик», входил в «двадцатку» Александро-Свирского подворья, распространял вместе с Л. Н. Герман антисергианские документы, полученные от Коверского К. П.;

Иван Осипович Страхович, бывший статский советник, пенсионер, входил в «двадцатку» храма Воскресения на Крови;

Василий Михайлович Мартышев, чиновник военного времени, работал бухгалтером в «Тремасса», входил в «двадцатку» храма Воскресения на Крови;

Иван Дмитриевич Ругин, надворный советник на пенсии, входил в «двадцатку» храма Воскресения на Крови;

Мария Тимофеевна Туманова-Тимофеева, из Псковской губернии, прослужила 30 лет домработницей в Петербурге.

К 3 годам ссылки в Северный край:

Шенец Никифор Федорович, статский советник, окончил Духовную академию и служил в ней, член Собора 1917–1918 годов, пенсионер, входил в «двадцатку» собора Воскресения на Крови;

³⁰⁸ Показания Репиной О. И. от 10 января 1930 года: «Принадлежу к группе иосифлян, т. к. иосифляне стоят на правильном и православно-м пути... Не могу радоваться разрушению церквей и гонению, а также преследованию веры Христовой, как радуется митр. Сергей, не могу допустить, чтобы дом молитвы закрывали... Совласть служит или является орудием для гонения христианской веры». Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 1. Л. 271.

Михаил Иванович Сазонов, наборщик в типографии, председатель «двадцатки» собора Воскресения на Крови;

Николай Александрович Колобков, токарь по металлу, казначей «двадцатки» собора Воскресения на Крови³⁰⁹;

Василий Никитич Никитин, крестьянин-единоличник из деревни Горное Веретье Медведского уезда Новгородской области;

Илья Никитич Никитин, крестьянин-единоличник из деревни Горное Веретье Медведского уезда Новгородской области;

Василий Андреевич Ведерников, крестьянин-единоличник из деревни Базловка Медведского уезда Новгородского округа;

Николай Никитич Ведерников, крестьянин-единоличник из деревни Базловка Медведского уезда Новгородского округа;

Степан Кириллович Кириллов, крестьянин-единоличник с хутора Серебрянка Порховского уезда Псковской области;

Никита Андреевич Зубриков, крестьянин-единоличник с хутора Шилы Порховского уезда Псковской области;

Иван Захарович Захаров, крестьянин-единоличник из деревни Гривы Дновского уезда Псковской области;

³⁰⁹ Интересно отметить разные приговоры в отношении шести обвиняемых членов «двадцатки» храма Воскресения на Крови. Очевидно, сыграло роль социальное происхождение (а в отношении статского советника Шенеца, которому в это время было около 70 лет, вероятно, и возраст). Этим, очевидно, объясняется и тот факт, что председатель и казначей «двадцатки» получили три года ссылки, а не концлагеря, хотя их деятельность была не менее активна, чем деятельность рядовых членов.

Михаил Александрович Принцев, крестьянин-единоличник из деревни Козловка Порховского уезда Псковской области³¹⁰.

Священномученик протоиерей Сергей Тихомиров

Тихомиров Сергей Андреевич родился 30 мая 1872 года в Петербурге, в семье священника. В 1890 году окончил Санкт-Петербургскую Духовную семинарию. В 1895–1896 годах работал классным надзирателем Духовного училища в Санкт-Петербурге. В 1896 году рукоположен в священнический сан. Служил в Гдовском уезде в селе Козлов Берег. С 1897 по 1905 год служил священником в церкви села Клопицы Петергофского уезда, с 1905 года – в церкви Св. Тихона Задонского на Крестовом острове в Петербурге. С 1908 года стал настоятелем церкви Св. Александра Невского при Доме

³¹⁰ Обвиняются в том, «что, являясь членами Псковской группы к.р. монархической организации, получая директивы от Центра у себя на месте, вели контрреволюционную работу, вовлекая в свою группу крестьян середняков и бедняков, причем на нелегальных собраниях у Кириллова обсуждались вопросы борьбы с Соввластью, вели агитацию не вступать в колхоз...».

Из Показаний Принцева М. А. 1 марта 1930 года в г. Порхов.

Стал придерживаться иосифлянско-дмитриевской ориентации с 1928 года, после встречи в Ленинграде в церкви «Воскресения» со старцем Андреевым Петром Андреевичем, который служил городовым 30 с лишним лет, а родом он из Порховского района. Этот старец – ярый сторонник Дмитрия. Приходской священник о. Иоанн Лебедев после запрещения еп. Псковским Феофаном перешел «к дмитровцам и уехал в погост Вшель Лужского округа, где и организовалась религиозная община дмитриевской ориентации, куда стали ходить даже за 50 верст все религиозные лица, не согласные с Сергием, в том числе и я, несмотря на то, что рядом в 5 верстах имелась своя церковь». Лужский окротдел ОГПУ сообщил начальнику Псковского окротодела ОГПУ, «что священник погоста Вшели Лебедев в ноябре месяце прошлого года выбыл неизвестно куда, и место пребывания такового установить не удалось» Л. 111. (Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 1. Л. 106; 111).

трудолюбия³¹¹, с 1919 года служил во Введенской церкви на Петроградской стороне. С сентября 1922 по январь 1924 не служил, что было связано с тем, что он категорически отказался признавать обновленцев. В 1923 году за распространение «контрреволюционных» листовок (воззваний), очевидно, церковных антиобновленческих документов, отец Сергей губернским судом был приговорен к одному году заключения условно.

С 1924 по 1927 год служил в церкви Иоанна Милостивого³¹², а с начала 1928 года – в храме Воскресения Христова на Крови. По свидетельству настоятеля храма Василия Верюжского: «Протоиерей Сергей Тихомиров был одним из самых деятельных духовников по воссоединению обращавшихся из обновленчества при епископе Мануиле Лемешевском. Он играл видную роль и в нашей организации, пользуясь большим доверием архиеп. Димитрия Любимова; между прочим, тоже состоял одним из духовников по принятию воссоединявшихся»³¹³. Как показал на допросе от 5 января 1930 года сам протоиерей Сергей Тихомиров:

«Я по поручению епископа Димитрия принимал для исповеди приезжающее с разных мест СССР духовенство. Откуда и кто приезжал и был у меня на исповеди, я говорить не буду и не считаю себя вправе говорить об этих церковных актах. Исповедь всегда происходила в алтаре церкви Воскресения на Крови и совершалась тайно.

Цель такой исповеди была для того, чтобы удостовериться в искренности желания быть в общении с нами как представителями истинного православия. После исповеди сообщалось устно еп. Димитрию, что препятствий к общению с нами исповедуемого нет, и может быть принят в нашу группу.

³¹¹ По адресу: Стрельнинская улица, дом 11.

³¹² На углу Большой Зелениной и Геслеровского проспекта Петроградской стороны.

³¹³ Архив УФСБ СПб ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 265–268.

Снабжал ли я приезжающее духовенство литературой, не помню, больше я снабжал литературой верующих»³¹⁴.

Арестовали отца Сергия 23 ноября 1929 года на его квартире³¹⁵. Протоколом его допроса от 23 ноября 1929 года и начинается первое следственное дело иосифлян. О своей деятельности по распространению антисергианских воззваний он говорил откровенно: «По своей пастырской обязанности я говорил всем верующим, чтобы они вышедшие в свет воззвания и послания, направленные против Декларации и распоряжений митрополита Сергия, всячески размножали, переписывали и перепечатывали. Об этом я говорил и Лидии Николаевне Герман, которая эти воззвания отпечатала через Коверского на стеклографе. Эти воззвания были принесены ко мне на квартиру, и я таковые раздавал среди верующих и духовенства».

На допросе 15 декабря 1929 года отец Сергий не скрывал своих взглядов и убеждений, в графе «Политические убеждения» было записано: «Противник власти, преследующей Церковь, но подчиняюсь». Затем он прямо заявил о своей позиции:

«До перехода в иосифлянство я был благочинным, и я, как благочинный, должен был распространить выпущенную митрополитом Сергием декларацию. Получив эту декларацию от еп. Ярушевича, я ее дома прочитал и нашел, что этой декларацией митрополит Сергей душой и телом сливает верных с антихристовой властью. Я, как истинно-православный, не могу принимать радости Соввласти за радости Церкви и успехи Соввласти за наши успехи. Советская власть стремится уничтожить церкви, она гонит, разрушает и всячески искореняет религию, а я, как истинно-православный, стою на защите православной Церкви, и после того, как была выпущена декларация, я увидел, что для спасения истинного православия надо

³¹⁴ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т.1. Л. 14 об.

³¹⁵ По адресу: улица Розы Люксембург, дом 9, квартира 3.

избрать путь такой, который бы противодействовал намерениям митрополита Сергия Церковь подчинить антихристовой безбожной власти, и я вместе с другими присоединился к группе духовенства, впоследствии названного "иосифлянами".

В Ленинграде объединяющим центром иосифлян был умерший свящ. Федор Андреев, вокруг которого и начало объединяться духовенство и миряне. Первым делом этой группы было намерение заставить митрополита Сергия отказаться от взятого им курса церковной политики, была послана к нему делегация, но митрополит Сергей категорически отказался принять к изменению выставленные нашей группой требования. Своим духовной главой мы избрали стойкого в православии митрополита Иосифа, а т. к. он не по своей воле живет в Устюжне, помощником состоит архиеп. Димитрий.

За эти два года между сергиевцами и иосифлянами завязалась упорная борьба, в которой принимал деятельное участие и я не только словом, но и путем распространения разных воззваний и посланий, направленных против политики митр. Сергия. Свои идеи я говорил каждому истинно-верующему и призывал и их следовать моему примеру. Для большего распространения этих документов я через Лидию Герман³¹⁶ просил размножить, которая от меня получила оригиналы и приносила ко мне на квартиру размноженными».

На том же допросе чекисты интересовались отношением отца Сергия к Братству преп. Серафима Саровского, по делу которого за год до этого, в октябре 1928 года, было осуждено несколько десятков лиц из петербургской интеллигенции, и среди них дочь отца Сергия, Юлия, приговоренная к высылке в Вятскую губернию на три года. На вопрос следователя о Братстве отец Сергей показал: «К братству Серафима Саровского, кроме того, что служил молебны на квартире профессора Андреевского и последний был моим духовным сыном, я

³¹⁶ Лидия Герман была арестована накануне ареста отца Сергия, 22 ноября, а К. П. Коверский, которого она просила размножить воззвания на стеклоглафе, 19 ноября. Очевидно, отец Сергей лишь подтвердил их показания.

никакого отношения не имел. Это братство объединяло религиозных людей. Через меня об этом братстве узнала моя дочь Юлия, которая получила от Андреевского книги, ходила со мной помогать совершать молебны»³¹⁷.

Братство преп. Серафима Саровского возникло на основе кружков литературно-философского характера, которые с начала 1920-х годов организовывал преподаватель литературы Иван Михайлович Андреевский, талантливый и разносторонний человек – филолог, врач, в дальнейшем богослов и историк Церкви. На его квартире постоянно собирались его единомышленники и ученики, в основном молодежь 22–25 лет, читались доклады на философские, богословские и общецерковные темы. В 1926 году, после паломничества в Саров, И. М. Андреевский высказал мысль именовать кружок именем преподобного Серафима Саровского, а осенью было принято предложение об образовании Братства.

«15 января 1927 года, когда праздновалась память преподобного Серафима, о. Сергием Тихомировым (чьим духовным чадом был Андреевский) и диаконом Кириллом Ивановым на квартире Скуратовых был отслужен водосвятный молебен, и с этого дня Братство можно считать основанным. Для братчиков вводится строгая дисциплина и конспирация. 1 августа этого же года о. Сергей "с необыкновенным чувством" служил на той же квартире молебен в день обретения мощей преп. Серафима.

Согласно Лихачеву³¹⁸, "ратовавший" за защиту Церкви Андреевский хотел назвать его Братством митрополита Филиппа, имея в виду митрополита Филиппа Колычева, говорившего в глаза правду Ивану Грозному... Потом, однако, под влиянием С. А. Алексеева мы назвались "Братством святого Серафима Саровского". В члены Братства принимали путем опроса его участников. Например, Каллистова в Братство не приняли, "так как его религиозные интересы были неизвестны". Никакого устава Братство не имело, но его чле-

³¹⁷ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т.1. Л. 8 об., Л. 11 об., Л. 12.

³¹⁸ Дмитрий Сергеевич Лихачев, выпускник ЛГУ, будущий академик.

нам "рекомендовалось посещение церкви, соблюдение постов и по мере сил — известный аскетизм", цель же Братства усматривалась в том, чтобы "путем духовного подвижничества спасти Россию";

«Все члены Братства были противниками обновленчества и декларации 1927 года митрополита Сергия (Страгородского)... Как вспоминает Лихачев, "мы, интеллигентная молодежь, были всецело на стороне митрополита Иосифа... на стороне гонимой Церкви"»³¹⁹.

Впоследствии в эмиграции И. М. Андреевский сообщил следующие сведения об отце Сергии:

«Отец Сергей Тихомиров был глубоко чтимым священником. Многие профессора Петроградского университета и других высших учебных заведений были его духовными чадами. Среди них был и знаменитый русский философ и религиозный мыслитель, проф. С. А. Аскольдов. Аскет, замечательный проповедник, большой почитатель митроп. Антония (Храповицкого), часто посещавший Оптину Пустынь и находившийся в духовном общении с Оптиными старцами: Иосифом, Анатолием, Нектарием и Досифеем (духовником старца Нектария), о. Сергей Тихомиров, в свою очередь, мог быть назван старцем, подобно протоиерею о. Михаилу Прудникову, с которым был в духовной дружбе. Строгий к своим духовным чадам, когда замечал в них хотя бы слабые признаки самооправдания, он был необычайно нежен, чуток, внимателен и любвеобилен, если замечал хотя бы намек на уныние или отчаяние. Был он среднего роста, очень худощавый, с иконописным "византийским" лицом, с глазами — одновременно строгими и ласковыми...»;

«Незадолго до расстрела отец Сергей попросил свою жену принести ему чистое белье и новую рясу, и на последнем свидании с женой, весь просиявший и радостный, заразил и ее духовным подъемом, спокойствием и радостью. Сидел он в одиночном заключении»³²⁰.

³¹⁹ Антонов В. В. Братство Преп. Серафима Саровского. / Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости. Вып. 16, 1996. С. 47–49.

³²⁰ Польский М., протопресв. Указ. соч. Ч. 2. С. 143–144.

Священномученик иерей Николай Прозоров

Об отце Николае Прозорове поведал его союзник и очевидец его предсмертного часа, чему «свидетелем Господь его поставил». Этот свидетель был арестован по другому делу в феврале 1930 года и пребывал в той же тюрьме Ленинградского ОГПУ, где в это же время находились все арестованные петроградские иосифляне:

«В феврале 1930 г. в камере № Дома Предварительного Заключения на улице Воинова (б. Шпалерная) №5 встретил я одного инженера-судостроителя с Балтийского завода. Удрученный арестом, я получил в первые же дни заключения от него и духовную поддержку, и совместную молитву.

В конце февраля привели к нам в камеру странника³²¹. Этот малограмотный инвалид, претерпевший ранения 25 лет назад во время осады Порт-Артура, будучи рядовым солдатом, являл редкую стойкость и резко осуждал действия митр. Сергия. Затем перевели из одиночки о. Петра Б.³²² Примкнув к ним обоим всей душой, я навсегда порвал с иерархией м. Сергия и примкнул к маленькой церкви, получившей своего пастыря в лице о. Петра.

10 апреля 1930 года нашу камеру отдали под "рабочих" (арестанты, работавшие на лесопилке во дворе тюрьмы), и мы все четверо были переведены в камеру №1, где на 20 коек было 80-100 человек (в предыдущей на 14 коек — 35-45 человек), где встретил отцов Иоанна³²³ и Николая³²⁴, еще одного старенького 75 лет протоиерея о. Николая Загоровского, привезенного из Харькова. И бывшего синодального чиновника Шенец. С ними неделю спустя, 4/17 апреля, справили мы Пасхальную Заутреню и провели лето.

С нами гулял и находившийся в камере №2 о. Александр Тихомиров, брат о. Сергия, сильно страдавший от сердечных припадков, и двое командиров, из кадровых офицеров, примыкавших к той же группе.

В это время в одиночке томился возглавлявший верную паству в Петрограде викарный епископ Димитрий Гдовский,

³²¹ Максим Генба.

³²² Протоиерей Петр Белавский.

³²³ Протоиерей Иоанн Никитин.

³²⁴ Иерей Николай Прозоров.

которого я раз встретил, вынося с другими заключенными в сопровождении надзирателя тяжелый ящик с мусором; Владыка возвращался с 10-минутной прогулки. В одиночках пребывали протоиерей Верюжский и Сергей Тихомиров. Участь последнего была особенно опасной; другим пастырям говорили при допросах, что у о. Сергея нашли при обыске "деяния Собора в Сремских Карловцах", и он бесстрашно исповедал перед чекистами свое полное с ними единодушие.

Отцы, старейшие по времени пребывания в этой камере, занимали угол, где спали рядом, а утром служили обедницу, вечером вечерню, под праздник — всенощную. Они сидели в ряд на табуретках, к ним подсаживались 2—3 мирян, и мы слушали произносимую наизусть вполголоса всю службу. Прочие заключенные делали вид, что этого не замечают. В июле попали в камеру два видных священника "сергианина": о. Николай Чуков (потом митрополит Григорий Ленинградский, недавно умерший) и о. Николай Чепурин (умер в Москве ректором советской Духовной академии). Хотя они были мои одноподельцы по делу "академика Платонова", я не поддерживал с ними молитвенного общения, и они с нами не молились».

«В камере я узнал все "житие" моих соузников. 33-летний отец Николай Прозоров, бросив семинарию в 1915 году, 18 лет пошел добровольцем на фронт. Революция застала его, недоучившегося семинариста, подпоручиком. По возвращении с фронта в родной Воронеж³²⁵ он был обвинен с другими в "заговоре" и приговорен к расстрелу. Это было в страшные годы гражданской войны. Горячо молясь в ожидании казни, молодой, полный жизни и мужества офицер дал обет — пойти в священники, если Господь сохранит ему жизнь. Наутро ему объявили о замене расстрела многолетним заключением. Потом несколько амнистий, и он, оказавшись на свободе, принял священство. Рукополагал его архиепископ Иоанн (Поммер), впоследствии зверски убитый под Ригой большевиками террористами 12 октября 1934 года»³²⁶.

Сам отец Николай упомянул об этом факте на допросе так:

³²⁵ В Пензу.

³²⁶ Польский М., протопресв. Указ. соч. Ч. 2. С. 139–140.

«Во время красного террора в г. Пензе в 1918 году я был арестован как бывший офицер и посажен в тюрьму. Сидел в тюрьме в числе 450 офицеров, во время побега уголовных было расстреляно 150 человек. Выводили по 10 чел. И тут же во дворе тюрьмы расстреливали, и тут я дал обет, что, если я избежу расстрела, то посвящу свою жизнь служению Богу. В 1919 году после демобилизации я принял сан священника и служил в селах около г. Пензы до 1927 года. В 1927 году приехал в Ленинград для продолжения своего духовного образования на богословских курсах, в одно и то же время служа по воскресным дням»³²⁷.

И. М. Андреевский рассказал об этом факте следующее:

«Еще будучи до священства подпоручиком, Прозоров был обвинен в "заговоре" и приговорен к расстрелу. Находясь с группой "смертников"-офицеров в общей камере, он предложил верующим прочитать вслух акафист св. Николаю Чудотворцу — защитнику невинно осужденных. Акафист у него случайно оказался с собой. Часть офицеров согласилась, отошла в сторону и тихонько пропела этот акафист. Другая же группа, вероятно, неверующих или маловерующих и нецерковных офицеров, не приняла в молитве никакого участия. И вот случилось чрезвычайное чудо, глубоко перевернувшее всю душу молодого офицера Прозорова: наутро все читавшие акафист были избавлены от казни и получили разные сроки заключения в тюрьмы. Прозоров дал обет принять священство, как только он выйдет из тюрьмы. Оказавшись через несколько времени на свободе, он выполнил свой обет. Я лично не знал о. Николая, но слышал об этом факте от своего друга проф. о. Феодора Андреева»³²⁸.

На допросе отец Николай говорил:

«Моим духовником был умерший свящ. Федор Андреев, с которым у меня по поводу разделения — отхода от митро-

³²⁷ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 1 Л. 203 об.

³²⁸ Польский М., протопресв. Указ. соч. Ч. 2. С. 144.

полита Сергия истинно-православного духовенства — были разговоры. Андреев говорил, что от Сергия отошли 6 епископов Ленинградских за то, что митр. Иосиф был уволен с Ленинградской кафедры, за то, что м. Сергей выпустил такую декларацию, в которой выражал радости Соввласти за радости Церкви и т. д., и за то, что митрополит Сергей издал указ о поминовении властей.

В нашей Православной Церкви произносится только моление за православных, власть же неверующая, и молиться за нее нельзя по канонам Святой Церкви.

Декларацию митрополита Сергия я признать не могу, потому что там слишком поздно признана лояльность к Соввласти. Для меня, как православного священника, не могут быть радости Соввласти, власти, которая стремится разрушить Церковь».

В своем письме на имя следователя Макарова отец Николай подробно изложил свои взгляды:

«Камера 21, корп. 3-й
Уполномоченному ОГПУ тов. Макарову
От заключенного священника
Николая Федоровича Прозорова

Заявление

Находясь 4-ю неделю в ДПЗ без предъявленного мне обвинения, я ежедневно задумываюсь над Вашими словами, сказанными мне Вами на 1-м допросе: «За что я арестован?» — «Посидите и подумайте, и узнаете». И вот что <я> надумал за это время: Я много имел за собой грехов и преступлений <против> Бога и Его Св. Заповедей. Но не нашел греха или преступления контрреволюционного или уголовного. И я твердо могу сказать — что моя совесть в этом отношении чиста. На допросах Вы интересовались моим отношением к Митроп. Сергию и причинами отхода от него. Я уже сказал Вам о каноническом праве отхода от него и его вины перед Св. Церковью. Теперь же только добавлю. Я, никогда не занимавшийся политикой и давший обещание никогда не заниматься ей, — не могу пойти за Митр. Сергием и по-

тому еще, что он политик-provokator. Он в декларации выражает лояльность Советской Власти, говорите Вы, тов. Макаров. Это в 1927 году-то? Значит: он и присные с ним — до 1927 года действительно занимались контрреволюцией? Но простите. — Я не могу расписаться под этим его актом: ибо я лояльность свою по отношению Соввласти выразил при самом ее, так сказать, зачатии — и не на словах только, а на деле, будучи начальником продовольственной милиции <неразбор.> начальником участка Городской милиции и инспектором Всеобуча — налаживая это новое дело в стране. И об этой честной моей работе свидетельствуют: приказ по Пензенскому Гарнизону от 1-го апреля 1919 г, где отмечается моя энергия, такт, проявленные соответственно <неразб.> духу и времени, а также отзывы военных комиссаров <неразб.> Рузаевского уездных комиссариатов — куда я командировался для налаживания этого нового дела.

Лишь увольнение с военной службы по болезни — заставило оставить меня этот род службы. А что я действительно был болен — об этом свидетельствуют шрамы на теле, оставшиеся после 4-х операций. Вот действительная лояльность; а не Митр. Сергия. Он лжец — обманывает Бога, обманывает и людей. Возьмем хотя бы его распоряжение о поминовении Властей за богослужением. Присмотритесь, как его присные изворачиваются, объясняя вопрошающим их об этом. Мы молимся не "о властях" — а "об областях" и т. д. Я же честно и прямо говорю, что не поминаю, потому что Церков<ные> законы запрещают это делать и 2-х <во-вторых> еще это и Сов. Власти не нужно — и наоборот, дискредитирует ее в глазах народа.

Но я буду молиться, если Власть действительно того пожелает и объявит об этом своим особым распоряжением или узаконением. И здесь моя совесть чиста — я не хочу быть лжецом. А потому я и избираю своим духовным руководителем — старца Архиеп. Димитрия, кот<орый> одною ногою уже в могиле и по одному этому уже не способен заниматься политикой.

Но, м<ожет> б<ыть> я действительно что-либо предпринимал против Власти, живя в Ленинграде? И вот я просматриваю всю свою жизнь в Ленинграде. И что же? Приехав в Ленинград, я поселился на окраине города. —

Правый берег Невы <неразб.>. Поступил в пастырскую школу, а затем и на высшие Богословские курсы — и вот мое занятие — на трамвай № и с трамвая — курсы и дом. И так всю неделю. Воскресный же день в Киновийской Церкви. И ни одного знакомства в городе — ни одних связей.

Далее отход от Митр. Сергия и переселение на другую окраину города, в Пискаревку. И здесь — никаких связей с городом — опять лишь трамвай №7 до Гознака и квартира Владыки Димитрия, где я находил отеческий прием и духовное утешение. Иногда Владыка просил меня помочь ему что-либо переписать, как <например> резолюции о приеме в каноническое общение с ним — что я охотно исполнял. Затем я бывал на особо торжественных службах в наших православных храмах. Вот и все, что я себе позволял, живя в Ленинграде. Но с весны я лишил себя и этого одного удовольствия — поездок к Владыке, т. к. он переехал на дачу.

Проповеди? Да, говорил. О мирской и духовной жизни. О людях верующих и неверующих. Это излюбленные мои темы. А о чем другом можно было говорить перед моей аудиторией: 20—40 человек постоянных посетителей моего маленького храма? Здесь моя совесть чиста.

Вот и все, что я нашел за собой. Эта действительная правда — о <чем> я считаю своим долгом поставить в известность Вас, тов. Макаров.

21 декабря 1929 года

Свящ. Николай Прозоров»³²⁹.

Служил отец Николай в маленькой церковке Св. Александра Ошевенского недалеко от платформы Пискаревка Ириновской железной дороги. Как отмечалось в следственных показаниях других заключенных, благодаря уединенному положению этой церкви, в ней был тайно рукоположен первый иосифлянский епископ Максим (Жижиленко). Благодаря уединенности ее расположения, очевидно, и мог произойти здесь следующий случай:

³²⁹ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 1. Л. 200—203.

«Приехал к нему³³⁰ один из крупнейших в Ленинграде коммунистов. "Слушай, поп, я влюбился в эту красавицу!" Он показал на приехавшую с ним девушку, действительно заслуживавшую это название. — "Она поладить не хочет, пока поп не обкрутит. Твоя церковь в лесу, никто не узнает". (Коммунисты за церковный брак исключаются из партии.) О. Николай согласился и предложил им у него предварительно поговорить, хотя бы накануне венчания. "Шутишь, поп, — возмутился всесильный коммунист, — я потакаю капризу любимой девушки, но никакой исповеди не признаю. Венчай сразу. Заплачу сколько захочешь, больше, чем ты за год зарабатываешь. У тебя, чай, своя баба, да дети (у него было 3 детей). Пока я жив, тебя никто не арестует. А невзначай посадят, пусть попадья к жене прибежит, мигом выпустят. Ведь я член ЦК партии". Но о. Николай отказался венчать без исповеди, несмотря на просьбы и угрозы грозного гостя и слезы его прекрасной спутницы. И остался в нужде с семьей, лишившись возможности приобрести всесильного заступника с весом в Кремле. Имя его он мне не открыл, но сказал, что это имя известно по всей России»³³¹.

Отец Николай был одним из близких людей владыке Димитрию, исполнял различные его поручения и вел переписку, о чем подробно показал на следствии:

«Для ознакомления с платформой нашей группы я рассылал документы в Пензу епископу Кириллу и духовенству.

По поручению епископа Димитрия я писал резолюции о присоединении к нашей группе духовенства СССР, выполняя всевозможные поручения вплоть до увещевания не торговать свечами.

Документы, посылаемые в Пензу, носили характер защиты и разъяснения той истины православной церкви, на которой базировалась наша группа.

Документы я получал от епископа Димитрия и св. Андреева. О Карловицком соборе я слышал от Феодора Андреева»³³².

³³⁰ Имеется в виду отец Николай.

³³¹ Польский М., протопресв. Указ. соч. Ч. 2. С. 140–141.

³³² Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 1. Л. 204.

Отец Николай также вел переписку с митрополитом Иосифом. При аресте у него были изъяты адресованные ему письма митрополита. Одно из этих писем от 9/22 февраля 1928 года является, собственно говоря, письмом самого отца Николая с его вопросами и вписанными рукой митрополита Иосифа ответами:

«Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший и дорогой наш Святитель!

По благословиению Высокопреосвященного Владыки Димитрия осмеливаюсь просить Вас дать нам ответ на вопросы, выдвинутые пастырями Пензенской Епархии из присоединенных к нам приходов. Эти ответы будут для нас как руководство и на будущее время:

1) Православные приходы окружены теперь или живцами и обновленцами, или сергиянцами. Но население смежных приходов имеет обоюдные родственные связи, и потому часто приносят в православные храмы младенцев, крещенных обновленцами и сергиянцами. Нужно ли помазывать их Св. Миром? На практике крещ^{<енных>} мл^{<аденцев>} обнов^{<ленцами>} уже помазывают Св. Миром — а как быть с крещенными сергиянцами?

Ответ: *Обновленческих — да, помазывать Св. Миром, но "Сергиевских" — пока нет! Ибо они — "Сергиевские" по недоразумению, в стадии происходящего еще разрешения этого дела*³³³.

2) Три месяца тому назад еп. Кириллом Пензенским³³⁴ некто псаломщик Панов рукоположен в священники в тот же приход, где был псаломщиком. Теперь приход и он думают перейти к нам. Как быть с Пановым? Каким образом его принять?

Ревностные прихожане не хотят признавать его рукоположение. Наше духовенство там в смущении и запрашивает

³³³ Ответ митрополита Иосифа.

³³⁴ Кирилл Соколов — на Пензенской кафедре с сентября 1928 по 1933 год.

нас. Вопрос серьезный, а потому мы и обращаемся к Вашему Высокопреосвященству за разъяснениями.

Ответ: Принять надлежит после велегласного исповедания присоединяющимся истины. Для успокоения "ревностных" можно рекомендовать священнику покорно принять некоторую епитимию — в виде временного воздержания от священнодействия (недели 2-3 и до месяца).

Относительно рукоположения надлежит руководствоваться практикой, установленной при Патриархе для приема посвященных обновленцами. Эти посвященные разделялись на несколько категорий: принявшие рукоположение от архиереев старого поставления (уклонившиеся в обновленчество) принимались покаянием и епитимией (вроде указанной выше). Тем же порядком разрешалось принимать тех, которые приняли посвящение, хотя и от новых архиереев, но принявших свою хиротонию от старых и без нарушения правил церковных (неженатых и т. д.). Только принявшие посвящение от женатых епископов и с нарушением церковных правил отменялись совершенно и рассматривались как непосвященные.

3) Гражданские браки, т. е. открытое блудодеяние и мерзкое богохульство, в провинции входят в силу. Батюшки просят благословения лишать христианского погребения лиц, бывших в этих грехах и умерших, не очистив себя покаянием. Или же отпевать их на дому, а не в храмах? Вот меры борьбы с развратом, предлагаемые пастырями.

А Вы, дорогой Владыко, как смотрите?

Ответ: Правильно, но в отдельных случаях возможны некоторые снисхождения. Например, кто-нибудь из неповенчавшихся все время сознавал свой грех и не успел по надлежащему исправить его или не смог. Таких, хотя и на дому, ради уменьшения скорби родных, прилично отпевать. Явных и злостных богохульников отпевать было бы соблазном. Пусть хоронят по безбожному. Точно так же и неповенчавшихся по злобе и отчуждению от Св. Церкви, без всякого сознания греховности своей жизни.

Я оставляю здесь место для ответа, дабы не утверждать Вас лишним писанием. Во всем другом же у нас пока мир и благополучие. Не хватает только Вашей Святыни. Дождемся ли?

Ответ: *Мало надежды. Жду вас сюда.*

Да хранит Вас Господь Бог и укрепит. Ведь дышим Вами.

Ответ: *И не легко, вероятно?*

Прошу молитв и Святительского благословения.

Ваш покорный и преданный послушник, грешный иерей Николай Прозоров.

Ответ: *Дорогой отче! Привет и благословение. И спасибо за помощь Владыке³³⁵. Берегите его!³³⁶*

О последних днях отца Николая его союзник написал следующее:

«Утром 4/17 августа <1930 года> вызывали, как всегда, в коридор и "кукушка" (брюнетка-канцеляристка ДПЗ, приносившая арестантам для объявления приговоры тройки ОГПУ при Ленинградском Военном Округе и прозванная нами так, ибо "куковала" каждому число годов заключения) — дала расписаться в прочтении приговоров: о. Иоанн Никитин, инженер К. и Божий странник — по 10 лет концлагеря, о. Петр Б. — 5 лет, о. Николай Загоровский — 3 года, чиновник Шенец — три года ссылки в Казахстан.

Только заключенный в одиночке о. Сергей Тихомиров и наш союзник о. Николай Прозоров не были вызваны для объявления днем 4/17 августа приговора. На другой день все приговоренные были вызваны на этап и простились с нами. Отец Николай недоумевал — радоваться или печалиться. Если бы его оправдали, то, вероятно, выпустили бы. Но все понятнее делалась другая причина, почему до отправки его одноподельцев о нем как будто забыли.

³³⁵ Имеется в виду архиепископ Димитрий Гдовский.

³³⁶ Архив УФСБ СПб. Д. П-78806. Т.4. Л. 111–111 об.

Я старался весь день 5/18, в канун Преображения, не отходить от о. Николая, который сразу почувствовал себя одиноким с отправкой всех однодельцев.

Из сотни заключенных большинство не понимало, в чем дело, другие думали, что это признак освобождения. Один он прочитал под Преображение по памяти всеобщую, прослушанную мною; другие миряне, слушавшие их обычно, были уже разосланы по концлагерям. Ведь состав камеры меняется. Он вынул из кармана подрясника снимок своих трех дочек 6, 4 и 2 лет³³⁷, и нежно глядя на них, сказал мне: "Верю, что Господь не покинет этих сироток в страшном большевистском мире".

Началась обычная укладка около 9 часов вечера. Старшие по времени пребывания в камере ложились на койки, прочие на столах и скамьях, составленных табуретках; новички под столами и койками. Моя койка была у окна, о. Николай — у решетки, отделявшей от нас коридор. Когда все легли, появился дежурный комендант и стал в коридоре у двери решетки:

— Прозоров, есть такой?

— Есть, это я, — вскочил с койки о. Николай.

— Имя, отчество? — спросил комендант, сверяясь по записке.

— Николай Кириакович³³⁸, — ответил, одеваясь, Батюшка.

— Собирайся с вещами.

Отец Николай все понял. Мы с ним не раз наблюдали, как дежурный комендант вызывал так на расстрел.

Отец Николай стал быстро одеваться и укладывать соломённую картонку с его тюремным "имуществом". Я лежал на другом конце камеры и не мог добраться до него через камеру, заставленную столами, скамейками, спущенными койками с лежащими повсюду телами. Но из освещенного угла, где он укладывался, мне ясно было видно его просиявшее какой-то неземной радостью мужественное, окаймленное черной бородой лицо (ему было 33 года, как Спасителю, когда Он поднимался на Голгофу). Вся камера притихла и следила за о. Николаем. За решеткой не спускал с него глаз

³³⁷ На самом деле у отца Николая были сын и две дочки, соответственно 10, 8 и 6 лет.

³³⁸ Здесь также ошибка: Николай Федорович.

комендант. Отец Николай со счастливой улыбкой оглядел всех нас и быстро пошел к решетке, которую отворил ему комендант. На пороге он обернулся к нам и громко сказал: "Господь зовет меня к Себе, и я сейчас буду с Ним! "

Молча, потрясенные величиим души этого скромного пастыря, все мы глядели, как захлопнулась за ним решетка и быстрой походкой он пошел перед следовавшим за ним комендантом. Шепотом с умилением стали говорить об отце Николае все мы. Не только верующим, но и безбожникам: троцкистам, меньшевикам, бандитам и просто советским мошенникам внушала уважение и умиление его твердая вера.

В очередной день свидания с родными вернувшиеся со свиданий заключенные передали нам, что матушкам объявили приговоры мужей»³³⁹.

В официальном донесении в Москву от 29 августа 1930 года за подписью начальника ПП ОГПУ в Ленинградском Военном округе сообщалось, что «приговор в отношении гр-н Тихомирова Сергея Андреевича и Прозорова Николая Федоровича приведен в исполнение 21 августа с. г. в 23 часа»³⁴⁰.

Священноисповедник протоиерей Иоанн Никитин

Никитин Иван Григорьевич родился в марте 1880 года в селе Лужно Демянского уезда Новгородской губ. Окончил Духовное училище в Старой Руссе, затем Новгородскую Духовную семинарию и в 1907 году – Санкт-Петербургскую Духовную академию. Тогда же был рукоположен в священнический сан. До революции он преподавал Закон Божий в гимназии Императорского Человеколюбивого общества. После революции служил в Вознесенской церкви, затем в Троице-Измайловском соборе, откуда ушел во второй половине

³³⁹ Польский М., протопресв. Указ. соч. Ч. 2. С. 141–142.

³⁴⁰ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 1. Л. 420.

1927 года по причине несогласия с митрополитом Сергием. По приглашению настоятеля Василия Верюжского стал служить в храме Воскресения на Крови. Во время следствия отец Василий так охарактеризовал отца Иоанна: «Никитин был наш трибун. Он вел за собой народ. Его проповедь часто принимала агитационный характер. Он любил говорить о митр. Иосифе, венчая его и всю нашу организацию ореолом исповедничества. Никитин имел большую священническую практику среди своих почитателей»³⁴¹.

Очевидно, не без влияния отца Иоанна священнослужители двух из трех незакрытых храмов в поселке Вырица присоединились к иосифлянам. Летом отец Иоанн выезжал с семьей в Вырицу, где у него был небольшой летний домик на улице Саратовской, неподалеку от Успенского женского монастыря, подворья Кавказского Моквинского монастыря. Сестры монастыря и служивший в храме иеромонах Пафнутий (Акиншин) не признавали митрополита Сергия, в начале 1930-х годов все они были арестованы и отправлены в лагерь.

Отец Иоанн был арестован 28 ноября 1929 года на своей квартире³⁴². В протоколе допроса от 4 декабря 1929 года в графе «Политические убеждения» отец Иоанн написал: «Подчиняюсь, скорбя о преследованиях Церкви». А в своих показаниях не поколебался заявить свое твердое исповедание:

«Я принадлежу к Святой Православной Церкви с момента святого крещения, т. е. с 30/III 1880 г. Священником Православной Церкви, от которой до сего дня ни разу не отступал, состою с 1 октября 1907 г.

В настоящее время каноническим митрополитом по Ленинградской епархии признаю митрополита Иосифа, которому я остался верен на основании обязательных для меня церковных канонов и после того, как митрополит Иосиф не-

³⁴¹ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 265.

³⁴² По адресу: канал Грибоедова, дом 74-76, квартира 13.

законно без ведома и суда над ним был смещен митрополитом Сергием в Одессу. В силу чего я с великой скорбью и разобщи́лся с митрополитом Сергием молитвенно и канонически впредь до суда по сему делу совершенного собора епископов.

Обсуждение декларации митрополита Сергия возникло после нашего отхода от него. Принципиально судя, декларация м. Сергия является основанием для канонического отхода от него с тех пор, как м. Сергей стал претворять ее в жизнь церковную не как лично свое и подписавших эту декларацию мнение, а как подлинное учение Церкви Православной, оглашая ее с церковной кафедры за богослужением. Нравственно сомнительной (наветы), противоречащей декрету об отделении Церкви от государства декларацией вносится политика в Церковь, и служители Церкви становятся в противоречивые положения (иезуитский характер этой декларации). Льстивость и лживость ее, осмеянная даже общественным газетным мнением, совершенно несовместима с истинностью и святостью Святой Православной Церкви, КАК СТОЛПА И УТВЕРЖДЕНИЯ ИСТИНЫ³⁴³.

Столпом истинного православия называется тот, кто верен Церкви Святой, ее учению веры и правилам благочестия.

Наветы в декларации — это общий оговор, что все пострадавшие до издания декларации при Соввласти пострадали за контрреволюцию, по крайней мере, мой разум не вмещает, что все пострадавшие пострадали за контрреволюцию, многие погибли без вины.

Мне по поручению еп. Димитрия приходилось принимать приезжающее с юга и Украины и из других губерний духовенство для исповеди перед принятием в общение с нами, как очередному священнику храма Воскресения, причем официального духовника у нас не было»³⁴⁴.

Приговоренный к 10 годам концлагеря, отец Иоанн отбывал наказание в Соловецком лагере особого назначения (в Кёми). «В последних письмах семье дал понять, что его готовят к смерти. Скончался (расстрелян?) 4 но-

³⁴³ Так выделено в машинописном тексте протокола. — Прим. сост.

³⁴⁴ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 1. Л.146, 148 об.

ября 1938 г. в Белтлаге (на Беломорканале). Похоронен в братской могиле на ст. Куземса в Карелии»³⁴⁵.

Священноисповедник иерей Николай Загоровский

Николай Михайлович Загоровский, в монашестве Серафим, родился 27 июля 1872 года в Ахтырке Харьковской губернии, в семье диакона. Окончил Харьковскую Духовную семинарию в 1894 году и тогда же был рукоположен в священнический сан. Служил в сельских церквях, с 1907 года — в Серафимовской церкви в Харькове, с 1910 года — в церкви Св. Феодора Стратилата при Александровской городской больнице. Постоянно вел общественные религиозно-нравственные чтения, сопровождавшиеся общенародным пением молитв и церковных песнопений, произносил проповеди в различных церквях города, занимался миссионерской деятельностью, организовывал паломничества по святым местам — в Куряжский и Ахтырский монастыри Харьковской епархии, к мощам свят. Иоасафа Белгородского. Писал замечательные статьи на духовные темы в харьковском журнале «Вера и Разум». У отца Николая была огромная паства. Многие его духовные дочери стремились к монашеской жизни; так, пастырскими заботами отца Николая стала создаваться община «Взыскание погибших» в честь иконы Божией Матери. Харьковский архиерей, в то время архиепископ Антоний (Храповицкий) благословил о. Николая на устройство монашеской обители, однако революция 1917 года помешала осуществить это начинание. До 1923 года отец Николай по-прежнему служил в больницы церкви, произносил вдохновенные проповеди, безбоязненно обличал безбожие. Его духовная дочь монахиня Иерусалима вспоминала:

³⁴⁵ Попов И. В. Святая Вырица / Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Вып. 28–29, 2003. С. 94.

«Службы длинные, часов до трех дня, кончалась литургия у него всегда акафистом Божией Матери "Взыскание погибших". На акафисте так: вся церковь становилась на колени, и все плакали, и он плакал. Проповеди тоже очень длительные говорил, часа по два, и во время проповеди он тоже все время плакал, и все плакали, так у него там и стены плакали, потому что так много народу набивалось, что стены от людского дыхания становились мокрыми. А после службы всех приглашали к столу, попьем чаю и поем псалмы, духовные песнопения, многие псалмы сам Батюшка составил.

И вот, я помню, он объявил народу, что я сегодня последнюю литургию служу и должен готовиться к аресту, потому что мне сказали: "Не поминай патриарха Тихона", а я этому подчиниться никак не могу. И как он это сказал, такой был плач, что даже слышно на километр на улице. Он плакал и рыдал, и все провожали его, а вечером пришли к нему домой и его арестовали. Поместили его в тюрьму, а у него очень была большая паства, и когда узнали, что его арестовали, то наутро начальник тюрьмы испугался: вся площадь вокруг тюрьмы была покрыта крестьянскими повозками, и на них продукты, и кормили всех заключенных. И когда начальник видит, что и сегодня, и завтра, и послезавтра повозки не уезжают, чуть не ночуют, и столько там продуктов, что они не знали, куда девать, тогда решили его выслать в Петроград»³⁴⁶.

Отец Николай был арестован 17 марта 1923 года и вместе с другими клириками, в их числе был и епископ Павел (Кратиров), не признавшими обновленцев, был выслан из пределов Украины. В справке из Службы Безопасности Украины по Харьковской области от 29 декабря 1993 года указывалось:

«15 мая 1923 года постановлением особой комиссии НКВД по административным высылкам Загоровский Н. М. был осужден к высылке за пределы Украины на три года. Проживал по Рудаковскому переулку, д. 11. В обвинительных мате-

³⁴⁶ Послушница Татьяна. Отец Николай Сангушко-Загоровский. / Православная жизнь. 1993, № 10. С. 10.

риалах статья Уголовного Кодекса указана не была. Признан в том, что являлся ярым монархистом. В период революционного движения 1905–1907 годов выпустил брошюру "Бога бойтесь – Царя чтите!" С 1921 года использовал проповеди для антисоветской агитации. Реабилитирован прокуратурой Харьковской области 30 декабря 1992 года»³⁴⁷.

По истечении трех лет отцу Николаю не было разрешено вернуться в Харьков, он проживал в Ленинграде и постоянно поддерживал связи со своей паствой, разлуку с которой тяжело переживал. Сохранились его трогательные письма духовным чадам:

«Чувствую, что ваши души страдают, как распятые, не имея "покоя истинного". От того ли, что вы столько лет в разлуке со мной, вашим духовным отцом и старцем, и чувствуете себя круглыми беспомощными сиротами... Нет вам обители тихой, где вы могли укрепиться с вашими священными запросами сердца, и некому вас утешить, ободрить, поддержать, подкрепить? От того ли, что вас порой одолевает бедность, бесприютность, порой голод и холод, и недостатки существования телесного, и вас страшит дума о будущем? Или же оттого, что вокруг вас воеет с адской силой страшная буря неверия, безбожия, богоотступничества, хулы и попрания всего святого, полного упадка нравственности и полного развала жизни христианской. И духовные нестроения и разделения в жизни церковной, в епископах и пастырях, в мирских и монашествующих восполняют и увеличивают непосильную тяжесть этого креста»³⁴⁸.

Отец Николай постоянно подбадривал своих чад, проникновенно писал им о молитве, покаянии, терпении, посте, любви³⁴⁹. Вопросы церковной политики он

³⁴⁷ Шоломова С. Б. Харьковский Серафим. Харьков, 2003. С. 20.

³⁴⁸ Шоломова С. Б. Указ. соч. С. 120.

³⁴⁹ «Только в молитве ко Господу и Царице Небесной унимается скорбь души моей, облегчается крест разлуки моей с вами, крест изгнания... Исполняйте и вы, мои Ангелочки, святую молитву тихую всегда с великой любовью, усердием, отрешением мыслей

не касался. Служил отец Николай в квартире, где проживал³⁵⁰: «Нигде не бываю, никуда не выхожу, за редким исключением. Нигде и не служу... так угодно Богу! Пребываю у себя в келейке. Привыкаю к затвору и молчанию и тихой уединенной молитве. Тут и моя служба, и молитвы, и Тайны Святого Причащения...»³⁵¹ Тем не менее и в Петрограде у отца Николая была паства. О нем знали, к нему обращались за духовными наставлениями, и его уединенная келья посещалась его почитателями. В одном из писем еще в первый год после своего приезда в Петроград он упоминал: «Приносят мне цветочки сестры инокини из Иоанновского, Батюшки о. Иоанна Кронштадтского, женского монастыря! Петроградцы, в выражение своей любви ко мне, поднесли мне золотую митру на днях и адрес почтительный»³⁵².

Сопровождавшая в ссылке отца Николая послушница Ульяша, в будущем монахиня Леснинского монастыря Магдалина, вспоминала, что по молитвам отца Николая, как и в Харькове, многие люди получали исцеления от физических и душевных болезней:

«В Петербурге была одна вдова, которая совершенно умирала, двое деток у нее и сестра. И кто-то им сказал, что вот есть такой батюшка, позовите его, если она и умрет, то он вам поможет. Пошли мы туда с Батюшкой. Она лежит, почти умирает. Глаза уже не открывала. Батюшка перед этой иконой ("Взыскание погибших") стал служить молебен, потом акафист стал читать, а детки говорят: "Батюшка, мамочка совсем умирает, надо отходную читать". "Ничего, оставьте пока. Пусть она спокойненько лежит. Матерь Божия по-

от всего земного, как я учил вас. Такой благодатной молитвой откроете себе двери рая, приготовите нетленные венцы, вступите в пресветлые обители». Шоломова С. Б. Харьковский Серафим. С. 111.

³⁵⁰ По адресу: улица Лиговка, дом 147, квартира 4.

³⁵¹ Шоломова С. Б. Указ. соч. С. 112.

³⁵² Шоломова С. Б. Указ. соч. С. 110.

даст — она поправится". И потом, на второй день, вдруг она приходит в себя. Оказывается, она чувствовала, что кто-то за нее молился. Они, конечно, сразу позвали Батюшку, и он пошел с Дарами, чтобы ее причастить. Приходим туда, а она открыла глаза и говорит: "Кто к нам пришел? Позовите, скорее!" Он ее поисповедывал, приобщил, а на другой день дети приходят и говорят: "Батюшка, мама себя уже лучше чувствует!" И потом она поправилась. Так дети вышли такой пояс, как раньше священники носили, русский, цветы принесли Батюшке, и так они были благодарны! А она поправилась и стала верная духовная батюшкина дочь»³⁵³.

7 января 1930 года о. Николай был арестован в своей «келейке». На допросе он кратко, но четко сказал:

«Я принадлежу к группе защиты истинного православия под названием "иосифляне" и всецело разделяю их убеждения.

В церкви я не служу, у меня на квартире устроена для моления особая комната, где я молюсь, и ко мне ходят молиться старухи и старики». «Ко мне, как к старцу, ходят за советом, какой церкви держаться».

В Обвинительном заключении относительно деятельности отца Николая говорилось следующее: «Принадлежа к организации, устроил у себя на квартире молельню, завел целый штат агентов из монахинь, фанатично верующих, которые объявили его ясновидящим, и у себя на квартире принимал верующих, приезжающих из провинций, где агитировал против Соввласти и ее мероприятий по социалистическому переустройству деревни, распуская провокационные слухи»³⁵⁴. 3 августа 1930 года иерей Николай Загоровский был приговорен к пяти годам концлагеря и вместе с другими осужденными был отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. О пребывании его в концлагере ничего не

³⁵³ Послушница Татьяна. Указ. соч. С. 11–12.

³⁵⁴ Архив УФСБ СПб. ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-78806. Т. 1. Л. 349, 511.

известно, кроме того, что он принял там тайный монашеский постриг с именем Серафим. После лагеря его отправили куда-то на Крайний Север.

«Шли пешком по тундре, изнуренные, измученные. В одном месте путники заночевали в покинутой часовне. Проснувшись, о. Николай увидел, что он спал под образом "Взыскания погибших". Это его несказанно обрадовало: он почувствовал, что находится под покровительством Царицы Небесной. Он лишь один дошел до места назначения. Все остальные умерли в пути»³⁵⁵.

После окончания срока его отпустили, запретив вновь въезд в Харьков. Он поселился в Обояне Курской области, где окормлял тайный женский монастырь. С началом войны и немецкой оккупацией отец Николай вернулся в Харьков и там стал совершать богослужения в своем доме. Как вспоминала катакомбная монахиня Иерусалима:

«И это были такие литургии, такое торжество! Народу собиралась полная комната, у него большая комната была, там людей полно всегда было. Пение прекрасное, монашески всегда пели, все причащались, все так радовались, как будто вернулось все прежнее. Но тут стали красные наступать. Его бы, конечно, арестовали. Дочь его, Лидочка, уже уехала с мужем. И он говорит матушке: "Не могу я тут ждать этих красных, мне даже страшно помыслить, что они приближаются"..."³⁵⁶

По дороге, в г. Перемышле в Польше, с ним случился удар. Умер он накануне праздника Покрова Пресвятой Богородицы. За 20 лет перед этим, еще в начале революции, о. Николай описал в одном стихотворении свою смерть: последние теплые осенние дни, цветы отцветают, падают, шурша, осенние листья, кротко умирает природа, и вместе с ней кончают свои дни и сам священнопоэт. Именно так и пришла его блаженная кончина...

³⁵⁵ Послушница Татьяна. Указ. соч. С. 3.

³⁵⁶ Послушница Татьяна. Указ. соч. С. 12.

Мать Магдалина вспоминала: "Мы читали по Батюшке Псалтирь, и панихиды были, и похоронили его в Перемышле. И оказывается, в том месте, где его похоронили, в Перемышле, его деды и прадеды все поумирали. Ведь Батюшка был из древнего рода. И даже где-то там был монастырь Загоровских"»³⁵⁷.

В 1981 году отец Николай Сангушко-Загоровский, в монашестве Серафим, был прославлен в сонме новомучеников и исповедников Российских на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви за границей под председательством митрополита Филарета (Вознесенского).

Преподобномученица Мария Гатчинская

Многострадаельная матушка Мария, хотя и не принадлежит к числу «однодельцев» архиепископа Дмитрия, но, будучи единомысленной с ним и являя ему большую духовную поддержку, она также подверглась гонениям со стороны безбожных властей. И за свою верность истинному православию, подобно владыке, в полной мере, вплоть до смерти, претерпела все муки тюремного заключения, тысячекратно усугубляемые ее тяжким недугом.

Монахиня Мария, в миру Лидия Александровна Лелянова, родилась в 1874 году в Санкт-Петербурге в известной купеческой семье³⁵⁸. В шестнадцать лет Лидия перенесла энцефалит, вследствие которого у нее началась болезнь Паркинсона, неумолимое развитие ко-

³⁵⁷ Послушница Татьяна. Указ. соч. С. 4.

³⁵⁸ Купеческая династия Леляновых принадлежала к первой гильдии. Отец Лидии, Александр Иванович Лелянов, имел сургучный завод. Брат отца, Петр, – большой меховой магазин на Большой Морской; он также принимал участие в общественной и городской жизни, несколько лет был гласным Петербургской думы.

торой не помогло остановить никакое лечение, в том числе и за границей. На выпускные экзамены в гимназию Лидию привезли уже в инвалидной коляске. Постепенно у нее отказали ноги, потом руки, тело теряло подвижность и ссыхалось. Только голова и лицо оставались без изменения. К 1912 году Лидия Александровна была полностью обездвижена, она лежала постоянно на спине, лицо тоже было неподвижно, маскообразно, по воспоминаниям очевидцев, «словно вытесано из мрамора». Речь сохранилась, но поскольку она не могла разжать челюсти, то говорила с закрытым ртом, медленно, монотонно.

«Обычно эта болезнь протекает с резкими изменениями психики (раздражительность, прилипчивая навязчивость со стереотипными вопросами, повышенный эгоизм и эгоцентризм, явления слабоумия и проч.), вследствие чего такие больные часто попадают в психиатрические больницы. Но матушка Мария, оказавшись полным физическим инвалидом, не только не деградировала психически, но обнаружила совершенно необычные, несвойственные таким больным черты личности и характера: она сделалась чрезвычайно кроткой, смиренной, покорной, непритязательной, сосредоточенной в себе, углубилась в постоянную молитву, без малейшего ропота перенося свое тяжкое состояние. Как бы в награду за это смирение и терпение Господь послал ей дар утешения скорбящих»³⁵⁹.

В 1913 году Лебяновы (мать, сестры и брат) переехали в город Гатчину в дом старшего брата, Владимира Александровича. Вскоре в этот небольшой деревянный дом по адресу улица Баггутовская № 41, неподалеку от Павловского собора, стали приходить люди – сначала приходили знакомые навещать болящую, потом они приводили своих знакомых.

³⁵⁹ Польский М., протопресв. Указ. соч. Ч. 2. С. 255.

«Ее стали навещать, беседуя с нею, совершенно чужие и незнакомые люди, находящиеся в скорбях, печалях, тоске и унынии. И всякий приходящий к ней уходил утешенным, чувствуя просветление своей скорби, умиротворение печали, успокоение тревоги, избытие тоски и уныния».

В 1922 году по благословению митрополита Вениамина Лидия была пострижена в монахини с именем Мария в честь равноапостольной Марии Магдалины. Постриг проходил в Покровском подворье Пятогорского женского монастыря в Гатчине. По воспоминаниям очевидцев, это было большое торжество, из Санкт-Петербурга прибыло много священнослужителей, архиереев, священников, диаконов. Большой монастырский храм был полон народу. О матушке Марии знали многие, и не только в Петербурге и окрестностях. Позднее в материалах следственных дел отмечалось, что матушку посещало очень много народа, что ее фотографии «распространялись по всему СССР» и что «слава ее святости была большая и далеко за пределами района»³⁶⁰.

«Посетивший ее в марте 1927 года профессор И. М. Андреев рассказывал, что в ожидании приема он рассматривал многочисленные фотографические карточки приемной комнаты и нашел две: митрополита Вениамина и митрополита Иосифа. Митрополит Иосиф на своей карточке надписал трогательное посвящение матушке Марии, приведя большую цитату из своего труда "В объятиях Отчих", а митрополит Вениамин надписал кратко: "Глубокочитимой страдальце матушке Марии, утешившей среди многих скорбящих и меня, грешного".

Свидетель, по его словам, имел великое счастье присутствовать при явлении чудес исцеления скорбящих душ. Юноша, унывающий после ареста и ссылки отца-священника, вышел от матушки с радостной улыбкой, сам решившись принять сан диакона. Молодая женщина от грусти пришла к светлой радости, также решившись на монашество. Пожилой

³⁶⁰ Архив УФСБ СПб и ЛО. Д. 8894.

мужчина, глубоко страдавший о смерти сына, вышел от матушки выпрямленный и ободренный. Пожилая женщина, пошедшая с плачем, вышла спокойная и твердая.

И. М. Андреев сказал матушке Марии, что на него часто нападает ужасная тоска, которая длится иногда несколько недель, и он не мог найти никакого средства от нее избавиться... "Тоска есть крест духовный, — говорила матушка Мария, — посылается она в помощь кающимся, которые не умеют раскаяться, т. е. после покаяния снова впадают в прежние грехи... А потому — только два лекарства лечат это порой крайне тяжкое душевное страдание. Надо — или научиться раскаиваться и приносить плоды покаяния, или — со смирением, кротостью, терпением и великой благодарностью Господу нести этот крест духовный, тоску свою, памятуя, что несение этого креста вменяется Господом за плод покаяния... А ведь какое это великое утешение сознавать, что тоска твоя есть неосознанный плод покаяния, подсознательное самонаказание за отсутствие требуемых плодов... От мысли этой — в умиление прийти надо, а тогда — тоска постепенно растает, и истинные плоды покаяния зачнутся"... От этих слов матушки Марии у меня в душе точно кто-то операцию сделал и удалил опухоль духовную... И вышел я другим человеком»³⁶¹.

Духовником матушки Марии был известный протоиерей Иоанн Смолин³⁶², с 1922 года служивший в Покровском храме подворья Пятогорского монастыря. Отец Иоанн стал также духовным руководителем и молитвенного кружка, сложившегося к тому времени вокруг матушки из молодых глубоко верующих девушек, которые собирались в келье матушки для молитв и духовных бесед. Кружок был назван Иоанновским, в честь св. праведного Иоанна Кронштадтского, которого хорошо знал и почитал отец Иоанн Смолин.

³⁶¹ Польский М., протопресв. Новые мученики Российские... Ч. 2. С. 255.

³⁶² Иоанн Викулович Смолин (1867–1927) — протоиерей, замечательный проповедник, автор нескольких апологетических и противосектантских книг.

По свидетельству Ольги Эдуардовны Вейерт³⁶³: «Целью кружка было поддержание духовно-нравственного общения с больной, а также воспитание в этом духе, проведение в квартире болящей панихид, молебнов, молитвенных собраний в наше развращенное и безбожное время»³⁶⁴. Другая участница кружка, А. А. Епанчина, вспоминала: «Вокруг матери Марии сложилось два "кружка" – большой и маленький, большой помогал в разных домашних делах, маленький – большей частью пел молебны... В малом кружке нас было примерно 16 девочек, руководил нами о. Иоанн Смолин, с которым мы много пели у матушки Марии, навещали больных, отпевали покойников... На Рождество и Пасху мы ходили "славить" к жителям Гатчины, почитателям матушки Марии»³⁶⁵.

После кончины протоиерея Иоанна в январе 1927 духовником матушки и сестер Иоанновского кружка стал молодой священник Петр Белавский, настоятель Алексеевского храма в Тайцах. Отец Петр часто служил в комнате у матушки, исповедовал и причащал ее. В это время матушку часто посещал и владыка Димитрий (Любимов)³⁶⁶, и другие иосифлянские священнослужители. Матушка Мария с самого начала стала сторонницей иосифлян, строго порицала митрополита Сергия за

³⁶³ Вейерт Ольга Эдуардовна, родилась в 1900 году в Санкт-Петербурге. Жила в Гатчине, была регентом храма в иосифлянской Сретенской церкви в Полюстрове. Арестована в октябре 1932 года, приговорена к 3 годам концлагерей

³⁶⁴ Антонов В. В. Она имела дар утешения. / Возвращение, № 3 (7). 1995. С. 46.

³⁶⁵ Новые материалы к жизнеописанию преподобномученицы Марии Гатчинской. / Православная Русь, № 9, 1996. С. 12.

³⁶⁶ Об этом свидетельствовал и митрополит Иоанн Снычев на страницах своей книги, упомянув, что владыка Димитрий «не считал за трудность посещение частных лиц, проживающих за городом в сельской или пригородной местности; так, он неоднократно приезжал в г. Гатчину к некоей болящей схимонахине Марии Леяновой, разделявшей с ним одни мысли о современном положении Церкви». Иоанн (Снычев), митр. Указ. соч. С. 300.

предательскую политику, не советовала верующим ходить в сергианские храмы. «После смерти Смолина кружком стала руководить сама болящая, и мы примкнули к течению Истинно-Православной Церкви», – вспоминала О. Э. Вейерт. «Матушка Мария сказала мне посещать только церковь Воскресения на Крови, как истинно православную церковь, имеющую благодать Божию, в других же церквях благодати и правды нет, как отошедших от Православия и продавшихся власти», – рассказывала на допросе Анна Андреевна Федорова, домохозяйка с гимназическим образованием³⁶⁷.

В феврале 1932 года, когда производились поголовные аресты монашествующих в Ленинграде и области, и в Гатчине 18 февраля были арестованы сестры Нежадовского и Покровского подворья Пятогорского монастырей, на следующий день, 19 февраля 1932 года, были арестованы и матушка Мария с ее младшей сестрой, Юлией Александровной³⁶⁸. По воспоминаниям очевидцев, два чекиста волокли матушку со второго этажа прямо по полу, несмотря на ее крики от боли³⁶⁹, ее погрузили в промерзший кузов грузовика и повезли в Ленинград. В тюремной больнице она была подвергнута медицинскому

³⁶⁷ Антонов В. В. Указ. соч. С. 48.

³⁶⁸ Лелянова Юлия Александровна, родилась в 1876 году, работала учительницей, всю жизнь ухаживала за сестрой. Приговорена к 3 годам концлагеря. Потом 10 лет пребывала в ссылке. Скончалась в нач. 1950-х в Гатчине на квартире протоиерея Петра Белавского.

³⁶⁹ В последние годы малейшее прикосновение вызывало у нее сильнейшие боли. Дочь о. Петра Белавского вспоминала, что когда они приходили к матери Марии, их, девочек, всегда предупреждали ни в коем случае не сделать неосторожного движения, чтобы они не толкнули кровать, на которой лежала мать Мария, или не задели ее саму, так как любое прикосновение приносило ей тяжкие физические страдания. Запись беседы с К. А. Белавской. 8 февраля 2004 г. / Житие святой преподобномученицы монахини Марии Гатчинской. Гатчинский Павловский собор, 2007. С. 15.

осмотру, в результате которого было вынесено заключение о тяжелой и неизлечимой болезни. Тюремные врачи отметили, что больной требуется постоянный уход и ее необходимо перевести в гражданскую больницу или в дом призрения. Однако избранная следователем «мера пресечения» в отношении страдальцы не была изменена, и обвиняемая оставалась под стражей.

Обвинения матушке Марии были предъявлены по печально известной статье 58-10: «Участвует в нелегальных сборищах, где читается евангелие, на которые приглашается местное население, и в беседах на религиозные темы ведет антисоветскую агитацию». На допросе 16 марта 1932 года матушка Мария подтвердила, что она является истинно-православной и не признает митрополита Сергия. Имен посещавших ее людей она не назвала, кроме нескольких священнослужителей, которые уже были отправлены в ссылку.

«Сострадаельные почитатели матушки Марии стали приносить ей в тюрьму скромные передачи. Их принимали в течение месяца. А затем однажды передачи не приняли и кратко сообщили: “Умерла в госпитале”»³⁷⁰. Как теперь известно, матушка скончалась 17 апреля 1932 года, уже после вынесения ей приговора – 3 года ссылки. Тело усопшей выдали двоюродной сестре и позволили похоронить без особой огласки. Могилка матушки Марии на Смоленском кладбище сразу же стала местом поклонения и всегда посещалась богомольцами. Иосифляне почитали многострадальную Марию Гатчинскую святой. В 1981 году она была прославлена в сонме новомучеников и исповедников Российских Русской Православной Церковью за границы.

³⁷⁰ Польский М., протопресв. Указ. соч. Ч. 2. С. 256.

Новгородские иосифляне-дмитровцы.

Перекомский монастырь:

монашествующие и прихожане

Новгородская область. Перекомский монастырь расположен на берегу озера Ильмень близ реки Веренды, в 27 км от Новгорода:

«Основан он преп. Ефремом в 1413 году; в половине XVI века он был перенесен на его настоящее место игуменом Романом. В Смутное время обитель была разграблена шведами и восстановлена лишь в царствование Алексея Михайловича... Храм один во имя Богоявления Господня с двумя приделами во имя св. Николая и во имя преп. Ефрема Перекомского. В этом приделе под спудом почивают его мощи. Празднование в честь его 26 сентября и 16 мая. К Перекомскому монастырю приписана находящаяся в Новгороде часовня Чудного Креста»³⁷¹.

«В дореволюционное время монастырь имел 700 десятин земли и леса, 80 тыс. долей в Банках деньгами, 40 голов крупного рогатого скота, гостиницу и т. д. В монастыре проживало от 30 до 40 монахов. Монастырь пользовался очень сильным религиозным влиянием и авторитетом среди местного населения... После Октябрьской революции богатство монастыря было отобрано, и как таковой, он был закрыт. Монастырская церковь осталась на правах прихода с одним корпусом, в котором остались проживать в кельях 11 человек монахов во главе с игуменом, вплоть до момента возникновения настоящего следственного дела»³⁷².

³⁷¹ «Этот крест весьма древний и прославленный многими чудесами. Он имеет в вышину 3 арш. 6 верш., средний поперечник – 2 арш. 3 верш.». Крест был сооружен в глубокой древности и назывался так потому, что издавна (с 1418 года) прославился особенными чудесами; сделан он был из липового дерева, восьми-конечный, с резным изображением Распятия. Православные русские обители. (Репринт. изд.). СПб., 1994, С. 132.

³⁷² Здесь и далее выдержки из материалов второго тома следственного дела № 78808, кроме отмеченных особо. Архив УФСБ СПб. ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-78806. Т.2. Л. 374.

Приход состоял из местных крестьян, при нем в качестве священнослужителей были зарегистрированы трое монашествующих, иеромонахи Варсонофий (Кузьмин) и Николай (Степанов), иеродьякон Владимир (Кожин). Игуменом монастыря был архимандрит Сергей (Андреев), избранный братией в 1924 году после кончины прежнего игумена Евгения. Монахи сохраняли монастырский устав, ежедневно совершали богослужения, подрабатывая плетением лаптей, корзин и сезонными полевыми работами у крестьян.

В двадцати километрах от монастыря, в деревне Маковище Медведского уезда находилась Знаменская часовня, ее приходскую общину обслуживал иеромонах Макарий (Клишин), бывший насельник Перекомского монастыря. В 1928 году оба прихода – в Маковище и в Перекомском монастыре – прервали общение с митрополитом Сергием. Священник Макарий и архимандрит Сергей после совещания с прихожанами отправились в Ленинград к владыке Димитрию и были им приняты в Петроградскую епархию. В дальнейшем они неоднократно приезжали в Ленинград, встречались с епископом Димитрием, протоиереем Феодором Андреевым и другими иосифлянами. С ними также ездили их приверженцы из местных крестьян Ведерников Василий и Никитины Василий и Илья, которые при поездках в Ленинграде «посещали церкви исключительно Дмитриевского течения, вроде церкви Воскресения на Крови».

От епископа Димитрия архимандрит Сергей привозил церковные антисергианские документы, например, письма епископа Виктора (Островидова) и других архиереев, отошедших от митрополита Сергия, по версии следствия, «антисоветские листовки», при чтении которых якобы «на подпольных собраниях» в монастыре и в крестьянских домах монахи «вели систематически антисоветскую агитацию и распространяли открыто и публично среди населения провокационные слухи о том, что все церкви в городах и селах лишены благодати, так как

там молятся за Соввласть, что Соввласть безбожная – вражеская власть, что коммунисты и комсомольцы являются врагами Церкви, что все общественные советские организации являются вражескими – антихристовыми организациями, особенно колхозы и кооперация».

На допросах монахи не скрывали своего неприятия советской власти и крайне отрицательного отношения ко всем ее начинаниям. Будучи сами из новгородских крестьян, монашествующие прекрасно понимали, что происходит в советской деревне и куда ведет политика безбожной власти, их взгляды были совершенно типичными для среднего крестьянства, составлявшего большую часть населения России того времени, в самом скором времени безжалостно перемолотого сталинской мясорубкой. И своим прихожанам, простым малограмотным мужикам, они так же просто, порой по-мужицки, это объясняли. Естественно, с активным наступлением местных властей на крестьянство объяснения эти приобрели особенно острый характер, и монахи, как отмечается в Обвинительном заключении, «противопоставили религию социалистическому преобразованию деревни».

Примечательно по лживости следующее утверждение в Обвинительном заключении:

«В 1929 году, особенно с мая месяца к концу года, когда среди местного крестьянского населения усилилось движение за организацию коллективных хозяйств, коллективной запашки земли и кооперирования, когда по ходатайству самих верующих (!) началось массовое закрытие церквей, резко усилилась к.-р. деятельность группировки монахов бывшего Перекомского монастыря во главе с игуменом Андреевым и священником Клишиным (Макарием)». «Они выступали против землеустройства и хлебозаготовок, вели агитацию, чтобы крестьяне детей в школу не пускали, потому что в школе учат делу антихриста, а посещали бы церковь и учили закону Божьему. Что надо добиваться открытия частной торговли и что лишь тогда только будут товары и т. д.».

Действительно, монашествующие активно выступали против коллективизации, призывали крестьян не вступать в колхозы, а уже вступивших выходить. Так, иеромонах Макарий (Клишин) летом 1929 года беседовал с крестьянами по деревням, где служил молебны, и в проповеди утверждал:

«Колхоз — это гибель для крестьян, и все то, что последнее время проводит Соввласть, является делом антихриста, что всем колхозникам будут ставить печать антихриста, что не надо сеять ржи, так как весной будет конец света. Читал книгу "Протоколы сионских мудрецов" и доказывал, что Ленин — антихрист, т. т. Сталин и Рыков слуги его, что колхозами подготавливается приход антихриста, и тут же из спичек выкладывал число 666 и затем из них Ленин, доказывая этим сходство».

Конечно, содержание проповеди вряд ли передано точно. Возможно, что таково было восприятие впечатлительных крестьян, среди которых в то время были весьма распространены эсхатологические настроения. Как бы то ни было, влияние монашества на местных крестьян было достаточно сильным и создавало серьезное противодействие безбожной политике, что не могло не привлечь внимание властей:

«К.-р. деятельность членов группировки имела некоторый успех и вредно отразилась на проведении различных кампаний и мероприятий Соввласти. В районе их деятельности заметно стала замирать общественно-культурная работа, очагом каковой осталась одна лишь школа, и срывались мероприятия Соввласти»; «К ноябрю месяцу (1929) рост колхозов прекратился и, наоборот, как и из кооперации, начался массовый выход из таковых отдельных членов. Члены группировки до того обнаглели в своей деятельности, что во время богослужения открыто в присутствии верующих крестьян, коих собиралось в церкви до 150 человек, — стали поминать за упокой быв. императоров Александра II, III и Николая II».

В декабре 1929 года игумен Перекомского монастыря Сергей (Андреев), пять монахов братии³⁷³ и иеромонах Макарий (Клишин)³⁷⁴ из деревни Маковищи были арестованы. На допросе отец Макарий показал:

«Наша община примыкала к тихоновцам, такими мы остались и до сего времени. Всего в общину входит 115 дворов... Около 1,5 лет тому назад был получен указ от митр. Сергия, под которым я не подписался, а съездил к архиеп. Димитрию и, посоветовавшись с ним, приписался к Ленинградской епархии».

«С 1928 года наша община называется "иосифлянами". Последняя моя поездка к Димитрию была в начале октября месяца, причем от него я получил указание в деревнях чужого прихода не справлять требы».

Игумен Перекомского монастыря Сергей Андреев³⁷⁵ на допросах 3 и 15 января 1930 года показал:

«Года два тому назад мы получили от благочинного Троицкого прихода письмо от архиеп. Сергия, где говорилось молиться за страну и власти ея. Это письмо обсуждалось у Варсонофия, у меня и в церкви. При обсуждении это

³⁷³ Иеромонахи Варсонофий (Кузьмин), Николай (Степанов), иеродиаконы Владимир (Кожин), Алексей (Семенов), протоиерей Серафим (Суздальцев).

³⁷⁴ Михаил Александрович Клишин, родился в 1875 году в деревне Маковищи Медведского уезда. В 1894 – в Старорусском монастыре пострижен в мантию с именем Макарий. До 1917 – находился в монастыре, с 1925 – проживал у родственницы в деревне Маковищи, занимался лаптеплетением. В ноябре – рукоположен в иеромонахи, служил в деревенской часовне. Посажен в тюрьму на несколько месяцев, в связи с чудесным обновлением икон в его приходе.

³⁷⁵ Архимандрит Сергей, в миру Андрей Платонович Андреев, родился в 1868 году в деревне Шарка Медведского уезда. Окончил сельскую школу. В 1894 – в Перекомском монастыре пострижен в мантию с именем Сергей. Иеромонах. До 1924 – служил в часовне Чудного Креста в Новгороде. После смерти настоятеля архимандрита Евгения избран настоятелем монастыря.

письмо не приняли и вынесли на собрание мирян. Миряне согласились с нашим решением. После чего я поехал в Ленинград к Димитрию приписаться под его управление»;

«В данное время наш монастырь принадлежит в подчинение к архиеп. Димитрию. У Димитрия я был раза два-три, один, верующих никого я к Димитрию не направлял и не знаю, кто ездил. В других приходах я службу проводил в дер. Базловка у Ведерниковых, в дер. Горное Веретье у Никитиных и других»³⁷⁶.

Далее игумен подтвердил, что во время праздников в монастыре оставалось на ночлег около десяти верующих, с ними велись беседы на разные темы, о колхозах всегда говорили, что «считаем их порождением сатаны, и ни один христианин не должен в них принимать никакого участия, так как это несовместимо с христианской религией». Не обинуясь высказал он и свое отношение к власти: «Раз власть не признает религию, она является нашим врагом, и мы должны с ней бороться». Иеромонах Николай (Степанов)³⁷⁷ на допросах показал:

«Как служить, кому подчиняться, вопросы нами были вынесены на обсуждение "двадцатки" вместе с прихожанами, где было решено, т. к. Сергей вспоминает власти при богослужении, а т. к. власти для нас ничего хорошего не сделали, то мы власти не вспоминаем. Об этом говорили и прихожане. Вот в чем суть старой и новой службы».

«Поскольку Соввласть через общественные организации ведет борьбу с религией, мы считаем ее вражеской властью и против такой власти будем бороться».

³⁷⁶ Далее он продолжал: «В конце лета нынче я ездил в Гатчину к болящей Марии. Со мной ездил Ведерников Василий, были у нее часа два, а затем обратно поехали в гор. Ленинград. В Ленинграде останавливался у протоиерея Федора, в Лесном – у иеромонаха Тихона».

³⁷⁷ Иеромонах Николай, в миру Иван Степанович Степанов, родился в 1880 году в деревне Вольные Кусаки Новгородской губ. В 1890 – пострижен в мантию с именем Николай. Посвящен в иеромонаха.

Иеродиакон Владимир (Кожин)³⁷⁸ относительно своих политических убеждений откровенно написал в анкете: «Сов. Власти не сочувствую, потому что она антирелигиозна. Сочувствую власти, заботящейся о религии». На допросе 4 января 1930 года подтвердил, что все насельники монастыря «придерживаются в церковном расколе течения Местоблюстителя Патриаршего престола митр. Петра», а значит, и архиепископа Димитрия, как архиерея одного с ним направления. Кроме того, говорил о том, что «в наше время нравы испортились, вера оскудела», и не отрицал своего отношения к колхозам и кооперации, как «деяний безбожников, несовместимых с христианской религией». На допросе 10 февраля 1930 года подтвердил, что с крестьянами беседовал о том, что безбожная советская власть оскверняет храмы, мощи св. угодников, устраивает гонения на религию:

«Выражение "вести борьбу с безбожной властью" т. е. с безбожниками, я понимаю <как> борьбу духовную, т. е. словесную — убеждением, каковую я и проводил, т. е. боролся с безбожниками Словом Божиим, а не чем-либо другим, т. е. беседами».

Иеродиакон Алексей (Семенов)³⁷⁹ на допросе 6 января 1930 года показал, что до 1917 года в монастыре было до сорока монахов, после революции все богатства монастыря были отобраны, из монашествующих кто умер, кто уехал на родину, кто ушел в деревни, но в монастыре по-прежнему богослужения совершаются каждый день. Он не отрицал, что коммунистов и комсомольцев считал «врагами Церкви», любые начинания

³⁷⁸ Иеродьякон Владимир, в миру Василий Тимофеевич Кожин, родился в 1886 году в Лужском уезде. В 1902 — пострижен в мантию с именем Владимир. Посвящен в иеродиакона.

³⁷⁹ Иеродиакон Алексей, в миру Иван Семенович Семенов, родился в 1866 году в деревне Реглицы Медведского уезда. В 1891 — пострижен в мантию с именем Алексей. Посвящен в иеродиакона.

коммунистов считал вражеским делом, против которого, «как против греховного дела, нужно бороться»³⁸⁰.

Протоиерей Серафим (Суздальцев)³⁸¹ на допросе показал, что «служба в нашем монастыре проходит по-старому – по-монастырски», но сам монастырь действует на правах прихода. Не отрицал своего активного неприятия советской власти, как власти вражеской, «а раз она является вражеской, то с ней нам надо бороться».

Иеромонах Варсонофий (Кузьмин)³⁸² на допросе 4 января 1930 года подтвердил, что «монастырь наш принадлежит к дмитровскому религиозному течению», утверждал, что «обсуждений нынешнего положения в стране в монастыре не бывает, а если и бывает, я их не слушаю», и не отрицал, что верующие у них ночуют, но «разговоров и бесед с ними никаких не ведется».

Вместе с монашествующими были привлечены к делу и крестьяне-середняки: из деревни Горное Веретье – Никитин Василий Никитич и его брат Николай, и Ведерниковы из деревни Базловка – Ведерников Василий Андреевич и Николай Никитич.

Ведерниковы были арестованы первыми из новгородской группы 23 декабря 1929 года, Никитины 25 декабря 1929 года.

³⁸⁰ Правда, позднее пояснил: «Я сам в политике разбираюсь плохо, и заявление мое, что коммунисты и комсомольцы враги нам и что с колхозами и кооперативными организациями нужно бороться, есть лишь повторение того, что я слышал от Сергея и Владимира».

³⁸¹ Протоиерей Серафим, в миру Суздальцев Антоний Матвеевич, родился в 1887 году в селе Горцы Подгонского уезда. В 1913 – поступил в Перекомский монастырь. С 1914 по 1917 – на военной службе, затем вернулся в монастырь. В 1921 – пострижен в мантию с именем Серафим. До 1924 – числился в монастыре, но служил с архимандритом Сергием (Андреевым) в Новгороде при часовне Чудного Креста. Посвящен в иеродиакона, во время службы исполняет обязанности псаломщика.

³⁸² Иеромонах Варсонофий, в миру Василий Степанович Кузьмин, родился в 1888 году в деревне Раглицы Медведского уезда. В 1904 – пострижен в мантию с именем Варсонофий. Посвящен во иеромонаха.

Василий Никитин на допросе подтвердил, что в августе ездил в Ленинград, был на службах в иосифлянских церквях, а также был «на квартире у Гдовского Димитрия, архиепископа Ленинградского, который дал мне письмо к попу Макарию», но утверждал, что «разговоров с ним никаких не было».

Как указывалось выше, новгородские иосифляне были признаны виновными. Их дело объединили с первым групповым делом ленинградских иосифлян, приговор по которому был вынесен 3 августа 1930 года. Монашествующие были отправлены в концлагеря, крестьяне – в ссылку в Казахстан. Оставшиеся на свободе пять насельников Перекомского монастыря были изгнаны из братского корпуса и расселились по ближайшим селам. Монастырь был полностью уничтожен. Храм и все строения разрушены до основания и позднее разобраны. Лишь небольшой холм, густо поросший кустарником и молодым лесом, остался на месте монастыря.

Однако окрестные жители хранили память об обители и месте захоронения св. мощей ее основателя Св. Ефрема Перекомского (почивавших в храме обители под спудом), к которым постоянно приходили на поклонение, особенно в дни памяти святого, 26 сентября и 16 мая по старому стилю. И в 2007 году, почти 80 лет спустя после разорения обители, первые же из местных жителей села Сергово, встреченные нами и поразившие своим радушием и благочестием, сразу же не только указали, как пройти вдоль озера Ильмень к месту, где стоял монастырь³⁸³, но и рассказали, как раньше постоянно ходили к «могиле» преподобного Ефрема.

О Перекомском монастыре они знали с детства. Его руины в двух километрах от села они видели, а в заброшенных монастырских садах долгое время собирали вкусные яблоки. В 1950-х годах их заставили разбирать руины и из кирпича мостить местные дороги. К сожа-

³⁸³ Сейчас там посреди зарослей стоит небольшая каменная часовня, выстроенная в 1990-х годах.

лению, ни имен игумена и последних монахов, ни каких-либо подробностей о последних годах существования монастыря эти местные жительницы не знали или не запомнили. Все они не застали уже монастырь действующим и не видели монахов, кроме одной бабули, которая совсем еще маленькой девочкой бывала с родителями на службах и вспомнила поразившее ее величие и сияние в церкви. Все они только по рассказам старших знали, что монастырь был большой и очень строгой жизни. Игумен за нарушение иноческих обетов наказывал молодых монахов и послушников вплоть до изгнания из монастыря. Местные крестьяне с большим уважением относились к монастырю и были дружны с игуменом. Так, дед одной из жительниц подновлял иконы и писал на заказ для монастыря, отец другой был очень ревностным прихожанином, в дальнейшем старостой церкви. Уже после закрытия монастыря он часто рассказывал им, детям, о монастырской жизни, о былом благочестии, о святынях монастыря.

О судьбе последних насельников Перекомского монастыря на сегодняшний день известно немного. Остававшиеся на свободе архимандрит Анатолий (Земляницын)³⁸⁴ и монах Валентин (Кузьмин)³⁸⁵ с 1930 года стали служить в Лазаревской церкви в соседнем селе Ямок. Причем в 1933 году они категорически отказались на предложение Епархиального совета перейти к митрополиту Сергию и продолжали поминать митрополита Иосифа. Также продолжал служение, поминая митрополита Иосифа, еще один бывший перекомский иеромонах Митрофан (Коковкин)³⁸⁶, служивший во Введенской церкви села Хутынь. В 1934 году в числе других иосифлян Новгородской области архимандрит Анатолий, иеромонах

³⁸⁴ Архимандрит Анатолий, в миру Александр Николаевич Земляницын, родился в 1864 году.

³⁸⁵ Монах Валентин, в миру Василий Николаевич Кузьмин.

³⁸⁶ Иеромонах Митрофан, в миру Михаил Данилович Коковкин, родился в 1869 году.

Митрофан, монах Валентин и вернувшийся к тому времени из лагеря иеромонах Варсонофий (Кузьмин) были арестованы. Известно, что архимандрит Анатолий был расстрелян в 1937 году. Иеромонах Митрофан – в 1938 году. В 1937 году был расстрелян еще один перекомский иеромонах, Павел (Петр Осипович Колбин)³⁸⁷.

В родные места после лагеря вернулись: игумен Сергей (Андреев), иеромонах Варсонофий (Кузьмин) и иеродиакон Владимир (Кожин). Игумен Сергей и иеромонах Варсонофий служили в церквях во время войны, игумен Сергей скончался в 1944 году в Литве, а отец Варсонофий – уже после войны, по некоторым данным, в Псково-Печерском монастыре. Иеродиакон Владимир (Кожин) был арестован в своей родной деревне Слудицы Гатчинского района, куда он приехал в 1932 году, тайно покинув место высылки. По новому делу «истинно-православных» он был приговорен к 10 годам концлагеря, где, вероятно, и погиб³⁸⁸.

Судьбы последних иосифлян, ближайших помощников владыки Димитрия

Из близких людей владыки Димитрия (Любимова) до глубокой старости дожила матушка Анастасия (Куликова). После лагеря и ссылки она жила на станции Окуловка, а потом в Новгороде. В Новгород приехала после ссылки и матушка Ия (Репина). Обе монахини вели строгий подвижнический образ жизни, окормлялись у тайно служивших иосифлянских священников, иеромонаха Тихона (Зорина) и отца Михаила (Рождественского), ставленников архиепископа Димитрия и митрополита Иосифа. Протоиерей Петр Белавский, после войны воссоединившийся с Московской Патриархией, старался присоединить оставшихся в живых иосифлян

³⁸⁷ Иеромонах Павел, в миру Петр Осипович Колбин.

³⁸⁸ Шкаровский М. В. Судьбы иосифлянских пастырей. С. 442–459.

к официальной Церкви и не раз спрашивал о матушке Анастасии. Когда ей это передавали, она не хотела о нем слышать, оставалась непреклонна.

Питерские иосифляне матушек почитали и постоянно к ним приезжали. «Матушку Ию я видела, – вспоминает старейшая питерская иосифлянка Лидия Павловна Семенова³⁸⁹, – она очень симпатичная была, милая, кроткая. Мы у нее молились. Как-то и ночевали на праздник Рождества Богородицы. И вдруг пришел какой-то человек, рыжий-рыжий. Все интересовался иконами. Нам надо было молиться, а тут он... Мы заволновались. Но ничего, потом ушел. Причащалась матушка Ия у отца Михаила, он же ее и отпевал...

А раз поехали мы как-то к матушке Анастасии. Я очень хотела ее увидеть, ни разу у нее не была. Говорили, она вроде как прозорливая. И вот я только вхожу, она сразу: "Лидия Павловна"! И откуда она узнала, как будто кто-то сказал ей? А не было кому сказать. Ну вот, она встала, а лежала все, уже больная была. Но мы приехали – встала. И помню, как она всех нас благословляла крестом владыки Димитрия, все говорила: "Спасайтесь, молитесь, терпите. Держитесь, не отступайте!"» Обе матушки скончались в 1970-е годы и похоронены в одной оградке на Новгородском кладбище.

Хорошо помнит матушку Анастасию Вера Федоровна Сазонова. Впервые она ее увидела в конце 1950-х на именинах у свекра, Сазонова Михаила Ивановича. Матушка тогда специально приехала в Питер. Они с Михаилом Ивановичем были очень дружны. Михаил Иванович был председателем «двадцатки» храма Воскресения на Крови и проходил по одному делу с архиепископом Димитрием и матушкой Анастасией. Ему посчастливилось, и он по своему «пролетарскому» происхождению получил всего три года ссылки. По возвращении жил в пригороде, в подвале своего дома уст-

³⁸⁹ Беседы с Лидией Павловной Семеновой и Верой Федоровной Сазоновой записаны в июне–августе 2006 года.

роил тайную церковь, где служил до войны иосифлянский иеромонах Мелетий³⁹⁰.

Сын Михаила Ивановича Петр Михайлович был иподьяконом владыки Димитрия. Его арестовали в декабре 1930 года и осудили на 5 лет концлагеря. Он отсидел и потом поехал к митрополиту Иосифу в Казахстан, повез ему цитру, которую Александр Михайлович³⁹¹ со своим другом специально для него сделали сами. В Казахстане Петр Михайлович был арестован и вновь осужден, вернулся уже только в середине 1950-х. Сначала жил на станции Окуловка в одном доме с матушкой Анастасией, потом уже переехал в Ленинград. Так же, как матушка и все близкие, оставался стойким иосифлянцем, постоянно посещал тайные богослужения.

Вера Федоровна вспоминала также, что матушка Анастасия много рассказывала об отце Иоанне Кронштадтском и владыке Димитрии и на службах всегда их поминала; когда служба заканчивалась, она всегда сначала поминала «молитвами протоиерея Иоанна Кронштадтского, митрополита Иосифа, архиепископа Димитрия... и т. д.».

И надо сказать, что все иосифляне почитали святыми Иоанна Кронштадтского и своих погибших архипастырей и всегда к ним обращались в молитвах. До начала 1970-х еще живы были те, кто лично их знал, подобно матушке Анастасии. Так, Вера Федоровна вспоминает бывшую прихожанку Покровского храма Наталью Ивановну³⁹², проживавшую в квартире владыки³⁹³ и до самой своей кончины посещавшую тайные богослужения, обычно в соседнем доме на Покровской площади, где жили также давние прихожанки Покровского храма и почитательницы владыки Димитрия –

³⁹⁰ О нем ничего не известно, но есть фотография его. Во время войны немцы угнали его в Германию.

³⁹¹ Муж Веры Федоровны, младший брат Петра Михайловича Сафонова.

³⁹² К сожалению, в памяти очевидцев не сохранились фамилии всех известных им иосифлян.

³⁹³ По адресу: Канонерская 26-13.

Анна Арсеньевна Серебрякова и Анна Михайловна, «Аннушки», как ласково их называли.

Вера Федоровна рассказывает: «Частенько мы к ним с мужем приходили. У них были две маленькие комнатки, "чулочки", в коммунальной квартире, а большую комнату занимала соседка, "церковница"³⁹⁴. Но жили они дружно, соседка всех нас знала, здоровалась, была милой женщиной. Службу всю справляли, всенощную и все, что положено. Простые, глубоко верующие люди». Они оставили Вере Федоровне портрет владыки Димитрия, большую дореволюционную его фотографию в раме под стеклом. «Владыка сам как-то им подарил его. Одна из них и спросила: "Владыко, как же Вы даете нам один на двоих? А вдруг мы будем разъезжаться?" А он ей: "А кто из вас задумает разъезжаться, той портрета моего не будет". Так они и дожили вместе до кончины».

В начале 1928 года «Аннушки» последовали за владыкой Димитрием, став прихожанками собора Воскресения на Крови. После закрытия собора устраивали у себя в квартире тайные богослужения, посещали также их и в других местах. Эти тайные богослужения по домам, которые, по свидетельству И. М. Андреевского, начались в Петрограде уже с 1928 года³⁹⁵, отдельная и

³⁹⁴ Так иосифляне называли верующих, посещавших официальные церкви.

³⁹⁵ «После 1930 года количество тайных богослужений значительно увеличилось. А с 1937 года можно считать Катакомбную Православную Церковь вполне оформленной. В остальной России, особенно в Сибири, катакомбные церкви создались несколько раньше...

Мне лично известна лишь Петроградская область и происходившие в ней тайные катакомбные богослужения за период с 1937 по 1941 год включительно. Затем мне пришлось встретиться с участниками катакомбных богослужений в 1942–1945 годах (из разных мест России); после 1945 года у меня сведений мало.

В Петрограде и Петроградской области с 1937 по 1941 год было чрезвычайно много катакомбных богослужений. Где только эти богослужения не происходили! На квартирах некоторых академиков, профессоров Военно-Медицинской академии и Петроградского университета, в помещении морского техникума,

еще мало исследованная тема в многострадальной истории Петроградской епархии и в целом Русской Православной Церкви XX века. Сколько их было в то время по всей стране: в городах, селах и глухих деревушках? В столичных молельнях многолюдных высоток и в комнатах коммунальных квартир в самом центре городского советского муравейника? В подпольных (буквально «под полом») церквях в селах и деревнях? В подземных молельнях в лесах и у святых источников?!

Точное их число, вероятно, мы теперь никогда не узнаем, так же как и число, не говоря уже об именах, всех участников, мужественных исповедников, не покорившихся безбожной власти. Большинство из них давно уже отошли ко Господу, и теперь приходится собирать по крупицам те бесценные свидетельства о них, оставшиеся в скудных записях или в памяти очевидцев. Но и эти свидетельства, как бы ни были они незначительны, весьма дороги и важны, как ниточка живой традиции, связывающая нас со славным прошлым многострадальной Русской Церкви и мученическим подвигом ее пастырей и чад. Мы надеемся их более подробно изложить в следующих книгах нашей серии, продолжающих жизнеописания мучеников и исповедников Петроградской епархии.

школе подводного плавания, в школе взрослых водного транспорта, в помещениях больниц, в некоторых учреждениях, куда вход был только по пропускам. Очень интенсивно шли тайные богослужения в пригородах Петрограда и более отдаленных от него местечках: в Шувалово, Озерках, деревне Юкки под Левашево, на станции Поповка, в Колпино, Саблино, Чудово, Малой Вишере, Окуловке, на станции Оксочи (в детской колонии им. Ушинского), в Гатчине (на квартире почитателей знаменитой подвижницы матушки Марии), в Елизаветино, Волосово, Ораниенбауме, Мартышкино, Стрельне (где подвизался замечательный священник о. Измаил) и многих других местах». Профессор Андреев И. Воспоминания о Катакомбной Церкви в СССР // *Луч Света*. Джорданвилль, 1970. С. 124–125.

ГЛАВА III

«Идеологи иосифлянства»

**Протоиерей Феодор Андреев
и Михаил Александрович Новоселов**

Повествуя о владыке Димитрии (Любимове) и его сострадальцах, невозможно умолчать еще о двух замечательных иосифлянах: петроградском священнике Феодоре Андрееве и московском церковном деятеле Михаиле Александровиче Новоселове. Их влияние на развитие иосифлянского и в целом антисергианского движения было значительно. В следственных документах им отводилась основная роль в организации анти-сергианской оппозиции и разработке основных идей иосифлянства. Так, протоиерей Феодор Андреев именовался «идеологом иосифлянства», «объединяющим центром иосифлянства», «первым лицом в организации <иосифлян>». Он, по версии следствия, «разрабатывал и обосновывал контрреволюционные идеи организации», а также «давал основу и направление как самому епископу Димитрию, так и всему контрреволюционному ядру организации».

М. А. Новоселов был назван одним из идеологов и организаторов движения «Истинно-православных» и одним из основных руководителей «Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников "Истинно-Православная Церковь"»:

«Новоселов был человеком борьбы... Он был одним из представителей той реакционной части русской интеллигенции, которая боролась с Соввластью через Церковь»;

«С момента выпуска митр. Сергием своей декларации, вызвавшей протест со стороны монархически настроенной части православного духовенства, представитель московской группы к-р церковников М. А. Новоселов развивает лихорадочную деятельность, стремясь объединить разрозненное, антисергианское духовенство и иерархов, придать их выступлениям организованный характер; побудить их увлечь за собой массы на борьбу с Соввластью и за ее свержение путем выступлений и восстаний под религиозно-фанатическими лозунгами»³⁹⁶.

За исключением последней, совершенно лживой фразы о «свержении советской власти» и восстаниях, все остальное передано, хотя и в чекистском стиле, но верно. В этом плане важно свидетельство митрополита Иосифа, который показал о приезде к нему М. А. Новоселова и беседе с ним о положении в Церкви. М. А. Новоселов, по утверждению владыки, на него лично не имел влияния, но «на отход Агафангела и его группы, на их оформление в самостоятельное течение он (Новоселов) повлиял в том смысле, что подлил, как говорится, масла в огонь: он подтолкнул их на том пути – на котором они уже стояли»³⁹⁷. Такую же роль сыграл Михаил Александрович и в петроградских событиях³⁹⁸. Протои-

³⁹⁶ Архив УФСБ СПб ЛО. Д. П-83017. Т. 5. Л. 7.

³⁹⁷ ЦА ФСБ РФ. Дело «Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников Истинно-православная церковь». Т. 11. Л. 337.

³⁹⁸ См. в главе 1 свидетельство отца Василия Верюжского об участии Новоселова в декабрьских собраниях 1927 года в Ленинграде и в составлении им вместе с протоиереем Феодором Андреевым обращения к митрополиту Сергию.

ерей Василий Верюжский подчеркивал, что «инициатива нашего отхода от митрополита Сергия или, по крайней мере, последний толчок к нему принадлежали, по моему мнению, М. А. Новоселову»³⁹⁹.

Протоиерей Феодор Андреев с Михаилом Александровичем Новоселовым был знаком еще со времени своего обучения и затем преподавания в Московской Духовной академии, с 1909 по 1918 год. В то время Феодор Константинович Андреев, талантливый философ-богослов, постоянно посещал гостеприимную новоселовскую квартиру и его знаменитый «Кружок ищущих христианского просвещения в духе Православной Христовой Церкви». После возвращения в Петроград и затем рукоположения в духовный сан протоиерей Феодор продолжал сохранять тесные связи с М. А. Новоселовым. Как вспоминали дочери отца Феодора:

«Частым гостем у нас в городе и на даче был Михаил Александрович Новоселов. Его с о. Феодором связывала давняя дружба еще с тех пор, когда отец был студентом Московской Духовной Академии. Мы его очень полюбили и стали звать "дедушкой". Дети чутки на доброту и чистоту души. Новоселов в эти годы скрывался. Он появлялся неожиданно, жил у нас несколько дней и снова исчезал. Хорошо помним его в последний приезд летом 1928 года. Вот он сидит за садовым столом на даче в Тайцах и беседует с владыкой Димитрием (Любимовым) и отцом. Мы смотрим на них из окна мансарды, и эта картина кажется мирной и уютной»⁴⁰⁰.

Картина, оставшаяся в памяти дочерей протоиерея Феодора, символична и знаменательна. Отец Феодор Андреев и Михаил Александрович Новоселов, будучи единомышленны в оценке сергианского отступления, под-

³⁹⁹ Архив УФСБ СПб. ЛО. П-83017. Т. 1. Л. 263.

⁴⁰⁰ Мария Андреева, Анна Можанская. Воспоминания о Марии Вениаминовне Юдиной. (История отношений с двумя петербургскими семьями). Из кн.: Мария Юдина. Лучи Божественной Любви. Литературное наследие. М., СПб., 1999. С. 644.

держали и в какой-то мере направили владыку Димитрия (Любимова) к решительным действиям. Важное значение имело каноническое и богословское обоснование ими необходимости разрыва канонических отношений с митрополитом Сергием, да и в дальнейших событиях 1927–1928 годов они приняли самое активное участие.

Протоиерей Василий Вержужский подтвердил позднее на допросе, что на тайных собраниях, где он встречался с М. А. Новоселовым, «ему принадлежала в общем ведущая роль»⁴⁰¹. Весной 1928 года именно М. А. Новоселов написал «Ответы востязующим», о чем показал отец Василий, пояснив: «Это были краткие ответы на возражения наших противников. Там, где говорится о причинах нашего отхода от митр. Сергия, контрреволюционный характер этой брошюры особенно чувствуется. Брошюра была напечатана на ремингтоне для распространения». А об отце Феодоре Андрееве протоиерей Василий показал: «Он сделался, можно сказать, крайним центром нашей организации. Он был идеолог нашего движения. Свои и наши общие взгляды он выразил особенно в последнем обращении к митр. Сергию при нашем отходе от него 1/14 декабря 1927 года»⁴⁰², а также в ответном письме епископу Иннокентию Тихонову от лица епископа Димитрия Любимова»⁴⁰³.

Это письмо до последнего времени считалось утраченным. Однако опубликованный недавно в ежемесячнике «Сербский крест»⁴⁰⁴ документ под заголовком «Апология отошедших»⁴⁰⁵ позволил предположить, что оно все-таки сохранилось. Хотя «Апология отошед-

⁴⁰¹ Архив УФСБ СПб. ЛО. П-83017. Т. 1. Л. 264.

⁴⁰² Вероятно, здесь ошибка и имеется в виду обращение 14/27 декабря.

⁴⁰³ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-83017. Т. 1. Л. 265.

⁴⁰⁴ В номере 30 за 2002 год.

⁴⁰⁵ Неясно происхождение этого документа, опубликованного якобы без разрешения его владельца, который получил копию из архива Свято-Тихоновского богословского института, но подлинность его никем не оспаривалась.

ших» опубликована под именем М. А. Новоселова, внимательное прочтение этого документа показывает, что он, во-первых, написан клириком⁴⁰⁶, во-вторых, именно петроградским, и, в-третьих, письмо адресовано архиерею также петроградскому, но находящемуся, очевидно, в ссылке, и, наконец, в ответ на письма этого архиерея клирику и его архиерею, отделившемуся от митрополита Сергия. Впрочем, авторство не меняет сути дела, и не исключено, что М. А. Новоселов мог участвовать в составлении этого письма, как и первого обращения духовенства и мирян Петроградской епархии к митрополиту Сергию (в ноябре–декабре 1927 года).

Эти документы приводятся ниже, их предваряют краткие биографические данные протоиерея Феодора Андреева и М. А. Новоселова, а также воспоминания о них. Подробное жизнеописание этих пламенных исповедников Православия еще ждет своего пера. Воспоминания их близких, приводимые ниже, это лишь краткое предисловие, своего рода штрихи к портрету.

1. Протоиерей Феодор Андреев

Биографические данные

Феодор Константинович Андреев родился 1 апреля 1887 года в Санкт-Петербурге, в купеческой семье. В 1905 году окончил реальное училище, три курса Института гражданских инженеров, в 1909 году – экстерном Московскую Духовную семинарию, а в 1913 году – Московскую Духовную академию. Во время учебы в академии был членом «Кружка ищущих христианского просвещения», и это сыграло важную роль в его становлении как «мыслителя, тяготевшего к устроению жизни

⁴⁰⁶ Первые же строки – «я в единомыслии с другими пастырями и нашими архипастырями» – и далее по тексту целый ряд свидетельств говорят о том, что автор является клириком.

на православных началах»⁴⁰⁷. Еще до поступления в академию, по рекомендации профессора Санкт-Петербургской Духовной семинарии И. И. Щербова, Ф. К. Андреев познакомился с руководителем кружка М. А. Новоселовым. В 1913 году он выступил в Кружке с докладом «Учение св. Иринея Лионского о воскресении тел»⁴⁰⁸, в нем он «проследив отношение к смерти в дохристианских представлениях, уделил основное внимание церковному учению о воскресении». В Кружке он прослушал также курс лекций Ф. Д. Самарина⁴⁰⁹ о Свящ. Писании.

Это, возможно, определило выбор темы кандидатской диссертации Ф. К. Андреева – «Ю. Ф. Самарин как богослов и философ». Его научным руководителем был профессор Московской Духовной академии Алексей Иванович Введенский, рецензентами – профессор С. С. Глаголев и священник Павел Флоренский, «оказавший сильное влияние на формирование основных богословских идей Андреева»⁴¹⁰. 10 июня 1913 года состоялась защита кандидатской диссертации, и по решению Совета Духовной академии ее рекомендовано было переработать в магистерскую диссертацию и издать в виде монографии по «истории раннего славянофильства». Но магистерская диссертация не была закончена, и в 1930 году, при аресте вдовы Феодора Андреева по групповому делу «Всесоюзного центра "Истинное Православие"», она вместе со всеми его рукописями была конфискована, а в архиве семьи Андреевых сохранились лишь подготовительные материалы.

⁴⁰⁷ Подробные данные о Федоре Андрееве и выдержки даются из статьи о нем М. Ф. Андреевой, А. Ф. Можанской и В. А. Фатеева в «Православной энциклопедии».

⁴⁰⁸ Опубликован под названием «Тело будущего».

⁴⁰⁹ Племянника славянофила Ю. Ф. Самарина.

⁴¹⁰ В архиве Павла Флоренского сохранилось около 70 писем Федору Андрееву, и все работы Андреева были опубликованы до 1917 года в журнале «Богословский вестник», его редактором был Павел Флоренский.

В своем исследовании «Московская Духовная Академия и славянофилы» Ф. К. Андреев славянофильство представил как основную традицию русского умозрения, раскрыл «глубокую внутреннюю связь славянофильства с Православием», а Московскую Духовную академию рассматривал как «оплот борьбы с западными рационалистическими учениями». В статье «Слово на день поминовения почивших наставников МДА» он сравнил русских ученых⁴¹¹ с западными мыслителями XIX–XX веков⁴¹² и отмечал «присущее отечественным религиозным философам благочестие». А памяти Алексея Введенского он посвятил работу «Камень, отвергнутый строителями: 100 лет борьбы за онтологизм», в ней была противопоставлена «проникнутая онтологизмом философия Введенского и других профессоров МДА рационализму Р. Декарта, критицизму И. Канта и его последователей».

С 1913 по 1918 год Ф. К. Андреев был доцентом кафедры систематической философии и логики МДА, став преемником скончавшегося А. Введенского, причем в рекомендации на эту должность отмечались не только его научные успехи, но и глубокая религиозность, скромность и возвышенно-идеалистическое направление⁴¹³. Перед утверждением на кафедру Ф. К. Андреевым были прочитаны пробные лекции: «Московские шеллингянцы и Вертер» и «Ранние сочинения Канта», в них он «продемонстрировал умение сравнивать литературные и философские материалы, способность раскрыть религиозное своеобразие рассматриваемых философов». В годы преподавания в академии он проявил себя твердым сторонником церковности, неизменно поддерживал ректора академии епископа Волоколамского Феодора (Поздеевского) и священника Павла

⁴¹¹ Ф. А. Голубинский, А. В. Горский и др.

⁴¹² В. Й. Шеллинг, Г. В. Ф. Гегель, А. Бергсон.

⁴¹³ Об этом писали С. С. Глаголев и священник Павел Флоренский. «Богословский вестник», 1914, № 3. С. 153.

Флоренского в их противостоянии группе либералов во главе с М. М. Тареевым.

После Октябрьской революции Ф. К. Андреев решил целиком посвятить себя Церкви; по его словам, для него наступило «время самоопределения». В 1918 году он сотрудничал в православном журнале «Возрождение», там появились его статьи «Памяти Владимира Соловьева» и «Преображение Господне». Вернувшись в Петроград, с 1919 по 1922 год преподавал русскую словесность в Михайловском артиллерийском училище, был помощником заведующего Богословско-пастырским училищем Щербова. Будучи профессором кафедры христианской апологетики Петроградского Богословского института, а с 18 июля 1922 года и заместителем проректора, прочел за первый учебный год курс лекций по христианской апологетике (81 лекция), во втором учебном году – 83 лекции по патрологии. Вместе с Н. О. Лосским, а затем с В. С. Серебренниковым руководил философско-апологетическим кружком.

В те же годы Ф. К. Андреев активно занимался просветительской деятельностью: выступал с лекциями на религиозно-философские темы в Доме ученых, на Василеостровских богословских курсах и на Богословских курсах при эстонской церкви. Многие его лекции и выступления были посвящены борьбе с усилившимся в то время влиянием униатства на интеллигенцию. Он регулярно участвовал в обсуждении докладов на собраниях Златоустовского кружка при Александро-Невской лавре⁴¹⁴.

Ф. К. Андреев принимал активное участие в борьбе с обновленчеством⁴¹⁵, именно в это время у него сложи-

⁴¹⁴ Весной 1920 года выступил с докладом о св. Софии, в 1922 году дискутировал в Доме ученых по проблеме зла с профессором Н. О. Лосским после его доклада «О природе сатанинской».

⁴¹⁵ Распространявшееся позже утверждение В. Ф. Платонова, известного деятеля обновленчества, о «приверженности Андреева соловьевству» и даже о «проповеди католичества» является клеветой.

лись взгляды, впоследствии приведшие к отложению от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского). В письме к священнику Павлу Флоренскому от 12 октября 1922 года он писал:

«Готовлюсь к пастырству, но старцы (оптинские и иные) велят ждать "до умиротворения" церковного: если сможешь, напиши, как ты смотришь на церковные дела. Наша позиция непримиримая (т. е. в отношении к ВЦУ и ее возрожденским исчадиям), практически же автокефальное, но готовы и на полный выход из видимой Церкви, если бы она оказалась антиканонической. Иначе говоря, держимся взглядов М. Алча⁴¹⁶, который недавно нас тут наставлял».

23 июля 1922 года Ф. К. Андреев вступил в брак с Натальей Николаевной Фроловской (1897–1970). 17 декабря 1922 года он рукоположен во диаконы, а 19 декабря – во священники епископом Петергофским Николаем (Ярушевичем). Служил в петроградском Казанском соборе, затем в Сергиевском артиллерийском соборе. В 1927 году возведен в сан протоиерея, с 1927 по 1929 год состоял в клире собора Воскресения Христова (собор Спас-на-Крови): «Строгая требовательность к себе и окружающим, простота обращения при глубокой образованности – все это привлекало к отцу Феодору многочисленных прихожан из интеллигенции»⁴¹⁷. Среди прихожан он пользовался огромным авторитетом, его проповеди записывались и распространялись среди верующих епархии. В эти же годы он вел богословский кружок для близких учеников и много времени уделял вопросам литургики⁴¹⁸, для него было «характерно тес-

⁴¹⁶ Имеется в виду Михаил Александрович Новоселов.

⁴¹⁷ Среди духовных чад отца Феодора были философ С. А. Алексеев (Аскольдов), писатель Б. А. Филиппов (Филистинский), пианистка М. В. Юдина, церковный деятель И. М. Андреев и др.

⁴¹⁸ Результатом занятий стал большой труд Ф. К. Андреева «Литургика», который священник Павел Флоренский называл «непревзойденным» (он не сохранился). Н. А. Александров, один из

ное единство научных идей и жизненной позиции, основу которой составлял принцип нераздельности веры и знания»⁴¹⁹.

Ф. К. Андреев категорически не принял Декларации митрополита Сергия от 29 июля 1927 года и стал одним из главных деятелей и идеологов иосифлянства. Дважды подвергался арестам и на допросах решительно отказывался идти на компромисс с властями, защищая «священное бесправие». 23 июня 1929 года скончался дома от воспаления легких, осложнившегося эндокардитом. Похороны прошли на братском кладбище Александро-Невской лавры при большом стечении народа, собравшегося проститься с почитаемым пастырем⁴²⁰.

Воспоминания дочерей протоиерея Феодора Андреева

Первое, что мы твердо усвоили, начиная осознавать окружающий нас мир, это то, что наш отец, о. Феодор, человек необыкновенный. Его все любят и почитают. К нему тянутся, и поэтому вокруг нас всегда много людей. Отец любил нас. Часто занимаясь с нами, он не прекращал серьезной беседы. Над нами витали имена русских философов, богословов, историков, ученых, иерархов Церкви. Порой эти имена воплощались и в образы. Многие из них стали вскоре запретными, но прочно засели в нашей памяти. Наша семья жила в кв. № 7 на четвертом этаже дома 21-а по Лиговке, на углу Жуковской, против Греческой церкви Св. мученика Дмитрия Солунского, окруженной пихтовым садиком.

учеников отца Феодора Андреева, упоминает шесть лекций по философии библейского канона (архив семьи Андреевых).

⁴¹⁹ Сведения о богословских идеях Андреева неполны, так как основные его труды утрачены.

⁴²⁰ Использована статья М. Ф. Андреева, А. Ф. Можанской и В. А. Фатеева из «Православной энциклопедии». Т. II. М., 2001. С. 348–350.

Теперь на место церкви втиснуто огромное плоское здание концертного зала «Октябрьский». Вот этой квартире суждено было стать на несколько лет одним из духовных центров Ленинграда.

Отец Феодор служил в Сергиевском всея Артиллерии соборе, и, как в своем письме к нам вспоминал академик Д.С. Лихачев, он был в 20-х годах «знаменитейший проповедник, на проповеди которого в Сергиевскую церковь, угол Литейного и Сергиевской, стекалась вся интеллигенция Петрограда».

С ростом популярности о. Феодора как проповедника и духовника количество народа, посещающего нашу квартиру, все прибывало. Кто только ни шел к отцу за советом, поддержкой и утешением в это тяжелое время начала гонения на Церковь. «Хотелось бы всех поименно назвать...». Многие вскоре исчезли навсегда.

Летом 1927 года о. Феодор был арестован в первый раз. Продержали его в тюрьме около двух месяцев и отпустили под расписку о невыезде «за недоказанностью обвинения». Когда он находился еще в тюрьме, вышла знаменитая Декларация митрополита Сергия (Страгородского), взбудоражившая все умы. Мама неоднократно говорила, что о. Феодор был аполитичен. Но Церковь была для него превыше всего, и он принял самое деятельное участие в движении сопротивления против церковной политики митрополита Сергия. Участники этого движения стали называться «иосифлянами», по имени митрополита ленинградского Иосифа (Петровых), выступающего против всяких компромиссов с властью. Их оппоненты назывались «сергиянами». Митрополиту Сергию были направлены письма-обращения с попыткой отвратить его от избранного им пути, ведущего к церковному расколу. Автором обращения от духовенства и мирян был о. Феодор. Недавно нам удалось получить текст этого документа. В нем отец, в частности, писал: «Мы ждем от Вас простого свидетельства Вашей совести... можно ли нам ждать от

Вас возврата нашего святого бесправия, или мы будем вынуждены прекратить каноническое общение с Вами». Митрополит Сергей отказался отречься от Декларации. Отложение состоялось.

В сентябре 1928 года о. Феодор был вновь арестован. В этот день к нему приехал о. Анатолий Жураковский из Киева. Когда пришли за отцом, о. Анатолия укрыли за дверью в проходной комнате, где висел телефон. К счастью, пока длился обыск, телефон ни разу не зазвонил, и жизнь на свободе о. Анатолия была продлена на два года. «Мы все волновались, наподобие эпохи Вселенских Соборов», – вспоминала об этом времени М. В. Юдина.

7 декабря, в день памяти св. великомученицы Екатерины, о. Феодора и всех взятых вместе с ним выпустили из тюрьмы, «не найдя компромата». Тогда еще такое случалось. Отец с отроческих лет страдал пороком сердца. Тюрьма, лишения, постоянное переутомление подрывали его слабое здоровье. Весной 1929 года Великим Постом он простудился на многочасовой исповеди в холодном храме и слег с воспалением легких. Болезнь осложнилась тяжелейшим эндокардитом. Около него были известные врачи. За ним ухаживала опытная сестра милосердия Н. М. Черняева. Спасти его было уже невозможно. У него не оставалось жизненных сил. 23 мая 1929 года о. Феодор скончался.

Чувствуя приближение смертного часа, он не переставал размышлять о судьбе Церкви. Он говорил жене: «Я все думаю о происшедших событиях. И вот, проверяя себя перед лицом смерти, одно могу сказать: с тем умом и с той душой, которые дал мне Господь, я иначе поступить не мог».

...Мы сидим на широком подоконнике и смотрим, как, пересекая Лиговку, тянется бесконечная похоронная процессия нашего отца и медленно уходит по 2-й Рождественской в сторону Александро-Невской лавры...

За нами стоит молодая киевлянка Валентина Николаевна Ждан. Она провела ночь у гроба о. Феодора в

храме Воскресения и вот осталась с нами. Валя Ждан появилась у нас впервые в 1927 году, когда приезжала к о. Феодору по поручению своего духовника о. Анатолия Жураковского. Теперь она совсем обосновалась в Ленинграде, сдружилась с М. В. Юдиной и А. Д. Артоболевской (тоже киевлянкой). Мы к ней очень привязались. Это тоже была связь на всю жизнь...

2 октября 1998 года мы проводили в последний путь В. Н. Яснопольскую (бывшую Ждан). Ее прах покоится на Северном кладбище под Петербургом, там же, где и прах нашей матери и сестры о. Феодора⁴²¹.

Воспоминания Валентины Яснопольской (Ждан)

В марте 1929 года я приехала в Петроград, рассчитывая там обосноваться окончательно. Очень скоро удалось найти прекрасную комнату на Лиговской улице у вдовы барона Гревенец (крестницы императора Николая II, дочери генерала Мина). Она очень хорошо меня приняла, так как боялась принудительного заселения, которое тогда широко применялось, и понимала, что от меня зла ей не будет. Приближалась моя первая экзаменационная сессия в Институте истории искусств: мечта, казалось, начинала сбываться. Я поселилась в чудесном, на этот раз северном городе, полном для меня нераскрытых тайн, со множеством неизвестных мне, но теперь доступных храмов, дворцов, музеев. Здесь же находился храм Воскресения на Крови с исключительным составом духовенства: о. Феодор Андреев, о. Василий Верюжский (настоятель), о. Сергей Тихомиров, о. Николай Прозоров, о. Никифор Стрельников. Все они, кроме о. Василия Верюжского, погибли. Там же

⁴²¹ Мария Андреева, Анна Можанская. Воспоминания о Марии Вениаминовне Юдиной. (История отношений с двумя петербургскими семьями). Из кн.: Мария Юдина. Лучи Божественной Любви. Литературное наследие. М., СПб., 1999. С. 642–650.

служил епископ Гдовский Димитрий (Любимов). Когда он выходил, благословлял народ, то за словами архипастырской молитвы: «Да будут милости великого Бога... со всеми вами», – чувствовался настоящий служитель Великого Бога.

Я ощущала себя счастливой в этом храме, где меня никто не знал и где моя душа предстояла только перед Всевышним. В Киеве было много знакомых и среди духовенства, и среди мирян – это меня отвлекало. Поэтому на новом месте я решила не вступать ни в какие контакты с духовенством вне храма. Но я привезла из Киева от священника Анатолия Жураковского и ряда других документы с изложением причин их разрыва с митрополитом Сергием и с официальной Церковью, с просьбой принять их под руководство митрополита Иосифа. Я попыталась передать их о. Феодору, но он сказал, что в храме это неудобно, и просил принести бумаги к нему домой. «Опять домой», – подумала я, но в назначенное время пришла к нему на квартиру (Лиговка 21, квартира 7).

Я пробыла там очень недолго, даже не садилась. Мы поговорили с о. Феодором, стоя у окна. Во время краткого разговора я подумала, что если бы я пришла к нему с какими-то личными вопросами, то мне не надо было бы ни о чем спрашивать, такой ясный и тихий свет исходил от него, и в этом свете без слов становилось ясно, что правда и что неправда. Во время нашей беседы произошло еще одно с виду незначительное событие, которое, однако, сильно отразилось на моей дальнейшей судьбе.

Кто-то вызвал о. Феодора из соседней комнаты буквально на одно минутку, а когда я уходила, то в передней слышала детский возглас «Валя!» и топот убегающих ног. О. Феодор усмехнулся, но ничего не сказал. Потом я узнала, что это две его дочери-близнецы пяти или шести лет. Понаблюдав за мной через щелку двери, они вызвали отца, чтобы узнать, как зовут «новую те-

тью», заинтересовавшую их, по-видимому, тем, что она по своему возрасту была к ним ближе, чем посещавшие их дом солидные люди. Как-то на Невском незнакомая девчушка вдруг преградила мне дорогу и сказала: «Ты нам нравишься больше всех тетей, которые у нас бывают». Я в недоумении остановилась. Но тут подошла тоже незнакомая мне дама и, смеясь, объяснила, что со мной разговаривала одна из дочерей о. Феодора и что девочки-фантазерки слагают про меня легенды. Мы посмеялись, и казалось, что на этом все закончилось...

Я дважды исповедовалась у о. Феодора. Не знаю, узнавал ли он меня, но оба раза он говорил мне примерно одно и то же: «Живите просто, изо дня в день творите молитву Иисусову». Причем в молитве Иисусовой он советовал делать ударение на словах «Сыне Божий». Последняя моя исповедь у него пришлась на последний день его служения, в Великую среду. Он долго исповедовал, в храме было холодно, откуда-то особенно дуло в том месте, где он стоял. Я хотела сказать ему об этом, но постеснялась. Отец Феодор простудился и заболел воспалением легких, к тому же у него было больное сердце.

... <Однажды> утром раздался телефонный звонок (до сих пор не могу понять, откуда узнали мой номер телефона, я сама его тогда не знала, так как телефон находился в комнате у хозяев, и я им не пользовалась). Мне сообщили, что тяжело заболели о. Феодор и обе девочки, которые просят разыскать киевскую Валю. Этот телефонный звонок был призывом о помощи. И я пошла к Андреевым, и уйти от них уже не смогла. Девочки не отпускали меня, а о. Феодору становилось все хуже, и все заботы жены его Наталии Николаевны были направлены на него. Я кое-как сдавала экзамены и бежала к больным...

10 мая тихо скончался о. Феодор. Все последние дни, часы и минуты батюшки я проводила с его семьей. Вскоре, по настоянию его домочадцев, я совсем пересе-

лилась в их квартиру, хотя этот переезд для моей прежней хозяйки Гревенец казался целой трагедией, так как грозил ей принудительным вселением. Она горячо уговаривала меня остаться, но – победили девочки.

... Очень тяжело переживала смерть о. Феодора жена его Наталия Николаевна. Их брак был счастливым, да и сама Наталия Николаевна была человеком незаурядным, способным понять и разделить устремления мужа. Отец ее, Николай Александрович Фроловский, занимал должность воспитателя великого князя Михаила Александровича. В доме у них бывал и читал статьи философ Владимир Соловьев.

... Возвращаясь однажды после работы домой, я обратила внимание на обогнавшего меня человека в кожаном пальто и с головой, как мне подумалось, древнегреческого мыслителя. Но не только я заметила его, другие прохожие также оборачивались ему вслед. Каково же было мое удивление, когда я встретила его у нас в квартире. Мне сказали, что это о. Павел Флоренский, ближайший друг о. Феодора и Наталии Николаевны. Видя, как девочки радостно меня встретили, и понимая, что в доме, где царил горе и где, кроме вдовы, жили только одни старушки (их было четверо), о. Павел завел со мной речь о девочках. Он говорил, что в общении с ними надо учитывать психологию близнецов, у которых самосознание «я» заменяется самосознанием «мы».

Отец Феодор познакомился с о. Павлом, по словам Наталии Николаевны, в 1910 году в Троице-Сергиевой лавре, когда поступил в Духовную академию, где П. А. Флоренский читал тогда курс истории философии, и они сразу подружились. Эта дружба сохранялась многие годы. Но в вопросах церковной жизни последних лет их взгляды начали расходиться. Отец Феодор не мог принять Декларацию митрополита Сергия и был одним из тех, кто канонически обосновал правомочность отделения митрополита Иосифа и ряда других архипастырей от официальной Церкви. По мнению же о. Павла (передаю

со слов Наталии Николаевны), в современной Церкви так много совершается нарушений древних канонических правил, что Декларация митрополита Сергия является, может быть, и не таким уж большим отступлением. Наталия Николаевна рассказывала, что Флоренский иногда приезжал к ним и гостил по несколько дней. И эти приезды для них становились всегда праздником.

В 1929 году положение в Церкви было тревожным и неопределенным. Митрополита Иосифа, первым объявившего о неприятии Декларации и возглавившего Церковь «отделившихся», выслали в Устюжну, но других решительных мер со стороны гражданских властей пока не последовало. Личные контакты в среде «непоминающих» были затруднены, хотя на квартиру о. Феодора, часто не зная о его смерти, продолжали писать и приезжать за разъяснением недоумений. Наталия Николаевна дважды ездила в Устюжну с поручениями к митрополиту Иосифу, наивно считая эти поездки конспиративными. Меня также дважды посылали в Старую Руссу и Великий Новгород. Квартира о. Феодора в «органах» называлась «главным штабом» и находилась под соответствующей опекой.

Мне запомнились двое длиннородых и длинноволосых сибирских батюшек в громадных шубах, приехавших к о. Феодору, когда тот лежал уже смертельно больной. Его жена не отходила от постели больного, и мне приходилось этих и других вопрошавших знакомить с письмами и обращениями епископов, выступивших против Декларации. И таких недоумевающих и вопрошавших было много. Не все могли приехать, а почта служила ненадежной связью. Но все же какие-то контакты осуществлялись.

Я помню, меня дважды посылали в Старую Руссу к епископу Иоанникию⁴²². Никаких письменных мате-

⁴²² Епископ Старорусский Иоанний, в миру Иван Никанорович Сперанский, родился в 1885 году. Первоначально отрицательно

риалов мне не давали из предосторожности. Обо всем надо было сообщать только устно. Казалось, что мой вид не может вызвать подозрений: 24 года, стриженная. Когда я пришла на квартиру к епископу и келейник с лукавым видом спросил, какое у меня может быть дело к владыке, я чуть было не бухнула ему, что хочу венчаться в посту: это, вероятно, соответствовало бы моему виду, но, к счастью, сдержалась. Сам владыка очень внимательно меня выслушал, потом встал, поклонился мне и сказал: «Я поступлю так, как вы скажете». Я чуть не зарыдала: «Владыка, я только посыльный, как посмею вам указать». Потом направили меня к нему второй раз. Он не принял Декларацию.

Дважды посылали меня в Великий Новгород, где было несколько епископов, не помню их имен. И снова нельзя везти никаких писем, а надо все передавать только устно.

Осенью 1928 года к о. Феодору приезжал из Киева о. Анатолий Жураковский для обсуждения вопросов, связанных с Декларацией. Случилось так, что в это время к о. Феодору пришли с обыском, и он был арестован. Его гость во время обыска стоял за дверью проходной комнаты, где висел телефон, который, к счастью, ни разу не зазвонил, и о. Анатолия не заметили. Следователь Макаров убеждал о. Феодора принять Декларацию, обещая за это обеспечить Церкви правовое положение. «Оставьте нам наше святое бесправие», – отвечал на это о. Феодор. Несмотря на неуступчивость, о. Феодора в тот раз вскоре отпустили, вероятно, в связи с плохим состоянием здоровья⁴²³.

отнесся к Декларации, впоследствии сотрудничал с митрополитом Сергием (Страгородским). В 1931 – занимал кафедру епископа Орловского. В 1969 – скончался.

⁴²³ Валентина Яснопольская. Счастливый случай: воспоминания / Мироносицы в эпоху ГУЛАГа. // Сост. П. Г. Проценко. Нижний Новгород, 2004. С. 514–523, 508–509, 501–502.

Воспоминания И. М. Андреевского

«Отец Феодор Андреев прославился своими замечательными проповедями, слушать которые собиралось так много народа, что огромный собор не мог вместить всех желающих услышать вдохновенное православное слово. Среди слушателей было много профессоров и студентов Военно-Медицинской академии и Университета и научных сотрудников Академии наук, которые постепенно стали становиться духовными чадами о. Феодора.

Лето 1924 года о. Феодор с женой и двумя младенцами-близнецами (Аней и Машей) проводил в Царском Селе, называвшемся тогда Детским Селом, недалеко от санатории Дома ученых КУБУ (Комиссия улучшения быта ученых). В этой санатории в то время находился и я вместе со своим учителем и другом проф. С. А. Аскольдовым. Последний и познакомил меня с о. Феодором. Большинство из находившихся в этой санатории были уже духовными чадами о. Феодора. В садик дачи, где жил о. Феодор, часто ходили академики, профессора Университета, Консерватории и другие научные работники. Обычно о. Феодор сам возился и нянчился со своими малютками, а когда они спали, то в саду происходили беседы на духовные и философские темы»⁴²⁴.

Воспоминания Марии Юдиной

О Феодоре Андрееве – Мария Юдина

«... Господь привел меня к о. Феодору Андрееву, ярчайшей звезде богословия и пастырства. Богословский университет, увы, уже был закрыт, я его "прозевала", пойдя в университет, но еще было богословское учили-

⁴²⁴ Польский Михаил, протопресв. Новые мученики Российские: в 2-х ч. Ч. 2. Репр. воспр. изд. 1949–1957 гг. (Джорданвилль). М., 1994. С. 135.

ще при русско-эстонской церкви. Руководство покойного о. Феодора было поистине суровой школой; был он замечательный проповедник и, имея семью, являлся человеком "не от мира сего" и весь пронизан был эсхатологическими чаяниями. Скончался он, к счастью, дома, но сорока двух лет, от тяжелейшего эндокардита.

В эти времена – как Вы, конечно, знаете, были церковные события и разделения на разные юрисдикции, основы различия были очень глубоки и исконны; мы все волновались наподобие эпохи Вселенских Соборов. Я пела (не в качестве службы, конечно, а для практического изучения церковного пения) в великолепном храме Воскресения на Крови и своими глазами лицезрела каждое воскресенье хиротонии – некое неиссякаемое число монахов, священников и диаконов, из которых, вероятно, каждый знал, что идет если не на смерть, то на подвиг, – то были страстотерпцы, праведники, мученики, подвижники. Были и пожилые, и средних лет – иереи, о которых можно говорить лишь с предельным благоговением...»⁴²⁵

* * *

Юдина М. В. – Пешковой Е. П. и Винаверу М. Л.

«Глубокоуважаемые Екатерина Павловна
и Михаил Львович!

Снова и снова я обращаюсь к Вам по делу Наталии Николаевны Андреевой. 5-й месяц она в Москве и 3-й месяц на Лубянке без передач.

Ее участь невообразимо меня волнует, настолько, что всякое дело выпадает из рук, из внимания. Эта глухая стена молчания, эта полная неизвестность ужа-

⁴²⁵ Мария Юдина. Лучи Божественной Любви. Литературное наследие. М., СПб., 1999. С. 525.

саючи. Умоляю Вас, примите к<акие>-н<ибудь> экстренные меры, спасите ее, выпросив ей какой-нибудь более мягкий приговор, ввиду ее 2-х малолетних детей.

И нельзя ли добиться свидания ей с ее матерью? Она на службе и на ее попечении сейчас дети, поэтому она не едет в Москву наугад, но если есть к<акие>-н<ибудь> шансы получить свидание, она бы приехала, разумеется.

М<ожет> б<ыть> Вы дадите к<акой>-н<ибудь> совет, что вообще можно для нея сделать, для облегчения ее участи. Напоминаю: она арестована 21 сент<ября> 1930 г<ода> в Ленинграде, 2-го октября отправлена в Москву, в Бутырки, а с декабря на Лубянке. Арестована по делу митрополита Иосифа Петровых (т<о> е<сть>), очевидно, это какое-то особое церковное дело, ибо арестованы ведь и архиепископ Димитрий Любимов и др<угие>).

Умоляю что-нибудь сделать, эта неизвестность убийственна и лишает работоспособности.

С совершенным уважением
М. В. Юдина (автограф).

Р. S. Прошу простить кляксу, очень спешу отослать с оказией письмо и волнуясь»⁴²⁶.

На письме – помета Пешковой Е. П.: «Запр<осить> С<екретный> О<тдел> еще раз подробно».

* * *

⁴²⁶ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 675. С. 163–164.

ПКК – Фроловской Е. К.⁴²⁷

<14 сентября>

«Фроловской Екат<ерине> Конст<антиновне>

В ответ на Ваше обращение сообщаю, что, согласно полученной справке, АНДРЕЕВА Нат<алья> Ник<олаевна> приговорена к заключению в к<онц>лагерь на 3 года с заменой ссылкой в Казахстан на 3 года»⁴²⁸.

* * *

ПКК – Юдиной М. В.

<18 октября 1931>

Телеграмма

«Алма-Ата

Востребование

Марии Вениаминовне Юдиной

Наталии Николаевне Андреевой телеграфно разрешено проживание Алма-Ате.

Помполит Винавер»⁴²⁹.

* * *

⁴²⁷ Фроловская Екатерина Константиновна, мать Андреевой Натальи Николаевны.

⁴²⁸ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 675. С. 161–162.

⁴²⁹ ГА РФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 675. С. 160.

2. Михаил Александрович Новоселов

Краткие биографические сведения

Родился в 1864 году в селе Бабые Вышневолоцкого уезда Тверской губернии, в семье выходцев из духовного сословия. Его отец был известным педагогом, директором гимназии. Михаил получил хорошее образование, окончил историко-филологический факультет Московского университета. Увлёкся идеями Л. Н. Толстого, с которым был знаком ещё с детских лет через своего отца. Пытался устроить общину толстовского типа на земле. В 1887 году был арестован за размножение гектографическим способом брошюры Л. Н. Толстого «Николай Палкин». Благодаря вмешательству Толстого, лично явившегося к начальнику Московского жандармского управления, был освобожден под гласный надзор полиции без права проживания в столицах. К началу 1890-х годов преодолел толстовство и вернулся в Православную Церковь.

«Прямолинеен и непоколебим, весь на пути святоотеческом, и смолисто-ароматных цветов любезной пустыни и фимиама "дыма кадильного" ни на какие пышные орхидеи, ни на какие пленительные благовония царства грез не променяет; а вне "царского", свято отеческого пути для него все остальные сферы — царства грез, и их горизонты, глубина и прелести — только "прелесть" (в аскетическом смысле)!» — такую характеристику дает Новоселову его старший современник, друг и единомышленник, философ В. А. Кожевников. — «Обретя — после долгих лет исканий — истину и Бога в лоне Православной Церкви, Михаил Александрович посвятил ей всю свою кипучую деятельность»⁴³⁰.

С 1902 года М. А. Новоселов начал издавать религиозно-философскую библиотеку. Всего издано 39 вы-

⁴³⁰ Новоселов М. А. Письма к друзьям / Предисловие Е. С. Полищука. М., 1994. С. XIV.

пусков, кроме того, много отдельных книг, листков. В 1907 году организовал «Кружок ищущих христианского просвещения»⁴³¹. Много лет состоял членом Училищного Совета при Святейшем Синоде. Огромные за-

⁴³¹ «Главное, что отличало "Кружок ищущих христианского просвещения" – его строго церковное направление: он принципиально ставил себя внутри церковной ограды, пользовался покровительством ректора МДА епископа Феодора (Поздеевского) и духовно окормлялся старцами Зосимовой пустыни. На его заседаниях царила подлинно православная атмосфера. Здесь не ставилась задача выработки "нового религиозного сознания", не ставились целью агитация и распространение своих взглядов. Руководящей для деятелей кружка была мысль, что внешними мерами – реформами, новыми уставами и т. п. – ничего не достичь, если не будет внутреннего изменения человека. А достичь такого внутреннего изменения можно было лишь в ходе совместного соборного продумывания основ православной веры, изучения Писания и Предания»; «Ярче всего о церковном характере "Кружка" говорит отношение его участников к молитве. Важные мысли по этому вопросу высказаны Новоселовым в его письме к Самарину от 11 августа 1907 года: "Что касается задач и характера устраиваемых "Кружком" бесед, то я с одним Вашим суждением не совсем согласен. Вы говорите: "Ведь общение в молитве во всяком случае есть лишь общение в области чувства", и в конце: "...мы все друг друга будем учить и друг у друга учиться, чтобы все более сближаться духовно и достигнуть возможно полного внутреннего единения". Я думаю, что молитвенное общение не есть единение только в области чувства: оно есть единение в духе, т. е. во всецелости нравственного существа. По моему мнению, все духовные силы наши приходят в действие в молитве, и общение, создаваемое на почве общей молитвы, простирается на область не только чувства, но и ума, и воли. Единомыслие же захватывает не так глубоко, и может ограничиваться только интеллектуальной сферой, не существенной (хотя и имеющей свою цену) в христианстве. Поэтому, всецело присоединяясь к намеченной Вами задаче – совместно работать над выяснением христианского веросознания в целях "внутреннего единения", я хотел бы подчеркнуть существенное значение молитвы (и благоговейного чтения Писания, и творений подвижнических), как средства, ведущего к этой цели». Новоселов М. А. Письма к друзьям/ Предисловие Е. С. Полищука. С. XXIII–XXVII.

слуги М. А. Новоселова в деле христианского просвещения были отмечены избранием его в 1912 году Почетным членом Московской Духовной академии. После Октябрьской революции М. А. Новоселов участвовал в работе Совета объединенных приходов, организовывая защиту храмов. Предоставил свою квартиру для занятий Богословских курсов. С 1922 года активно вел борьбу с обновленцами. 11 июля 1922 года на квартиру явились чекисты с ордером на арест, но ему удалось скрыться, уйдя черным ходом. С того времени М. А. Новоселов перешел на нелегальное положение⁴³², продолжая писать на церковные темы; его знаменитые «Письма к друзьям» широко распространялись по приходам. После выхода Декларации митрополита Сергия (Страгородского) принял активное участие в отходе от него духовенства и мирян во многих городах. 17 марта 1929 года был арестован в Москве. 23 мая приговорен к 3 годам заключения и отправлен в Суздальский политизолятор. 27 октября 1930 года привлечен к следствию по групповому делу «Всесоюзной контрреволюционной организации "ИПЦ"». 3 сентября 1931 года приговорен к 8 годам тюремного заключения и отправлен в Ярославскую тюрьму. 7 февраля 1937 года за «контрреволюционную деятельность» приговорен к 3 годам тюремного заключения и 29 июня вывезен в Вологодскую тюрьму. 17 января 1938 года «за проведение ...антисоветской агитации в местах заключения» приговорен к ВМН и расстрелян.

Воспоминания В. Д. Пришвиной

Много замечательных русских людей прошло и забыто в эти годы ломки и переустройства России. Личность и жизнь Михаила Александровича Новоселова заслуживает большего, чем мои неумелые попытки

⁴³² 19 марта 1923 года дело его было прекращено.

хоть что-нибудь оставить о нем для памяти будущих людей...

Михаилу Александровичу не было тогда и 60 лет, но из-за седой бороды, а главное из-за собственной моей юности я его сразу отнесла к старикам. На свежем лице светились мыслью и весельем голубые глаза. Юмор не изменял «дяденьке» (так его звала вся Москва) в самые тяжелые минуты жизни. Если бы мне поставили задачу найти человека, ярко выражающего русский характер, я бы без колебания указала на Михаила Александровича. Был он широко сложен, но благодаря воздержанной жизни легок и подвижен. От природы он был одарен большой физической силой и в молодости славился в Туле как кулачный боец, о чем любил с задором рассказывать.

В его существе разлита была гармония физической и нравственной одаренности, без тени болезни и надрыва. Шла ему любовь его к цветам, к природе, красивым вещам, которые он не приобретал, не хранил, но умел ими любоваться. Не забуду его детскую радость по поводу особенной жилетки из старинного тисненого бархата, подаренной ему в дни его нищенских скитаний...

Около Михаила Александровича все оживлялось, молодело, дышало благожелательством и бодростью, как будто в своей бесприютной, нищей и зависимой ото всех жизни он все-таки был ее господином и повелителем.

Девушки, которых я встречала около Михаила Александровича, были как на подбор красивы, и это не вызывало удивления; казалось, жизнь и должна была расцветать около «дяденьки». Такой была и сероглазая красавица с ярким румянцем и соболиными бровями – боярышня, сошедшая с картины Кустодиева, М. А. Викторова, которую я встретила в первые же дни знакомства у Михаила Александровича. В годы, предшествовавшие революции, она помогала «дяденьке» в составлении популярных книг по святоотеческой литературе и церковным вопросам, она была дочерью московского священника и сама – знаток всего церковного.

Знаю, что при Сталине она попала в лагеря и там приняла тайный постриг.

Вспоминаю. Едем мы с Михаилом Александровичем за город в женский монастырь Екатерининская пустынь под Москвой на храмовый праздник – это начало декабря. Только что стала первая нарядная зима. Со станции идем заснеженной дорогой, и Михаил Александрович учит меня «японскому шагу» – приему плавного и в то же время быстрого передвижения. Мы всю дорогу играем в это шаг и смеемся, как дети.

Тем же вечером прекрасно, отрешенно от суеты светится его лицо, когда мы становимся с ним на «келейную» молитву в маленьком номере монастырской гостиницы. Мы любили совершать это «правило» в немногие счастливые наши совместные утра и вечера.

Толстой недаром заметил Михаила Александровича еще ребенком: юношей Михаил Александрович сам пришел к Толстому и отдался его делу. Он ринулся со всей активностью своей натуры в практическое осуществление толстовских идей: устройство столовых для голодающих и организацию толстовских колоний – осуществление самого быта по принятому на веру учению. Таким он оставался всегда – делом подтверждающим свою веру и, когда понадобилось, не пожалевшим отдать за это и самую жизнь. Однако его духовный голод не был насыщен толстовством. Он говорил мне впоследствии, что Толстой столь же гениален в прозрениях о душевной жизни человека, сколь ограничен в области духа. Какие-то страницы Шопенгауэра стронули Михаила Александровича с места и помогли развязать путы рассудочности. Немного поколебавшись в сторону протестантизма, он вошел в православие, узнал его глубокую жизнь, которая скрыта от всех бытовой и государственной церковностью, и стал в силу своего общественного темперамента апостолом православия.

Верность до крайности полюбившейся идее и тут толкнула его на крайний «ангельский» путь. Побыв, од-

нако, послушником в одном из московских монастырей, он скоро понял, что это не его путь. И, действительно, при острой своей наблюдательности, ироничности ума, он не вынес бы того требования крайней простоты и отрешенности от всего «человеческого», которые необходимы монаху на его трудном пути личного внутреннего перерождения. Михаил Александрович был слишком жизнедеятелен. И он смиренно вернулся в покинутую им было жизнь, снял послушнический подрясник и занялся делом составления и издания религиозно-философской библиотеки для широкого народа. Темы его изданий не ограничивались одними узкоцерковными вопросами, но сводились к православию, как «столпу и утверждению истины». Маленькие книжки в розовой обложке имели широкое хождение в народе.

В его доме Ковригиной, что у храма Христа Спасителя, кипела и ладилась работа при небольшом числе помощников. Двери были открыты для всех, здесь можно было встретить всю православную Россию – от странника-мужика и студента-богоискателя до знаменитого литератора или профессора Московского университета.

Много лет спустя, в годы моей жизни с Михаилом Михайловичем Пришвиным, литературный критик Николай Николаевич Замошкин принес нам однажды книгу В. В. Розанова «Опавшие листья», на которой мы прочли дарственную надпись: «Дорогому Михаилу Александровичу Новоселову, собирающему душистые травы на ниве церковной и преобразующему их в корм для нашей интеллигенции. С уважением, памятью и любовью В. В. Розанов». Замошкин помогал распродавать библиотеку семье своего умершего или арестованного друга. Он не знал Новоселова, не знал и того, кому он принес эту книгу.

Сила и страсть борца, которая в юности, по видимому, проявлялась в кулачных уличных боях, сохранялась в Михаиле Александровиче всю жизнь и

прилагалась им к тому делу, которому он был предан. Так, незадолго до падения Распутина Михаил Александрович подготовил совместно с Великой княгиней – монахиней Елизаветой Федоровной, сестрой царицы, книгу, разоблачавшую Распутина и его губительную для России деятельность. Книга была уже им отпечатана, но лежала еще на складе, когда о ней узнали власти, о чем и было доложено государю. Нравственный авторитет Михаила Александровича был так велик, что ему было предложено под честное слово самому сжечь тираж: на этом условии дело предавалось забвению.

Михаил Александрович снискал себе не только всеобщее уважение, но и любовь. За аскетическую жизнь, проводимую в мирской обстановке, за светлый характер и, я думаю, за весь его светлый облик Михаила Александровича называли в Москве «белым старцем».

Наша дружба выросла быстро, незаметно для обоих, с какой-то легкой равноправностью и свободой. И теперь, когда я мысленно возвращаюсь к годам общения с Новоселовым, я неизменно вхожу в полосу света, чувствую благоухание иного воздуха, которым довелось мне так согласнo и так недолго с ним дышать. В этом свете и в этом воздухе мы забывали о разности возраста, пола, обо всех утомительных условностях человеческого бытия.

...*<Во время первой беседы с Новоселовым я>* сначала слушала, молчала и не открывалась. А Новоселов говорил сам и не расспрашивал меня ни о чем. Тогда мне захотелось рассказать ему о прошлом – это оказалось легко. Он особенно близко к сердцу принял мой рассказ о матери, о горе ее и возрождении и о нашей выросшей с нею дружбе после смерти отца. Я не побоялась даже коснуться в рассказе болезненного воспоминания о разговоре с отцом на кладбище незадолго до его гибели.

Михаил Александрович указал мне на большой портрет своей матери, висевший над его постелью. Она умерла незадолго перед нашим знакомством.

– Я любил ее всю жизнь, и по ночам, уже взрослым, уже стариком, плакал от мысли о неминуемой ее кончине. И я стал просить о силах пережить это будущее горе. Когда она скончалась, я почувствовал не только покой, но великую радость, которую могу сравнить только с радостью на Светлое Христово Воскресенье. Вас прошу, всех прошу: поминайте иногда рабу Божию Капитолину!

Я сидела на диване, а он ходил передо мной по комнате, иногда останавливался и обмывал меня взглядом голубых глаз из-под очков. Из этих глаз на тебя струился поток сочувствия. Он говорил мне, помню, о том, что Церковь Христова существует и сейчас, что она жива, она – не остаток ушедшей безвозвратно истории, что в храмах живет благодать, а не искусство, оставшееся от былой веры. Эта жизнь Благодати или Святого Духа разлита невидимо в человечестве. Она мелькает повсюду, то в отдельном поступке, то в слове, то просто в улыбке человека или в прикосновении его руки. Она сочится как родник среди несчастий человеческой жизни.

– Господь обещал и не отнял у мира своего обетования, – сказал он.

Про себя Новоселов сказал, что воочию увидел святость в недрах православия и после того отдал ему душу...

– Вот что, – сказал он мне на прощанье в то первое наше свиданье, – садитесь-ка завтра на поезд и поезжайте в Зосимову пустынь – это по Ярославской дороге мужской монастырь. Там игумен Герман, великий молитвенник, и мой духовник. Там живет в затворе о. Алексей, он человек благодатный. К нему я вас и посылаю. И да поможет вам Господь...

Я увидела в руках у Михаила Александровича большой медный крест, настолько древний, что вся резьба по металлу на нем стерлась от прикосновений рук и губ. Впоследствии он говорил мне, что крест этот – великая святыня.

– Поезжайте, дохните благодатью, убедитесь, что она не оставила людей, – сказал мне Михаил Александрович на прощанье. Но я и так уже знала, что отныне в мире не покинута. В то первое свиданье я видела ростки обновления, чувствовала благоухание иного воздуха, хотя передо мной был человек, которого я впоследствии узнала ближе и в его силе, и в его слабости. Но именно через него в то первое свиданье мне блеснул Свет, и я об этом свидетельствую...

... И если мне суждено досказать до конца свою жизнь, я еще приведу не один пример этого сияния, увиденного мною через человека. И пусть меня спросит строгий читатель: «Видала ли ты в своей жизни несомненный духовный Свет?» Богословы называют его Светом Фаворским, Светом Софийным – я не смею касаться этих слов, но на вопрос: «Видала ли ты в жизни этот Свет?» – «Да, видала!» – отвечу я.

<1925 год>

В тот год я особенно сблизилась с Михаилом Александровичем Новоселовым. Сближение это росло легко, радостно, непринужденно. Нам не было нужды, что я была молодой девушкой, а он стариком; что жизнь наша была далеко не легкая в те годы; что трагическое завершение этой жизни уже ждало Михаила Александровича, да и всех нас, у порога. Михаил Александрович вступал тогда на последнюю ступень, за которой его ждала неизвестная и бесславная гибель. Еще в первый год нашего знакомства я увидела поразивший меня сон. Я никогда не была суеверной и всегда отсекала всякую легковесную «мистику», все попытки произвольного толкования непонятных для нас явлений жизни. Так приняла я и этот сон, но все же рассказала о нем «дяденьке». Сон был следующий: я увидела Михаила Александровича озабоченным, в монашеском облачении, с обыкновенной дворницкой метлой в руках, кото-

рой он выметал за порог сор. Выслушав мой рассказ, Михаил Александрович стал очень серьезным, удивленно посмотрел на меня и сказал: «А ведь ты у нас сновидица! Твой сон – со смыслом». И он впервые рассказал мне, чем он занят. Оказывается, он боролся с «Живой церковью», этим новым движением, начавшимся после революции внутри церковного общества. Вождем этого движения был священник из интеллигентов, по фамилии Введенский, который пытался «обновить», модернизировать православие.

Михаил Александрович, почитаемый в различных кругах православных людей, рассылал доступно изложенные послания к мирянам и духовенству, которые переписывались и распространялись добровольцами в разных концах России. Но деятельность эта, конечно, ему не прошла даром: в самые свободные от репрессий месяцы в начале нэпа к Михаилу Александровичу явились с ордером на арест, вероятно, по проискам тех же «живцов», с которыми он боролся. Михаил Александрович ушел черным ходом и с тех пор в течение шести лет жил в Москве, не сняв даже выдающей его бороды, жил он у разных друзей, то там, то тут, как птица, и не прекращал борьбы за чистоту возлюбленного им православия. Иногда по делам он уезжал в другие города, где у него были единомышленники, и тогда я получала от него ежедневно письма. Я не сохранила эти драгоценные письма. Это случилось по разным причинам, но отчасти и оттого, что по молодости казалось: жизнь впереди, там будет расцвет нашей деятельности и наших отношений, а не здесь – в переходном настоящем.

Я мало общалась тогда с людьми, жила в мире идей и сосредоточена была на своих личных переживаниях, общественный уклон деятельности Михаила Александровича меня не привлекал, но я любила этого человека и любовалась им. Много таких прекрасных людей довелось мне узнать через Михаила Александровича, все они погибли в конце 20-х и в 30-х годах. О каждом из

них можно было бы написать особое «житие». Через Михаила Александровича я ощутила веяние вселенской стихии православия, именно в нем впервые почувствовала действие Духа Святого, «который веет, где хочет», перебегает по отдельным людям языками пламени, вспыхивает то здесь, то там, уравнивает всех и соединяет в то единое целое, что и есть Церковь Христова в существе своем.

Мне запомнились слова одной самоотверженной женщины, Клавдии Владимировны Назаровой, у которой часто находил приют в те беспримерные годы Михаил Александрович и которая с улыбкой иногда говорила мне: «Одна надежда – проскользнуть в Царство Небесное с нашими красавцами, как блоха в шкуре медведя».

«Сейчас такое время, – сказал мне однажды Михаил Александрович, – когда праведность человека пред Богом определяется не столько его личным поведением, грехами или добродетелью, сколько его верностью в вере – в верности церковному сознанию, решимостью стоять в этой верности до смерти и мученичества». И тогда же прочел мне рассказ из сборника сказаний о жизни древних подвижников, который я с тех пор ни разу не слыхала. Это был рассказ об одном монахе, которого укоряли во многих грехах, испытывая его смирение, и который кротко принимал все обвинения, хотя и не был виноват. Но когда его обвинили в принадлежности к ереси, то есть в измене самой Истине, он решительно и гневно отвел это обвинение и сказал: «Не совершал я этого и не приму на себя этой лжи!» И присутствовавший при том мудрый старец рассудил, что монах проявил истинное смирение, потому что отстаивал не праведность свою, а любовь.

Я иногда спрашиваю себя, что же осталось мне от Новоселова на вечную память? Пожалуй, то, что он сам собою каждый день доказывал не книжное, а реальное существование Церкви Святых.

<1927 год>

Это был второй сон, за который Михаил Александрович опять назвал меня «сновидицей». Он отнесся к нему очень серьезно, и мы расстались, не в силах сбросить с себя о нем воспоминание. Я не берусь сейчас решать вопрос о значении снов, об их происхождении. Я расскажу лишь тот свой сон, ничего не изменив в его содержании.

Дверь отворилась, и вошел Михаил Александрович, нарядный, торжественный. Он был в роскошной шубе с бобрами, в такой же высокой шапке, как древний боярин или патриарх. От него исходило сияние: это блестел свежий, еще не растаявший снег, покрывавший обильно его голову и плечи. Снежинки, как россыпь алмазов, сверкали на темном меху. Михаил Александрович сбросил верхнюю одежду. Теперь на нем был подрясник и священническая епитрахиль. Не говоря ни слова, он жестом подозвал меня к себе. Я подошла и низко наклонила голову. Он положил на нее епитрахиль, и я почувствовала усилие его руки, которым он все ниже и ниже нагибал мою голову. Он меня повел, и я шла, накрытая епитрахилью, согнувшись и ничего не видя перед собой. Мне было очень трудно идти, но я ни о чем не спрашивала и терпела. Все совершалось в полном молчании. Наконец, я увидела, что мы подошли к престолу: антиминос, покрывавший его, был на уровне моей опущенной головы. По четырем его краям я видела зашитые в ткань частицы от останков святых мучеников. Они шли длинным сплошным рядом, подобно драгоценному орнаменту, по краям престола. Михаил Александрович, все не снимая епитрахили, нажатием руки заставлял меня прикладываться к этим мощам. Я медленно обошла весь четырехгранный плат, по очереди прикасаясь губами к останкам святого и, как я помнила, близкого мне человека. Так обошла я весь престол и установилась. Рука, лежавшая на моей голове, поднялась

вместе с епитрахилью. Я выпрямилась и стояла теперь перед Михаилом Александровичем, который смотрел на меня со спокойным и довольным лицом и говорил мне: «А теперь, наконец-то, я буду заниматься тем, что желал всю жизнь: творить непрестанную молитву».

Таков был сон, исполнившийся вскоре во всем внутреннем своем значении: в нем не оказалось ничего не значащего и не сбывшегося до малейших символических деталей.

... Я теряла самых близких друзей, как будто медленно обходя престол, прикладываясь к останкам святых и чувствуя на голове тяжелую, ведущую меня руку. Сон мой осуществлялся.

М. А. Новоселов был приговорен к длительному одиночному заключению, которое он отбывал в Суздальском и Ярославском изоляторах и которое оказалось для него пожизненным. Там он, я думаю, мог, во исполнение сна, предаваться непрестанной молитве. Старушки, посылавшие ему передачи, потеряли его след во время Отечественной войны. Посылки стали возвращаться обратно без объяснений: по-видимому, молитва Михаила Александровича Новоселова на земле была окончена.

Только однажды получили о нем живое свидетельство: к старушкам пришел освободившийся из заключения и высылавшийся на родину незнакомый турок. Он выполнял данное Новоселову обещание – передать от него благословение и благодарность. Турок встретил Михаила Александровича в тюремной больнице, где тот обратил его в христианство. Он говорил о Михаиле Александровиче, как о святом⁴³³.

⁴³³ Пришвина В. Д. Невидимый град. М., 2002. С. 373–375, 193–200, 259–261, 349–350, 424–425.

3. Иосифлянские документы, составленные протоиереем Феодором Андреевым и М. А. Новоселовым

ОБРАЩЕНИЕ ДУХОВЕНСТВА И МИРЯН ПЕТРОГРАДСКОЙ ЕПАРХИИ К МИТРОПОЛИТУ СЕРГИЮ, ДАТИРОВАННОЕ 26-27-28 НОЯБРЯ / 9-10-11 ДЕКАБРЯ 1927 ГОДА

По свидетельству протоиерея Василия Верюжского, это обращение было поручено написать протоиереем Феодору Андрееву вместе с М. А. Новоселовым на собрании духовенства 24 ноября /7 декабря 1927 года. «Через несколько дней это обращение и было заслушано в квартире епископа Дмитрия Любимова на собрании, на котором присутствовали и Новоселов, и прот. Феодор Андреев, и некоторые другие лица из духовенства, в том числе и архиепископ Гавриил Воеводин»⁴³⁴. Вместе с обращениями Петроградского епископата и академических кругов оно было вручено митрополиту Сергию Петроградской делегацией 12 декабря 1927 года.

«Настоящее обращение к Вам исходит от некоторых представителей православного духовенства города Ленинграда. Оно вызвано Вашими последними действиями, начиная с послания 16/29 июля с/г. По своему содержанию наше обращение к Вам для Вас, вероятно, явление знакомое, и не мы одни встревожены церковными сообщениями последних дней, но для нас, подателей его, оно должно быть решающим в вопросе о нашем дальнейшем отношении к Вам и к Вашей деятельности, поэтому просим к себе Вашего Архипастырского внимания.

Мы, Ваше Высокопреосвященство, как, вероятно, и большинство православных людей, не находим, чтобы

⁴³⁴ Архив УФСБ СПб ЛО. П-83017. Т. 1. Л. 262.

дела Ваши последние были совершенны пред Богом нашим (Апок. 3,2).

Вспомните, что Вы приняли, когда становились блюстителем русского патриаршего престола, осиротевшего после ссылки первого своего местоблюстителя. Вы обещали бережно охранять то, хотя и трудное, но единственно правильное положение, в которое Господь поставил Русскую Церковь в отношении к нынешним правителям России. Это положение трудное, ибо общее имя ему – бесправие, но Церковь Вселенская уже знала его некогда в целом, в отдельных областях своих знала всегда, а Русская за десять лет своего существования в соседстве с советской властью также не видела и не искала возможности иных отношений. Православные люди понимали, что власть, поставившая как одну из своих целей распространение неверия, не может не только покровительствовать Церкви, но даже и охранять внешний ее строй в границах своих владений.

И, действительно, положение верующих в стране стало трудным, о чем Вашему Высокопреосвященству не нужно напоминать. Памятуя слова Господа и учение апостольское, мы повиновались всем распоряжениям гражданской власти, которые не противоречат нашей православной совести, и молча терпели все стеснения, которым подвергалась наша вера. Но мы не надеялись иметь более тесных правовых отношений с неверующей властью и не искали их. Так продолжалось в течение десяти лет, так должно было оставаться и в будущем. Православная Церковь Русская, видя свое Солнце Праведное висящим на древе крестном, стояла в чине своем, отражая в своем земном странствии, в годину испытаний, крестный путь своего Владыки.

Вы, Ваше Высокопреосвященство, захотели как бы помочь Церкви и исходатайствовать для нее у гражданской власти некоторые права. Но какую цену Вы этого добились? Тою, которая для многих православных людей станет и уже становится "ценою крови" (Мф. 27, 6).

Правда, Вы действовали не единолично, а как бы от лица Церкви, блюстителем патриаршего престола которой Вы являлись, но Вы вышли далеко за границы своих полномочий. В самом деле, ведь Ваши полномочия восходят к патриаршим и ими определяются, патриарх зависит от поместного собора, а собор является выразителем голоса всей Русской Церкви. Эти три ступени церковного священноначалия были перед Вашими глазами, когда Вы составляли свое послание. Как же совершили восхождение по ним к первоисточнику своих прав?

Вы начали с патриарха. Здесь, на пути к нему, пред Вами стал его местоблюститель. Он был уже лишен места своего служения и отправлен в ссылку тою самою властью, у которой Вы искали для Церкви новых прав, и молча свидетельствовал пред лицом всей Русской Церкви, что его (ее) горести не суть горести этой власти, как утверждает Ваше послание, а есть все та же наша общая, православная скорбь. Вы поняли, что Вам невозможно оправдать Ваш образ действий именем того, кого Вы ближайшим образом замещали: и вот, минуя местоблюстителя, даже не вспомнив о нем в своем послании, Вы через его ссыльную голову как бы протянули руку к самому патриарху. На основании некоторых неясных, не засвидетельствованных еще прижизненных и устных слов почившего о каких-то "годочках трех", в течение которых покойных патриарх будто бы предполагал осуществить дело, тождественно с Вашим, если бы ему не помешала смерть. Вы установили эту призрачную связь свою с патриархом в то время, как его ближайший заместитель, вероятно, лучше Вашего посвященный в намерения почившего патриарха, предпочел эти три роковые года провести в ссылках, вместо того, чтобы в течение их поработать в якобы завещанном ему патриархом направлении. Установив таким образом искусственную связь с патриархом, Вы обратились к следующей ступени – поместному собору. Но здесь, не найдя в деяниях собора ближайшего, по-

следнего ничего, что бы уполномочивало Вас на те отношения с Гражданскими властями, которые установлены в Вашем послании, и даже, напротив, в постановлении от 2/15 августа 1918 г. встретив решение, противное Вашему, Вы, конечно, не стали искать подтверждений в деяниях соборов более древних и потому предпочли обратиться к собору еще только грядущему. Он, утверждаете Вы в послании, разрешит и вопрос о высшем церковном управлении, и о "раздирающих ризу Христову", т. е., очевидно, о новейших раскольниках или еретиках, и совершит ряд других деяний, но о котором Вы не сказали, что он подвергнет рассмотрению и самое послание, и все, что будет совершено именем последнего еще до собора. Следовательно, то не будет совершенный поместный собор, а лишь какое-то новое исполнительное при Вашей особе учреждение. Более того, призванный установить новый вид высшего церковного управления, он, очевидно, отменит и то самое патриаршество, связью с которым Вы только что попытались обосновать свое послание. Ужели Вы не видите, в какой Вы попали заколдованный круг?

Обратимся теперь к третьей, высшей ступени церковного священноначалия — к соборному разуму Церкви. Может быть, Вам удалось, минуя собор и патриарха, непосредственно соприкоснуться с православной совестью русских людей, членов Христовой Церкви, и послание явилось выразителем голоса их? Нет, этот голос должен был бы уверить Вас в том, что если Вы ищете подлинного свидетельства христианской совести, то Вы, прежде всего, должны узнать мнение тех, кто по преимуществу носит имя "свидетель истины", т. е. исповедников, страдальцев за нее. Вы этого не только не сделали, но, напротив, вовсе отвели их, как погрешивших против той самой власти, о лучших отношениях с коей только так усердно заботились. Отвели Вы, как свидетелей, и тех, о ком только предполагали, что они не будут с Вами, сочтя их беспочвенными мечтателями

и предложив им даже вовсе, навсегда или временно, устранились от Вас. То, что осталось после такого отбора, Вы признали своею истинно русскою паствою и стали действовать от ее лица. Неудивительно, что она оказалась в полном согласии с Вами.

Итак, послание все предусмотрело, чтобы придать себе вид законности, и все же оно стоит на песке. Ни патриарх, ни собор, ни соборный разум Церкви в действительности вовсе не с ним. Послание не только не является их выразителем, но напротив, лишь предварительно отступая от них и подменив их лживыми их подобиями, оно облеклось в свои призрачные права. Скажем прямо, не Церковь Русская изнесла из недр своих это послание, а, наоборот, оторванное от истинной Церкви, оно само легло краеугольным камнем в основание новой "церкви лукавнующих" (Псал. 25, 5). По своему образу и подобию построило оно и новые ложные ступени своего представительства, явило миру заместителя, стоящего вне и выше своих доверителей, измыслило собор с заранее готовыми деяниями, собрало в свою пользу лишь те голоса, о которых наперед знало, что они должны звучать в согласии с ним. И эту "срамоту наготы" (Апок. 3, 18), обнаруженную посланием, не в силах прикрыть и совозникший с ним вместе "временный при заместителе" священный синод. Тщетно стремится он сообщить своему председателю подобие патриарха, ибо, согласно соборному постановлению, мыслится именно при таком; вотще пытается он придать вид соборности Вашему посланию, безумны его притязания быть выразителем голоса Церкви. Синод, это только как бы мягкий ковер, которым прикрыты поруганные ступени церковного священноначалия. Они теперь так углажены, что образовали один стремительный скат, по которому Русская Церковь должна низринуться в вырытую для нее Вашим и синодским посланием могильную яму. Но мерзость запустения простирается дальше, она становится на месте святом, проникает в самое святилище христианских та-

инств. Уже за богослужением имя Патриаршего Местоблюстителя возносится словно нехотя, без именованья его "Господином нашим", уже от его заместителя исходят предупреждения о скором совершенном прекращении этого возношения "за отсутствием канонических к тому оснований", уже имя самого заместителя, донныне гласно не поминавшееся в храмах, стало рядом с именем Местоблюстителя и готово вытеснить его, уже имена законных епископов епархий почти повсюду заменяются новыми, насильственно навязываемыми высшей властью, вопреки церковным канонам; отменяется поминовение в темницах и изгнании сущих отцев и братий наших; вводится поминовение самих, отрицающих всяческую веру, гражданских властей, – дело новое и смущающее многие совести, совершается множество иных противоканонических действий.

Итак, Единство Церкви, имеющее, по словам свящ. муч. Игнатия Богоносца, свое внешнее выражение в епископе, а для целой Русской Церкви, следовательно, в патриархе, уже поколеблено в целом Вашим единением с синодом, превысившим свои права до равенства с Вами, по отдельным епархиям – незаконными смещениями местных епископов и заменю их другими, Святость Церкви, сияющая в мученичестве и исповедничестве, осуждена посланием, Ее Соборность поругана, Ее Апостольство, как связь с Господом и как посольство в мир (Иоанн. 17, 18), разрушено разрывом иерархического преемства (отвод м. Петра) и встречным вторжением в Нее самого мира.

Волны этой небывалой церковной неправды бурно домчались до нашего города. Смещен без вины и без суда наш митрополит, о чем Вы, Владыко, знаете подробно, хотя и не внемлете ни ему, ни тем, кто просит о нем. Рукоположен без достаточных оснований и против воли многих православных новый епископ, принимает участие в церковном богослужении другой епископ, запрещенный, совершен ряд других церковных беззаконий, о чем

Вам сообщат на словах податели сего обращения. Наше посольство к Вам, Владыко, ближайшим образом вызвано напором этой волны, но, направляясь к Вам, мы знаем, что восходим к самому источнику всех последних несчастий, ибо он – в Вашем послании, потому мы молим Вас не о нуждах нашей лишь епархии, но и о всей Православной Русской Церкви, членами которой, по милости Божией, являемся, и повторяем то, что нами сказано было в начале: посольство наше к Вам решительное, Вы, Владыко, должны отмежевать себя, как главу Русской Церкви, от собственного своего послания, объявить его выразителем лишь Вашего личного мнения, необязательного для других членов Церкви, согласно постановлению собора 1917–1918 гг. от 2/15 августа 18 г., предоставившему установление тех или иных отношений к вопросам государственным совести самих верующих, ибо Церковь наша законоположениями самой гражданской власти от государства отделена. Кроме того, Вы должны отменить и перерешить все канонически неправильные деяния, совершенные Вами, синодом и по местам епархиальными советами в зависимости от послания.

В настоящий же час нашей встречи мы ждем от Вас просто свидетельства Вашей совести о том, приемлете ли Вы наше обращение или нет, чтобы мы могли оповестить единомысленных нам отцов и братьев, уполномочивших нас явиться к Вам, можно ли нам ждать от Вас возврата нашего прежнего святого бесправия, или наше отречение, которое направлено против Вашего послания и связанной с ним Вашей деятельности, должно, к великому нашему прискорбию, быть перенесенным и на Ваше лицо, и, сохраняя иерархическое преемство чрез м. Петра, мы будем вынуждены прекратить каноническое общение с Вами.

26 – 27 – 28 ноября
9 – 10 – 11 декабря 1927 г. Ленинград»⁴³⁵.

⁴³⁵ ГАРФ. Ф. 5919. Оп. 1 Д. 1. «Дело митрополита Сергия». Л. 170–174.

«ОТВЕТ ВОСТЯЗУЮЩИМ» (1 Кор. 9, 13)⁴³⁶**I****«ВАС МАЛО»****Преп. Феодор Студит**

«Не указывай мне на большинство... Послушай, что говорит божественный Василий к тем, которые судят об истине по большинству. "Кто не осмеливается, – говорит он, – дать основательный ответ на предложенный вопрос и не может предоставить доказательства, и поэтому прибегает к большинству, тот сознается в своем поражении, как не имеющий никакой опоры для смелой речи". И далее: "Пусть хотя один покажет мне красоту истины, и убеждение тотчас будет готово. А большинство, присвояющее себе власть без доказательств, утратить может, но убедить – никогда. Какие тысячи убедят меня считать день ночью, или медную монету признавать золотою и за таковую брать ее, или принимать явный яд вместо годной пищи? Так и в земных вещах мы не станем бояться большинства лгущих; как же в небесных истинах я буду следовать доказательным внушениям, отступив от того, что предано издревле и весьма издревле, с великим согласиём и свидетельством святых писаний. Разве мы не слышали слов Господа: "Мнози звани, мало же избранных" (Мф. XX, 16), и еще: "Узкая врата и тесный путь вводяй в живот, и мало их есть, иже обретают его" (Мф. VII, 14). Кто же из здравомыслящих не желает быть лучше в числе немногих, тесным путем достигших спасения, нежели в числе многих, широким путем несущихся к погибели? Кто не пожелал бы, если бы ему случилось жить во время под-

⁴³⁶ По свидетельству протоиерея Василия Верюжского, этот документ был составлен М. А. Новоселовым весной 1928 года.

вигов блаженного Стефана, быть лучше на стороне его одного, побиваемого камнями и бывшего предметом всеобщих насмешек, нежели на стороне многих, которые, по несправедливому самовластию, считали дело свое правым? Один благоугождающий Богу достойней уважения, нежели тысячи самовольно превозносящихся. Так и в Ветхом Завете мы находим: когда тысячи народа падали от ниспосланного Богом наказания, один "Финеес ста, и умилостиви и преста сечь" (Числ. XXV, 7). А если бы он сказал: как я осмелюсь пойти против того, что согласно делается столь многими, как я подам голос против рассудивших жить таким образом? – то и он не сделал бы доблестного подвига, не остановил бы зла, и прочие не были бы спасены, и Бог не сказал бы своего благоволения. Итак, прекрасно, прекрасно и одному быть по правде дерзновенным и разрушить не-правое согласие многих. Ты предпочитаешь, если угодно, спасающемуся Ною утопающее большинство, а мне позволь с немногими войти в ковчег. Также присоединяйся, если угодно, к числу многих в Содоме, а я пойду вместе с Лотом, хотя он один спасительно отделяется от толпы. Впрочем, для меня почтенно и большинство, не избегающее исследования, но представляющее доказательства, не отмщающее тяжко, но поступающее отечески, не радующееся нововведению, но соблюдающее отеческое наследие. О каком же большинстве ты мне говоришь? О том ли, которое подкуплено лестью и дарами, обманывается по невежеству и неопытности, предано страху и трепету, предпочитает временное греховное наслаждение вечной жизни? Это многие выразили явно. Не ложь ли ты поддерживаешь большинством? Этим ты показал чрезмерность зла. Ибо чем большее число людей находится во зле, тем большее несчастье» (Творения, 1908, т. II, стр. 302–303, «К Афанасию сыну»).

Св. Максим Исповедник

«Значит, ты один спасешься, – возразили монофелиты преп. Максиму, отказавшемуся от общения с ними, – а все прочие погибнут?»

Святый ответил на это: «Когда все люди поклонялись в Вавилоне золотому истукану, три святые отрока никого не осуждали на гибель. Они не о том заботились, что делали другие, а только о самих себе, чтобы не отпасть от истинного благочестия (Прор. Дан., гл. 3). Точно так же и Даниил, брошенный в ров, не осуждал никого из тех, которые, исполняя закон Дария, не хотели молиться Богу, а имел в виду свой долг и желал лучше умереть, чем согрешить и казниться пред своею совестью за преступление Закона Божия (гл. 14, ст. 31 и след.). И мне не дай Бог осуждать кого-либо или говорить, что я один спасусь, однако же я согласен скорее умереть, чем, отступив в чем-либо от правой веры, терпеть муки совести».

– Но что ты будешь делать, – сказали ему посланные, – когда римляне соединятся с византийцами? Вчера ведь пришли из Рима два апокрисиария и завтра, в день воскресный, будут причащаться с патриархом Пречистых тайн.

Преподобный ответил:

– Если и вся вселенная начнет причащаться с патриархом, я не причащусь с ним. Ибо я знаю из писаний св. Апостола Павла, что Дух Святый предает анафеме даже Ангелов, если бы они стали благовествовать иначе, внося что-либо новое. (Гал. 1, 8). (Жития Святых, 21 января, стр. 709–710).

Св. Антоний Великий

«Настанет некогда время, – изрек св. Антоний Великий, – и человеки вознегодуют. Увидев не подверженного общей болезни, восстанут на него, говоря: "Ты

по преимуществу находишься в недуге, потому что не подобен нам" ("Отечник", 41)».

К этим словам св. Антония еп. Игнатий Брянчанинов делает такое примечание: «Здесь весьма не лишним будет заметить, что этому одному надо очень остерегаться помыслов ложного смиренномудрия, которые не преминут быть предъявлены ему демонами и человеками, орудиями демонов. Обыкновенно в таких случаях плотское мудрование возражает: неужели ты один прав, а все или большая часть людей ошибаются? Возражение – не имеющее никакого значения. Всегда немногие, весьма немногие шествовали по узкому пути; в последние дни мира путь этот до крайности опустеет».

Это разъяснение и предостережение еп. Игнатия следует очень запомнить нам. Разве не испытали мы на себе правды его слов в период недавнего распространения дерзкого живоцерковничества? Сейчас их правда сказывается еще ярче в отношении не менее дерзкого Сергиянского нечестия, которое подобно обновленчеству, но еще хитрее – лестью, лукавством и всяческим насилием (церковным и гражданским) – ведет брань с немногочисленными своими противниками, мужественно отвергшими это нечестие и его церковных прелюбодейных служителей. В будущем предстоят, вероятно, еще большие искушения подобного рода.

II

«ВЫ НАРУШАЕТЕ МИР ЦЕРКВИ»

Св. Григорий Богослов

... Они-то и ведут открытую борьбу со священниками... С кем бывает сие потому, что он стоит за веру, за самые высокие и первые истины, того я не порицаю и, если сказать правду, того хвалю и радуюсь с ним. Я же-

лал бы и сам быть в числе подвизающихся и ненавидимых за истину... Ибо похвальная брань лучше мира, разлучающего с Богом. Посему и Дух вооружает кроткого воина (Иоиль III, II), как способного хорошо вести войну. (Творения, ч. I, стр. 54).

Да не подумают, будто бы я утверждаю, что всяким миром надобно дорожить. Ибо знаю, что есть прекрасное разномыслие и самое пагубное единомыслие; но должно любить добрый мир, имеющий добрую цель и соединяющий с Богом... Но, когда дело идет об явном нечестии, тогда должно скорее идти на огонь и меч, не смотреть на требования времени и властителей, и вообще на все, нежели приобщиться лукавого кваса и предлагаться к зараженным. Всего страшнее – бояться чего-либо более, нежели Бога, и по сей боязни служителю истины стать предателем учений веры и истины (Творения, ч. I, стр. 192).

Св. Максим Исповедник

«Хорошо быть в мире со всеми, но под условием единомыслия относительно благочестия: тогда мир лучше брани, когда из него выходит согласие на добро. Но то, что называют некоторые вселенским миром, есть скорее разделение, чем мир. По моему мнению, тогда это слово будет соответствовать делу, когда мы не будем идти в разлад с мнениями Отцов, не будем поступать вопреки их постановлениям».

III

«ВСЕ СТАРЦЫ, т. е. РАЗУМ ДУХОВНЫЙ, ПРОТИВ ВАС»

Неправда. Два старейших за нас.

Один их них в беседе, продолжавшейся два часа, изрек между прочим следующее: «Если идти за м. Сергием, то Церковь Российская ложная. Нужно держать-

ся истины. Будем лавировать – будет ложь». «Как действовали, так и действуйте, – заповедал старец своему собеседнику, отколовшемуся от м. Сергия, – я очень рад, что вы идете против лжи; иначе, простите, я не принял бы вас к себе».

Беседа происходила в присутствии свидетелей, сергиян.

Другой старец, имя которого, как уже скончавшегося (29 апреля текущего года), можно назвать открыто, оптинский иеросхимонах Нектарий, – направлял духовных детей своих, по крайней мере некоторых (мы говорим об известных нам), в храмы, отошедшие от м. Сергия, как московские, так и петроградские.

Незадолго до кончины о. Нектария его спросили: «Давать ли знать в Козельск (где живут оптинские иноки) в случае его смерти?» – «Не надо», – ответил старец. – «Не послать ли за о. Дионисием (духовник старца)?» – «Не надо. Козельск стал на ложный путь», – сказал старец по поводу исполнения тамошними иноками указа о поминовании м. Сергия и властей (из письма оптинского инокa).

Есть и другие так наз. старцы, которые с нами, но именовать их мы затрудняемся, ибо «востязующие» в одном лагере с врагами Церкви Божией.

Нелишне заметить, что за последнее время развелось слишком много «старцев», потому что мало разбирающиеся в духовном люди, особенно женщины, жадно и неразборчиво ищущие, к чьим бы стопам припасть, награждают титулом старца лиц весьма сомнительной духовности, едва ли обладающих «духовным разумом».

IV

«ВАС НЕ СМУЩАЕТ, ЧТО ГОЛОС ИСПОВЕДНИКОВ, К КОТОРОМУ ВСЕГДА ПРИСЛУШИВАЛАСЬ ЦЕРКОВЬ, НЕ ЗА ВАС?»

Есть исповедники – и исповедники. Это во-первых. Во-вторых, есть исповедники на севере, юге и в центре

России, которые с нами. В-третьих, за самое последнее время явились исповедники, иже и от нас изыдоша, как напр<имер> еп. Виктор, отправленный в Соловки, еп. Иерофей, умерший от раны, и некоторые пастыри и миряне.

Что касается других исповедников, то очень многие из них также против м. Сергия, хотя еще и не отложились от него – по разным причинам.

Дело наше в развитии, и время покажет, кто с кем будет впоследствии. Если же имеются некоторые исповедники, осоюзившиеся с м. Сергием и его Синодом, продавшие первородство своего о Христе исповедничества за чечевичную похлебку управления «советскими» епархиями, то мы не смущены тем, что они против нас, но жалеем, что они не за Церковь Христову. Исповедники должны помнить, что «претерпевший до конца той спасен будет» (Мк. 13, 13).

V

«ИЗВЕСТНО ЛИ ВАМ, ЧТО М. СЕРГИЙ НАХОДИТСЯ В ЦЕРКОВНОМ ОБЩЕНИИ С КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИМ ПАТРИАРХОМ ВАСИЛИЕМ, КОТОРЫЙ ПРИСЛАЛ ЕМУ ОТВЕТНУЮ КРАТКУЮ ГРАМОТУ ОТ 7-го ДЕКАБРЯ 1927 г.»⁴³⁷

Известно. Но нам известно и то, что однородная грамота от П. Василия получена и митрополитом Вениамином, председателем раскольниковского обновленческого Синода. Святейший не отличает, по существу, сергиянства от обновленчества, что очевидность. Вытекает из следующих слов его Послания к м. Сергию: «Благодатью Божиею теперь проникает в обеих ориентациях единый дух», – и далее: «Бог благоволил, чтобы во главе церковного управления, в обеих великих час-

⁴³⁷ В другом списке данного текста в томе IV того же дела добавлено: «Или для вас не имеет значения авторитет вселенского патриарха?»

тях, оказались ныне почтенные иерархи, воспитанные на точных православных преданиях и ревностно их охраняющие, и поступающие по ним, и получившие власть по всей Церкви Российской. Да будет счастлива эта совместная власть, как дарованный Богом мост, соединяющий разделенное и приводящий к единению».

Если Св. Патриарх говорит это иронически, то при всей неуместности иронии в данном случае нельзя было бы не подивиться патриаршей прозорливости, которая дает ему возможность из Константинополя усматривать ту сергианскую «тайну беззакония», которая сближает и сродняет м. Сергия с обновленцами и которой не хочет видеть большинство епископов, живущих в России.

Но Вселенский Патриарх говорит серьезно и, действительно, поддерживает церковное общение и с давно выявленными старообновленцами, и с выявленными за последний год новообновленцами сергиянами. Поэтому его голос не имеет для нас значения⁴³⁸.

VI

«БОЛЬШИНСТВО АРХИПАСТЫРЕЙ И ПАСТЫРЕЙ ПРОТИВ ВАС»

В. В. Болотов

Собор 754 года, на котором присутствовало 338 епископов, т. е. почти весь епископат Византийской Империи, осудил чествование святых икон...

Дается одно объяснение этого: в иконоборчестве «сатана явился в образе ангела света», почему и могли принимать иконоборство за учение правое (т. IV, стр. 507).

⁴³⁸ Текст из т. IV заканчивается фразой: «Какой же может быть разговор о его церковном авторитете».

Преп. Серафим

«Господь открыл мне, – сказал однажды в глубокой скорби преп. Серафим, – что будет время, когда архиереи земли русской и прочие духовные лица уклонятся от сохранения православия во всей его чистоте, и за это гнев Божий поразит их. Три дня стоял я и просил Господа помиловать их, и просил лучше лишить меня, убогого Серафима, Царства Небесного, нежели наказать их. Но Господь не преклонился на просьбу убогого Серафима и сказал, что не помилует их, ибо будут учить учениям и заповедям человеческим, сердца же их будут отстоять далеко от Меня» (Душеполезное Чтение, 1912 г., стр. 242–243).

Кто, как не обновленцы и сергияне (новообновленцы, по терминологии органов советской власти), учат «учениям и заповедям человеческим», воздавая Божие Велиарови?!

М. Филарет

... «Ах, Преосвященный, – пишет м. Филарет своему викарию, епископу Иннокентию, – как время наше походит на последнее. Соль обуюает. Камни святилища попадают в грязь на улицу. С горем и страхом смотрю я в нынешнюю бытность мою в Синоде на изобилие людей, заслуживающих лишения сана».

Епископ Игнатий (Брянчанинов)

В высших пастырях Церкви осталось слабое, темное, сбивчивое, неправильное понимание по букве, убивающей духовную жизнь в христианском обществе, уничтожающей христианство, которое есть дело, а не буква.

Волки, облеченные в овечью кожу, являются и познаются от дел и плодов своих. Тяжело видеть, кому вверены или кому попались в руки овцы Христовы, кому предоставлено их руководство и спасение. Но это – попущение Божие. «Сущие во Иудеи да бежат в горы».

VII

СОГЛАСИЕ ПОЧТИ ВСЕГО ЕПИСКОПАТА И СВЯЩЕНСТВА
С М. СЕРГИЕМ ЯВЛЯЕТСЯ СОБОРНЫМ ГОЛОСОМ ЦЕРКВИ:
ОН ОДОБРЯЕТ НОВЫЙ ПУТЬ М. СЕРГИЯ

«ПОСЛАНИЕ ВОСТОЧНЫХ ПАТРИАРХОВ»
от 6 января 1848 года

«У нас ни патриархи, ни соборы не могли никогда ввести что-нибудь новое, потому что хранителем веры у нас самое тело Церкви, т. е. самый народ».

А. С. Хомяков

«Бывали соборы еретические, каковы, например, те, на которых составлен был полуарианский символ; соборы, на которых подписавшихся епископов насчитывалось вдвое больше, чем на Никейском; соборы, на которых императоры принимали ересь, патриархи провозглашали ересь, папы подчинялись ереси. Почему же отвергнуты эти соборы, не представляющие никаких наружных отличий от соборов вселенских? Потому единственно, что их решения не были признаны за голос Церкви всем церковным народом, тем народом и в той среде, где в вопросах веры нет различия между ученым и невеждою, церковником и мирянином, мужчиною и женщиною, государем и подданным, рабовладельцем и рабом, где, когда это нужно, по усмотрению Божию, отрок получает дар видения, младенцу дается слово премудрости, ересь ученого епископа опровергается безграмотным пастухом, дабы все были едино в свободном единстве живой веры, которая есть проявление духа Божия» (т. II, изд. 3-е, стр. 71–72).

Преп. Феодор Студит

«Собор есть не просто собрание епископов и священников, хотя бы их и много было, — ибо сказано:

лучше один праведник, творящий волю Господню, нежели тысяча грешников (Сирах. XVI, 3), – но собрание во имя Господа для мира и соблюдения правил... Пусть собравшиеся докажут, что они так поступали, и тогда мы будем вместе с ними... Слово Божие, по свойству своему, не вяжется (2 Тим. II, 9), и епископам отнюдь не дана власть преступать какое-нибудь правило, – а только следовать постановлениям и держаться прежнего» («К Феоктисту магистру», т. II, стр. 247).

Епископ Игнатий (Брянчанинов)

«Церковь имеет свои иерархические уставы, данные ей Апостолами по заветанию Богочеловека. Уставов этих никакая власть отменить не может: всякое отменение признается беззаконием и насилием. Молчание пред насилием власти никак не есть выражение согласия: раскол может быть не только видимым, но и невидимым; этот невидимый раскол имеет на стороне своей церковную правду, которой не может изменить ни один христианин в душе своей, доколе остается истинным христианином» (Леонид Соколов. «Епископ Игнатий Брянчанинов», ч. 2-я, «Приложения», стр. 67).

Св. Иоанн Златоуст

И мирянам и священникам нужно ратовать за истину и подвизаться против нарушителей, по писанию, которое гласит: «Подвизайся за истину, и Господь Бог поборет по тебе».

VIII

«ОТСТУПАЯ ОТ М. СЕРГИЯ, ВЫ РАЗРЫВАЕТЕ СВЯЗЬ
С М. ПЕТРОМ, ИБО М. СЕРГИЙ ЕГО ПРЕЕМНИК,
И С ЦЕРКОВЬЮ, ИБО ОТХОДИТЕ ОТ ПРАВЯЩЕГО ЕПИСКОПА»

Св. Григорий Богослов

По приговору всего народа... возводится Афанасий на престол Марка (св. Евангелиста Марка, первого епи-

скопа в Александрийской Церкви) преемником его первоседательства, а не менее и благочестия; ибо хотя и далек от него в первом, однако же близок в последнем. А в этом собственно и надобно поставлять преемство; ибо единомыслие делает и единопрестольными, разномыслие же разнопрестольными. И одно преемство бывает только по имени, а другое в самой вещи. Ибо тот истинный преемник, кто... не противного держится учения, но ту же содержит веру; если только называешь преемником не в том смысле, в каком болезнь преемствует здравью, мрак – свету, буря – тишине, исступление – здравомыслию. (Творения, т. I, стр. 309; изд. П. П. Сойкина. Слово 21-е, похвальное Афанасию Великому, архиепископу Александрийскому).

Преп. Феодор Студит

«Мы не отделяемся от Церкви, которая от севера, и запада, и моря (Исайя 49, 12), а только от одобривших прелюбодеяние; а они – не Церковь Господня; если же они – Церковь, то мы отделяемся от этой церкви... А так как они не Церковь Божия, то по истине они отделяются от Церкви Божией»... (Письмо к брату Иосифу, епископу Солунскому).

«У нас не отделение от Церкви, но защищение истины и оправдание божественных законов» (письмо к Василию монаху).

Следует заметить, что преп. Феодор отделился от св. Патриарха Никифора и целого собора епископов и однако утверждал, как видно из приведенных выше слов его, что не он, а они отделяются от Церкви Божией.

IX

**«КАК ВЫ ДЕРЗАЕТЕ НЕ ПРИНИМАТЬ ЗАПРЕЩЕНИЙ
В СВЯЩЕННОСЛУЖЕНИИ, НАЛАГАЕМЫХ М. СЕРГИЕМ?»**

«Епископам всякого народа подобает знати первого их них и признавати его, яко главу, и ничего превы-

шающего их власть не творити без его рассуждения... Но и первый ничего да не творит без рассуждения всех» (Апост. 34).

Поскольку «первым» епископом Русской Церкви является м. Петр, постольку м. Сергей обязан, вводя, по собственному выражению, «новый курс церковной политики» (см. п. 1. его ответа от 1-го декабря 1927 г. на обращение к нему петроградского духовенства и мирян), «творити» сие с ведения и «рассуждения» м. Петра, а поскольку он сам является временным представителем первого епископа, он должен был вся «творити» с «рассуждением всех» епископов.

Таков же смысл и 9-го правила Антиохийского Собора о том, что ни один епископ «да не покушается что-либо творити без епископа митрополии, а также и сей без согласия прочих епископов».

Таким образом, обвинение отступивших от м. Сергия предваряется и снимается встречным обвинением самого м. Сергия, отступившего от своего первого епископа м. Петра, которого он перестал именовать «господином», а по имеющимся у него достоверным сведениям предполагал и совершенно прекратить возношения его имени за богослужением, и был удержан от этого именно отходом от него верных святым канонам Церкви сынов Ея. Посему отход от м. Сергия есть выражение верности м. Петру – первому епископу, и прещения, налагаемые м. Сергием на непокорных, являются несправедливыми, по выражению 28-го Апост. Правила.

Но преступление м. Сергия заключается не в одних канонических правонарушениях в отношении церковного строя, как было уже не раз показано в различных «обращениях» к нему, и в особенности в одном подробном ученом разборе всего дела м. Сергия (см. также и здесь пар. XV), оно касается самого существа Церкви. Именно, в своей Декларации м. Сергей как бы исповедал, а в делах осуществляет незаконное слияние Божьего и кесарева, или, лучше, Христова с антихристовым,

что является догматическим грехом против Церкви и определяется как грех, апостасия, т. е. отступничества от Нея. Поэтому в отношении запрещений, исходящих от м. Сергия, к нему применимо и 3-е правило 3-го Всел. Собора, в котором святые отцы постановляют: «Вообще повелеваем, чтобы единомудрствующие с православным и вселенским собором члены клира отнюдь никаким образом не были подчинены отступившим или отступающим от православия епископам».

На этом же основании и обращаемое м. Сергием против отступающих от него 15-е правило Двукр. Собора всей тяжестью обрушивается на него самого – и не только дает право, но и возлагает нравственную обязанность на верных чад Церкви Христовой прекращать с ним церковное общение.

Строго говоря, самые запрещения, исходящие от м. Сергия, являются лишь простым каноническим обличием той политической угрозы, которая высказана в декларации в отношении инакомыслящих с ним по вопросу об отношении Св. Церкви и мирской власти.

Х

**«ВЫ РАЗРЫВАЕТЕ ЗЛАТУЮ ЦЕПЬ ЦЕРКОВНОГО ПОСЛУШАНИЯ,
КОТОРЫМ ДЕРЖИТСЯ ЕДИНСТВО ЦЕРКВИ»**

История Церкви начинается с непослушания Апостолов первосвященникам и гибели еврейского народа, который остался им послушным.

А сколько христиан – за 20 веков – с уснувшей совестью послушно следуя за своими патриархами и епископами, оказались не в Церкви, а в самочинных сборищах, гибли еретиками. Это известно всем. Напомним только пример последних лет. Вспомним, многие успокаивали себя и других, что нужно оказать послушание, раз Патриарх в заключении, оставшимся на свободе епископам Антонину, Леониду и др. Известно, что в провинции, где многие законные епископы стали обновленцами, их паст-

ва успокаивала себя послушанием законному своему Богом данному епископу – и шла в живоцерковье. Вспомним, что неканоничность ВЦУ была засвидетельствована законной нынешним «первоиерархом» м. Сергием вместе с м. Евдокимом и другими епископами. Голоса «непослушных» первоначально были одиноки.

Обращаясь к настоящему времени, посмотрим, куда ведет путь современного послушания. Это легко видеть из следующего ряда положений, едва ли подлежащих оспариванию.

Послушным исполнителем внушений «князя мира сего» является «некто в красном», у которого в рабской покорности находится м. Сергей с Синодом; м. Сергию и Синоду покорствуют «нижайшие послушники» – епископы, епископам – архимандриты, игумены, иеромонахи, протоиереи, иереи, низшие клирики и пресловутые старцы, руководители множества душ христианских. К кому же подводит этот путь послушания? Судите сами.

Воистину, «Ин путь мняйся благий, а конец его во дно адово».

Что же в Церкви каждый волен следовать своей совестью и разуму, не считаясь ни с чем? В чем же тогда наша разница с протестантами? Она не в том, что мы должны оказывать слепое послушание людям, хотя бы и облеченным иерархическими полномочиями, а в том, что мы верим в Церковь и ее предание и проверяем и просветляем свою совесть и разум совестью и разумом соборными, церковными, но не упраздняем свою совесть и разум.

XI

«А КАК ВЫ СМОТРИТЕ НА ПУТЬ ЕП. ГРИГОРИЯ (Петроград) и О. СЕРГИЯ МЕЧЕВА (Москва) И ИЖЕ С НИМИ, КОТОРЫЕ В СВОЕМ ПРОТЕСТЕ ОГРАНИЧИВАЮТСЯ ОТВЕРЖЕНИЕМ УКАЗА О ПОМИНОВЕНИИ М. СЕРГИЯ И ВЛАСТЕЙ?»

Эти люди занесли ногу через порог «блудилища», устроенного м. Сергием и его Синодом, но не имеют сил

выйти из него, опутав себя канонами, которые являются для них не оградой церковной правды, а кандалами последней. «М. Сергей затягивает петлю на Русской Церкви, но мы бессильны противиться, т. к. он каноничен». – Чудовищные слова.

Одной рукой они пытаются держаться за Невесту Христову, а другой объемлют любодейцу; одной ноздрей желают вдыхать благоухание Христова Царства, а другой втягивают в себя смрад сергианского нечестия, утверждаясь на непоминовении м. Сергия, как на какой-то панацее от церковных зол, как на некоей спасительной догматической истине; надо шоры, чтобы не видеть в словах и деяниях м. Сергия того, что собственно и делает невозможным молитвенное и каноническое общение с ним – его отступничество и воскурение фимиама на антихристовом жертвеннике и в дальнейшем папистское самоуправство с беззастенчивым пренебрежением церковных правил – эти люди являют себя по истине – вождями слепыми, оцеживающими комара, а верблюда поглощающими (Мф. 23, 24).

Епископам этого толка и севшим в нору «неповиновения», не мешает приводить себе на память слова св. Иоанна Златоуста о св. Евстафии (см. XII).

XII

«НЕ ДЕЛО ЕПАРХИАЛЬНЫХ И ТЕМ БОЛЕЕ ВИКАРНЫХ
ЕПИСКОПОВ САМОВОЛЬНО ВМЕШИВАТЬСЯ В ОБЛАСТЬ ВЦУ»

Св. Иоанн Златоуст

«Св. Евстафий, епископ Антиохии Великой, был хорошо научен благодатию Духа, что предстоятель Церкви должен заботиться не о той одной Церкви, которая вручена ему Духом, но и о всей Церкви по вселенной. Этому научился он из священных молитв. "Если должно, – го-

ворил он, – творить молитвы за вселенскую Церковь, от концов до концов вселенной, то тем более должно проявлять и попечение о ней о всей, равно заботиться о всех церквях и пещись о всех"» (т. II кн. 2-я, стр. 660, «Похвала св. Евстафию». Св. Киприан Карфагенский: Епископство одно и каждый из епископов в нем участвует («О единстве Церкви», Творения, т. II, стр. 174).

XIII

«КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ К М. СЕРГИЮ И ЕГО СИНОДУ ЯРОСЛАВСКИХ АРХИПАСТЫРЕЙ?»

Смысл отходов от м. Сергия и его Синода в том, что отходящие выводят чистую Невесту Христову из сергиянского «блудилища», в которое, со времени Декларации, многообразными способами – лжи, прельщений, угроз и насилий – пытаются вовлечь Ея осознанные с богоборным миром и предавшие ему Церковь Божию «прелюбодеи» (Иак. 4,4; Гал. 1, 10; Иезек. 23, 37; Иер. 23, 14; Ос. 2).

Отсюда ясно, какое значение имеет возврат ярославцев, если он действительно состоялся. И, в последнем случае, не мимо их идет слово Апостольское: «Лучше бо им не познати пути правды, нежели познавшим возвратитися вспять...»

Но дело церковных переметчиков этим не ограничивается. Спровоцировав чад Церковных своим отходом, они предали их своим возвратом, предоставляя им одним идти путем крестным, а для себя избрав путь житейского беспечалия. Начав Симоном Киренейским, кончили Иудой Искаротским. Но Бог поругаем не бывает. «Что посеет человек, то и пожнет» (Галл. 6, 7).

«Истина же пребывает, и вознемогает во век, и живет, и обладает в век века. И несть у нея приятия лица, не различия, но правая творит, и от всех неправедных и лукавых огребається... И несть в суде ея ничтоже неправедно и сия крепость, и царство, и власть, и величество всех веков. Благословен Бог истины» (Езд. 2, 38–40).

XIV

**«ПОЧЕМУ ПЕТРОГРАДСКИЕ "ОТЩЕПЕНЦЫ"
НЕ ПРИНИМАЮТ М. СЕРАФИМА (ЧИЧАГОВА)?»**

Св. Иоанн Златоуст

... «Слышал и я об этом плуте Арсакие, которого императрица посадила на кафедру, что он подверг бедствиям всю братию, не пожелавшую иметь с ним общения, многие таким образом даже умерли из-за меня в темнице. Этот волк в овечьей шкуре, хотя и по наружности епископ, но на деле прелюбодей, п. ч. как женщина, при живом муже живя с другим, становится прелюбодейцею, так равно прелюбодей он, не по плоти, но по духу, еще при моей жизни восхитивший мою церковную кафедру» (Твор. Св. Иоанна Злат. СПб. 1912 г., т. III, стр. 727–729).

XV

**«ЧТО ПРЕСТУПНОГО СОВЕРШИЛ
М. СЕРГИЙ ПРОТИВ ЦЕРКВИ?»**

По слову св. Киприана Карфагенского она, «Невеста Христова», искажена быть не может: она чиста и не растленна, знает один дом и целомудренно хранит святость единого ложа. Поэтому всякий, отделяющийся от Церкви, присоединяется к жене – прелюбодейце и делается чуждым обетований Церкви («О единстве Церкви», Творения, т. II, стр. 174).

Епископ из ссылки

«М. Сергей вступил в блок с антихристом, нарушил каноны и допустил равное отступничеству от Христа малодушие или хитроумие» (Май, 1928 г.). (См IX, XII и др.).

Из письма клирика

Если ты задумывался когда-нибудь над смыслом, значением и силой слова человеческого, особенно слова, изрекаемого человеком крещеным, т. е. «облеченным во Христа», «со Христом сочетавшимся», «Христа имущим в себе живуща», то ты должен был остановиться благоговейной мыслию на тесной связи слова человеческого со Словом Ипостасным. И если, по речению Апостола, «язык» грешника – «огонь, прикраса неправды» и «в таком положении находится между членами нашими, что оскверняет все тело» (Иак. 3, 6), то слово благоговейного христианина, освоенное благодатью Христовою, изводит истину и святую, являясь не только словом твари, но и Творца, Извечного Слова, в твари глаголющего (Преп. Макарий Егип.). Отсюда великость греха словесного, по существу столь немногими сознаваемая. Отсюда эти бесчисленные, по всему Св. Писанию, Ветхозаветному и Новозаветному рассыпанные наставления о бережном и святом пользовании словом, сим величайшим и таинственным даром «Подателю всякого блага».

Этими замечаниями я предваряю свой краткий ответ на поставленный тобою вопрос, что преступного я вижу в Декларации м. Сергия и его Синода.

Я вижу в ней принесение предстоятелями Церкви, от лица Церкви, «словесной жертвы» антихристу, воскурение фимиама на его жертвеннике. Причем и различаю в этом страшном акте четыре стороны, четыре рода жертв. В целом, или – по основной цели своей, Декларация есть жертва умиловительная, но она включает в себе три рода жертвоприношений, относящихся к основной жертве, как средство к цели. Эти жертвы следующие: благодарственная, искупительная и всесожжения.

Дым жертвы благодарения, подобно удушливым газам, такими густыми клубами стелется по земле, что не заметить его, не почувствовать – невозможно.

Жертва искупительная приносится более сокровенно, и ея не менее, если не более, ядовитый, но не столь острый запах проникает в души медленнее, не так заметно, но так же верно причиняет страдания, а иногда и смерть. На жертвенник «князя мира сего» возложены исповедники Христовы обесценением их Христоподражательного подвига, оклеветанием самого крестного пути их. Это похуление правды Христовой в живых носителях ея, запечатлевших верность ей исповедничеством (и даже мученичеством), обессиливая страдальцев за Имя Христово, вводит расслабляющий души яд и в тех, кому еще предстоит сей крестный путь.

Эти жертвы – благодарственная и искупительная, являясь как бы предварением жертвы умиловительной, должны сообщить последней силу и действенность.

Наконец, всепокрывающим чадом распространяется по лицу некогда святой земли нашей и нисходит в преисподнюю курение жертвы всежжения. Смысл этой словесной, как и три другие жертвы, может быть выражен в следующих словах церковного молитвословия с необходимой, разумеется, заменой утверждения – отрицанием: «Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию, со всеми святыми забвению предавшие, сами себе и друг друга и весь живот наш князю мира сего предадим»⁴³⁹.

Есть и другая разница между ними: жертвоприношения дальних времен достигали своей цели: умиловляли тех, кому приносились – чего никак нельзя сказать о жертвах нашего времени.

Раз навсегда следует запомнить, что, судя по-человечески, вина членов Синода, подписавших Декларацию и соуправляющих м. Сергию, нисколько не меньше,

⁴³⁹ Подтверждение этих бегло набросанных мною мыслей, в ответ на твой вопрос, ты легко умотришь, внимательно и вдумчиво читая Декларацию.

если не больше, вины м. Сергия, который, сидя в тяжком заключении, вынужден был на отступничество, тогда как члены Синода на свободе сравнительно добровольно приложили руку к черному делу. Имена их: Серафим, м. Тверской; Сильвестр, архиеп. Вологодский; Алексей, архиеп. Хутынский, управ. Новгор. епархией; Анатолий, архиеп. Самарский; Павел, архиеп. Вятский; Филипп, архиеп. Звенигородский, управ. Московской епархией; Константин, еп. Сумский, управ. Харьковской епархией.

Само собой разумеется, что причастниками измены Христу и Его Церкви, совершенной м. Сергием и его Синодом, являются и прочие епископы, церковно со-трудничающие им. Немалая, конечно, вина лежит и на низшем духовенстве, которое покорствуя отступникам, своим лжепослушанием утверждая и укрепляя «тайну беззакония».

Св. Иоанн Богослов

«И я стал на песке морском и увидел выходящего из моря зверя... и дал ему дракон силу свою и престол свой и великую власть... и дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонились дракону, который дал власть зверю, и поклонились зверю, говоря: "Кто подобен зверю сему. И кто может сразиться с ним?" И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно... и отверз он уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его, и жилище Его, и живущих на небе. И дано было ему вести войну со святыми и победить их; и дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком, и племенем. И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира... Здесь вера и терпение святых.

И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил как дракон. Он действует пред ним со всею властью первого зверя, и заставляет всю землю и живущих на ней поклониться первому зверю» (Апок. XIII, 1–12).

«И жена держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзости и нечистотою блудодействия ея; и на челе ея написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным. Я видел, что жена упоена была кровию святых и кровию свидетелей Иисусовых, и, видя ее, дивился удивлением великим...» (XVII, 3–6).

«После сего я увидел иного Ангела, сходящего с неба и имеющего власть великую. Земля осветилась от славы его. И воскликнул он сильно, громким голосом, говоря: "Пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птице..."

И слышал я иной голос с неба, говорящий: "Выйди от нея, народ Мой, чтобы не участвовать вам в грехах ея, и не подвергнуться язвам ея. Ибо грехи ея дошли до неба, и Бог вспомнил неправды ея..."

Она говорит в сердце своем: "Сижу царицею, я не вдова, не увижу горести". За то в один день придут на нее казни, смерть и плач, голод, и будет сожжена огнем п.ч. силен Господь Бог, судящий ее"» (XVIII, 1–8).

Оберлен

«Церковь Христова, это невеста без пятен и порока, это светозарное явление, представляющее в последние времена положительный результат всей истории человечества, не одна стоит на последнем плане настоящего домостроительства, но рядом с нею поднимаются другие фигуры, и все они темные сыны мрачного царства. Драгоценные дары Божии, данные человеку, попораны; христианство выродило из себя любодейцу, государство превратилось в лютого зверя, напрягающего против Христа все свои силы, а наука и образованность сделались лжепророком...

Эти три проявления неверия последних времен ответственны трем составным частям человеческой при-

роды: первый зверь – телу, лжепророк ("другой зверь" – Апок. XIII, 2) – душе, а любodeйца – духу...

Но если антихристианство последних времен должно проявить себя под этими тремя главными формами, то не менее верно, что эти формы можно сократить в две, потому что лжепророк есть такой зверь, и между ним и первым зверем, как между душой и телом, есть внутренняя связь. Церковь падшая и мир падший, ложное христианство и антихристианство – таковы два явления, которыми оканчивается история греха. Часто спрашивают, в чем будет состоять последнее великое восстание: за искажением ли Евангелия или в открытой брани на Евангелие? Наш ответ такой: последнее восстание будет состоять в соединении ложного христианства с антихристианством, ибо любodeйца сидит на звере». («Пророк Даниил и Апокалипсис св. Иоанна». Тула, 1882 г.).

Писано это было в 1857 году, т. е. за три четверти века до нашего времени.

XVI

«ВЫ СКЛОННЫ ПРЕУВЕЛИЧИВАТЬ ЗЛО И ОПАСНОСТЬ, – И НЫНЕШНЕЕ ВРЕМЯ НЕ ПОХОЖЕ ЕЩЕ НА ПОСЛЕДНЕЕ»

Митрополит Филарет

«Братия, да внимаем времени сему, чтобы возбудить себя от небрежения и дремания. Шатаются языцы. Людие поучаются тщетным. Из христианских обществ исходят мужие, глаголющие развращенная. Безрассудные хуления провозглашаются, как мудрость. Соблазн и беззаконие открывают себе широкие пути. В таких обстоятельствах особенно требуются живые жертвы, за себя и за других, подвижающихся в покаянии, молитвах и исправлении» (Пасхальное письмо наместнику и братии).

«Что за время, Преосвященнейший. Не то ли, в которое ведомо стало диаволу, яко время мало имать. Ибо

по людям искушаемым видно, что он имеет ярость великую... Вообще дни сии кажутся мне днями искушений, и я боюсь еще искушений впереди, потому что люди не хотят видеть искушений окружающих и ходят между ними, как будто в безопасности» (Из писем к викарию, епископу Иннокентию).

Еп. Игнатий Брянчанинов

«Времена чем далее, тем тяжелее. Христианство как Дух, неприметным образом для суетящейся и служащей миру толпы, очень приметным образом для внимающих себе, удаляется из среды человечества, предоставляя его падению его.

Совершается предречение Писания об отступлении от христианства народов, перешедших к христианству от язычества.

Отступничество предсказано со всею ясностью Св. Писанием и служит свидетельством того, сколько верно и истинно все сказанное в Писании.

Отступление попущено Богом: не покусись остановить его немощною рукою твоею. Устранись, охранись от него сам: и этого с тебя достаточно. Ознакомься с духом времени, изучи его, чтобы по возможности избежать влияния его.

Отступление начало совершаться с некоторого времени очень быстро, свободно и открыто. Последствия должны быть самые скорбные. Воля Божия да будет!

Милосердный Господь да сохранит остаток верующих в Него. Но остаток этот скуден: делается скуднее и скуднее.

Дело православной веры можно признавать приближающимся к решительной развязке... Одна особенная милость Божия может остановить нравственную всегубящую эпидемию, остановить на некоторое время, потому что надо же исполниться предреченному Писанием.

Судя по духу времени и по брожению умов, должно полагать, что здание Церкви, которое колеблется уже

давно, поколеблется страшно и быстро. Некому остановить и противостать. Предпринимаемые меры поддержки заимствуются из стихии мира, враждебного Церкви. И скорее ускорят падения Ея, нежели остановят.

Не от кого ожидать восстановления христианства. Сосуды Святого Духа иссякли окончательно повсюду, даже в монастырях, этих сокровищницах благочестия и благодати, а дело Духа Божия может быть поддерживаемо и восстанавливаемо только его орудиями. Милосердное долготерпение Божие длит время и отсрочивает решительную развязку для небольшого остатка спасающихся, между тем гниющее и почти согнившее достигает полноты тления. Спасающиеся должны понимать это и пользоваться временем, данным для спасения, "яко время сокращено есть", и от всякого из нас переход в вечность не далек.

К положению Церкви должно мирствовать, хотя вместе должно и понимать его. Это попущение свыше... Старец Исайя говорил мне: "Пойми время. Не жди благоустройства в общем церковном составе, а будь доволен тем, что предоставлено в частности спастись людям, желающим спастись"».

Епископ Феофан Затворник

«... Будет часть и содержащих истинную веру, как она передана св. Апостолами. Но и из этих немалая часть будет по имени только правоверными, в сердце же не будет иметь того строя, который требуется верою, возлюбив нынешний век. Хотя имя христианское будет слышаться повсюду, и повсюду будут видны храмы и чины церковные, но все это одна видимость, внутри же отступление истинное. На этой почве народится антихрист – и возрастет в том же духе видимости. Потом, отдавшись сатане, явно отступит от веры и... не содержащих христианства в истине увлечет к явному отступлению от Христа Господа» (Толк. На 2-е Послание к Солунянам).

XVII**«ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ?»****Св. ап. Павел**

«Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными; ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою?

Какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое соучастие верного с неверными?

Какая совместность храма Божия с идолами? Ибо вы храм Бога живого, как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них и буду их Богом, и они будут Моим народом (Лев. 26, 12).

И потому выйдите из среды их, и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому: и Я приму вас (Исайя, 52, 11).

И буду вам Отцом, и вы будете Моими сынами и дочерьми, говорит Господь Вседержитель (Иерем. 3, 19; Осии 1, 11). (2 Кор. 6, 14–18).

"Подражайте, братья, мне, – внушает св. Апостол, – смотрите на тех, которые поступают по образу, какой имеете в нас. Ибо многие... поступают как враги Креста Христова (Их конец погибель...). Они мыслят о земном. Наше же жительство на небесах, откуда мы ожидаем Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа" (Филипп. 3, 17–20).

Нам надо ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него» (1, 20).

XVIII**«ЧЕГО ВЫ ТРЕБУЕТЕ ОТ М. СЕРГИЯ?»**

«Ангелу Сардийской Церкви напиши: так говорит имеющий семь Духов Божиих и семь звезд; знаю твои дела; ты носишь имя, будто жив, но ты мертв.

Бодрствуй и утверждай прочее близкое к смерти; ибо Я не нахожу, чтобы дела твои были совершенны перед Богом Моим.

Вспомни, что ты принял и слышал, и храни, и покаяйся. Если же ты не будешь бодрствовать, то Я найду на тебя, как тать, ты не узнаешь, в который час найду на тебя» (Апок. 3, 1–3).

ХІХ

«ЧЕГО ЖЕ ВЫ ОЖИДАЕТЕ В БУДУЩЕМ?»

«... У тебя в Сардисе есть несколько человек, которые не осквернили одежд своих, и будут ходить со Мною в белых одеждах, ибо они достойны.

Побеждающий облечется в белые одежды; и не изглажу имени его из книги жизни, и исповедаю имя его пред Отцом Моим и пред Ангелами Его...

И Ангелу Филадельфийской Церкви напиши: знаю твои дела, ты немного имеешь силы и сохранил слово Мое и не отрекся имени Моего...

Поелику ты сохранил слово терпения Моего: то и Я сохраню тебя от години искушения, которая придет на всю вселенную, чтобы испытать живущих на земле» (Апок. 3, 4–10).

Св. патриарх Никифор

«Братия и чада. Молю вас, не будем боязливы и малодушны; угрозы врагов да не ужасают сердец наших; будем ожидать Божией помощи. Враждующие против нас и стремящиеся истребить в Церкви правду подобны плывущим против быстрых речных течений: они в конце концов окажутся в глубине от изнеможения, ибо истина неодолима и увенчает почитающих ее, побеждая ратующих против нея» («Жития Святых», июнь 2, стр. 39).

Евангелие

«Не бойся, малое стадо, ибо Отец ваш благоволил дать вам царство» (Лк. 12, 32)⁴⁴⁰.

АПОЛОГИЯ ОТОШЕДШИХ⁴⁴¹

Св. мученика Юлиана Тарсийского
Священномученика Терентия еп. Иконийского.
21/IV – 4/VII – 1928 г.

Ваше Преосвященство! Разрешите, в ответ на Ваши исполненные любви и благожелательства строки, прежде всего поблагодарить Вас за добрую память и доверие, а затем обратиться к Вам с усердной просьбой выслушать со вниманием и то, что я, в единомыслии с другими пастырями и нашими архипастырями, можем сказать в оправдание своего образа действий. Кроме письма, обращенного лично ко мне, я, с Вашего разрешения, ознакомился и с тем большим, которое Вы отправили к нашему Владыке; и потому в своем ответе Вам я буду иметь в виду и его, и даже по преимуществу его, так как в нем, как обращенном к епископу, Вы высказались о нашем деле с большою определенностью. Я, приступая к своему ответу с искренней готовностью дать Вашему Преосвященству посильное объяснение всего совершившегося и совершенного нами, прошу Господа вложить во уста мои слово правды и не уклонить сердца во словеса лукавствия.

⁴⁴⁰ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 3. Л. 66–87.

⁴⁴¹ Подзаголовки даны редакцией ради удобства обозрения длинного текста. Опубликовано в ежемесячнике «Сербский крест», № 30, 2002.

Два толкования 15-го правила Двукратного Собора

В своем большом письме Вы, Владыка, потщились и сами разобраться во всем происшедшем на основании имевшихся у Вас (видимо, достаточных) сведений. Сущность сказанного Вами заключается в том, что мы, по Вашему мнению, находимся в разрыве с Кафолической Церковью (Ваши слова: «Вы – не церковь, Вы – "секта"», стр. 39 письма). Само же Тело церковное осталось там, где м. Сергей и кто с ним (Вы пишете: «Церковь Христова осталась и остается там же, где и была до момента Вашего отделения, остается в составе святителей, клира и народа – людей Божиих, который состав возглавляет м. Петр и который состав хранит общение и сам, и в лице м. Петра с его Заместителем м. Сергием» – стр. 12). Так Вы полагаете; мы же дерзаем думать, как Вы верно воспроизводите наши мысли, что «мы не ушли никуда и не изменились, мы остались там, где были, пребываем теми же, какими были, это м. Сергей изменился, он уходит от чистоты православия и, следовательно, из Церкви. Мы находимся в церковном общении и храним апостольское преемство через м. Петра» (стр. 10). – Вот около этих двух, явно непримиримых, утверждений и должны быть сосредоточены и объединены все дальнейшие рассуждения и доказательства в защиту правильности нашего взгляда и ошибочности Ваших представлений. Благоволите же выслушать меня со вниманием, как и я постарался это сделать с Вашим письмом, которое было мною многократно перечитано и подверглось долгому обсуждению.

В нашем деле (или, как обычно выражаются, – «движении») Вы, Владыка, различаете две ступени: 1) осуждение того, что совершил м. Сергей с синодом и 2) наш, так наз., «отход» от него. С этим разделением можно бы согласиться, но в то время, как нам кажется, что то и другое – и суд, и решение – находятся в нераз-

рывной связи между собою, и последнее вытекает, как следствие, из первого. Вы, как и часть епископата, и, кажется, не малая, осуждая, довольно решительно, Послание от 16/29 июля минувшего года и даже последующую церковную деятельность м. Сергия и его синода, не находите, однако, возможным, по каноническим основаниям, прекратить с ними молитвенное общение. Об этом Вы сами свидетельствуете со всею определенностью. «Без сомнения, – пишете Вы нашему архипастырю, – если бы я был вместе с Вами в конце минувшего (27-го) года, я многое бы обсуждал вместе с Вами одними мыслями, в одном духе. Одни же скорби и огорчения угнетали бы Вас и меня. Впрочем, то же самое было и в разлуке моей с Вами.

Надо ли говорить Вам, что я так же и то же здесь мыслил и переживал, что и Вы, но, конечно, лишь с запозданием сравнительно с Вами. Я, кажется, довольно ясно представляю себе и то положение дела, когда единомысленные Вам православные святители епархии нашей и ряд пресвитеров, дотоле поддерживавшие Вас, во многом, может быть, соглашавшиеся с Вами, в этот момент, т. е. в момент выхода Вашего из церковного общения с м. Сергием, не решили следовать за Вами, не дерзнули на тот шаг, на который решили пойти Вы» (стр. 2-3). Подобно тому, продолжаете Вы, и «я вероятно во всем был бы согласен с Вами, но до момента лишь, в который было Вами прекращено общение, а далее я не решился бы последовать за Вами» (стр. 6).

В ответ на эти слова разрешите сделать несколько замечаний.

1) В нашем городе только два епископа и два-три священника, из обсуждавших дело м. Сергия и соглашавшихся с нами, не последовали за нашим собственным делом, т. е. отходом от митрополита, остальные же викарии и духовенство вовсе уклонились от обсуждения «Послания» и вытекавших из него дальнейших деяний м. Сергия (в частности, вопроса о незаконном смещении своего митрополита).

2) Наше обсуждение «нового курса церковной политики» не напоминало собою обычные «политические» разговоры людей, к действительной политической жизни непричастных (русская интеллигенция, прежняя и настоящая), а было именно решением вопроса о том, как нам быть с этим новым курсом – принять ли его, или отказаться, а так как сам м. Сергей от него не отказывался, то, следовательно, быть ли нам с м. Сергием или отойти. Посему:

3) не легко представить и то, в чем бы выразилось Ваше единомыслие с нами до отхода, т. к. мы и размышляли именно над этим вопросом, т. е. следует ли порывать с м. Сергием духовное общение, а не осуждали лишь его поступки, что запрещено св. Евангелием. Вина же его церковная, хотя она и уяснилась нам, действительно до отхода, но с отходом, как я уже сказал, была связана как с естественным последствием своего признания. Вы – не отошли, значит, Вы не были бы согласны с нами и в определении этой вины, т. е. у нас с Вами было бы не дружное – «одними мыслями и в одном духе» – собеседование, а спор и расхождение еще и «до момента отхода», от чего Господь нас и Вас, м^{ожет} б^{ыть}», и оберег. Наконец,

4) самое Ваше письмо показывает, что наш отход есть для Вас как бы нечто совершенно самостоятельное и само подлежащее обсуждению, независимо от церковного преступления м. Сергия, о котором Вы избегаете говорить, т. к. Вы только о сем отходе и рассуждаете, предупредив, что «придется (почему?) писать не столько о том, в чем я согласен с Вами, сколько главным образом о том, в чем я с Вами расхожусь» (стр. 4–5), и Вы даже прямо свидетельствуете со всею свойственною Вам искренностью: «Не подумайте, дорогой Владыка, что я собираюсь оправдывать перед Вами слова и действия м. Сергия. Признаюсь Вам: я его не понимаю, не понимаю того, что им сказано и сделано. Не нахожу сказанное и полезным для Церкви Христовой. Я бы и вообще

не взялся богословски и канонически его оправдывать или защищать. Бог ему судья. Не м. Сергия я защищаю здесь, а церковное единство и церковное благо» (стр. 6–7).

Итак, из двух половин одного дела, Вами же отмеченных, на обсуждение ставится только вторая. Не желая идти наперекор течению Ваших мыслей, и я воздержусь до времени от суждения по существу самого преступления Сергиева и буду говорить о «преступлении» нашем, но заранее предупреждаю, Владыка, что должен буду, хотя бы в заключение, коснуться и сего вопроса, тем более, что Вы и сами увидите из моих слов, как естественно отход наш вытекает из определения вида и степени вины м. Сергия.

Впрочем, с чего бы ни начинать, с м. Сергия или от нас, – в том и другом случае будет естественным остановиться вниманием прежде всего на рассмотрении 15-го Правила св. Двукратного Собора, которое первую свою половиною хотят обратить против нас, вторую же оправдывается канонически наш отход от м. Сергия. А так как и Вы останавливаетесь мыслью почти исключительно на 2-й половине, чтобы, так сказать, сначала выбить у нас орудие, а затем уже низложить нас окончательно и 1-ю частью, то и для меня не будет затруднительным построить свою защиту соответственно строю Ваших мыслей, и до времени следовать порядку, предложенному Вами, т. е. говорить не о вине м. Сергия, а об основаниях нашего отхода от него.

Итак, 15-е Правило Собора 861-го года, продолжая мысли двух предыдущих, 13 и 14-го, говорит, что «прежде соборного оглашения и совершенного осуждения» предстоятеля Церкви (т. е. патриарха), всякий отход от него будет «беззаконием», и виновный клирик, прекративший «возносить имя его (т. е. своего патриарха), по определенному и установленному чину, в божественном тайнодействии», будет лишен «всякого священства». Это 1-я половина, которою думают обвинить нас. 2-я читается так: «Впрочем, сие определе-

но и утверждено о тех, кои, под предлогом некоторых обвинений, отступают от своих предстоятелей и творят расколы, и расторгают единство Церкви. Ибо отделиющиеся от общения с предстоятелем, ради некия ереси, осужденныя святыми соборами, или отцами, когда то есть он проповедует ересь всенародно и учит оной открыто в церкви, таковые аще и оградят себя от общения с глаголемым епископом, прежде соборного рассмотрения, не токмо не подлежат положенной правилами эпитимии, но и достойны чести, подобающей православным. Ибо они осудили не епископов, а лже-епископов и лжеучителей, и не расколом пресекли единство Церкви, но потщились охранить Церковь от расколов и разделений».

Вчитываясь в это правило, Вы утверждаете:

1. Что им «раскол не допускается никак, ни в каком случае, никогда. Он не оправдывается и не извиняется решительно никакими обстоятельствами церковной жизни. Он есть во всяком случае грех» (стр. 18). Согласен, Владыка, что раскол всегда грех, но об этом говорит не столько разбираемое правило, сколько сам наш символ веры («верую во Едину... Церковь») и еще прежде – само Священное Писание. (Церковь – Тело Христово, след<овательно>, неделима, как живой организм). Правило же, сверх сего, еще учит также и хорошо различать между видимым расколом, который является в действительности спасением церковного единства (и который оно похваляет), и единством с еретиком, что будет на деле расколом внутренним и потерю единства церковного. След<овательно>, раскол не «во всяком случае есть грех», а необходимо, по св. правилу, внимательно к нему присмотреться и не спешить с приговором. – Далее.

2. Вы полагаете, что правило это, говоря об еретичестве предстоятеля, понимает ближайшим образом местного епархиального епископа и его небольшую паству (Вы пишете: «в жизни епархии», а слова «или в церк-

ви» берете в скобки и уже не возвращаетесь к ним, – стр. 17; также и отступающего именуете «пресвитером», а слова «или и епископ» – закрываете скобками), и говорите, что поэтому отходящие от такого еретика-предстоятеля отходят «не в свободное пространство, не в неопределенное, проблематическое состояние в форме новой отдельной группы (как, напр<имер>, мы), а в кафолическое единство, туда, где вся иерархия, где вся кафолическая церковь» (стр. 24). Конечно, Владыка, св. правило оправдывает и такой случай, но оно и предвидит и узаконяет и гораздо большее. Ведь,

а) оно само говорит именно о патриархе, и по поводу него начинает речь о еретичестве предстоятеля (хотя, конечно, как ясно из первых слов его, включает сюда и «епископа» из 13-го правила, и «митрополита» из 14-го, т. к. говорит: «Что определено о пресвитерах и епископах и митрополитах, то самое, и наипаче, приличествует патриархам»).

б) Еретичество же патриарха, в особенности если он вселенский Константинопольский, обычно соблазняет и многих других епископов, а порою и его собратьев-патриархов, поэтому перед лицом тех, кто, следуя св. правилу, «потщится охранить Церковь от расколов и разделений», может встать как бы сама эта Церковь в ее кафоличности (вспомните времена полуарианства, монофелитства, иконоборчества), и событие внутри-епархиальное вырастет во всецерковное.

в) Не потому ли в правиле стоит и множественное число – «осудили не епископов, а лжеепископов и лжеучителей», и не потому ли

г) ревнители православия именуются «достойными чести», что им приходится преодолеть страх перед подавляющим большинством наружно православного и выдающего себя за истинную Кафолическую Церковь еретического сора, возглавляемого иногда несколькими патриархами и тысячами епископов.

д) Не говорится ли также в правиле о случае, когда еретик-предстоятель «проповедует ересь всенародно и учит оной открыто в Церкви», что больше похоже на событие общецерковное, чем частное – епархиальное.

3. Далее, обращаясь к самой вине предстоятеля, Вы, в противоположность сказанному о его собственной епархиальной малости, ересь его представляете не в меру чудовищной. Вы говорите, что

а) «речь идет об ограждении себя и паствы от еретика исключительно наглого, пренебрегающего авторитетом соборов и отцов» (стр. 25). Но, Владыка, встречаются ли в истории Церкви на епископских, особенно патриарших, кафедрах такие волки, без овечьей шкуры? Не о соблазнах ли, и великих, говорит Господь и Его Апостолы, когда изображают этих, тогда еще грядущих, еретиков, особенно последних времен? Не их ли св. Киприан Карфагенский называет змиями-ползунами (переводя латинское значение имени: змий), которые «обольщая образом мира, неприметно скрытыми ходами подпалзывают» («О единстве Церкви», в начале), и потому убеждает: «Надобно остерегаться, возлюбленнейшие братья, обмана не только явного и очевидного, но и такого, который прикрыт тонким лукавством и хитростью» (там же). Полагаю, Владыка, что святое правило имеет в виду и такую ересь.

б) Точно так же, хотя о сей ереси в правиле сказано, что она есть ересь «осужденная святыми соборами или отцами», но отсюда еще не следует, что имеется в виду какой-нибудь определенный бывший собор и его решение. Между тем Вы хотите именно отстоять соборность и в том случае, когда отход, видимо, может показаться не соборным, а почти личным делом православной совести отходящих. Вы пишете: «И в том случае, когда пресвитер (и епископ) отделяются от своего епископа немедленно, т. е. когда предстоятель проповедует ересь анафематствованную, тоже ведь имеет место суд собора, но только высказанный ранее», т. е. когда «виновность

предстоятеля не только очевидна, но и осуждена собором». И в том случае, значит, когда клирики, согласно с правилом, отделяются от еретика-предстоятеля, они судят о его еретичестве не сами по себе. В этом отношении, говорите Вы, замечательна мысль виднейшего нашего канониста Иоанна, епископа Смоленского: «Клирики судить о православии своих епископов должны не по своему только уразумению и вере, но по явному учению и определениям вселенских отцов Церкви» (стр. 20–21). Этими рассуждениями Вы, Владыка, хотите еще более упростить дело с распознаением ереси, от которой следует бежать, но мне кажется, что еп. Иоанн, Вами приведенный во свидетельство, скорее Вам же и возражает. В самом деле, он ведь не говорит, что нужна простая справка в прежнем соборном решении, чтобы определить открывшуюся наглую ересь, и из двух имен – «соборы» и «отцы» – останавливается собственно на втором, в их вселенском ясном учении видит основу для установления православного отношения к истине, искажаемой еретичеством предстоятеля. Ведь, действительно, если

в) вина последнего явна до такой степени, как это кажется Вам, то зачем, как я уже сказал выше, св. правилу похвалить отошедших «прежде соборного рассмотрения» и «оглашения и совершенного осуждения», когда и без последних все ясно и просто? А что

г) «вселенские соборы» и «вселенские отцы» не одно и то же, Вы знаете, т. к. на первых мало кто из последних и присутствовал. Кроме того,

д) множественное число «соборы» – тоже не вполне подходит под Ваше понимание, т. к. отдельная «ересь» (ед. число в правиле) не рассматривалась на нескольких вселенских соборах, а на одном каком-нибудь. Поэтому,

е) еп. Иоанн, которого и Вы похваляете, делает ударение на «ясном учении и определениях вселенских отцов», каковое учение и каковые определения у них, конечно, общи и с соборными, т. к. в тех и других дей-

ствуует Один и Тот же Дух Истины. Он-то, в разнообразных Своих церковных проявлениях, и является истинным определителем еретических козней духа лестча. Поэтому дело не в «авторитете» собора и не в том, что ересь «анафематствована» (Ваши выражения), а просто в верности св. Православному учению и всем «соборам и святым отцам»; и если предстоятель им не следует, а, напротив, всенародно и явно противоречит, на погибель Церкви, то достойно и праведно будет отойти от него. И делается это не внешне-юридически. Сей Дух Святый – воистину Живый и Действующий, а не просто почивающий в отеческих и соборных решениях, таинственным наитием просветляет церковное сознание и совесть и дает ей видеть под кожей новой ереси – древнего змия-обольстителя, никогда не восстающего прямо против признанной истины, но всегда прикрывающегося подобием верности Православию и, под сим покровом новой кожи, пролезающего в ограду церковную. Вот почему и еп. Иоанн, толкуя то же правило в другом месте («Опыт курса церковного законоведения», т. 2, стр. 568 и прим. 352), говорит просто, что здесь разумеется «учение, противное православию», или «учение, противное православной Церкви», и которое «является обдуманым и направляется к явному противоречию Церкви» (то же и у Никодима в Толкованиях правил, т. 2, стр. 308–309). Вообще же можно сказать, что если св. отцы равняются по св. соборам, то и последние опираются на отцов, что ясно видно из их «деяний» (об этом прекрасно сказано в 12-м члене «Послания Восточных Патриархов к Епископам Великобритании»). Вот, Владыка, сильный ответ на Ваши утверждения.

4. Из всего Вами сказанного Вы делаете такой вывод: итак, «у отделяющихся от него (т. е. еретика-епископа) ошибки быть не может, их правота бесспорна уже заранее, да и потом – согласно тому же правилу – их похвалит Церковь (Когда похвалит, Владыка? Иногда лишь по смерти, через сотню лет). Их тщание

несомненно увенчивается успехом. Они действительно охранили Церковь от расколов и разделений» (стр. 25). В правиле сказано, правда, «потщились охранить», поправляете Вы сами себя, но тут же доказываете, что ни «поспешности», ни большого труда здесь нет, т. к. задача, перед ними предлежащая, «в сущности, чрезвычайно проста». — Однако, Владыка, «потщились» все же означает «потрудились», «постарались», притом «с поспешностью (ср. “потщися, погибает”, “вотще”, в смысле — “напрасный труд”, “тщательность”, — с другой “иде в горня со тщанием”, “потщися скоро прийти” — и под<обное>)». Следовательно, и здесь св. правило предвидит: а) и некий труд, тщательный и немалый, и б) его срочность, и в) то, что он воистину достоин похвалы, т. к. г) Церковь находится в действительной опасности от раскола, и д) что скорый и видимый успех дела отнюдь не обеспечен, что е) возможна и ошибка, как то бывало и со святыми (Епифаний, Феодорит), и что, наконец, ж) вся почти видимая кафоличность Церкви с ее иерархией может оказаться в еретичестве (как то и бывало), а кафоличность истинная укроется в малом числе спасающихся, и иерархия законная и православная будет крайне немногочисленна.

Таково Ваше истолкование 2-й половины 15-го правила Константинопольского Двукратного Собора в храме святых Апостолов. Разрешите, Владыка, все, высказанное Вами, представить в виде замечаний, сопровождающих текст правила, заключив их в скобки, чтобы общая мысль Ваша выступила яснее. Вы говорите:

(А) «Отделяющиеся от общения с (своим местным) предстоятелем (т. е. с ближайшим епископом), ради некия (его наглыя и всем явныя) ереси, (уже) осужденныя (и анафематствованныя) святыми (вселенскими) соборами и (присутствовавшими на них) отцами (с их высоким авторитетом), когда т. е. он проповедует ересь всенародно (в своей епархии) и учит оной открыто в (своей) Церкви, таковые аще и оградят себя (через отход от не-

го в православное кафолическое большинство и ко всей остальной Церковной иерархии) от общения с глаголемым епископом прежде соборного рассмотрения (его всем явной и наглой вины), не токмо не подлежат положенной правилами эпитимии (за совершение раскола), но и достойны чести, подобающей (и вообще всегда и всем) православным. Ибо они осудили не (одного или немногих) епископов, а (явных) лжеепископов и (уже обличенных) лжеучителей и не расколом пресекли единство Церкви (т. к. ясно видели, что вся кафолическая Церковь и вся иерархия была на их стороне), но (как бы) потщились охранить (свою местную) церковь от (ее внутриепархиальных) расколов и разделений». — Так, мне кажется, Вы, Владыка, воспринимаете святое правило. Разрешите теперь и мне, подобным же образом, представить его, расширенным в меру нашего случая и согласно нашему пониманию.

(Б) «Отделяющиеся (хотя бы и в небольшом числе) от общения с (самим) предстоятелем (целой патриархии), ради некия (его православной совести их явные) ереси, осужденныя (всеми вообще) святыми соборами и (святыми вселенскими) отцами (т. е. их ясным учением, возвещенным от Святого Духа, вообще через соборы и отцев и через общее церковное сознание волю и истину Свою Открывающего, ибо в Православной Церкви, по свидетельству послания Восточных Патриархов, "ни патриархи, ни соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое, т. к. хранитель благочестия у нас есть самое Тело Церкви, т. е. самый народ, который всегда желает сохранить веру свою неизменною и согласно с верою отцев своих"), когда то есть он (еретик-патриарх со своим сборищем, через свои "послания" и дела) проповедует ересь всенародно (не только в пределах своей патриархии, но и повсюду и всех к ней принуждает) и учит оной открыто (лично и через своих последователей и сопастырей и пастырей) в (слух всей) Церкви (вселенской), таковые (сколько бы их ни было), аще и оградят себя от (мо-

литвенно-канонического) общения с глаголемым (хотя бы и первым) епископом, прежде (законного) соборного рассмотрения, не только не подлежат положенной правилами эпитимии (за своеволие), но и достойны (становятся) чести, подобающей (истинным) православным. Ибо они осудили не епископов (хотя бы их было и множество, и притом старейших), а лжеепископов и лжеучителей (хотя бы большинство признавало их истинными), и не расколом пресекли единство Церкви (как то может показаться ввиду их малочисленности), но (с верою в правду своего дела и с надеждою на помощь Божию, притрудно и незамедлительно) потщились охранить (кафолическую) Церковь от (внешне похожих на самую Церковь) расколов и разделений».

Вот, Владыка, одно и то же правило, рассматриваемое в приложении к наименьшему и наибольшему случаю. У Вас – а) происшествие малое, епархиальное, а б) ересь – напротив – наглая, явная и уже анафематствованная, в) отход же от еретика и ереси – простое единение с православным, подавляющим большинством, у нас – а) событие вселенского значения (падение почти всей иерархии), а б) ересь – лукавая, в) отход же – от заблудившегося большинства – в лоно малого стада Христова.

Я, Владыка, допускаю возможность Вашего случая, хотя и считаю его крайне редким. Почему Вы не допускаете нашего, хотя бы с тою же оговоркою, потому что и он – не частый. Где, в каком месте, при натяжении правила в меру нашего дела, оно, по Вашему мнению, рвется и теряет значение? – Прямого ответа на этот вопрос Вы не даете, но он слышится почти с каждой страницы Вашего большого письма.

***Обличение сергианских принципов «послушания»
и «единства Церкви», как основ лжецерковного здания***

Дисциплина – вот то роковое слово, которым Вы связаны и которое раздается ныне из уст служителей

слова, иногда в чистом виде, иногда прикрытое более привычными для церковного слуха именованиями, как-то «Единство Церкви», «Благо Церкви» (обычно не совпадающее с благом ее отдельных частей и членов, вопреки слову Господа о том, что одна душа дороже целого мира), «Иерархический строй», «монашеское послушание», «послушание» просто, «смирение», «соборность», «каноничность», «законное апостольское преемство» — и ряд подобных же понятий. Тон, конечно, задает иерархия, начиная с возглавляющих ее, но, как понятие, заключающее в себе целое стройное учение, слово «дисциплина» несется и по самым отдаленным от правящих церковных верхов рядам «верных», только уже, увы, не в собственном христианском смысле, а верных той же мертвящей дисциплине. Дисциплина, Владыка, и Вам мешает войти в меру своего архиерейского величия и оставляет Вас на положении простого орудия чужой воли там, где Вы должны быть сознательным, живым и деятельным членом живого Тела Святой Церкви и пастырем такого же разумного, а не бессловесного стада. Дисциплина же закрывает Вам глаза и на те великие полномочия, которые дает разобранное соборное правило даже мирянину, делая его разумным зрителем и участником дел Божиих даже тогда, когда они принимают почти апокалипсические размеры. Но рабу дисциплины невозможно представить падение предстоятеля, т. к. это бросает тень и на него самого, поэтому всякое проявление собственного разума в подчиненных он спешит представить как бунт против начальства.

Не бойтесь, Владыка, с Вами говорит не пресвитеринин, не беспоповец: я знаю свою меру и дорожу ею, т. к. она освобождает меня от обязательств, которых бы я, быть может, не в силах был понести, и понес бы вместо того наказание. Но ведь Вы-то епископ, ведь, по слову св. Киприана, «епископство одно, и каждый из епископов целостно в нем участвует» («О единстве Церкви»). Как же Вы участвуете в деле м. Сергия?

Только через одно простое, чистое послушание? Оправдывает ли оно Вас? Вы, как и остальные, подобно Вам рассуждающие епископы, видите в нем залог Единства и Блага Церковного. Но ведь Вы же сознаетесь, что не можете ни 1) »понять», ни 2) «богословски и канонически оправдать» м. Сергия, ни 3) «осудить» его («Бог ему судья»), – всё Ваши собственные выражения, см. здесь, выше, стр. 3–4, – и, если не можете, со всем остальным епископатом 4) – «негодовать» на отошедших (стр. 39 письма), то, что свойственнее Вам, можете только плакать над их гибелью и призывать их к тому же Единству. Но что же это за единство, Владыка, где епископ не понимает епископа, а лишь одному, за страх, подчиняется, от другого же, при внутреннем сочувствии, тоже из послушания, отходит? А благо Церкви – в чем оно? Не Вы ли сознаетесь, что не видите для Церкви «пользы» (Ваши слова) в том, что натворил м. Сергий, и все же остаетесь с ним, во имя блага церковного, ведь ясно же, Владыка, что или все это ложь, но Вы не можете лгать, значит – все это бессознательная подделка, и нет ни Истинного Блага, ни духовного Единства, а есть только одна «партийная дисциплина». Да, Владыка, недаром это слово зазвучало особенно громко в Церкви именно с той поры, когда дисциплина партии сергиевой осоюзилась с иной, «партийной дисциплиной». Ею пропитаны и Ваши рассуждения.

Позвольте Вам напомнить некоторые строки Вашего письма (выписываю в том порядке, как они следуют постранично): «Казалось мне, что Ваше движение волеется в нормальную канонически-безболезненную для блага и единства Церкви форму» (стр. 4). «Не думаю, что он (путь отхода) приведет Вас ко благу для Церкви Христовой» (стр. 6). «Не м. Сергия я защищаю здесь, а церковное единство и церковное благо» (стр. 7). «Церковь Христова едина есть (символ веры), Едина в ней и Иерархия (каноны), («ней» – с маленькой буквы, а «Иерархия» всюду с большой). В необщении с сею Иерархией нет и общения с Церковью Христовой, а

рархией нет и общения с Церковью Христовой, а след<овательно>, и с Ее Главою, Господом нашим Иисусом Христом, нет, значит, и благодатного бытия. Нет их ни в какой форме разрыва с Иерархией и с Церковью и т. д.» (стр. 9). (След<овательно>, место, см. выше, на стр. 1 настоящего письма). «Ваше дело не встречает одобрения среди священноначалия нашей (росс<ийской>) Церкви. Вот сонм архипастырский с громадным святительским опытом, с истинно-церковными знаниями, с исповедническим подвигом, следовательно, с правами на большой авторитет... Если они огорчены м. Сергием, все же они огорчены и Вашими, Владыка, действиями... (чем же больше, Владыка?)» (стр. 12–13). «Неканоничность, кажется, – вот что мешает делу Вашему быть делом Церкви Христовой, встретить одобрение тех святителей...» (стр. 15). Церковное единство, т. е. единство Церкви Христовой, есть великая святыня для христиан. Церковь есть тело Христово. Нарушать церковное единство, хотя бы только расколом (не говоря уже о ереси), это значит рассекать целостность Тела Христова. Единство Церкви должно пребывать нерушимым всегда, во всех случаях жизни церковной» (стр. 17–18). Они (отступающие на основании 15-го правила) «отходят в кафолическое единство, туда, где все епископы, где вся кафолическая Церковь» (стр. 13–19). «У них (тех же)... должна быть совершенно несомненная уверенность, что, отрицаясь нечестивца иерарха, они не отходят от Иерархии Церкви» (стр. 20). «Кто-нибудь спрашивал епископов, одобряют ли они выход из церковного общения с м. Сергием (сами не отходя?..). Конечно, это очень трудно, может быть даже невозможно сейчас это сделать. Но все же ведь Иерархия есть, и она мнение свое, конечно, имеет, а с ним необходимо надобно считаться» (стр. 22). (А если ее мнение, Владыка, такое же, как Ваше, т. е. что мнение можно иметь, но действовать нужно согласно не ему, а по послушанию?). Хорошо было бы, «если все же

были бы основания думать, что Ваша группа, вышедши из общения с м. Сергием, находится в Церковном общении с Иерархией, имеет и получает ее одобрение (а сама Иерархия остается с м. Сергием?..). Можно ли, однако, быть уверенным, что Ваш отход одобрит вся Иерархия? (Владыка, мы принимаем не одобрение, а отход, подобный нашему). Была ли у Вас и у всей группы такая уверенность? (Была, Владыка, и, по милости Божией, есть уверенность в правоте самого дела). Если была, то подтверждается ли она теперь с несомненностью полученными хотя бы постепенно признаниями и подтверждениями со стороны Иерархии?.. Напротив, есть основание думать, что к Вам не преклоняются сердца верных (кому? м. Сергию?) епископов» (стр. 24–25). «Было бы страшной и греховной ошибкой, если бы, например, при руководстве мыслью о втором пришествии Господнем, начали бы ломать церковный иерархический строй, нарушать церковную дисциплину» (стр. 33). «Стояние на твердом камени исповедания Христова... возможно только, конечно, при соблюдении церковного единства» (стр. 34). «Мысль о близости пришествия Господня... должна внушать нам тем большую осторожность и бережность в обращении с такою святынею, как единство Церкви Христовой. Нигде не сказано, что пред пришествием Христовым Церковь потеряет свое единство и т. д.» (стр. 35). Ваш отход «ведет уже к полному, самым делом, поруганию догмата о единстве Церкви Христовой, как первом и важнейшем ее признаке». – Откуда это видно, Владыка? Почему святость, соборность, апостольство ниже Единства? Почему в иных молитвах, напр<имер>, в каноне св. Евхаристии, после слов «Изрядно о Пресвятой...» или в начале и в конце «Помянника», слово «Единая» даже опускается? Почему его нет в древнейших символах? Не окажется ли также, что и в символе Единство Божие – 1-й член как бы «больше» Его Троичности, во славу Которой, по преимуществу, и сложен св. символ?

Также, что Единство Господа Иисуса важнее Его единосущия со Отцем, а в крещении Его «единство» больше, чем его сила «отпущения грехов»? Поэтому нельзя говорить, что единство Церкви – Ее «первый и важнейший признак»: оно равносильно остальным трем. Вы продолжаете: это поведет «к полному изглаждению идеи о Единстве Церкви из сознания наших горячо верующих, но мало знающих свою веру мирян, да не только мирян, но и многих клириков. Эту святую идею сильно пошатнули своим нечестием обновленцы». (Так ли, Владыка: а их ВЦУ, соборы – не есть ли это, напротив, крикливая вывеска лжецерковного единства, как сейчас у м. Сергия – его синод, предполагаемый собор, дисциплина и пр.?). Теперь, кажется, того хуже – ее искореняют уже ревнители православия, – на ужас тем православным (но не ревнителям его?), которые сознательно обороняют, как святыню, Церковное Единство, на дикую бурную радость врагам православия, и в первую очередь – нечестивцам-обновленцам (стр. 37–38). Напротив, Владыка, одни из этих врагов бурно радуются именно тому, что благодаря дисциплине, захватив в свою власть одного м. Сергия, с ним вместе завладели и всею почти Иерархией и видимою Церковью, обновленцы же ненавидят нас не меньше сергиан, с которыми мы им, своим отходом, бросающим тень на православие сергиан, мешаем вступить в единение, к которому их своими посланиями, обращенными к м. Сергию и обновленческому м. Вениамину, от 7 дек<абр> ст. ст. прошлого года, уже и призывает вселенский патриарх Василий, по совести не видящий «существенной разницы между этими двумя», как он выражается, «велики[ми] ориентациями» – обновленческой и сергианской. Далее, обращаясь к нашему епископу, Вы спрашиваете: «Что же, однако, будет дальше, Владыка Святый? Ведь Иерархия в составе не только м. Сергия и тех, которые единомысленны с ним, но и в составе других, совершенно и с вашей точки зрения – должно сказать – со-

вершенно безукоризненных в вере и подвиге за веру архипастырей – не с Вами. И нет ведь надежды, что она (т. е. Иерархия) будет с Вами. Что же дальше? Отлучать всю Иерархию? Объявлять Ее (с большой буквы) тоже неправославной? Или как? (Время покажет, Владыка. А кроме отлучения, возможно и самоотлучение, которое православным придется, м<ожет> б<ыть>, и признать впоследствии, как несчастье, постигшее большую часть Церкви и Иерархии). Владыка, дорогой и любимый, здесь жуткий и страшный тупик, тупик обособленного от Церкви существования» (стр. 38). «Вне Церкви нет правды и истины. У нас есть Церковь, есть – слава Богу – в ней и Иерархия, верная и православная. Вернитесь, дорогой Владыка, к сей Иерархии. Иначе Вы – не Церковь, Вы – секта. Ужас подумать, Владыка, после достойного и святого и благоговейнейшего полувекового... папствования, Вы теперь епископ, но не епископ католической Церкви, а епископ секты» (стр. 39–40). Наконец, приведя слова одного из наших архипастырей: «Итак, если бы нас оставили даже все пастыри, да не оставит нас Небесный Пастырь», Вы, после слов «все пастыри» – с ужасом замечаете в скобках, между восклицательным и вопросительным знаком: «Вся Иерархия» (Еп. Инн., стр. 4 «приложения»).

Вот, Владыка, ряд выписок из Вашего письма. Вы не будете отрицать, что в них заключается одна мысль, что эта мысль вообще главная (согласитесь – единственная) в Вашем письме, и что это – мысль о Единстве Иерархии, как основании единства Церкви (не о преемстве Апостольском, о котором Вы едва упоминаете, а именно о Единстве как крепкой сплоченности на основе послушания высшему церковному правлению; хотя, конечно, и необходимость Апост. преемства Вы не отрицаете) – и вот мне кажется, Владыка, что эта мысль Ваша, будучи односторонне понятой, может привести почти к еретическому представлению о Церкви. В самом деле, ведь ересь, как «выбор», что значит это слово

по-гречески, может означать и незаконный отбор одного догмата из живой связи его с другими – напр<имер>, «савеллианство» – предпочтение – отбор – Единства Божия перед Его Троичностью, монофизитство, что ясно и из греч<еского> слова, – односторонний уклон в Божественную природу Господа, с затенением человеческой и под<обное>. Поэтому и против Вашего неосторожного суждения я должен всемерно восстать, как против учения, могущего привести к несогласию с Православным Догматом о Церкви.

Впрочем, простите, Владыка, это не Ваше учение. Это один из главных догматов «сергианства», который Вы, при Вашей большой художественной впечатлительности, нечаянно вдохнули в себя вместе с тлетворным воздухом «сергианства», и теперь, воистину, «всякое дыхание» Ваше «хвалит» сего нового властителя дум современной русской Иерархии. Впрочем, опять оговорюсь, настоящие «сергианцы» идут в этом отношении дальше, и если у Вас преобладает понятие Единства Церкви, то хотя такого слова и нет в Священном Писании, где Церковь ни разу не называется «Единой» (т. к. то, что Она – «Тело Господне» и «Невеста Христова» – лучше, существеннее определяет не только, так сказать, «количество» Ее Единства, но одновременно и неотделимо от него – «качество» его, т. е. то, что это единство органическое, а не внешнее и не единство «в себе», а единство во Христе), – все же и на единство Церкви, как таковое, указывает и символ, и святые отцы, – настоящим же «сергианам» больше нравится слово «дисциплина», которое Вами вспоминается реже. Вот, например, несколько строк из большого печатного «Послания» члена совр. синода – архиеп. Павла Вятского и Слободского, к своей, т. е. именно чужой, но м. Сергием переданной ему епархии (отв. 1/14 декабря, в один день с «ответами» м. Сергия на наше обращение). Предприняв, по собственному признанию, «Подвиг служения Церкви Божией... в порядке служебного по-

слушания», после того, как Сергиевская легализация создала «обстановку вполне мирного, никем и ничем не возбраемого труда на пользу церкви под охраною советского законодательства, предусматривающего самоопределение культовых объединений в их религиозной жизни в порядке внутренней церковной дисциплины (откровенное признание ее происхождения)», и призвав затем паству оказать «каноническое послушание ...моему авторитету» и «содействовать в меру свою скорейшему восстановлению по вверенной мне епархии внутренней служебной дисциплины», этот член синода сергиева дает такое определение церковной дисциплины: «Ведь эта дисциплина, эта организация, ведь есть необходимейший остов, костный стан мистического тела Церкви. Поэтому, кто необдуманно выступлениями, ревностью не по разуму или беспринципным, неосмысленным упорством разрушает этот стан, наносит своим неподчинением законному священноначалию или обманом удары в остов дисциплины Церкви, тот является врагом Христа, содействует разорению вселенского Тела Церкви Его... Паки призываю Вас быть гражданами, законопослушными предлежащей (предержащей?) Соввласти (так!) не за страх, а за совесть, и добрым поведением своим и честным трудом содействовать ей в заботах ее о гражданском благоустройстве и мирном преуспевании дорогой родины нашей. Вознесем же песнь хвалы и благодарения Господу Богу за Его великую милость к нам, явленную в даровании вполне легализованного и открыто действующего Временного священного Патриаршего Синода и т. д. (стр. 4)».

Что сказать на все это, Владыка? Первое то, что дисциплина церковная, в сергианском смысле, мыслится не отдельно от какой-то другой, а второе, — обратно, что она представима именно лишь в полном разобщении с «мистическим телом Церкви», т. к. костный стан обнажается и может быть рассматриваем

отдельно, вне органической связи с телом, лишь тогда, когда тело уже сгнило, т. е. в том повапленном гробе, куда сергианцы тщатся уложить Св. Церковь.

Вы, вероятно, возразите, что еп. Павел допустил лишь простое сравнение, и довольно неудачное, и, м<ожет> б<ыть>, сами совершенно отречетесь от такого представления Иерархии в виде костного остова, поддерживающего мистическое тело Церкви. Я и сам, Владыка, не хочу быть придирчивым к отдельным и случайным выражениям, но в данном случае я имею основание видеть не простое сравнение, а роковое признание сергианской души. Лишь при утрате подлинно мистического восприятия мистического же, воистину, Тела Церкви становятся возможными такие наглядные представления о ней. Ведь, действительно, точно на позор всему сергианству с его всепроницающею лживостью и измышлениями земной, душевной и бесовской мудрости, явилось это, по-своему замечательное, изображение Иерархического строя Церкви. Можно сказать с уверенностью, что если оно дано по вдохновению, то это вдохновение от прелести, т. к. на такую анатомию мистического восприятия способны лишь самообольщенные мистики; Священное же Писание и Отцы предлагают в духовное руководство иные откровения и иные приточные подобиya, которыми можно обозначить отношение Иерархии к пастве. Так, поскольку каждый пастырь отображает в себе свойства и служение Самого Пастыря Доброго, он может быть сравнен с главою тела, или с душою, которая последним управляет, или с умом, управляющим самою душою (такие сравнения есть, напр., у св. Григория Богослова), подобным образом один знаменитый Иерарх сравнивает 5 патриарших возглавлений с 5-ю чувствами, при помощи которых душа руководит телом; сравнения с костным остовом я не знаю и, по-человечески, считаю его, сверх всего, и нелепым, т. к. не кости движут тело, а, напротив, тело (мышцы) двигают костями, так что выйдет, будто паст-

ва пасет пастыря (теперь часто так и бывает, потому что «малые сии» оказываются более чуткими к Истине, чем сергианствующий клир, но ведь такое положение неестественно и, след., не может соответствовать ни правильному – видимому, ни тем более внутреннему мистическому строю Церкви).

Итак, перед нами, несомненно, очередное человеческое измышление, столь обычное в среде сергиан, не соответствующее богооткровенной и святоотеческой правде. Но я, Владыка, повторяю, считаю его роковым, т. к. оно, по-своему точно, воспроизводит иную правду, которая есть неправда сергианского нечестия. Вспомним о св. пророчестве, которое говорит о Господнем Телѣ, что «кость не сокрушится от него», – синодальный богослов построил на нем свое сопоставление единства Иерархического с целостью костного состава Тѣла Непорочного Агнца. Увы, он забыл, что и у Иуды, по свидетельству св. ап. Петра, только чрево расселось, когда тот упал с дерева, о сокрушении же костей ничего не сказано. След., можно еще спорить, какое «мистическое тѣло» лежит в основании сей Церкви предателей Истинного Тѣла Христова.

Простите, Владыка, но стуком мертвых костей звучат и Ваши без конца повторяемые слова: Единство Иерархии, Единство Иерархии. Такого слепого, мертвого, бездушного единства иерархического большинства со своим правящим центром св. Церковь не признает ни одною из живых частей своего духовного организма. Ведь имя Иерарха, Владыка, означает Пастыря, а не робкое стадо; Иерарх не есть один из позвонков или одно из ребер, которым Вы ведете старательный подсчет, он, прежде всего, есть живое, духовное лицо, представляющее не только перед лицом первоиерарха, но и перед лицом целого мира и даже перед пастью самой бездны адской – вверенную ему Богом и Церковью – свою церковь-епархию. Что же мы видим у Вас и во всем сергианстве? – Ни Лица, ни Имени, ни даже

Власти, ибо все епископы – только подвластны, все безличны, все клянутся одним, их же совести чуждым именем своего главы, или, лучше, такого же безличного высшего возглавления. Что означают эти бесконечные епископские перемещения, при которых скоро будет невозможным для самих сергиан разобраться, кто законный епископ отдельной епархии, и литургия станет даже с общеканонической точки зрения незаконной (уже и стала во многих местах). Сам м. Сергей в своем ответе нам (от 1/14 дек. 1927 г.) объясняет: «Перемещение епископов – явление временное, обязанное своим происхождением в значительной мере тому обстоятельству, что отношения нашей церковной организации к гражданской власти до сих пор оставались неясными. Согласен, что перемещения часто – удар, но не по Церкви, а по личным чувствам самого епископа и паствы. Но, понимая чрезвычайность положения и те усилия многих разорвать церковное тело тем или иным путем, и епископ, и паства должны пожертвовать личными чувствами во имя блага общецерковного (§ 2 ответа)». Бедное тело «церковное», все-то оно «расседается посреде», и какой странный способ его врачевания! – Чтобы его не разорвали другие, высшее церковное управление само его спешит разорвать, разрывая всякую личную, духовную связь паствы с архипастырем, вопреки заветам и мольбам св. Игнатия Богоносца, св. Киприана Карфагенского и других святых архипастырей и в нарушение всех канонов. В самом деле, зачем священномученику Игнатию похвалять по имени епископов отдельных церквей перед их церквами, зачем изображать не только их нравственный, но даже и внешний облик? (К Трал. 3, к Филад. 1)? Если такая привязанность и любовь могут быть вредными для блага общецерковного (при наличии всего, что требуется от архипастыря), то зачем и сам св. Игнатий постоянно поминает, как сироту, свою церковь антиохийскую, которая, по «гражданским причинам», должна скорее ра-

доваться, что его, как государственного преступника, взяли от нее? Да разве, Владыка, вся Церковь не представлена в своей мистической сущности в каждом отдельном союзе епископа с паствой, если этот союз законный, и епископ и паства вполне православны? Не говорит ли тот же св. Игнатий Ефесянам о их епископе, что они «соединены с ним так же, как Церковь с Иисусом Христом (гл. 5)»? И что все «епископы, поставленные по концам земли, находятся в мысли Иисуса Христа (гл. 3)», т. е., очевидно, непосредственно, а не через свой ВЦУ и синоды? Не то же ли означают и известные слова св. Киприана Карфагенского: «Епископ в Церкви и Церковь – в епископе, и кто не с епископом, тот и не в Церкви (письмо 54)». Не тому ли учит и собор Карфагенский (см. его деяния), когда свидетельствует, что «никто из нас не поставил себя во епископа епископов, или тираническим страхом не побудил своих товарищей к необходимости повиноваться, потому что каждый епископ имеет собственное мнение, пользуясь свободой и властью».

С какой же небывалой высоты м. Сергей, наблюдая за церковью, сопоставляет ее благо общецерковное с благом отдельной епархии и подчиняет последнее первому, когда благо каждой поместной церкви, по учению церковному, состоящее в Православии и единении с епископом, и есть благо Самой Церкви, т. е. в собственном смысле благо общецерковное. М. Сергей говорит, что перемещение епископов – «явление временное». Не все ли это равно? Если оно губительно для Церкви, то временность греха не делает его правдою, а, напротив, готовит за него, при нераскаянности, вечную муку. Если м. Сергей указывает на гражд. власть и ее требования, то это уже последнее подтверждение тому, что все сие совершается на гибель Церкви. Вы скажете: так было и при старом Синоде. Что же – не отсюда ли возник и синод новейший и само сергианство? Ведь м. Сергей – старый синодал: кто помогал расшатывать цер-

ковные устои в прежнее время, тому суждено было и завершить их окончательное разорение.

Почему мы не отходили тогда? Потому что при тогдашнем перемещении епископском злая цель, прикрытая ныне общим благом, сознательно не ставилась и не могла осуществиться, т. к. Православие пребывало, как быт, в целой стране и охранялось обеими властями, поэтому епископ, управляющий епархией, не имел случая вырасти в особо яркую личность, сильную православием, и смена его другим епископом не сопровождалась духовными потрясениями его паствы. Из таких перемещений слагалась, собственно, как бы личная судьба отдельного епископа, в последовательности его иерархического восхождения на все более и более ответственные кафедры, и, обвеянная общим воздухом православия, личность иерарха не только не гибла, но, напротив, раскрывалась в меру его внутреннего духовного преуспеяния, буде таковое имело место, что, конечно, зависело уже от него самого и чему внешние условия не мешали. Так Россия и жила, как бы одною огромною епархией, общим духовным училищем для паствы и пастырей, окормляясь своими святынями и своими святыми под общим духовным надзором своего духовенства. Тогда как бы каждая отдельная епархия пребывала в общем лоне Православия, ныне же как бы само Православие ищет места покоищу своему в лоне каждой отдельной православной епархии; поэтому необходимо крайне бережное обращение с «личными чувствами епископа и паствы», о которых с таким презрением говорит м. Сергей. Ведь с тех пор, как религия объявлена «частным делом», православие отдельной души, отдельного епископа и отдельной епархии – этой малой церкви – становится на первое место перед церковью общегосударственной, которой, если она не возглавляется, по-православному, достойною личностью или таковым же малым собором, – всегда грозит опасность духовной смерти, т. е.

участь обновленчества и сергианства. В самом деле, революция, 1) лишив Церковь в стране гражданского покровительства, тем самым удвоила значение пастырства, 2) лишив же ее возможности собираться на соборы, удесятерила это значение, т. к. сделала каждого епископа настоящим стражем православия в своей области, и в особенности возвысила значение Главы Русской Церкви, по православию которого старались равняться и другие епископы, но и сами, вместе с тем, следя за его верностью Церкви. 3) Когда же был совершен третий революционный шаг, и под видом дара легализации Церковь лишилась и сего главы, т. к. она была захвачена в духовную власть самую властью революционной, то это значение пастырства не только возросло в меру того, о котором говорит св. Игнатий и Киприан, но, м. б., перерастет и его, т. к. не только не имеет гражданского покровительства и, напротив, находится в постоянном подозрении у богоборной власти, но еще имеет перед собою, как во времена еретических гонений, страшное искажение самой Церкви, т. е. как бы соединенное искушение веков мученичества и веков вселенских соборов.

Поэтому теперь ищется не 1) старая синодальная церковь, в условиях нового государственного устройства, о чем мечтают сергианцы, не 2) даже недавнее единоличное возглавление церкви, даже 3) не собор – все это частью внутренне осквернено, частью внешнею силою приведено в бездействие, – теперь нужны архипастыри и пастыри, право правящие слово Истины, т. е. со...

[страница машинописи утрачена]

...щаемых, людей всякого земного чина и – Божиими судьбами – распределенных по разным видам Христова служения и крестоношения. И все это возглавляется единством и Именем Иерарха – совершителя св. тайн, в своем ли лице предстоящего св. престолу, или

священнодействующему, как бы своими руками, – своими верными пастырями. – Такова должна быть св. литургия, ныне же, по разъяснению м. Сергия (см. его ответ нам, § 6) – «не нужно забывать, что богослужение (литургия верных) у нас совершается не при закрытых дверях, как в древности, а публично, и потому подлежит правилам всяких публичных собраний».

Итак, обезличение св. литургии совершается сперва как бы в ее целом: она – единственное в мире «святое собрание» – уравнивается, притом в самой своей священной части – литургии верных (подчеркнуто самим митрополитом) со всяким публичным собранием. Причина указывается в том, что она совершается при открытых дверях. Прикажи их закрыть, ведь диаконский возглас: «Двери, двери» – из нее доныне не выброшен. Если современные условия не позволяют служить ее по совести – закрой храмы, уйди в катакомбы. Да, наконец, это – ложь. В св. литургии не имеется ничего, направленного к ниспровержению земной власти, в порядке, как выражается митрополит, «демонстрации», т. к. все таинственно, т. е. касается существа дел земных и небесных, недоступных поверхностному взгляду и сознанию, «демонстрация» же, напротив, означает чистую внешность и крикливость.

К такому же обезличению св. литургии направлены и все статьи печатного «указа» от 8/21 октября 1927 г.: 1) Затенение личности м. Петра через а) прекращение поминовения его «Господином нашим» и б) поставление рядом с его именем имени м. Сергия, т. е. двух имен на одном патриаршем месте, что противно и духу канонов, и обесмысливает самое символическое значение имени главы русской Церкви и личное имя самого Петра, 2) введение поминовения безличного имени власти, без обозначения самого смысла поминовения и 3) предание забвению имен и лиц, просиявших в своем исповедническом подвиге. Вот эти-то три лукавства: 1) обезличение одного, 2) молитвенное освящение безликости дру-

гих и 3) молчаливое отречение от слишком яркого лица – третьих, – вот все это, в соединении, и доканчивает дело обезличения и всей св. литургии, придавая Ее святому, таинственному и Богоподобному Лицу – «физиономию всякого легального открытого собрания» с его публичной безличностью и трусливой стадностью. Если ко всему сказанному прибавить еще и то, что лишь наш глаголемый «отход» задержал полное прекращение поминовения имени м. Петра за богослужением, о чем мы имеем точные сведения и чему прошу Вас, Владыка, верить, даже если бы Вы ничему больше не захотели внимать в моем ответе, и что имена новых епархиальных архиереев, по большей части, канонически незаконны, а м. Сергей – отступник от правды церковной, то можно представить, во что обращается сергианская литургия. Вот почему, словно чувствуя это, наиболее лукавые сергианцы вымаливают у м. Сергия тайные разрешения не помянуть его имени, – а у законных, смещенных им, епархиальных архиереев, которых они боятся открыто признать, – таких же благословений на непомяновение себя и на поминовение незаконных; другие же статьи указа просто замалчивают или распределяют выполнение этой духовно трудной даже для них обязанности по отдельным малолюдным дням или взваливают на одни лишь диаконские плечи, все это, Владыка, не сплетни, а всем явное и обычное сейчас зрелище сергианского «богослужения». Где же тут новозаветное поклонение Богу «в духе и Истине»?

Вот, Владыка, общий вид той церкви, в которую Вы нас призываете вернуться из того «пустого пространства», куда мы якобы ушли. Нет, Владыка, мерзость запустения – не у нас. Наше «свободное пространство» (как Вы выражаетесь) и есть та самая кафоличность, повсюдность (Ваши слова) Церкви, которую сергианцы променяли на пространственность Советского Союза, притом не географическую лишь, но и идейную, т. к. и сами осоюзились с ним не только по телу, но и душою

(с ее радостями и печальями), и совестью, с ее признанием одного и отвержением другого, и к чему принуждают, вопреки 38-му правилу 6 Вселенского собора, даже и тех, кто территориально не связан с «клиром московской патриархии», т. е. со вселенской областью. И вот, выйдя из сергианской темницы на этот вселенский простор церковный, мы дышим полной грудью воздухом истинной христианской свободы и соборного единства, не спертых земными пределами, не замененных высокими званиями одних падших – широко расславленными, даже исповедническими, именами других, ибо помним слова св. Киприана, что «исповедание есть только приступ к славе, а не достижение уже венца: оно не заканчивает подвига, а только предназначает достоинство, (ибо) в Писании говорится: претерпевый до конца, той спасен будет» («О единстве Церкви»), и в особенности его же, тяжкое для слуха, но опытом истории церковной выстраданное повеление: «Пусть же никто не погибает через пример исповедников... Он – исповедник Христов; но только в том случае, если через него не хулится потом величие и достоинство Христово (там же, стр. 187, 188 2-го тома)».

Но «величие и достоинство Христово» есть «величие и достоинство Его Церкви», – они похулены м. Сергием, и потому, сколько бы исповеднических голосов ни раздавалось в его защиту, они не в силах заглушить голос христианской совести, вопиющий против сергианского нечестия и предательства церковного. Мы – в Единой, Истинной, Святой, Соборной, Апостольской Церкви. Сергианство же – труп, гниющий, распадающийся, как за последнюю скрепу держащийся за свой костяк, за свое внешнее единство... Ведь это единство есть, действительно, то единственное, что остается у сергиан для придания себе вида тела церковного, а слепая дисциплина и послушание – единственная скрепа для него. Хорошо говорит известный автор ученых исследований догмата о Церкви как Теле Христовом –

прот. Аквилонов, которому и я обязан некоторыми из приводимых мною святоотеческих указаний. Он пишет (В 1-м издании своего главного труда, стр. 218): «Не имея истинной христианской любви, человек, по необходимости, довольствуется ее призраком. На место такой любви в отделившихся от Церкви исповеданиях, как напр., в римском католичестве и в некоторых протестантских общинах (прибавим, напр., в сергианской) поставляется послушание, вместо свободного произволения требующее от членов церкви чисто внешнего подчинения известным приказаниям, таково происхождение римско-католического иерархизма, значительно отличающегося от христианского пастырства, верно хранящего апостольскую заповедь: «Пасите еже в вас стадо Божие, посещающе не нуждею, но волею и по Бозе: ниже неправедными прибытки ("легализация"), но усердно: не яко обладающе причту, но образы бывайте стаду (I Петр. 5, 2, 3)».

Наконец, разрешите, Владыка, задать последний вопрос, который Вас, вероятно, удивит. Да есть ли дисциплина в сергианской церкви? Нет, как послушания в собственном смысле ее нет, ибо все там, как я недавно сказал, держится на лукавых обходах самых сергиевых распоряжений, и я не знаю, есть ли епископ в сергианстве, который бы по совести слушал своего митрополита и синода: из них кто не опубликовал в своей епархии и по храмам самой «декларации», кто припрятал «указ», кто уверяет отошедших в своем душевном сочувствии, а большинство и письменно и устно поносят м. Сергия, не приемлют (или приемлют не сразу) назначаемых епархий и, вообще, являют зрелище такой «стальной партийной дисциплины», от которой самой остается голый костяк, одно пустое имя. Вы скажете: все же они не отходят от м. Сергия. Согласен, Владыка, и в этом, действительно, их общее свойство, но мы хотим быть в Церкви, где совершается словесное служение Богу, а не износятся одни лишь гнилые слова, не

отвечающие действительности даже тогда, когда сами создаются для обозначения известных понятий. «Церковная дисциплина», хоть и не очень церковное слово, все же обозначает нечто приемлемое для христианской совести. Здесь же это именно не церковная, даже не партийная, которая все же как-то проходит и в совесть члена партии, дисциплина, а дисциплина голая, сверху и совне привходящая. И это потому, что если бы м. Сергей сперва объявил запись в свою партию – тогда получилась бы хоть дисциплина партийная, но он воспользовался уже готовым обществом, иначе сплоченным, иными думами мыслящим, и просто надел на него безглазую маску дисциплины, за которой, поэтому, исчезли последние остатки и личности, и совестливости человеческой, и осталась дисциплина, как таковая, «ученичество» (перевожу слово по-русски) без «Учителя», настоящее «отвлеченное понятие». Но, мало того, магическая пустота этого слова сама околдовала тех, кто его исповедует, и потому защита его стала для них новым видом их словесного служения своей церкви, в защиту ее говорят проповеди, о ней только и пишут, ей лишь и служат «служители слова». А ее нет и не может быть, ибо, как поясняет о. Аквилон, «где на место связующей верующих внутренними узами христианской любви поставляется внешнее послушание, там, строго говоря, нет истинного послушания, произрастающего только под живым воздействием христианской любви (там же)». В самом деле, Владыка, в этом царстве сергианской лжи – все лживо, ложь даже то, что там есть дисциплина. Там только одни пустые, поистине пустые слова, которые, очевидно, так и действуют на впечатлительные души, подобные Вашей, что они насыщены какою-то страшною мистикой пустоты. Это какие-то тени, адские призраки, пугающие воображение, против которых одно средство: крест и Имя Иисусовы.

Вот, Владыка, последние мои слова в ответ на Ваши суждения о нашем отходе от м. Сергия, на Ваше осуждение сего отхода и на все Ваши предложения вернуться в покинутую нами, по внушению Божию, сергианскую «церковь лукавнующих».

Сергианство – ересь, а не парасинагога, догматическая, а не каноническая лишь патология

Теперь, если у Вас достало терпения дочитать письмо до этих строк, благоволите выслушать и наше суждение о самом сергиевском деле. Думаю, впрочем, что из всего сказанного мною в защиту нашего отхода и в ответ на приглашение вернуться к м. Сергию, во имя единства и блага церковного, Вы уже и сами усмотрели, в чем мы его зазираем. – Вы говорите мельком, что м. Сергий – не еретик, след., отходить от него на основании 15-го Правила Двукратного Собора – нельзя. А мы утверждаем, напротив, что грех его горше всякой, анафематствованной, ереси. В самом деле, св. Василий Великий в своем знаменитом 1-м правиле говорит, что «еретиками назвали они (древние отцы) совершенно отторгшихся, и в самой вере отчуждившихся». Но таково и есть сергианство: в нем видимо целы все догматы, и снаружи – это церковь, но внутренне это – легализованная организация, мистически пустая. А так как под верою следует разуметь не только словесное исповедание, но и соответствие догматам веры всего, что объемлется Именем Церкви и истинной церковности, то, когда вместо того встречаешь одни пустые обозначения, без действительного содержания, тогда казавшееся до толе живым телом вдруг рассыпается могильным прахом. Вы ужасаетесь, Владыка, что мы якобы готовимся признать сергианские церкви безблагодатными, видя в этом вершину нашей гордыни. Но речь идет пока о безблагодатности сергиева дела в нравственном смысле, ибо это есть первое, что бросается в глаза при ознаком-

лении с «Посланием». И лишь поскольку безблагодатность является свидетельством неверия в живую истину, то последнее говорит уже и за то, что перед нами не тело церковное, а лишь его пустая видимость. Ведь легализовать Церковь так, как это сделал м. Сергей, – это значит, употребляя его выражение, сообщить ей вид «всякого публичного собрания»; но это и значит лишить ее подлинной мистической сущности, и благодати, и веры, и совершенно отторгнуться и отчуждаться от нее, т. е. подпасть 1-му Правилу Св. Василия Великого и быть осуждену 2-й половиной правила 15-го Собора Двукратного. Воистину, Владыка, сергианство для многих потому и ускользает от обвинения его в еретичности, что ищут какой-нибудь ереси, а тут – самая душа всех ересей: отторжение от истинной Церкви и отчуждение от подлинной веры в ее таинственную природу, здесь грех против мистического тела Церкви, здесь замена его тенью и голой схемой, костным остовом дисциплины. Здесь ересь как таковая, Ересь с большой буквы, ибо всякая ересь искажает учение Церкви, здесь же перед нами искажение самой Церкви со всем ее учением.

Вы скажете: все это – туманная мистика, и раз формально м. Сергей признает всю догматику, никто не вправе рыться в характере его признания, т. е. мистично ли оно или просто рассудочно: на это у нас нет и надежного мерила. Нет, Владыка, есть предел для внешнего православия, когда оно само обнаруживает свою скрытую лживость и когда его следует отрицаться.

Когда это бывает в отдельной совести, когда вера в ней переходит в чистое обрядоверие – за этим нелегко уследить, даже на себе самом. Но когда по целой церкви раздаются признания и вводят порядки, от которых несет мерзостью духовного запустения и смрадом духа лестча, тогда именно отдельным совестям Господь открывает, что это – воня смертная, и внушает им сперва просто отвратиться от сего тлетворного духа, а затем

порождает в сознании и точное слово о сем новом церковном испытании, и это слово становится догматом веры. Так было в начале всех больших ересей: для большинства церковного ново возникавшее еретичество сперва не казалось таковым, а лишь по местам начинали слышаться голоса, предупреждающие об опасности. Когда же проходило время, положенное Богом, Церковь и в своем видимом целом осознавала новое учение, как чуждое себе и от мира и князя его привнесенное, и извергала его из своего вселенского организма. Так, Владыка, будет, аще Господь изволит, и в настоящем случае. Уже многие, многие совести чувствуют неправду сергиева дела, но еще не могут до конца ее осознать. Даже и в распоряжении нашем, т. е. у отошедших, еще нет точного и единообразного догматического определения сергианского нечестия, но уже есть, по милости Божией, совершенно твердое убеждение в том, что м. Сергей возглавляет теперь уже не русскую Церковь, как часть истинной, вселенской, а представляет вместе со своими иерархами, всем клиром и паствою (последнюю, впрочем, в большинстве бессознательно) некую подделку под Церковь, пародию, которая на самом деле представляет собою совершенно мирскую и лукавую организацию, только разукрашенную православными с виду, но внутренне иным – гнилым – содержанием наполненными словами. Ключом же ко всему, который вдруг отверзает дверь на все это «нечестие и неправду» (Рим. 1,18) сергианства, служат слова «Послания», приглашающие к сочувствию в радостях и печалях тому, что само о себе открыто свидетельствует, как о силе Боговраждебной и на погибель Церкви направленной. Вслед за этими пустыми (для христианского слуха) словами – и все сергианское море словесное выходит из церковных берегов и разливается и отстаивается тонкою трясиную лжи, где легко увязнуть, откуда необходимо скорее бежать. И вся организация сергианства представляется каким-то водяным чудовищем, выбро-

шенным на апокалипсический «песок морской», на котором оно остро ощущает свою беспозвоночность, свою духовную нетвердость, и, подпираемое рогами зверя, принимает их за костный стан своего собственного бесформенно расплывчатого, «лжемистического» тела.

Итак, м. Сергей подменил не какой-нибудь отдельный догмат еретической ложью: он подменил саму Церковь: вот почему за деревьями его обманчивых слов не видят леса его церковной неправды. Вот почему и мы отреклись и «лица и дел его», т. е. отреклись от сергианства в целом, а не от административной, ритуальной («непоминовение»), дисциплинарной и других подобных связей с м. Сергием и его синодом, каковые все противуканоничны, т. к., допуская его, как главу, отказывают ему в канонических правах всякого законного церковного возглавления.

Вы скажете: но ведь этого мистически столь страшного человека (т. е. м. Сергия) Вы два года признавали законным главою русской Церкви, и если бы он даже накануне Вашего отхода наложил бы на Вас какое-нибудь церковное прещение, Вы бы приняли его. С каких же пор он успел вырасти для Вас в такое апокалипсическое чудовище? Он стал, Владыка, страшен с той поры, как покусился выдать ложь вместо истины, притом вслух всей Церкви. Отход же от него совершился тогда, когда его неправда дошла до сознания отходящих, а он, после тщетных увещаний, только утвердился в своей лжи. Ведь через церковную ложь, словесно высказанную, как и через всякое слово гнило, человек вступает в союз с «отцем лжи» и становится духовно страшен. Как и обратно: «исповедь», т. е. словесное же «поведание» содеянной неправды, возвращает кающегося снова в царство «Отца светов». «Всяка лжа от истины несть», – говорит св. Иоанн Богослов (1 Ин. 2, 21), и в особенности когда она направляется против учения Св. Церкви, ибо «Христос Господь, – говорил св. Максим Исповедник своим искуителям (Четьи Mineи,

21 января), – кафолическою Церковью назвал правое и спасительное исповедание веры, почему Петра (Апостола), право исповедавшего, назвал блаженным и на его исповедании обещал создать такую церковь для всех», невзирая, добавим от себя, на его человеческие немощи. Посему и обратно, когда первоиерарх отступает от правого исповедания, он сходит с Камня Церковного, если же покается, как Петр (как некогда сам м. Сергей в своем обновленчестве), – снова вернется в Церковь. А легализованная и сочувствующая антирелигиозной силе Церковь, конечно, только призрак Церкви. Она стоит не на камне «правды и спасительного исповедания веры», а держится в пустоте, «на нечестном слове», изнесенном бывшим своим предстоятелем. А что и в слове пустом и гнилом есть какая-то темная сила, м. б. именно потому, что это все же слово – отблеск Слова Ипостасного, об этом Вы, конечно, знаете и, кроме того, сами, как и другие, держащиеся м. Сергия, подтверждаете это собственным примером, ибо ничем иным, как навязчивой идеей или гипнотической внушаемостью, не объяснить магического воздействия на Вас слов: «церковное единство», «дисциплина» и под<обное>, о чем я выше говорил. Мне, кажется, Владыка, что лишь одно это слово или слова, знаменующие одно и то же, т. е. единство, одни только и вызывают в Вас представление о какой-то духовной сущности, вне Вас сущей, все же остальное – церковное – расплывается в тумане личных переживаний, внутренних настроений, приточных образов, с их нравственным приложением и под<обным>, что все обьёмлется названием морализирующего (толстовского) понимания христианства.

В самом деле, Вы, на основании некоторых данных, решили, что мы – отошедшие от м. Сергия – настроены в духе раскольников-старообрядцев, т. е., как выражается о нас м. Сергей во втором своем послании (от 17/30 января 1928 г.), полны какими-то «беспредметными предчувствиями» близости конца мира, и на ос-

новании их начинаем ломку церковного строя. И вот, желая выправить нас в этом отношении, Вы особую и значительную часть своего письма занимаете рассуждениями о том, что «область ее (т. е. мысли о близости второго пришествия Господня) применения в христианской жизни есть только область нравственная» (стр. 29), «эта готовность, т. е. встретить Господа, паки грядущего, это бодрствование, говорите Вы в другом месте, должны быть нравственными». Бодрствуй. То есть делай верное свое дело (Владыка, ведь это же внешне совершенно толстовские слова, в духе его «так что же нам делать»), разобрав далее евангельские притчи, говорящие о втором пришествии, и усмотрев в них якобы исключительно нравоучительный смысл, Вы пишете: «То же находим в учении св. Апостолов. Они также дают мыслям о близости пришествия Господня только нравственное применение» (стр. 31). И в заключение снова утверждаете: «Итак, идея близости дня Господня имеет лишь нравственное применение» (стр. 32).

Все это, Владыка, свидетельство неправильности Вашего духовного устройства. Ваша психология – не православная, а сектантская, ибо в отдельных частях Вашего учения нет внутренней духовной связи, а есть лишь внешнее сцепление разрозненных представлений. Но такова ведь судьба всякого выпадения из Тела Церкви: то, что в Нем находится в органическом единстве, то в секте выступает разрозненно, как в учении, так и в жизни. Так, для Запада такими «продуктами распада» являются дисциплина католичества и субъективный морализм протестантизма, т. е. как бы расслоение Церкви и верующей личности, что в Православии органически связано. Подобно тому, крайность католического воззрения на Иерархическое единство и церковную дисциплину и у Вас сочетается с явным уклоном в протестантскую мысль о личном спасении. Таково и все сергианство; недаром сторонники его много говорят об аскетизме христианства, разумея под ним

одно внутреннее самоусовершенствование, без церковного «бодрствования» над тем, право ли правят предстоятели Церкви слово Христовой истины. Они забыли о тех отцах и учителях истинного аскетизма, которые покидали пустыни, чтобы отстоять омоусиос, против омиусиоса, две воли против одной, икону (которой иные из них, м^{ожет} б^{ыть}), и не имели в своих убогих кельях) против ее гонителей и под^{обное}. Вспомните хотя бы св. Антония Великого, или преп. Далмата, который, дав на всю жизнь обет не выходить за ограду обители, нарушил его, чтобы бороться с Несторием. Современные же моралисты довольствуются простым бессловесным послушанием епископату. Но это, Владыка, не православие, а именно сектантство. Я и в Вас чувствую это опасное отклонение от золотой точки христианского равновесия в сектантскую одно-сторонность лжи – «евангельской» духовности, всегда подпираемую с другого конца каким-нибудь грубейшим идолом «дорогого братца», идолопоклонством перед св. Писанием, вне его церковного понимания и употребления, какую-нибудь одну заповедь, в ущерб прочим (толстовское «непротивление злу») и под^{обное}, чем враг рода человеческого издевается над любителями чистой морали. Так и Вы, Владыка, незаметно для своей христианской совести, свернув с Царского Пути Спасения в Православии в сторону одного лишь внутреннего нравственного «бодрствования» над самим собою, неизбежно преткнулись о бездушный камень внешнего и глубоко аморального единства и голой дисциплины и склонились пред ним, как пред неким идолом, – «дорогим братцем Сергием». Отсюда и то странное противоречие, которое у Вас получилось. Именно, Вы то, что нуждается особенно в нравственном освящении, т. е. учение о Единстве Церкви, как союзе любви, во имя единства таинственного в Господнем Теле, Вы это учение и проповедь единоклубия и единомыслия, о чем постоянно вспоминают св. апостолы, когда говорят о цер-

ковном единстве, подменяете призывом к бездушной и в сущности своей – внеморальной, т. е. собственно глубоко безнравственной дисциплине, – то же, что относится к последним судьбам мира и Церкви, т. е. и знамения второго пришествия – небесные и земные, и великие соблазны того времени, и падение (обольщение) многих, и умаление веры на земле, и малое число спасающихся, и прилив новых сил из обратившегося к вере «остатка израилева», что, по словам св. апостола, будет для Церкви как бы «воскресением из мертвых», и, наконец, все же видимое торжество зла перед самым концом (Апокалипсис), т. е. все, что, согласно св. ап. Петру (2 Петр. 3, 10), может быть названо стихийным, – все это Вы разводите теплостудной водицей «своего дела», т. е. толстовским морализмом – вниманием к себе и невниманием к судьбе Церкви, и евангельское «бодрствуйте» обращаете лишь к своей личной совести, а не и к церковной, соборной, хотя оно стоит во множ^{<естественном>} числе, да еще с пояснением: «А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте» (Марк. 13, 37), т. е. относится не к одной лишь душе, а ко всей Церкви. Православный же христианин должен исповедовать не одну лишь христианскую нравственность, но и христианскую истину, не только «нагорную проповедь», но и евангельскую историю (ср. в Символе слова: «распятие... при Понтийском Пилате... и погребена, и воскресшего в третий день по Писаниям»), не только один догмат и канон о Иерархическом Единстве, но и все догматы и каноны, и все церковное предание, иначе то будет не православный христианин, а сектант. И если бы, Владыка, ранние христиане, непосредственные ученики св. апостолов, были научены от них только Вашему моральному бодрствованию, то и перед осадой Иерусалима они, слыша слова Господа о грядущих судьбах мира: «...тогда сущии во Иудеи да бежат в горы» – не побежали бы в заиорданскую Пеллу, а постарались бы их истолковать в смысле чисто духовно-назидательном,

и все погибли бы жертвою Божьего гнева, обращенного на врагов христианства. Конечно, Вы правы, Владыка, что нельзя, как указано выше (см. стр. 1 наст<оащего> письма и выдержки из Вашего, там же, стр. 33 и 35), приспособлять Апокалипсис к оправданию своих греховных деяний, напр<имер>, отходу из св. Церкви в раскол (как обычно у старообрядцев), но в чем Вы видите неправильность нашего отношения к учению о конечных судьбах мира? То, что мы употребляем образ жены, сающейся на зверя, в применении к лжецеркви м. Сергия? Но на это нас уполномочивает и св. Киприан Карфагенский, который видит здесь изображение всякого еретического и раскольнического искажения учения о Церкви, след<овательно>, этот образ сколько апокалипсичен, столько же и обычен для всех времен. Да и все наше церковное дело пока еще может быть сопоставлено с прежде бывшими, вплоть до отпадения католичества (каковое, по неведомым судьбам Божиим, совершилось в 1054 году в тот же день, в который м. Сергей с синодом в 1927 г. подписал свое отступническое послание). Однако мы не смеем закрывать глаза и на то, что каждое новое церковное отступление приближает нас к тем временам, когда его придется обозначать с большой буквы, как одно из имен последнего и величайшего Апостата (2 Сол., гл. 2).

Является ли м. Сергей его последним пророком — мы не знаем. Господь не уявил, — но что он из школы сих сынов пророческих, это мы ясно видим.

Поэтому, Владыка, и в отношении Апокалипсиса мы — не сектанты, как не сектанты и перед св. канонами и догматами Церкви. Кто же сектант? Сектант тот, кто 1) выдает за св. Церковь свою общину, спаянную «братскою» дисциплиной и легализованную, как вполне лояльную, даже при антирелигиозном и, хуже того, — «воинственно-атеистическом» уклоне государства и, того более, сочувствующую ему, кто 2) отрицается всех инакомыслящих и, подобно сектантскому присое-

динению через исповедь перед общиною, или какой-то духовный баптизм, требует новой присяги перед «московской патриархией» и обязательств, каких не только не содержится в чине церковного таинства крещения, но которые даже противоречат словам «оглашения»; сектант, кто 3) приспособляет св. литургию к условиям места и времени, даже тогда, когда они явно противоречат ее духовным целям, и обращает ее в официальное публичное собрание, подобно таковым же у сектантов; сектант тот, кто 4) разрывает (Ваши слова: «секта – сечение») ту самую «золотую нить» апостольского преемства (любимое выражение «посланий» м. Сергия), которою гордятся сергианцы, но которая уже порвана ими, т. к. м. Петр а) и не благословил их на их деяния, и б) по всей видимости, не благословит, и в) от которого они отрекаются сами, как от одного из «кабинетных мечтателей», якобы смешавшего Церковь с «монархией» и за то, поделом, сосланного и, согласно «Посланию», подлежащего извержению из клира Московской патриархии, как контрреволюционера; наконец, сектанты – те, кто 5) отрицаются всего вещественного и видимого и хотят жить жизнью чистого духа, «бодрствующего» в ожидании Небесного Жениха, которого, впрочем, за запозданием Истинного, может заменить и какой-нибудь другой «Христос» с хлыстовского корабля, с которым они и вступают в прелюбодейный союз. Таково сектантство, таково и сергианство. Вы с м. Сергием... «Владыка, дорогой и любимый, здесь жуткий и страшный тупик, тупик обособленного от Церкви существования... Вне Церкви нет правды и истины. У нас есть Церковь (и она все ширится и в своем числе, т. к. уже более тысячи приходов со всей России поняли опасность сергианства и бегут от него), есть, слава Богу, в ней и Иерархия верная и православная (пока еще немногочисленная, но ведь большинство ее, особ^{енно} из исповедников, еще мало знают о происшедшем, а из узнавших – часть уже с нами). Вернитесь, дорогой Вла-

дыка, к сей Иерархии. Иначе Вы – не Церковь, Вы – секта. Ужас подумать, Владыка, после достойного и святого и благоговейнейшего... пастырствования (и сугубого исповедничества), Вы теперь епископ, но не епископ кафолической Церкви, а епископ секты».

Простите, Владыка, что с таким запозданием отвечаю Вам, но зато, как видите, в рост пустил Ваши слова и возвращаю их Вам с лихвою. Сокращенно все, мною сказанное в ответ на Ваши рассуждения, может быть выражено так. Обвиняя нас в раскольнических деяниях, Вы, как я выше старался показать, обнаруживаете неправильное представление о Церкви, как Единстве прежде всего, Единстве, как таковом и – во что бы то ни стало, и тем затеняете другое, не менее существенное свойство Церкви – Ее Святость, – когда же Вы обращаетесь к отдельной христианской совести, то здесь Вы, напротив, берете ее вне ее живого единства с Церковью и Ее земными судьбами, предписывая одно лишь нравственное бодрствование над собой.

Таким образом, Церковь у Вас лишается святости, а личная нравственность и ее святость отчуждаются от Церкви, у Вас Церковь не свята и святость не церковна. А это знаменует начало внутреннего распада, как следствия выпадения сознания из связи с живым целым Тела Православной Церкви, т. е. уклонение в секту. Поэтому в Вашем представлении Церковь начинает походить на сектантскую общину с братцем во главе, а христианское бодрствование, т. е. трезвенность, подменяется своего рода «трезвенничеством», т. е. ложной духовностью. Конечно, Вас не может прельстить какой-нибудь грубый Чуриков, но льстец тонкий, т. е. м. Сергей, Вас в свои предательские для Церкви сети уловил. В самом деле, ведь и у него, как я уже выше указывал, то же требование беспрекословного послушания себе, как некоему папе или братцу-«апостолу», или даже «Христу», и та же ложная прелестная духовность, которая может быть в единодушии и мире даже с князем

мира сего. Не слышится ли первое, т. е. католически-сектантская самоуверенность и непогрешимость в таких, например, словах:

«Мы не забываем, — пишет м. Сергей во втором своем печатном послании (от 18/31 декабря 1927 г.), — что, при всем нашем недостоинстве, мы служим тем канонически бесспорным звеном, которым наша русская Православная Иерархия в данный момент соединяется со Вселенскою, через нее с апостолами, а через них — и с Самим Основоположителем Церкви Иисусом Христом. Слушай вас, сказал Он апостолам, Мене слушает, а отменяйся вас, сказал Он, Мене отменяется, отменяйся же Мене отменяется Пославшего Мя Отца».

Так, утвердив за собою раз навсегда эти права на представительство Самого Господа, м. Сергей рассылает свои послания и указы без совета с Церковью, не допуская даже мысли, что сам, может быть, за свою церковную политику уже выпал из Церкви, увлекая в свое отступничество и тех, кто с ним, а бегущим от него шлет вслед запрещения и угрозы отлучением и убеждает, что «боязнь потерять Христа (так!) побуждает христианина не бежать куда-то в сторону от законного священноначалия, а, наоборот, крепче за него держаться и от него не устанно искать разъяснений по всем недоумениям, смущающим совесть», т. е. совершенно подобно папе или «братцу» запугивает опасностью вместе с собою потерять Христа и всех зазывает на поклон и совет к себе, а не ко Св. Церкви, отцам, соборам и совести.

Таков этот новый ересиарх, а вот и его сектантская проповедь абсолютного трезвенничества, т. е. лжедуховности. «В административном отделении от нас, — возвещает он в том же 2-м Послании, — хотят быть лишь те, кто не может отрешиться от представления о христианстве как силе внешней, и торжество христианства в мире склонны видеть лишь в господстве христианских народов над нехристианскими». Объявив, таким образом, христианство строго «интернациональ-

ным», м. Сергей идет еще дальше в учении о чистой духовности христианства и уверяет, что оно настолько оторвано от земных условий существования, что при всяких детализациях «вера и православно-христианская жизнь остаются незыблемы» (слова 1-го Послания) и «быть православными» (из 2-го Послания) могут и те, кто разделяет радости и печали воинствующего антихристианства. Вероятно, для показания той же глубокой «сокровенности» христианства м. Сергей в изданном им Календаре праздники церковные печатает обычным мелким шрифтом, а гражданские – крупным, в знак «чисто духовного» им «сорадования».

Таков новый учитель веры, такова и его новая вера. Неверия к себе и к своему учению он не допускает. Он говорит (во 2-м Послании): «Христианин помнит, что любовь “всеmu верит”» (I Кор, 13,7).

Да, «христианин помнит» эти слова св. апостола, но он не забывает и предыдущих: любовь – «не радуется о неправде, радуется же о истине», и еще помнит христианин другие апостольские слова о вере: «Возлюблении, не всякому духу веруйте, но искушайте духи, аще от Бога суть: яко мнози лжепророцы изыдоша в мир. О сем познавайте Духа Божия и духа лстча: всяк дух иже исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша от Бога есть, и всяк дух, иже не исповедует Христа во плоти пришедша, от Бога несть. И сей есть антихристов, его же слышасте, яко грядет, и ныне в мире есть уже» (I Иоан. 4,1–3).

Слышим и мы, грешные, слова св. Апостола, и вот «искушаем» духа Сергиева и «не веруем» ему. Что в том, что он устами исповедует Христа, во плоти пришедшего? Где же в сергианстве место для Христа Воплощенного? Окинешь ли мысленным взором его «Московскую патриархию» в ее целом – видишь одну лишь «легализованную организацию», «сочувствующую» легализовавшим ее безбожникам; заглянешь ли в ее внутренний строй – там «партийная дисциплина» на словах,

церковная разруха на деле; поищешь ли правды в самом высшем возглавлении сергианском – там полное «рабство у внешних» и духовная оторванность от истинного возглавления в лице м. Петра; обратишься ли к отдельным епархиям – они страдают попеременно то безглавием, то многоглавием, и в них не положено быть личным духовным связям со своими епископами, следовательно, то – не составные части Тела Церковного; поищешь ли Христа посреди двух или трех, собранных во Имя Его и стоящих вне прямой зависимости от м. Сергия, – не найдем и того, ибо сергианство не терпит ни больших, ни малых автокефалий и на всех кладет печать своего властительства; обратишься ли к «непоминающим Сергия и властей», но там – сугубая ложь – ложь и потому, что они все же с ложью сергианства и еще потому, что они эту связь хотят скрыть; попытаться ли прибегнуть ко св. таинству, чтобы через него приобщиться истинной плоти и крови Христовой, и остановишься в раздумье, ибо не верится, что вверены св. Тайны литургии, приравненной ко «всякому публичному собранию», внутренне обезличенной и гласно возвещающей об отступничестве и прелюбодейных связях своих совершителей; приклонишь ли, наконец, слух свой к совести отдельного сергианина, и там услышишь лишь горькое признание в беспросветном рабстве, исповедь, подобную вашей: ничего не понимаю, судить не могу, защищать не в силах, пользы не вижу, а отойти от Сергия боюсь.

Итак, нигде, ни в какой области [отрасли?] сергианства, не ощущается присутствие Духа истинного и животворящего, нет подлинной связи с лозою Тела Христова, нет места для исповедания тайны Боговоплощения не одними лишь устами, но и самим делом. Лестчий дух сергианства не исповедует Христа во плоти пришедша, поэтому нельзя верить и сергианским устам. Поэтому и само сергианство есть одна лишь воплощенная ложь и духовная пустота и бессилие. Это Ложь с

большой буквы, это Лесть перед одними, обольщение других, это воистину «церковь лукавнующих». Это еще не антихрист, но это уже его Антицерковь.

Вот, Владыка, все, что нашел в своей совести нужным сказать Вам. Впрочем, разрешите закончить церковный спор словами самих отцов и учителей Церкви.

Вам отвечает за меня св. Феодор Студит: «Мы не отщепенцы, святая глава, от Церкви Божией, да не случится этого с нами никогда. Хотя мы и повинны во многих других грехах, однако мы православны и питомцы кафолической Церкви, отвергающие всякую ересь и принимающие все признанные вселенские и поместные соборы, равно как и изреченные ими канонические постановления. Ибо не вполне, а наполовину православный тот, кто полагает, что содержит правую веру, но не руководствуется божественными правилами. Так как я, не имея епископского достоинства, не могу обличать, то для меня достаточно оберегать себя самого и не входить в общение с ним (в нашем случае с м. Сергием) и с теми, которые заведомо служат вместе с ним (т. е. имеют молитвенно-каноническое общение с сергианцами), пока не прекратится соблазн (т. е. до покаяния м. Сергия)»... Мы «составляем одно тело с нею (Св. Церковью) и вскормлены божественными догматами и правилами ее, и постановления стараемся соблюдать... Мы писали и к самому Архиерею (т. е. что если прекратится соблазн)... то мы тотчас войдем в общение с ним... Поэтому знай, что у нас не отделение от Церкви, а защищение истины и оправдание божественных законов» (письма, часть I, письмо 25 и 28).

К м. Сергию, как новому Евномию-аномею, т. е. Беззаконнику, как таковому, да обратится за нас Великий епископ и Вселенский Учитель Церкви св. Василий Великий, словами обличения: «Велико было бы твое могущество, если бы, чего не достиг диавол различными хитростями, тебе удалось достигнуть того своим приказом ("Послание"), и мы, поверив тебе, признали

бы, что предание, которое во все предшествовавшие времена имело силу у стольких святых, маловажнее Вашего (серианского) вымысла» (в начале 1-й книги Опроверж. на Евномия).

Наконец, нас, отошедших, утешает тот же св. отец: «Человеку здравомыслящему более всего должно избегать того, чтобы жить для славы, сообразоваться с мнением большинства, а не правый разум ставить вождем жизни; но хотя бы пришлось противоречить всем людям, или за прекрасное навлечь на себя бесславие и опасности, и в таком случае не должно решаться на извращение правильно дознанного» (из беседы к юношам, как получать пользу от языческих сочинений, беседа 22).

Аминь.

1/14-VII-1928 г.

Св. Бессребреников и Чудотворцев
Космы и Дамиана.

Приложение I

Письма и документы владыки Димитрия (Любимова)

*Письмо епископа Гдовского Димитрия
(Любимова) духовенству ст. Сиверская*

<Декабрь 1927 года>

Вас смущает прежде всего то, что мы так долго не порывали канонического общения с митрополитом Сергием, хотя и послание его и дело митрополита Иосифа (Петровых) давно уже были перед нашими глазами. На сие отвечаю так:

Последнее представлялось нам первоначально одним из обычных даже для Патриарха подтверждений и о невмешательстве Церкви в дела гражданские. И нам пришлось изменить отношение к нему лишь тогда, когда обнаружилось, что послание начинает оказывать сильное влияние и на дела чисто церковные, и искажать не только канонически, но даже и догматически лицо Церкви. Плоды его выявились не сразу, а самые крупные из них, по крайней мере, до сего времени, отразившиеся и в нашей епархии, следующие:

1. Закрепление Временного Синода, который, в сущности, не Синод, так как не представляет совершенного лица Русской Церкви, а простая канцелярия, каковой первоначально представлял его митрополит Сергей, закрепление его в качестве соуправляющего Заместителю органа, без которого уже ни одно

решение не исходит от митрополита Сергия, что является незаконным и самочинным действием. Искражен самый патриарший образ управления Церковью.

2. Одновременно с таким самоограничением митрополита в своих правах является требование возносить имя его вместе с Местоблюстителем митрополитом Петром, что еще более искажает единоличную форму правления Церковью, установленную Собором 1917–1918 гг., да и вообще противно духу Св. Церкви, никогда не допускавшей на одно епископское место двух соуправителей или хотя бы именованя двух имен с одинаковым значением.

3. Также незаконно и объясняемое, по словам митрополита Сергия, лишь гражданскими причинами массовое (до 40 случаев) перемещение епархиальных епископов.

4. Такую же цель принизить значение епископа для епархии имеют и учрежденные ныне епархиальные советы, под надзор которых будет попадать каждый вновь назначенный на епархию епископ.

5. Незаконно и требование, обращенное митрополитом Сергием к русским православным людям, помимо отношения внешней подчиненности к гражданской власти, которую они доблестно являли в течение десяти лет, не нарушая гражданского мира и не восставая против законов страны, не противоречащих христианской совести, – незаконное требование от них и внутреннего признания существующего строя, и общности и радости и печали с людьми, совершенно чуждыми и враждебными Церкви.

Таковы первые плоды, выросшие на почве послания; другие подрастают еще, и о них говорить преждевременно, но и явившихся оказалось достаточно для того, чтобы поставить пред совестью вопрос о дальнейшем отношении к митрополиту Сергию и его делу⁴⁴².

⁴⁴² Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / Сост. М. И. Губнин. М., С. 540–541.

**Письмо епископа Димитрия, временно
управляющего Ленинградской епархией,
к отцам настоятелям от 4 января 1928 года**

Дорогие о Господе о. о. Настоятели.

В ответ на прошение Ваше от 30/XII ст<арого> ст<иля>, обращенное к моему недостоинству, отвечаю, что с любовью приемлю Вас в свое молитвенное общение и архипастырское руководство и сам прошу усердно ваших св. молитв о мне грешном, да даст нам Господь Бог, по богатству благодати Своей, пребыть верными Единой Святой, Соборной и Апостольской Церкви, возглавляемыми в порядке земного церковного священноначалия Местоблюстителем Патриаршим Петром, Митроп<олитом> Крутицким, впредь до того времени, как совершенный Поместный Собор Русской Церкви, представленный всем наличным епископатом, т. е. теперешними изгнанниками-исповедниками, не оправдает нашего образа действий своей соборной властью, или же до тех пор, пока сам Митрополит Сергей, пришед<ший> в себя, не покается в том, что погрешил не только против канонического строя Церкви, но и догматически против Ея лица, похулив святость подвига ея исповедников подозрением в нечистоте их христианских убеждений, смешанных якобы с политикой; соборность – своими и синодскими насильственными действиями; апостольство – подчинением Церкви мирским порядкам и внутренним (при сохранении ложного единения) разрывом с Митр<ополитом> Петром, не уполномочившим Митр<ополита> Сергея на его последние деяния, начиная посланием от 16/29 июля с<его> г<ода>.

«Тем же убо, братие, стойте и держите предания». Ваш богомолец Димитрий, Еп<ископ> Гдовский⁴⁴³.

⁴⁴³ Польский М., протопресв. Новые мученики Российские... Ч. 2. С. 9.

**Письмо настоятеля Крестовоздвиженского храма
священника Александра Сидорова к епископу
Гдовскому Димитрию (Любимову)**

<27 ноября (10 декабря) 1928>

Его Преосвященству, Преосвященнейшему Димитрию, епископу Гдовскому

Настоятеля Крестовоздвиженского храма, что в г. Москве, на Воздвиженке, свящ. Александра Сидорова.

Со стороны митрополита Сергия, по распоряжению епископа Филиппа (Гумилевского), меня дважды посещали уполномоченные им иереи с предупреждением снять с меня иерейский сан.

Мною было сообщено, что, прервав каноническое общение с митрополитом Сергием, я нахожусь в каноническом общении с митрополитом Иосифом и Вашим Преосвященством.

Об изложенном считаю своим долгом довести до Вашего сведения и испрашивать Ваших Архипастырских указаний.

Нижайший послушник Вашего Преосвященства
Священник А. Сидоров

г. Москва

день Знамени Пресвятой Богородицы
ноября 27 дня 1928 г. (ст. ст.)⁴⁴⁴.

⁴⁴⁴ Акты Святейшего Тихона... С. 620.

**Ответное письмо епископа Гдовского
Димитрия (Любимова) московским иосифлянам**

<29 ноября (12 декабря) 1928>

Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любви Бога и Отца да будет с Вами, возлюбленные о Господе о. Александр Сидоров, о. Сергей Голощапов, о. Никодим и все священнослужители церквей Крестовоздвиженской, Грузинской Божией Матери и Николы (Большой) Крест, – да поможет Вам Господь пребывать в мире, единоклубии и единомыслии, в твердом исповедании чистоты и Истины православной веры, с любовью во всем помогая друг другу. Не смущайтесь никакими прещениями, которые готовят Вам отступившие от веры Христовой. Никакое запрещение или извержение Вас из сана митрополитом Сергием, его Синодом или епископами для Вас недействительно. Доколе останется хоть один твердо православный епископ, имейте общение с таковым. Если же Господь попустит и Вы останетесь одни, без епископата, – да будет Дух Истины, Дух Святой со всеми Вами, Который научит Вас решать все вопросы, могущие встретиться на Вашем пути, в духе Истинного Православия.

Где бы я ни был, моя любовь и мое благословение будет с Вами и с Вашей паствой.

Димитрий, епископ Гдовский.

г. Петроград. День св. муч. Парамона,
29 ноября (12 декабря) 1928 г.⁴⁴⁵

⁴⁴⁵ Акты Святейшего Тихона... С. 620–621.

**Ответ епископа Гдовского Димитрия (Любимова)
митрополиту Сергию (Страгородскому)
по поводу возведенной на него клеветы**

<Апрель 1928 года>

Всем верным чадам Святой Православной Христовой Церкви от епископа Гдовского Димитрия, в опровержение клеветы, возведенной на него М.⁴⁴⁶ Сергием Нижегородским и его Синодом.

Возлюбленные о Господе собратья, архипастыри,
пастыри и все чада Церкви Православной!

В январе месяце сего года я получил указ от М. Сергия и его Синода, запрещающий мне священнослужение. В нем было сказано, что я дошел до такого безумия, что одну церковь – храм «Спаса на водах» – публично назвал «храмом сатаны». Недавно был прислан 2-й указ, в котором повторяется это обвинение. Вероятно, с какою-либо целью это обвинение было связано с церковью, которая особенно была близка моему сердцу. Свидетельствую моею архиерейскою совестью, что ни в частной беседе, ни публично я таких слов не произносил. Указ рассылается повсеместно, и найдутся люди, которые поверят этой клевете и соблазняются. Будем молиться, чтобы Господь охранил слабых, колеблющихся людей от соблазна, а тех, кто прибегает к такой клевете, вразумил и наставил на истинный путь.

Димитрий, епископ Гдовский. Неделя всех Святых, 1928 г.

⁴⁴⁶ Здесь и далее М. – митрополит.

Все вышеизложенное было уже высказано мною устно в день Вознесения Господня в храме Воскресения после св. литургии, в присутствии клира и богомольцев.

Е<пископ> Д<имитрий>⁴⁴⁷.

* * *

Удостоверение

Сим удостоверяется, что Преосвященный Иоасаф, Епископ Бахмутский и Донецкий, находится в духовном общении с Православной Церковью, возглавляемой Патриаршим Местоблюстителем Петром Митрополитом Крутицким и оставшеюся верною православным традициям.

Временно управляющий
Ленинградской епархией

Димитрий, епископ
Гдовский.

8/21 ноября 1928 г<ода>⁴⁴⁸.

⁴⁴⁷ «Дело митрополита Сергия». Документы к церковным событиям 1927–1928 гг. Китеж, 1929. ГА РФ Ф. 5919. Оп. 1 Д. 1. С. 238–239.

⁴⁴⁸ Шкаровский М. В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999. С. 235.

**Послание архиепископа Гдовского Димитрия
благочинным Задонского округа
24 июля / 6 августа 1929 года**

На рапорте о. о. благочинных Задонского уезда Воронежской епархии долгом считаю уведомить, что никакого изменения в направлении деятельности митрополита Сергия не последовало, и потому ложны уверения, что Первоиерархи Российской Православной Церкви признали его и Синод законоправящим. Призываю на Вас Божие благословение, с любовью принимая Вас временно в свое молитвенное каноническое общение, о чем и прошу поставить в известность всех православных окружных о. о. благочинных епархии.

О. о. благочинным предоставляю право в случае необходимости по своему усмотрению назначать себе заместителей.

Благочинническим Советам предоставляю право назначения и перемещения церковнослужителей.

Ведение бракоразводных дел при руководстве правилами Собора 1917 и 18 гг. предоставляется также благочинническим Советам.

Да поможет Вам Господь до конца дней Ваших понести крест служения Святой Церкви

Димитрий, Архиепископ Гдовский⁴⁴⁹.

⁴⁴⁹ Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 233–234.

**Письмо епископа Дамаскина (Цедрика)
архиепископу Димитрию Гдовскому**

Стародуб
10 сентября 1929 года

Ваше Высокопреосвященство
Возлюбленный о Господе Владыко Димитрий,

Пользуюсь удобным случаем войти с Вашим Боголюбием в сношения и выразить в лице Вашего Высокопреосвященства высокочтимому Архипастырю м. Иосифу и всем иже с Вами собратиям, отцам и братьям чувство глубокой признательности и уважения за мужественное исповедание правды Православия и выражение протеста против великого беззакония, внедряемого в жизни Церкви через посредство обезумевшего м. Сергия и его окружения в то время, когда большая часть ссыльного епископата не могла еще иметь о положении никакого представления. Ваш открытый отказ от участия в зачинавшемся тогда беззаконии, Ваш возмущенный голос протеста был услышан всей Церковью и заставил всех ревнующих о Православии и благочестии обратить свое внимание на великую опасность, угрожающую Св. Церкви.

В сем Ваша великая заслуга перед Церковью, за сие Вам мое земное поклонение и братское лобзание.

Подателя сего, уважаемого протоиерея о. Григория Селецкого я уполномочиваю подробно доложить Вашей святости о других вопросах и некоторых наших недомумениях, в чаянии получить от Вас поддержку и содействие.

Смиренный Ваш богомолец
Еп. Дамаскин⁴⁵⁰.

⁴⁵⁰ Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 4. Л. 102–102 об.

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ заклученного Димитрия (Любимова)

Протокол допроса от 4 декабря 1929 года

Письмо еп. Дамаскина я получил через священника Селецкого. Это письмо я поручил протоиакону Смирнову Василию переписать, и копии этих писем я раздавал духовенству и верующим. От него же было получено письмо, что епископ Дамаскин наладил связь через верного человека с митрополитом Петром.

Продолжение допроса от 6 декабря 1929 года

От митрополита Сергия мы отошли и не признаем его своим духовным руководителем по следующим причинам: 1) перевод митрополита Иосифа из Ленинграда в Одессу, 2) учредил незаконно самовольно синод, 3) После выпуска м. Сергием декларации, мы требовали изменения курса церковной политики – прекратить перемещения епископов и категорически отрицаем то, что радости Соввласти – наши радости. Мы не можем радоваться гонению и разорению Церквей, т. е. тому, что радуется Соввласть и 4) это указ о молении за власть, за власть, отрицающую Бога.

В настоящее время у нас в Ленинграде кроме меня еще два епископа: еп. Сергей Дружинин и еп. Василий Каргопольский, и недавно приехал с Олонецкой губ<ернии> еп. Варсанофий. Кроме этих епископов к нам примыкают: епископ Виктор Вотский и Максим Серпуховской, наход<ящиеся> в ссылке еп. Иоасаф и еп. Николай, Иоасаф находится в Екатеринославской (зачеркнуто), а Николай в Костромской.

Секретарем и советником моим был умерший священник Федор Андреев; после смерти Андреева определенного секретаря не было, писали, кто был свободный, а именно Петр Белавский, Павел Морозов, протоиерей Смирнов, Николай Прозоров, советниками же были все старейшие священники, как то Верюжский, Никитин и другие. Я фактически являюсь заместителем митрополита Иосифа в деле управления Ленинградской епархией.

Священник Селецкий Григорий сам лично приезжал ко мне в Ленинград и оставил письмо на имя митрополита Иосифа, в котором Селецкий писал, что епископ Дамаскин, наладив связь с митрополитом Петром, получил от него ответы о том, что мы, епископы, сами должны отказываться от митрополита Сергия, что письмо еп. Василия сообщает неправду, какие-то еще пункты, но забыл.

На именины я получил от еп. Дамаскина письмо, в котором он выражал мне благодарность в моем трудном деле стоять на посту истинного православия, с этого письма я просил переписать копии, но куда делось подлинное письмо, я не знаю.

Записано с моих слов правильно; письмо Дамаскина было также привезено Селецким⁴⁵¹.

***Протокол допроса
от 13 декабря 1929 года***

Мы, иосифляне, сохраняем истинное православие и как истинно православные выступили против декларации митрополита Сергия с требованием изменить курс церковной политики. Мы считаем, что своей декларацией митрополит Сергей подчинил Церковь антихристовой власти. Мы не можем сочувствовать политике

⁴⁵¹ Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 1. Л. 83 об.

Соввласти за гонения, преследования и разрушения православной Церкви.

Иосифлянство возникло в Ленинграде, во главе которого после Иосифа стал я. Моими ближайшими помощниками являются Прозоров, Александр и Сергей Тихомировы, Верюжский, Никитин, Павел Морозов и Стрельников. Всем этим лицам я поручал разные поручения, вплоть до испытания присоединяющихся к истинному православию священников. Помимо Ленинграда истинное православие имеется в Вятской губ., в Воронежской губ., на Кубани. Из этих мест приезжало духовенство, а иногда и миряне, получали у меня благословение и инструкции по распространению и укреплению на местах истинного православия. Духовенство из провинции спрашивало у меня совета относительно выборки патента на продажу свечей, о новом законе о «двадцатках» и др. Относительно продажи свечей я говорил, что выборкой патента церковь приравнивается к лавочке, и был против выборки патента.

Записано с моих слов правильно. А. Д. Любимов⁴⁵².

**Протокол допроса
от 20 января 1930 года**

В дополнение своих показаний показываю, что письмо священника Селецкого на имя митрополита Иосифа, в котором он сообщал, что епископ Дамаскин наладил связь с митрополитом Петром, мною по рассеянности не было послано митрополиту Иосифу, а осталось забытым в моем столе. Показание мое в предыдущем протоколе об антихристовой власти я не вполне правильно выразился и прошу заменить слово «антихристовой» – «безбожной», как более точное выражение, а именно «безбожники» – это в полном смысле отрицаю-

⁴⁵² Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 1. Л. 85 об.

щие и Бога, и Христа, а антихристы не признают Христа, но могут признавать Бога.

Епископа Варлаама я знаю, он ко мне приезжал с выражением желания войти со мной, т. е. с нашей группой, в общение. Мне известно было, что Коптевым получалась корреспонденция от еп. Варлаама. С письмами Варлаама Коптев приходил ко мне за советом для ответа⁴⁵³.

***Протокол допроса
от 1 октября 1930 года***

Я очень хорошо сознаю, что в ряде документов и листовок, которые выпускали мои сторонники, были места и выражения, носящие антисоветский характер. Должен заявить, что я лично не сочувствовал увлечению составителей в сторону политического момента и обычно советовал выбросить места такового рода из показываемых мне документов. Надо сказать, что с этими нашими документами ко мне из провинции приезжали, случалось, не только священники, но и крестьяне. Я в таких случаях, когда они показывали мне выпущенные моими сторонниками документы указанного характера, говорил им: «Оставьте эти документы; вы поняли, где истинная вера, и достаточно, молитесь и веруйте так». Не отрицаю, что, несмотря на то, что в антисоветском отношении мы только теоретизировали и дальше пропаганды не шли, все же, конечно, возможно были случаи, когда из нашей политической платформы делались практические выводы, хотя мне лично случаи антисоветских выступлений неизвестны. По моим и моих сторонников убеждению, Церковь вела себя правильно в политическом отношении и по отношению к советской власти до раскаяния патриарха Тихона в контрреволюционной деятельности. В политическом отношении нам

⁴⁵³ Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 1. Л. 88 об.

поэтому неприемлемы ни обновленцы, к тому же отступники от Церкви, ни митрополит Сергей и его сторонники.

Мы считаем, что Церковь не может быть лояльной власти, которая ее гонит, а советская власть, по моему разумению, именно гонит Церковь. Самый факт существования безбожного общества, *<неразбор.>* антирелигиозные плакаты – это гонение. А тем более сочувственное отношение власти к этому вопросу. О профессоре Лосеве у меня смутное представление: знаю только, что он верующий профессор и истинно-верующий, т. к. предполагаю, что он принадлежит к нашему течению⁴⁵⁴.

Протокол допроса от 21 декабря 1930 года

К нашей церковной организации в разное время принадлежали следующие епископы: Иерофей (жил в Велико-Устюжском округе), епископ Виктор Глазовский, епископ Максим (Серпуховской), епископ Алексей Буй (Воронежский), епископ Павел Кратиров (жил на Украине, как будто в Харькове), епископ Иоасаф, тоже на Украине, и епископ Варлаам (жил на Кавказе). Из этих епископов я лично видел Максима, Алексея и Иоасафа. Обычно отношения с епископами, входившими в нашу организацию, велись через приезжавших верующих священников и т. п. После ареста епископа Алексея – по делам ко мне обращались непосредственно или же обращались к епископу Иоасафу. После смерти Иерофея нового епископа назначено не было, а руководство было поручено священнику Анатолию Шипунову с тем, чтобы при нем были в качестве неофициальных советников несколько других священников, фамилии которых сейчас не помню. Сам я Шипунова, как будто, не видел, но

⁴⁵⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7377. Т. 11. Л. 204.

помню, что священник Кабанов из тех же мест, где и Шипунов, приехал, по каким вопросам – не помню.

Епископ Варлаам у меня был также.

На Украине было нечто вроде секты, хотя Церковь их сектантами не считала. Я говорю о так называемых «стефановцах» и «подгорновцах»⁴⁵⁵, как они себя сами называли. Их отличительная черта – до известной степени фанатичность, в силу которой они выделялись из остального православного населения⁴⁵⁶.

**Протокол допроса
от 23 декабря 1930 года**

Откуда я получил брошюру «Что должен знать православный христианин» – не представляю сейчас. Прочитал в ней несколько страниц. Не представляю также, чтобы я давал ее кому-либо для отвоза на места, как, например, священнику Никитину Георгию Никитичу. Давал ли я ее кому читать, не помню. Никитин из простых людей, хотел быть священником. Я отправил его к епископу Иоасафу, который управлял филиалом нашей организации на Украине.

Вообще-то мне приходилось раздавать приезжающим ко мне людям некоторые брошюры, в которых излагались наши взгляды; а какие именно брошюры я раздавал – не упомяну. За количеством верующих мы не гнались. Для нас важно было, чтобы члены нашей организации и наши сторонники держались крепко, ничего не боясь. Установку нашу на необходимость в случае надобности «пострадать до крови» надо понимать в смысле мученичества.

Точно не упомяну, но, вероятно, ко мне приезжали советоваться по вопросу о том, входить или не входить в

⁴⁵⁵ Последователи старца Стефана Подгорного, возглавляемые его внуком священником Василием Подгорным (1892–1937).

⁴⁵⁶ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7377. Т. 11. Л. 206.

колхоз. Мое личное мнение, что в колхоз можно вступать лишь в том случае, если там не ведется борьбы с религией. А так как там принимаются все меры к ее искоренению, то и вступать в него по этой причине нельзя. Конечно, с такими вопросами ко мне обращаться могли только члены нашей организации, и только в таком духе разъяснения спрашивавшим и давались.

Епископ Варлаам, когда он ко мне приехал, не был признанным епископом, так как не все правила, по мнению некоторых лиц, были исполнены при его посвящении, <но> данным я поверил.

Он приехал с предложением возглавить филиал нашей организации на юге, главным образом, на Кавказе. У него было образовано в <то> момент до 20 групп. Ввиду дальности расстояния жительства Варлаама от Ленинграда, было уговорено, что он будет действовать, применяясь к местной обстановке и в значительной степени самостоятельно. У Варлаама была некоторая доля фанатичности⁴⁵⁷.

Протокол допроса от 3 марта 1931 года

По существу взгляды нашей организации по отношению к советской власти сводятся к следующему: мы считаем, что советская власть по религиозным соображениям не является для нас государственной властью, такой, какой мы подчиняться можем. Для нас приемлема такая власть, о которой говорится в одном из наших документов, а именно в записи беседы с митрополитом Сергием:

«Властью называется иерархия, когда не только мне кто-то подчинен, а и я сам подчиняюсь выше меня стоящему, т. е. все это восходит к Богу, как источнику всякой власти».

⁴⁵⁷ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7377. Т. 11. Л. 208.

Иначе говоря, такой властью является помазанник Божий, монарх.

Я признаю, что признание нами советской власти властью антихристовой должно было повлечь за собой для верующих, ориентирующихся на нас, невозможность участвовать в каких бы то ни было ее начинаниях.

Но должен оговориться, что дальше распространения этих идей мы не шли; практически, за исключением небольшой кучки людей – наших сторонников, мы против советской власти ничего конкретного не предпринимали. Говоря о «небольшой кучке», я имею в виду, например, пламенного архиерея Иерофея, который вел проповедь отказа от практической деятельности в деревне и об оздоровлении жизни народа, против пьянства⁴⁵⁸.

⁴⁵⁸ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7377. Т. 11. Л. 210.

**Из архива
Политического Красного Креста**

14/IX-31

Любимовой Вере Дмитриевне

В ответ на В/обращение сообщаю, что согласно полученной справке Любимов Дмитрий Гаврилович приговорен к 10 годам заключения в Политизоляторе.

15/XI-31 г.

Вере Дмитриевне Любимовой

В ответ на обращение о ходатайстве свидания с отцом можете прислать заявление на имя ОГПУ, приложить 2 Ваши фотокарточки.

Заявление передадим и о результате Вас уведомим⁴⁵⁹.

* * *

Заявление

Прилагаю заявление и фотографические карточки и прошу, согласно Вашему извещению, исходатайствовать право свидания для меня и для племянницы отца моего, Дмитрия Гавриловича Любимова. Очень прошу не задерживать ответ.

В. Любимова
15/I 1932.

⁴⁵⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 662. Л. 8, 11.

19/II 1932

Заявление

Не имея ответа на мою просьбу о получении свидания с отцом моим, Дмитрием Гавриловичем Любимовым, решаюсь Вас беспокоить вторично. Мы даже не знаем точно, где он сейчас находится. До конца ноября он был в политизоляторе в Ярославле. В дальнейшем мы не получали больше права свидания и не знаем, дошли ли до него послания по почте, посылки и свезенная туда лично передача.

Мы не знаем, куда направить передачу теперь.

Будьте добры, сообщите, где он в настоящее время находится, а также по возможности не задержать высылку разрешения на свидание. Кроме того, благоволи-те сообщить, не имеет ли смысла обратиться в комиссию при ВЦИК с просьбой о смягчении его участи, принимая во внимание возраст (75 лет) и болезненное состояние.

В. Любимова.

28/I 1932.

Петропавловская 4, кв. 38. Ленинград 22.

19/VII-32

Гр<аждан>ке Любимовой

Вследствие В<ашего> обращения сообщаю, что для ходатайства о разрешении свидания с Дмитрием Гавриловичем Любимовым Вам нужно вновь прислать заявление, адрес в ОГПУ, приложив Ваши фотографические карточки и указав, на какой месяц хотите получить свидание⁴⁶⁰.

⁴⁶⁰ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 770. Л. 3, 1, 5.

* * *

10/VI 1935 г<ода>
от Веры Дм<итриевны> Любимовой

Прошу сообщить мне, где находится мой отец, Дмитрий Гаврилович Любимов. До конца апреля он находился в политизоляторе в Ярославле. В мае от него уже не было писем. От 24 мая вернулась продуктовая посылка, и на обратном бланке за подписью делопроизводителя сообщалось, что там его «не имеется».

Прошу не задерживать ответа, так как лишение продуктовых посылок в его преклонном возрасте и при его состоянии здоровья может на нем губительно отразиться.

В. Любимова.
6-го июня 1935 г<ода>.
Адрес: Петропавловская д. 4,
кв. 38. Ленинград 22.

19/XII-35
Вере Дмитриевне Любимовой

Вследствие В<ашего> обращения сообщаем, что согласно полученной справке В<аш> отец Любимов Дмитрий Гаврилович умер⁴⁶¹.

* * *

⁴⁶¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1306. Л. 133, 137.

7/II-36

Наталии Тимофеевне Дмитриевой

Вследствие В<ашего> обращения сообщаю, что, согласно полученной справке, Дмитрий Гаврилович Любимов умер 17/V-35 г<ода>.

Справка эта получена в декабре 35 г<ода>, и тогда же послано об этом извещение дочери его Вере Дм<итриевне> Любимовой, по ее прежнему адресу. Настоящее сообщение посылаем по Вашему адресу, ввиду того, что от дочери не имели писем, и нет уверенности, проживает ли она по прежнему адресу⁴⁶².

Уважаемая Екатерина Павловна,

Ваше письмо о смерти Дмитрия Гавриловича Любимова получила 9/II-36 г<ода>.

Остаюсь благодарна за Ваше сообщение.

Н. Дмитриева.

Благодарю Веру Антоновну за внимание и хлопоты.

Н. Д.
28/III-36 г<ода>⁴⁶³.

⁴⁶² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1471. Л. 383.

⁴⁶³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1471. Л. 382.

Приложение II

Церковные документы, изъятые при арестах иосифлян в 1929–1930 годах

Протесты епископов

ПИСЬМО (1-е) ЕПИСКОПА ГЛАЗОВСКОГО ВИКТОРА МИТРОПОЛИТУ СЕРГИЮ

Ваше Высокопреосвященство, Милостивый Архипастырь и Отец, Дорогой и Глубокочтимый Владыко!

Сейчас получил Ваше благословение на награждение одного из протоиереев города Вятки митрой, – увидел Вашу знакомую дорогую надпись, и от такой неожиданности сердце наполнилось забытой отрадой и прежним благоговением к Вам, с которым я оставил Вас год тому назад. Слезы невольно потекли из глаз; это слезы любви к отцу и благодарности к Богу. Пусть эти слезы будут свидетельствовать Богу о том, что я вовсе не хочу обидеть Вас, посылая к Вам это письмо. Я его пишу от скорби за Святую Православную Церковь.

Дорогой Владыко! Ведь не так давно Вы были доблестным кормчим и для всех нас вождем первопастырем, и одно воспоминание святейшего имени Вашего вливало в сердца наши бодрость и радость. И вдруг – такая печальная для нас перемена: умы наши

колеблются, сердца потеряли опору, и чувствуется, что мы снова остались без руководителя и защитника от нападающих на нас, и это с тех пор, как окружили Вас советчики Ваши. Души наши изнемогают, ужас созерцания того, что теперь кругом происходит в Церкви, подобно кошмару давит нас, и всех охватывает жуткий страх за будущее Церкви. – Там далеко задумал отложиться Ташкент, тут бурлит и возмущается Петроград, здесь стенает и вопиет к небу Вотляндия, и опять бунтует Ижевск, а там опять в скорби и недоумении приникли к земле Вятка, Пермь и пр. пр. города, а над всеми ими готовится вот-вот произнести свой решающий голос Москва. Ведь везде пошло лишь одно разрушение Церкви, и это в «порядке управления». – Что это такое? Зачем это? Ужели Святая Церковь мало еще страдала и страдает от «внешних»? И какая может быть польза от этих, разрушающих мир, гибельных распоряжений? Вот взять и нашу, едва увидавшую свет Воткинскую Епархию? Как рад был народ, и как могла бы в ней развиться церковная жизнь. И вдруг, в угоду «злому гению», из-за корыстных и злобных его целей и происков (разумею еп.), а также ради личных вожделений Ар., эта, едва начавшая через Вас жить епархия, – уже разрушается. Не справедливее ли было бы пред Богом и людьми одним Вашим распоряжением утвердить ее бытие в территориальных границах Воткинской области, на что благословило бы Вас Небо и земля. Ведь за это говорит сама Истина: народ, объединенный в гражданском отношении, необходимо объединить в церковном, а не давать из меркантильных соображений дробить его на пять частей.

Владыко! Пощадите Русскую Православную Церковь – она вручена Вам, и от Вас много зависит не давать разрушать ее в «порядке управления». Пусть не подвергается порицанию всечестная Глава Ваша, и да не будет причин к расколам и отпадениям от Церкви. Если же этого не будет сделано-соблюдено, то, свиде-

тель Бог и Ангелы Его, в Церкви произойдет великий раскол, от которого не спасет и предполагаемый Собор, который теперь сам уже заранее называется именем, которого лучше не произносить.

Возведи окрест очи твои и с вершины умственной горы виждь чада твоя (Ис. 60, 4), как волнуются и страдают они, и будь нам виновником мира и споспешником покоя Церкви. О сем просим и молим святую душу Твою.

Да будет всегда с Вами помощь Божия, ограждающая Вас от зла, укрепляющая в добре, утверждающая в мудрости первоиерарха, ободряющая в избрании пути истины.

Припадая к священным стопам Вашим, Ваш нижайший послушник и богомолец

Епископ Виктор
Октябрь 1927 г.⁴⁶⁴

* * *

⁴⁶⁴ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 3. Л. 89–90.

<без заголовка>

Т

«Вы, оправдывающие себя законом,
остались без Христа, отпали от Благодати».
(Галат. V, 4)

ДРУГИ МОИ, ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ О ГОСПОДЕ ПАСТЫРИ,

На душевную скорбь Вашу по поводу всяких угроз, запрещений и лишений, посредством чего отпадающие от Церкви Божией силятся увлечь и Вас на путь своего греха и гибели, скажу Вам словами Господа: «Да не смущается сердце Ваше, и да не устрашается» (Иоанн. XIV, 27). Прещения лукавующих есть лишь плод их злобы, бессилия и неправоты, и для исповедников ИСТИНЫ значения иметь не могут. Рассудите сами, какое, например, для православного священника могут иметь значение запрещения католиков, протестантов, живоцерковников и пр., если бы они вздумали применять их к нам. – Никакого. Так точно и здесь. Разница только в том, что католики, протестанты и пр. ранее отпали от Божией Церкви, а отступники (антицерковники) теперь в наше время прельщены диаволом, «уловившим их в свою волю» (3 Тим. 11, 26). И это падение их не малое и не тайное, но весьма великое и всем очевидное для имеющих ум (1 Кор. 11, 16); а обнаружилось оно в известном «воззвании» 16/29 июля и в последовавшем за ним дерзком разрушении Православной Церкви. «Воззвание» прельщенных есть гнусная продажа не продаваемого и бесценного, т. е. – нашей духовной свободы во Христе (Иоанн. VIII, 36); оно есть усилие их, вопреки слову Божию, соединить несоединяемое: удел

грешника с уделом Христовым, Бога и Мамону (Мф. VI, 34), и свет и тьму (2 Кор. VI, 14–18).

Отступники превратили Церковь Божию из союза благодатного спасения человека от греха и вечной гибели в политическую организацию, которую соединили с организацией гражданской власти на служение миру сему, во зле лежащему (2 Иоан. V, 19). Иное дело лояльность отдельных верующих по отношению к гражданской власти, и иное дело внутренняя зависимость самой Церкви от гражданской власти. При первом положении Церковь сохраняет свою духовную свободу во Христе, а верующие делают исповедниками при гонении на веру; при втором положении она (Церковь) лишь послушное орудие для осуществления политических идей гражданской власти, исповедники же веры здесь являются уже государственными преступниками. Все это мы и видим на деятельности Митрополита Сергия, который в силу нового своего отношения к гражданской власти вынужден забыть каноны Православной Церкви, и вопреки им он уволил всех епископов-исповедников с их кафедр, считая их государственными преступниками, а на их места он самовольно назначил непризнанных и непризнаваемых верующим народом других епископов. Для Митрополита Сергия теперь уже не может быть вообще самого подвига исповедничества Церкви, а потому он и объявляет в своей беседе по поводу «воззвания», что всякий священнослужитель, который посмеет что-либо сказать в защиту ИСТИНЫ БОЖИЕЙ против гражданской власти, есть враг Церкви Православной. Что это, разве не безумие, охватившее прельщенного. Ведь так рассуждая, мы должны будем считать врагом Божиим, например, Святителя Филиппа, обличившего некогда Иоанна Грозного и за это от него удушенного; более того, мы должны причислить к врагам Божиим самого великого Предтечу, обличившего Ирода и за это усеченного мечом.

И <к> такому печальному положению привело отступников то, что они предпочли нашей духовной свободе во Христе иметь внешнюю земную свободу, ради соединенного с нею призрачного земного благополучия. И если архиепископ Павел кричит и клянется, что он, подписываясь под «воззванием», мыслил о ненарушении им догматов и канонов Православной Церкви и что он не отрекался от нее, то пусть простит, – и Пилат устами выдавал себя за неповинного в убиении Христа, а тростью (пером) утвердил смерть его. Для антицерковников – отступников от Церкви – сохранение ими догматов и канонов ее является делом уже сравнительно маленьким. Отрубивший голову не оправдывается тем, что не повредил волос на голове; думать иначе – достойно смеха. А они все твердят: «У нас все по-старому». Верно, обличие у них осталось православное, и это многих смущает; но не стало с ними ДУХА ЖИЗНИ, БЛАГОДАТИ БОЖИЕЙ, следовательно, и вечного спасения человека. Вот почему эта лесть и горше первых.

Христос не поклонился веляиру, когда он, искушая Его в пустыне, предлагал всю власть мира сего, только, говорит, падши, поклонись мне (Мф. IV, 8). А они поклонились. И, как духовная власть, они силою втягивают и всех других в своей грех, в свою погибель. Но только неверие в благодать Божию и непонимание нашего спасения в ней и через нее может заставить человека встать на путь единения с отступниками. Ибо все их доказательства в защиту «воззвания» есть слова «от земли гласящих» (Ис. XXIX, 4), от законов чуждых и от толпы, побуждаемой страхом человеческим говорить все. Угроза же их каноническими прещениями есть лишь ловушка для несведущих и малодушных. Ведь каноны Божии не для того даны святыми Отцами, чтобы посредством их, как бичом, гнать в погибель тех, кто заявляет, что он по страху Божию не может идти за уловленным врагом диаволом.

Причем самое содержание канонов, на которые ссылаются отступники, по смыслу их к нам применимо никоим образом быть не может. О чем, например, говорят правила 13, 14, 15 Двукратного Собора и другие подобные, на которые они ссылаются. – Правила говорят, что если у кого-либо из клириков возникает ЛИЧНОЕ недоразумение с его епископом, а у епископа с митрополитом области, у митрополита с патриархом, или если местный епископ выскажет опять-таки ЛИЧНОЕ сомнительное мнение по вопросам веры и благочестия, то во всех подобных случаях, во-первых, необходимо должно передать таковое дело на рассмотрение высшей инстанции, во-вторых, никто по этим ЛИЧНЫМ своим делам или ИЗ-ЗА СПОРНЫХ МНЕНИЙ НЕ ДОЛЖЕН прерывать канонического общения с предстоятелем.

Какое теперь может быть приложение этих правил к делу нашего исповедничества <пробел в оригинале> ни у вас со своим епископом, ни у меня с М.⁴⁶⁵ Сергием никаких личных между нами недоразумений нет; дело наше не личное или местных интересов, или каких-либо спорных недоказанных мнений, а дело непосредственного практического разрушения нашего общего вечного спасения самую церковную властью через замену ею истинной Церкви ложною, Жены, облеченной в Солнце (Апок. XII, 1), великою блудницею (XVII, 1). При иных условиях церковной жизни М. Сергей и все его сообщники подлежали бы немедленному суду Православной Церкви в лице поместного собора. Но не того собора, который подготавливают сами отступники от ИСТИНЫ ЦЕРКВИ и который будет лишь сколок с «разбойнического собора» 1923 года. Необходимо, чтобы собор был совершенный, т. е. с участием всех Православных Епископов, а наипаче исповедников Церкви. Но такого собора при настоящих условиях жизни быть никогда не может. И в действительности нам, при соз-

⁴⁶⁵ Здесь и далее М. – митрополит.

давшихся условиях, даже нет возможности и некому заявить жалобу на отступников от истины Церкви.

Так что же теперь мы должны делать? По мнению самих отступников, мы будто бы должны сделаться соучастниками их преступления против Православной Церкви и, следовательно, так же, как они, подвергнуть себя суду Божию, а еще прежде суда лишить себя Благодати спасения. Но какое же мы можем представить оправдание перед Богом за участие в грехе. Правда, мы, как человеки, подчиняемся духовной власти, но в то же время каждый из нас руководствуется в своей жизни заповедями Божиими, по которым и будет судим, и если мы окажемся сообщниками нечестия духовной нашей власти, хотя бы даже в лице самого Патриарха, то никоим образом нам не оправдаться пред Богом. Ибо заповедь Божия говорит: «Кто отречется от Меня пред человеки, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным» (Мф. X, 33).

Вот почему св. Максим Исповедник, когда его уговаривали и страшными мучениями заставляли вступить в молитвенное общение с неправомудрствовавшим Патриархом, воскликнул: «Если и вся вселенная начнет причащаться с Патриархом, я один не причащусь с ним». Почему это? – Потому, что он боялся погубить душу свою через общение с увлеченным в нечестие Патриархом, который в то время не был осужден собором, а, наоборот, был защищаем большинством епископов. Ведь церковная административная власть даже в лице соборов не всегда и раньше защищала истину, о чем ясно свидетельствует история святителей Афанасия Великого, Иоанна Златоуста, Василия Великого, Феодора Студита и др. Как же и я могу впредь оставаться неразумно безразличным. *<пропуск в тексте>* Вот почему мы и встали на единственно возможный в нашем теперешнем положении выход, – это путь исповедничества **ИСТИНЫ СПАСЕНИЯ**. Путь этот тяжел, это путь подвига; но мы уповаем не на свои силы, но взираем на на-

чальника веры и совершителя Иисуса (Евр. XII, 3). И дело наше есть не отделение от Церкви, а защищение истины и оправдание Божественных заповедей, или еще лучше – ОХРАНЕНИЕ ВСЕГО ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА НАШЕГО СПАСЕНИЯ. Вот почему с обличением М. Сергия выступил целый сонм архипастырей: митрополиты (Иосиф, Агафангел, Арсений), архиепископы, епископы и множество отдельных пастырей, которые заявляют М. Сергию, что они не могут далее признавать его за руководителя Православной Церкви, а будут управляться самостоятельно до времени.

Смотрите же, други мои и сопастыри, чтобы не быть вам увлеченными духовными зверями.

Довольно и прежнего, бывшего в недавнее время падения, теперь же будем ходить осторожно.

Мир Божий, превосходящий всякое разумение (Филипп. IV, 7), да исполнит сердца ваши и помышления ваши, и да управит путь ваш во Христе Иисусе, Господе нашем. А м и н ь.

Епископ Виктор
Февраль 1928 г.⁴⁶⁶

* * *

⁴⁶⁶ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 3. Л. 91–95.

ИЗ ПИСЬМА ВЛАДЫКИ ВИКТОРА К ЕПИСКОПУ А.

ДОРОГОЙ ВЛАДЫКО!

Мир вам от Господа!

Два письма Ваши получил и обрадован. Не скрою, вместе с радостью, письма Ваши доставили печаль моему сердцу и сердцу любящих Вас. Вы хвалите меня за ревность, превозносите меня, забывая о моей греховности, до Колесничника Илии. О, как стыдно мне от этого сравнения, потому что я недостоин его...

Но вот Ваши два слова, что Вы желаете уйти в безвестное странничество, чтобы молиться без зазрения совести во всяком храме без различия, – эти два слова тяжелым камнем легли на сердца наши и придавили все похвалы Ваши ревности нашей.

Ведь вне Православной Церкви нет благодати Божией, а следовательно, нет и спасения, нет и не может быть и истинного храма Божия, а есть просто дом, по слову Василия Великого. По моему мнению, храм без благодати Божией делается местом идолопоклонничества, и самые святые иконы, оголенные от животворящей их Благодати Божией, делаются мертвыми досками – идолами. И вдруг Вы пишете, что желали бы молиться везде, где хвалится имя Божие. Но ведь, если продолжать дальше, то Вы так попадете не только ко всяким еретикам, но и к магометанам, буддистам и пр., ибо и у них славится имя Божие, но Вы и сами видите, что такие мысли полного безразличия разрушают не только смысл и значение Православной Церкви, но и самое христианство. И к чему тогда наше исповедничество за истину Церкви Православной? Для чего терпим лишения, страдания, а может, придется понести и самую смерть!..

Это из первого Вашего письма, а вот из второго Вы упоминаете здесь о расколе, кафарах чистых и пр. и как

будто даже сквозь строки приписываете это нам. Это опять уничтожает все Ваши похвалы нам за истинное слово наше, которое, по Вашему мнению, мы должны были сказать.

Нет, Священная Глава, мы не отщепенцы от Церкви Божией и не раскольники, отколовшиеся от нее: да не случится этого никогда с нами. Мы не отвергаем ни Митрополита Петра, ни Митрополита Кирилла, ни святейших Патриархов, я не говорю уже о том, что мы с благословением сохраняем все вероучение и церковное устройство, переданное нам от Отцев, и вообще не безумствуем и не хулим Божией Церкви.

Вот в 1923 г. мы точно так же исповедывали истину Церкви и добились своими страданиями того, что нечестивые изгнаны были от Церкви Божией и образовали свое «обновленческое» собирище отдельно от нас. Так что же, по-Вашему, мы в своем исповедничестве тогда были раскольниками? Не думаю, чтобы Вы так мыслили, ибо сами благословляли нас и лобызали язвы наши. Так учили о нас, как о раскольниках, прельщенные диаволом предатели Церкви, желая таким путем защитить свое отречение и падение. Так точно делают те же лица и теперь, обвиняя нас в расколе. Но мы не раскол делаем в Церкви, а только требуем, чтобы предатели Церкви Божией оставили свои места и передали управление в другие руки или слезно покаяться и раскаялись в содеянном зле. Или Вы думаете, что Сергей лучше Антонина. Его заблуждения о Церкви и о спасении в ней человека мне ясны были еще в 1911 г. И я писал о нем в старообрядческом журнале, что придет время, и он потрясет Церковь. Так оно и вышло. И нам нужно принять все меры, чтобы сохранить и оградить овец Православной Церкви от новой лести. И это не мы одни к этому стремимся, а с нами собор Соловецких епископов (26), с нами великое множество рабов Божиих. Ужас того зла, которое производят эти волки во ограде Христовой, подавил страх перед ними, как хозяевами

Дома Божия, хотя они и не хозяева. Митрополит Петр не благословил ни «Синода», ни «воззвания», ни той деятельности, которую производит Митрополит Сергей, превысив свои полномочия. — И вот в разных концах Православной Русской Церкви раздался голос, обличающий предателей, и явились попытки удалить их от начальства, как подобное этому было в 1923 году, но разорители Церкви надеются, что Митрополит Петр не вернется к «жизни» — как прежние отступники от Церкви, живоцерковники, надеялись, что святейший Патриарх не воскреснет: мы же имеем другую надежду, что память их самих погибнет с шумом, как осквернителей душ христианских.

Мы с детскою простотою веруем, что сила Церкви не в организации, а в благодати Божией, которой не может быть там, где нечестие, где предательство, где отречение от Православной Церкви, хотя бы под видом достижения внешнего блага Церкви.

Ведь здесь не простой грех Митрополита Сергия и его советчиков. О! Если бы это было только так! Нет! Здесь систематическое, по определенному плану разрушение Православной Церкви, стремление все смещать, осквернять и разложить духовно.

Здесь заложена гибель всей Православной Церкви, а именно сознательное приспособление ее — Небесной Христовой Невесты — служению злу, ибо мир во зле лежит.

«Не поклоняйтесь под чужое ярмо с неверными» и пр. — заповедует св. апостол (2 Кор. I, 14–18). А эти учат обратному. И все это должно распространиться по всей Православной Русской Церкви, ибо все должны одобрить новое нечестие, а иначе — прещение, ибо, говорят, «мы Ваше начальство». О, ослепление ума! О, ужас переживаемого!

При испытании 1923 года и позднее ясно обнаружилось, что оплотом Православной Церкви оказались исповедники Истины — Епископы, связанные нераз-

рывною благодатною связью и любовью с их паствами. И что же делают новые враги православия? Они перемещают таких Епископов с их кафедр и их места занимают своими ставленниками, и это не единичные случаи, а совершается это в определенной системе по всей Русской Церкви. Вы можете себе представить, какой стон, плач и ужас покрыли Православную Церковь, когда в ней началось это рассечение нерассекаемого.

Петроградское духовенство и миряне запросили Митрополита Сергия, чем он объясняет это злодеяние, и он наивно отвечает, что здесь страдает не Церковь, а епископы и паства. — Так разве это не малая Церковь? Не ячейка Вселенской Церкви? А нужно это, по словам Митрополита Сергия, будто бы для выявления лояльности в отношении к гражданской власти. — Что за безумие. Убийством Церкви выявлять свою лояльность.

Далее, — вторым оплотом Православия оказались приходские советы. И что же опять делают новые враги Православия? Они дают наказ свести значение приходских советов на нет, и это для того, чтобы их ставленники — епископы по своему усмотрению замещали священнослужительские места. Какое теперь начнется осквернение душ нечестивыми священнослужителями, которых епископы будут рассовывать везде, и какое и те и другие, не признанные верующим народом, производят ужасное разложение веры и упадок религиозной жизни...

Поистине эти злоумышления против Церкви не от человека, а от того, кто искони был человекоубийца и кто жаждет вечной гибели нашей, слугами кого и сделались новые предатели, подменив самую сущность Православной Христовой Церкви: они сделали Ее из Небесной земною и превратили из благодатного союза в политическую организацию.

В заключение сего письма умоляю Вас, как друга, пред которым я благоговею за его благочестие, убегайте ядовитых обольстительных речей (писем), искушаю-

щих Вас, подобно змиям, и желающих удалить Вас от животворного древа Истины.

Пребудем твердыми и непреклонными в предпринятом нами с 1922 года исповедании за Истину Божию, чтобы Господь не отнес к нам голоса пророка: «Жрецы мои отвергошаса закона моего и оскверниша святая моя, между святым и оскверnavым не различаху, но все для них было одинаково» (Иезек. XXII, 26).

Вспомните вместе нами читанного великого исповедника Феодора Студита, когда он прекратил общение с Патриархом только за то, что тот не хотел лишить сана священника, сознательно совершившего незаконное венчание. А Вы ни во что хотите поставить разорение всей Православной Церкви этими духовными разбойниками, и только потому, что они надели на себя личину хозяев Дома Божия, хотя и сами Вы сознаете, что они преступны.

Нет, это будет не ослепление сердца, а обратное – защищение Божией Истины, а не раскол. Вспомните и другого исповедника, св. Максима, который говорил: «Если и вся вселенная будет причащаться с отступившим Патриархом, то я один не причащусь с ним во век». Благодатию Божиею будем подражать сим исповедникам.

М и р В а м. Епископ Виктор Глазовский.
Января «15» дня 1928 года⁴⁶⁷.

* * *

⁴⁶⁷ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 3. Л. 97–99.

ВСЕМ О ИМЕНИ ГОСПОДНЕМ
СОРАБОТНИКАМ НА НИВЕ ДУХОВНОЙ,
ПРИЧТУ И МИРЯНАМ
В. – Устюжской епархии

ВО ИМЯ ОТЦА И СЫНА И СВЯТОГО ДУХА

«И даждь нам едиными усты и единым сердцем славить пречестное и великолепное имя Твое».

Дорогие пастыри и верные чада Церкви Православной, вы знаете, что без единства нет спасения.

Организм Церкви един: Христос – Глава Церкви; очи, уста, руки и ноги – это пастыри и учителя – органы Церкви, а тело Церкви – все верующие во Имя Господа нашего Иисуса Христа. Все тело движется одним духом и живет одним сердцем. Часть тела, не питающаяся кровью от сердца – отпадает и погибает. Так отпали на Ваших глазах от Церкви обновленцы; они не захотели сообщаться первейшему в Церкви лицу, святейшему Патриарху, и теперь разлагаются понемногу, как негодная рука или нога, отрезанная и брошенная в землю. После обновленцев «живоцерковников» отказались от единства Церкви «автокефалисты», последователи Архиепископа Григория Екатеринбургского (григориане), не признавшие законного Заместителя Местоблюстителя Митрополита Сергия. Ныне единство Церкви нарушил сам Митрополит Сергей, Заместитель Митрополита Петра. Пока он был верным стражем порученного ему Патриаршего Престола – вся Церковь считала его своим руководителем, а когда он предпринял вольные начинания, не одобряемые ни народом церковным, ни собором епископов, ни благословением Митрополита Петра, то никто не обязан идти путем его заблуждения. Так во время живоцерковного обновленчества все истинные чада Церкви отказались от обнов-

ленческого собора 1923 года и их Синода и постепенно объединились около святейшего Патриарха и епископов, имеющих церковное общение с ним. Так и ныне Митрополиты Петр и Кирилл, Митрополит Иосиф Ленинградский, Арсений Новгородский, Агафангел Ярославский, Арсений, викарий московский, быв. Серпуховской на покое, Архиепископ Серафим Угличский, Архиепископ Афанасий Киевский, Епископы: Димитрий Гдовский, Виктор Вятский, Серафим, б. Дмитровский (Звездинский) на покое, Иринарх Велико-Устюжский, Епископы изгнания и многие другие, а также группы столичного духовенства и делегации уполномоченных от общин верующих в различных формах заявляют Митрополиту Сергию о своем несогласии с ним и отложении от него. Один из них заявляет, что Сергей прицепил к патриаршему престолу руки, стремящиеся опрокинуть его, так как в состав Синода вошли лица, которым Церковь не доверяет. Другие говорят, что Сергей внес политический уклон в церковную жизнь (см. воззвание его «Известия ЦИК» 19 VIII-1927 г.). Третьи указывают, что Сергей избрал кривой путь дипломатического хитрословия соглашений и уступок будто бы для спасения Церкви и оставил прямой, но скорбный путь креста, т. е. терпения и твердости. Наконец, он, употребив обман, назвал свой Синод православным и патриаршим, тогда как он устроен с попранием канонов Церкви: Митрополит Петр Местоблюститель не дал согласия на это дело, как не благословенное самим святейшим еще в 1924 году. Что не могли сделать живоцерковники и григорианцы – то сделал очень хитро Митрополит Сергей: связал Церковь с гражданской властью, выражая духовную покорность последней. Декрет об отделении Церкви от Государства для Сергея и его последователей не существует; посему для достижения своих планов Митрополит Сергей, нарушая 9 прав. Халкидонского собора, пользуется даже не церковной силой. И сознавая ответственность пред

Богом за врученную мне паству, я заявил 10/23 января с<его> г<ода> епископу Софронию, назначенному на Велико-Устюжскую кафедру от Синода, что моя Никольская паства и духовенство, кроме соборного причта, отвергнутого народом, не могут принять его, т. к. отложились от Сергия и Синода. А с другой стороны, сообщил Митр. Иосифу, что канонически присоединяю к нему духовенство и мирян Велико-Устюжской Епархии, по благословению Владыки Иринарха, законным заместителем которого являюсь я в настоящее время по своей Велико-Устюжской Епархии.

Много пришлось мне потерпеть всякой клеветы и скорби за свои архипастырские труды на благо Церкви. Если правила апост. говорят, что клирики ничего не творят без воли епископа, то моя воля, выраженная в настоящем послании, тем более достойна всякого принятия. Но, желая слышать от вас, дорогие чада, что вы единоклубны и единомысленны со мною, а также уважая свободу вашего самоопределения (см. норм. Устав общин), предлагаю огласить и обсудить мое послание на собраниях верующих, дабы все знали положение дела и свободно пришли в единение со мной, оставаясь верным Патриаршему Местоблюстителю Митр. Петру и всей ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ РУССК<ой>, о чем прошу прислать мне письменное постановление. Открыто выступили против меня и распространяют всякие злохуления, клеветы и нелепости лишь члены причта Никольского Сретенского Собора и священник Сергей Аранович (Жудрило) из обновленцев, да протоиерей Иоанн Голубев (Шанго). Они написали на меня необоснованные жалобы в Синод, а протоиерей Михаил Красов (Вохма) лично отвез их в Москву; за что все они запрещены в служении и находятся со мной в каноническом и молитвенном отлучении, пока не принесут искреннего раскаяния по чину обновленцев или пока полный собор епископов не рассудит дела Митрополита Сергия и его сообщников (см. 10 прав. св. апостолов).

Ставлю вам на вид этих наемников, они видят волка грядуща и убегают, не последуйте им, братья и чада мои, но будем иметь другой пример доброго пастыря. Пастырь добрый душу свою полагает за овцы.

А М И Н Ъ.

12/25 Января 1928 г. получил ответ Митрополита Иосифа (Ростов Ярославский): «Управляйтесь самостоятельно. Наше определение: верность Митрополиту Петру».

Смиренный Иерофей,
Епископ Никольский.
8/II–1928 года⁴⁶⁸.

* * *

⁴⁶⁸ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т.3. Л. 60 об.– 63.

ВОЗЛЮБЛЕННЫМ О ГОСПОДЕ АРХИПАСТЫРЯМ, ПАСТЫРЯМ И ПАСОМЫМ ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ

К нам часто обращаются с вопросами: что делать нам и чем руководствоваться в дни нашей церковной скорби и общего шатания умов, когда восстают лжехристы и лжепророки, чтобы прельстить, если возможно, и избранных (Мф. 24, 24).

Мы руководствуемся в нашем смирении православной христианской совестью и преданностью Собору Православной Российской Церкви 1917–1918 гг., почившему Святейшему Патриарху Тихону, Патриаршему Местоблюстителю Высокопреосвященнейшему Петру, М.⁴⁶⁹ Крутицкому, и тем страдальцам за Истину Христову, которые отменяют Декларацию 27 г. 16/29-VII М. Сергия и все последующие его распоряжения. Не раз мы и многие обращались к М. Сергию с увещанием, но он не прекращает своей губительной для Церкви деятельности, отчего иные чада Церкви Православной страдают, болезнуют, иные смущаются прещений, налагаемых М. Сергием на противников его церковной политики.

Посему мы считаем своим долгом поведать всем верным по нашей Архиерейской совести, что все прещения, наложенные и налагаемые на нас Заместителем Патриаршего Местоблюстителя М. Сергием и его так называемым Временным Патриаршим Синодом – незаконны и неканоничны, ибо М. Сергей и его единомышленники нарушили соборность, прикрывши ее олигархической коллегией, попрали внутреннюю свободу Церкви, уничтожили самый принцип выборного начала епископов, принесли много страданий Церкви Божией, заменили на кафедрах многих епископов своими еди-

⁴⁶⁹ Здесь и далее М. – митрополит.

номышленниками, а противных им лишили общения с их верными паствами, болезнующими со своими страдальцами и мучениками за Истину Христову.

Весьма трогает и умиляет нас, что паствы, лишенные общения со своими пастырями и архипастырями, годами ждут их возвращения, дабы с ними, вернувшись в их братские объятия, прославить имя Божие, дивное во святых своих, и воссоздать славную Церковь Божию.

В части административной, по управлению церковными делами мы рекомендовали бы всем верным о Господе принять к руководству воззвание почившего Высокопреосвященнейшего Агафангела, М. Ярославского, от 1929 г., и наш циркуляр 29/XII-26 г., обращаясь в крайней нужде к Высокопреосвященнейшему М. Иосифу, от которого мы восприяли права Зам<естителя> Патр<иаршего> Местоблюстителя и с которым находимся в одинаковом ссыльном положении.

Обратиться к Вам, возлюбленные о Господе Архипастыри, пастыри и все верные чада Церкви Христовой с настоящим словом нас, помимо высказанных уже оснований, побуждает также и передача нами прав Зам<естителя> Патр<иаршего> Местоблюстителя 25/III-7/IV/27 г. Высокопреосвященнейшему Сергию, Митрополиту Нижегородскому, без всяких оговорок по доверию к нему. Между тем М. Сергей, увлекший ныне малодушных и немощных братьев наших в новообновленчество, нашего доверия не оправдал. Это и понуждает нас, причастных к получению М. Сергием прав Зам<естителя> Патр<иаршего> Местоблюстителя, выступить на защиту попираемых им и иными прочими Истины Христовой – внутренней свободы Церкви Православной.

Благодать, и мир, и любовь Господа нашего И<исуса> Хр<иста> Да будет со всеми вами.

Смиренный Серафим, Архиепископ Угличский,
б<ывший> Зам<еститель> Патр<иаршего> Местоблю-
стителя.

«1929 г. 7/20 Января. Могилев.
Буйничский монастырь»⁴⁷⁰.

* * *

⁴⁷⁰ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т.4. Л. 232–232 об.

Другие документы

***Письмо протоиерея Валентина Свенцицкого
митрополиту Сергию (Страгородскому)***⁴⁷¹

ВО ИМЯ ОТЦА И СЫНА И СВЯТОГО ДУХА

Сознавая всю ответственность перед Господом за свою душу и за спасение душ вверенной мне паствы, я порываю каноническое и молитвенное общение с Вами и не считаю Вас более Заместителем Местоблюстителя Патриаршего Престола на следующих основаниях:

Декларация Ваша от 16 июля, завершившаяся указом от 24 октября, и все, что общеизвестно о Вашем управлении Церковью со времени издания декларации, с несомненностью устанавливает, что вы ставите Церковь в ту же зависимость от государственной власти, в которую хотели поставить ее два первых «обновления».

И «Живая Церковь», захватившая власть Патриарха, и Григорианство, захватившее власть Местоблюстителя, и Вы, злоупотребивший его доверием, – все три «обновления» произросли от одного корня. Но вы являетесь создателем самой опасной его формы, т. к., отказываясь от Церковной свободы, в то же время сохраняете фикцию каноничности и Православия.

Это хуже, чем нарушение отдельных канонов.

Я не создаю нового раскола, а я ухожу и уволю свою паству из тонкой обновленческой ловушки, как говорят Вам об этом епископы, порвавшие с Вами Церковное единение: «...да не утратим помалу, неприметно тоя свободы, которую даровал нам Кровию Своею Господь

⁴⁷¹ В следственном деле этот документ не подписан и не имеет заголовка, однако текст его, за исключением отдельных мест, почти полностью совпадает с опубликованным М. Е. Губониным. См.: «Акты Святейшего патриарха Тихона...» С. 553.

наш Иисус Христос – Освободитель всех человеков» (из 8 Прав. III Всел. Соб.).

Оставаясь верным и послушным сыном Единой Св. Православной Церкви, я признаю Местоблюстителя Патриаршего Престола Митрополита Петра и тех епископов, которые, не присваивая себе самочинно общецерковной власти, уже порвали с Вами каноническую связь, по их свидетельству, до суда «совершенного собора местности», т. е. с участием всех православных епископов, или до открытого и полного покаяния пред Св. Церковью самого Митрополита Сергия.

Протоиерей.

Декабря «18» дня 1927 г.⁴⁷²

* * *

⁴⁷² Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 3. Л. 55–56.

**Старческое наставление
Оптинского старца Анатолия*****Монахам и мирянам зело полезно***

Чадо мое, знай, что в последние дни, как говорит Апостол, наступят времена тяжкие (2 Тим. 3–5), так что вследствие оскудения благочестия произойдут в Церкви ереси и расколы, не будет тогда, как предсказывали святые отцы, на престолах святительских и в монастырях людей опытных и искусных в духовной жизни; от того ереси будут распространяться повсюду и прельщать многих. Враг рода человеческого действовать будет хитростью, чтобы, если возможно, склонить к ереси избранных. Он не станет грубо отвергать догматы Св. Троицы, о Богородице, о Божестве Иисуса Христа, но незаметно станет искажать предание св. отцев, от Духа Святого учение Церкви. Самый дух его и уставы, и ухищрения врага заметят только немногие, но более искусные в духовной жизни. Еретики возьмут власть над Церковью. Всюду будут ставить своих слуг, и благочестие будет в небрежении, но Господь не оставит своих рабов без защиты и в неведении; Он сказал: «По плодам их узнаете их». Вот и ты по этим плодам, или, что тоже, по действиям, еретиков старайся отличать от истинных пастырей. Это духовные тати, расхищающие духовное стадо, войдут они во двор овчий – Церкви пролазя, и будут, как сказал Господь, т. е. войдут путем незаконным, употребляя насилие и попирая Божии уставы. Господь именует их разбойниками (от Иоанн. 10 гл. 1 ст.). Действительно, первым делом будет гонение на истинных пастырей: заточение их и ссылка, ибо без этого нельзя будет расхищать овец. Посему, сын мой, как увидишь нарушение Божественного чина в Церкви отеческого предания и установленного Богом порядка – знай, что еретики уже появились, хотя может быть и будут до времени скрывать свое нечестие

или будут искажать Божественную веру незаметно, чтобы еще более успеть, прельщая и завлекая неопытных в сети. Гонение будет не только на пастырей, но и на всех верующих рабов Божиих, ибо бес, руководящий ересью, не терпит благочестия. Узнавай сих волков в овечьей шкуре по их горделивому нраву и сластолюбию, и властолюбию. Будут клеветники, предатели, сеющие всюду вражду и злобу. Потому сказал Господь: по плодам их узнаете, истинные рабы Божии смиренны, братолюбивы, Церкви послушны.

Большое притеснение монахам будет от еретиков, и жизнь монашеская тогда будет в поношении. Оскудеют обители, сократятся иноки, и те, которые останутся, будут терпеть насилие. Однако сильные ненавистники монашеской жизни, имеющие только вид благочестия, будут склонять иноков на свою сторону, обещая им покровительство и житейские блага, за непокорность угрожая изгнанием. От сих угроз будет на малодушных тогда большое уныние. Но ты, сын мой, радуйся, если доживешь до этого времени, ибо тогда верующие, но не показывающие других добродетелей, будут получать венцы за одно только стояние в вере по слову Господа; всякого, кто исповесть меня пред человеки, того исповедую и я пред Отцем Моим Небесным (Матф. Гл. 101, 32, 33 ст.).

Бойся Господа Бога, сын мой, дабы не потерять уготованный венец, бойся быть отвергнутым от Христа во тьму кромешную и муку вечную. Мужественно стой в вере и, если нужно, с радостью терпи изгнание и другие скорби, ибо с тобою будет Господь и св. мученики и исповедники. Они с радостью будут взирать на твой подвиг. Но горе будет в те дни тем монахам, которые обязались имуществом и богатством, и ради любви к покою готовы будут подчиниться еретикам. Они будут усыплять свою совесть, говоря: мы сохраним и спасем обитель, и Господь нас простит. Несчастные и ослепленные не помышляют о том, что ересью войдут в обитель бесы,

и будет она не святой обителью, а простыми стенами, откуда отступит благодать. Но Бог сильнее врага и никогда не покинет своих рабов, истинные монастыри будут пребывать до скончания века, только избираться будут для этого в уединенные места (пустыни). Не бойся же скорбей, а бойся пагубной ереси, ибо она обнажает человека от благодати, разлучая со Иисусом Христом. С радостью спеши подвигом исповедничества и переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа (Тим. 2 гл. 1 и 3 ст.), рекшаго, будешь верен до смерти и дам тебе венец жизни (Отк. 2,16). Ему же со Отцем и Святым Духом честь и слава, и держава во веки веков. Аминь⁴⁷³.

* * *

⁴⁷³ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 3. Л. 101–102 об.

О послушании Митрополиту Сергию

В новой церковной смуте, которая возникла во второе замещение Митрополита Сергия, Патриаршего Местоблюстителя, многие успокаивают свою смущенную совесть, что они не погрешат, если окажут послушание каноническому носителю прав первоиерарха Русской Церкви. Слушаясь Митрополита Сергия, думают слушаться Церкви, слушаться Господа и Бога Иисуса Христа, Главу и Руководителя Своей Церкви. «Мы не хотим самочиния, новых расколов, нужно слушаться иерархии. Без послушания нет Церкви».

Это бесспорно. Самочинию не должно быть места в Церкви. Но самое послушание мы должны оказывать не самочинно, а так, как этому научают уставы, предания, каноны церковные, как учит ему Св. Писание. И Апостол Павел не самочинничал, когда он, младший из Апостолов по времени призвания и по посвящению, «ни на час» не уступил и не покорился и «противостал» в Антиохии первому среди Апостолов, первому в Церкви, апостолу Петру, когда он и другие с ним, по убеждению Апостола Павла, «не прямо поступали» по истине Евангельской, стали «таиться» и устранились и, опасаясь обрезанных, «лицемерили». «И в знаменитых (речь идет о наиболее авторитетных Апостолах) для меня нет ничего особенного. Бог не зазирает на лицо человека». (Гал. 2...)

Вот пример, которым Св. Писание научает нас, что христианское послушание не есть слепое следование за первоиерархом, куда бы он ни шел. Апостол Павел не потер<пел> из послушания Богу и Истине не ересь какую-нибудь, а лишь соблазнительное поведение бесспорного, самим Господом поставленного первоиерарха, первоапостола Церкви.

Мы привели этот пример не потому, что думаем сравнивать с Апостолом Павлом современных православных, отказавшихся быть во всем послушными Ми-

трополиту Сергию, и Митрополит Сергей не может, конечно, предполагать в себе большую непогрешимость и бессоблазнительность, чем *<неразбор.>* требовать большего послушания, чем первый Апостол, считать недопустимым получать указания и следовать указаниями Епископов, младших себя. Все это, при некоторой любви и смирении с обеих сторон, не раскол и самочиние, а блюдение истины, которой столп и утверждение не один кто-нибудь, хотя бы и Первоиерарх, а Церковь в целом. Вся последующая жизнь Церкви из века в век научает нас не обольщаться, по словам Апостола (Кол. 11,12), самовольным смирением, а смириться и оказывать послушание по уставу Церкви.

Вот несколько примеров, которыми Церковь поучает нас.

Известно, что во II веке, когда возникли разногласия в вопросе о времени празднования Пасхи, первоиерарх Церкви, Епископ Рима Виктор, пытался установить единообразие и хотел отлучить Азийские Церкви, не подчинившиеся его указаниям. Тогда не только Азийские ему не подчинились, но и те, кто были с ним единомысленны. Епископы разнообразных областей противостояли и осудили его образ действий, и учили своего старшего собрата, чтобы он лучше позаботился о мире и единении Церквей, чем о насильственном подчинении своей воле. В числе противостоявших был вселенский наставник иерархичности Церкви Св. Ириней Лионский. Противостал первоиерарху не собор всех Церквей, а отдельные местные церкви и епископы с мест.

Третий век известен спором св. Киприана Иерусалимского с Епископом Римским Стефаном. Церковь в конце концов не приняла всецело точки зрения св. Киприана. Но и мысли и практика Епископа Стефана, Первоиерарха, не были приняты всецело. Он признавал действительным крещение людей любой ереси – это Церковью отвержено.

Самая возможность и необходимость иногда спорить с Первоиерархом Церкви признавалась самыми авторитетными святителями III века (см. послания Фирмилиана Кан., Дионисия Александрийского и др.). Можно было бы продолжить это перечисление из века в век, но сказанного, думается, достаточно. Спор с Первоиерархом не признавался церковным непослушанием Богу и Церкви. И это не только тогда, когда дело шло, как у св. Максима Исповедника и Софрония Иерусалимского, в вопросах догматических, но и когда, – как в случае со Св. Тарасием, Св. Никифором и Преп. Феодором Студитом, – дело касалось вопросов церковной дисциплины. Известно, что Преп. Феодор (не епископ, а монах) даже порвал временно общение со св. Никифором. Церковь покрыла любовью этот разрыв, как сделанный по ревности о славе Божией, и не осудила ни того, ни другого.

Спор был о незаконном разводе и браке императора, попущенных Патриархом.

Вспомним из практики церковной еще урок последних лет. Всем понятно непослушание, оказанное многими Святейшему Патриарху Тихону, своему любимому святителю, в вопросе о новом стиле, о поминовении властей и др. подобных. Святейший покрыл это любовью и сам в конце концов присоединился к непослушным, оправдав этим их непослушание.

Наоборот, еще Библия знает множество примеров не вовремя и с забвением Бога и Истины оказанного послушания, начиная с послушания Евы – змию, мудрейшему из животных, а Адама – жене, которую Ты мне дал (Быт. 3, 12) – как оправдывался Адам перед Богом.

Приведем один пример. Один пророк был послан возвестить волю Божию в Вефиль царю Иеровоаму, с указанием не оставаться в нем после исполнения повеления. В этом городе жил другой пророк, который пожелал непременно оказать гостеприимство ему и уго-

стить его. Гостеприимный пророк, чтобы убедить пророка-гостя, солгал ему, говоря, что он зовет его к себе по Божьему указанию. Странник-пророк поверил, послушался и за это послушание наказан Богом смертью (3 Кн. Царств, 13).

Библия знает и другие подобные, гораздо более сложные случаи неуместного послушания пророков.

История Церкви начинается с непослушания Апостолов священникам и гибелью еврейского народа, кто остался им послушным. А сколько христиан за двадцать веков с уснувшею совестью, послушно следуя за своими Патриархами и Епископами, оказались не в Церкви, а в самочинных сборищах, гибли еретиками. Это известно всем. Напомним только пример последних лет. Вспомним, сколько успокаивали себя и других, что нужно оказать послушание, раз Патриарх в заключении, нужно слушаться оставшихся на свободе Епископов Антонина, Леонида и др. Известно, что в провинции, где некоторые законные епископы стали обновленцами, их паства, успокаивая себя послушанием законному своему, Богом данному Епископу – шла в живоцерковье.

Вспомним, что каноничность ВЦУ была засвидетельствована нынешним первоиерархом, Митрополитом Сергием, вместе с Евдокимом. Голоса «непослушных» первоначально были одиноки.

Итак, бывает послушание спасительное, а бывает и гибельное. Бывает непослушание первоиерарху, которое Церковь одобряет, и не только первоиерарху-еретику, но и святому (случай с Преп. Феодором Студитом). Что же в Церкви: каждый волен ли следовать совести и разуму, не считаясь ни с чем? В чем тогда наша разница с протестантами? Она не в том, что мы должны оказывать слепое послушание людям, хотя бы и облеченным иерархическими полномочиями, а в том, что мы верим в Церковь и ее предание и проверяем, просветляем свою совесть и разум – совестью и разумом со-

борным, церковным, но не упраздняем свою совесть и разум. Бог обильно даровал нам Писание и примеры жизни боговдохновенных отцов, научает нас через соборные решения, канонические правила, богослужение и прочие пути; не прекращается никогда Божие научение через Богу угодных людей, только нужно иметь уши, чтобы слышать, и веру, и совесть чуткую. Правда, Воля Божия и послушание ей не всегда сразу и легко обретается, – иногда это требует жертвы и отказа от того, нам дорогого и привычного, требует усилия, подвига, жертвы самолюбием и т. д. Если таким образом послушание само по себе ничего не решает в деле Митрополита Сергия, значит, нужно и здесь искать указания и руководства в церковном предании и в современном соборном сознании Церкви, понимая под соборным сознанием нечто более глубокое, чем внешняя совокупность мнений церковных людей.

Благословенны от Господа все хранящие чистоту православной веры и благочестия. Жалки и плача достойны те, которые ради удобства жизни временной отступают от истины, теряя надежду вечного покоя со Христом, в особенности монашествующие. Нет оправдания тем, которые ради сохранения якобы единства веры впускают в чистое православное сознание св. Евангельской веры дух антихристианских убеждений.

29 февраля 1928 г.

Схиигумен Зосима

«... Хочу же и сие сделать известным Вашему благородству, если бы тот, кому поручена власть, был язычник и противник веры и стал действовать в этом духе, нам не оставалось бы сделать ничего другого, как разве затворить церкви, пока они не были бы отворены христоролюбивыми царями». (Вопрос 848. Руководство к ду-

ховной жизни в ответах на вопрошение учеников преподобных отцов Варсонуфия Великого и Иоанна)⁴⁷⁴.

О схиигумене Зосиме известно следующее: он скрывался в Петрограде у верных иосифлянок, тайных монахинь – Красноленской Валентины Александровны, в постриге инокини Валентины, и Граббе Марины Николаевны, в постриге инокини Марины⁴⁷⁵. Схиигумен Зосима тайно служил в их квартире на Мойке⁴⁷⁶, он же постриг их в монашество. Преставился старец ко Господу во время войны, 10/23 октября 1943 года. Его постриженицы похоронили его на Волковом кладбище и за его могилкой заботливо ухаживали до конца своих дней. Они поведали о ней иосифлянам младшего поколения и передали им фотографию старца Зосимы. На обратной стороне фотографии записаны его краткие биографические данные: родился 28 июня 1862 года, мирское имя в честь св. Филиппа 3/16 июня, монашеское в честь праведного Филарета 1/14 декабря, постриг совершен 23 апреля/6 мая 1900 года, хиротония в иеромонаха 25 мая/7 июня 1902 года. В схиму пострижен 10/23 декабря 1925 <или 1926> года, имя в честь преп. Зосимы Соловецкого.

* * *

⁴⁷⁴ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 4. Л. 203–206 об.

⁴⁷⁵ Родилась в 1907. Скончалась в 1971.

⁴⁷⁶ Там же проживала еще одна иосифлянка, Лив Татьяна Федоровна. Родилась в 1876, скончалась в 1967.

БРАТ ХРИСТИАНИН
Листок переписи и передай другим
ДУХОВНОЕ ВРАЧЕВСТВО (П-ое)

Если кому-нибудь бывает радостно на сердце, или же грустно, или волнуют другие чувствования, на все всякий из нас найдет ответ и утешение в Священном Писании. Ниже приводятся указания, при каком настроении духа каким текстом Священного Писания следует нам пользоваться.

ЧИТАЙ

В радости – Иакова, гл. 5, ст. 13.

В печали – Ев. Иоанна, гл. 14.

Когда согрешишь – Псалом 50, 51.

Когда сердцем мучишься или в труде – Еванг. Матфея, гл. 6, ст. 19–34.

Перед церковною службою – Псал. 84

Если сдается, что Бог далеко от тебя, – Псалом 139.

Если обескуражен – Проч. Исаии, гл. 40.

Если в сомнении – Иоанна г. 7, ст. 17.

Если чувствуешь себя одиноким или боязливым – Псал. 103.

В гордости – 1 Посл. Коринф. Гл. 13.

Как быть истинным последователем Христовым – Ев. Матф. Гл. 5.

Если ищешь укрепления в вере – Посл. Евреям, гл. 11.

Ища мира и успокоения – Матф. Гл. 11, ст. 25–30.

Как молиться – Луки, гл. 11 и Ев. Матф. Гл. 6, ст. 5–15.

Ревнителю православия – 1 Посл. Фессалоникийцам, гл. 5.

Первое же дело, чаще говей и в радости, и в печали; сектантов братцев берегись. Храм посещай как можно усерднее. Подавай милостыню. Слово Божие читай, а также творения святых отцов⁴⁷⁷.

⁴⁷⁷ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 4. Л. 199.

МОЛИТВА О СВЯТОЙ ЦЕРКВИ

О! Премилосердый, Всесильный и Человеколюбнейший Господи, Иисусе Христе, Боже наш, Церкви Зиждителю и Хранителю! Воззри благосердым оком Твоим на сию Церковь люте обуреваемую напастей бурей! Ты бо рекл еси Господи: «Созижду Церковь Мою и врата ада не одолеют ей!» Помяни обещание Твое неложное: «Се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века!» Буди с нами неотступно, буди нам милостив; молит Тя многострадальная Церковь Твоя! Укрепи нас в правоте и любви к Тебе благодатию и любовью Твоею. Заблуждшия обрати, отступльшия вразуми, ожесточенныя умягчи. Всякое развращение и жизнь несогласную христианскому благочестию исправи. Сотвори, да вси свято и непорочно проживем и тако спасительная вера укоренится и плодоносна в сердцах наших пребудет. Не отвори лица Твоего от нас, не до конца гневающийся Господи! Воздаждь нам радость спасения Твоего! Всяку нужду и скорбь людей твоих утоли, огради нас всемогущею силою Твоею от всяких напастей, гонений и озлоблений, да Тобою спасаемы, достигнем пристанища Твоего небеснаго, и тамо с лики чистейших небесных сил прославим Тебя ГОСПОДА и СПАСИТЕЛЯ Нашего со ОТЦЕМ И СВЯТЫМ ДУХОМ во веки веков. <Аминь>⁴⁷⁸

* * *

⁴⁷⁸ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 4. Л. 198; Т. 3. Л. 104.

О МОЛИТВЕ ЗА В<ласть>

Многоуважаемый Друг! На Ваш вопрос могу ответить следующее: Мне действительно достоверно известно, что живущий в гор. Вязниках и управляющий ныне Владимирской епархией епископ Николай (б. Елецкий) решительно отверг указ Митрополита Сергия и его Синода о поминовении властей, на таком основании: нынешняя власть отлучена была от Церкви Свят. Патриархом Тихоном 19-го Января 1918 года, и это отлучение подтверждено постановлением Собора от 25-го января того же года.

Поминовение отлученных за литургией есть богохульство, такового епископ Николай не может допустить ни лично, ни в своей епархии. Прошло два месяца со времени официального отказа епископа Николая от поминовения, а Митрополит Сергий и его Синод безмолвствуют.

Есть сведения, что молчание продолжится неопределенное время. Ясно, что и поминовение Сергия, издающего такие указы (не говоря о других его канонических преступных деяниях), было бы делом, противным чистой христианской совести. Сие должно быть отнесено и ко всем членам Синода, непосредственным участникам Сергиевского нечестия.

А.

Епископ Николай спрашивает: «Можно ли поминать за литургией Льва Толстого?»

— «Нет». — «Значит, тем более нельзя поминать и современную власть».

Снять отлучение мог бы только полноправный Собор и при условии покаяния отлученных. Следовательно...

1) Поминовение власти кощунственной, пользование литургией для демонстрирования наших лживых

интимно-дружественных отношений с богоборной властью, декларированных в послании Митрополита Сергия от 16/29-VII-1927 г., это не религиозный акт, а кощунственно политический и фальшивый. Это не потребность религиозной совести, а завершительный момент Декларации: этим актом в Царство Истины вносится ложь, почему против него восстает религиозное чувство.

2) Формула поминовения, однородная с той, которая практиковалась во времена православной власти, абсолютно неприменима к теперешней власти, т. к. последняя этой формулой молитвенно утверждается в своем *<пропуск в тексте>*, т. е. его существенным признаком – богоборным. Это жалкая попытка обмануть себя, народ и власть.

3) Если относительно власти христианской мы просим, чтобы Господь возглагодал мирная и благая в сердце ее о Церкви Святой, то тем более лишь подобное моление, имеющее целью нравственное воздействие на власть, приложимо к теперешней власти.

4) Поскольку в состав этой власти входят лица, отрекшиеся от Христа, к ним может быть применима молитва об отступивших от Православной веры (Зри помянник *<пропуск в тексте>* погибельными ересью» и т. д.).

5) Поскольку эта власть представляется неисцельно богоотступной и богохульной, к ней приложимо моление, которое при известных условиях заповедано нам Церковью для ежедневного употребления (Зри помянник «Мерзкое и богохульной агарянское Царство вскоре испровержи»).

6) По поводу употребления и сближения теперешней власти с властью языческой древнехристианских времен следует заметить:

А) Что хотя та власть и преследовала, подобно нынешней, христиан, по существу своему и идеологии она была не богоборной, а верующей.

Б) Как лишь языческая, т. е. лжеверная, она промыслительно подлежала воздействию христианской веры, что и оправдано в истории...

В) Нынешняя же власть, как таковая, как власть должна быть сопоставлена с грядущей эпохой последнего отступления, возглавляемого антихристом, являя собою и теми, кто солидарен с нею, коллективного антихриста⁴⁷⁹.

* * *

⁴⁷⁹ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 3. Л. 63–64 об.

ЦЕРКОВЬ НЕПОБЕДИМА

Под Божиим мудрым покровительством Всемогущего Промысла Божия, несмотря на ее тяжелое положение, Русская Православная Церковь не погибнет, так и должно быть, слова Христа не ложны: «Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют Ей». По толкованию отцов Церкви, вратами ада называются всякие отступники от Церкви: сектанты, вольнодумцы, атеисты. Иосифовцам приходилось задавать такие вопросы: если вернется из ссылки Митрополит Петр и признает послание Митрополита Сергия и действия его законными, будет с ним участвовать в молитвенном общении, признаете ли вы его законным главою Русской Церкви? В ответ на этот вопрос иосифовцы делились надвое. Одни из мирян говорили так: «Молитвенного общения с Митрополитом Петром и его единомышленниками мы прерывать не будем». Но другие высказывали совершенно отрицательный ответ: «Если только Митрополит Петр признает законным Митрополита Сергия и вступит с ним в молитвенное общение, тогда и мы прервем молитвенное общение с Митрополитом Петром и священниками, возносящими его имя. Если и все церкви отберут от нас, тогда мы будем совершать молитвы в подвалах тайно. При гонении за веру Христову, подражая первовековым христианам, мы пойдем с радостью на костры и в тюрьмы, но не допустим добровольно, чтобы в церкви Божией был хозяином атеист, которому ради временной свободы и покоя Митрополит Сергей поклонился, т. е. предал свободу Церкви за чечевичную похлебку. Мы не идем против гражданской Советской власти и ее новых законов, которая своим декретом отделила Церковь от государства, предоставила нам свободу молиться и вести религиозную пропаганду наравне с религиозной. Декрет отделения Церкви от государства, подписанный самим Лениным и Калининым, за эту свободу мы готовы умереть».

Митрополит Сергей от 21/X–27 г. своим посланием и приказом молиться в Церкви за власть аннулировал этот справедливый декрет; самовольно, самочинно, не считаясь с народной совестью, слили Церковь с государством. Мы протестуем против такого незаконного слияния.

Нам говорят священники сергиевцы, что нужно подчиниться духовной власти, ведь и при царизме без всякого протеста духовенство подчинялось Победоносцеву, Саблеру и другим представителям государственной власти. Не нужно протестовать, что Митрополит Сергей ради спасения Церкви мудро идет на компромисс... Это так надо. Вы должны довериться гениальному разуму Митрополита Сергея. Отвечаем, – говорят иосифовцы, – что тех недостатков Церкви при царизме нельзя снова вносить в церковную жизнь. Было время, что не только Победоносцев, Саблер, но и Распутин распоряжались делами Церкви, как своим имуществом. То было время, когда Церковь была ВПИ, т. е. Ведомством Православного Исповедания, а теперь Церковь отделена от государства, и сливать ее с государством никто не имеет на то права. Народ говорит, что своими действиями Митрополит Сергей вешается советской власти на шею, как свободная веселая девица старику, которому она совершенно не нужна.

Митрополит Сергей своей декларацией и посланием напрягает все силы своего ума закрепить союз Церкви с государством, силится соединить несоединимое, слить несливаемое. Делает жалкую попытку, подражая обновленцам, соединить учение Христа с учением Маркса. Да ведь это невозможно! Учение Маркса земное, человеческое, а учение Христа – небесное, Божественное, они далеко стоят одно от другого. Как небо с землей не соединяется и никогда не может соединиться, так и учение Христа с учением Маркса не соединимо, между ними великая пропасть, моста не может быть никакого. Никогда истинный христианин не может быть мар-

ксистом и настоящий <не> бумажный марксист не может быть христианином. Эта истина неизменима, ее подтверждает Апостол: «Какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою, какое согласие между Христом и Велиаром? Или кое причастие верного с неверным? Какая совместимость храма Божия с идолами?» (2 Кор. 6, гл. 14–16). Митрополит Сергей променял Христа на Велиара, сузил широкую правду Христову, измельчал, засорил русло евангельского потока в жизни народа, молчание Церкви в данное время есть тяжкое преступление, и то, что сейчас делает духовенство сергиевцев в России по недоразумению, в тон своего главы Митрополита Сергея, соединяет и воспекает свои радости с радостями коммунистического союза, это, может быть, и есть преданность существующему коммунистическому строю, но это несомненно измена задачам Св. Церкви, измена правде Христа, презрение к нуждам православного народа, принесение религиозных народных потребностей в жертву безбожию.

Произошел раскол, как это могло случиться? Многие обвиняют само христианство, ищут недочетов в учении Христа. Это ошибка. Вина здесь в духовенстве высшем, правящем Церковью. Высшее христианское духовенство с <торжеством> христианства не устояло перед соблазном коммунизма. Не духовенство повлияло на коммунизм, а коммунизм повлиял на духовенство, дал ему свой внешний облик. Коммунистическое начало в союзе с Митрополитом Сергием уничтожило свободу Церкви. Вместо Царства Божия получилось царство коммунизма. Общим правилом церковной жизни у Митрополита Сергея и его Синода стало угодничество и прислужничество коммунизму. Это вошло в нравы сергиевского духовенства, стало чуть не догматом Церкви. «Слушайся, подчиняйся, молчи, того требует Бог», – говорят сергиевцы. Власть самую безбожную заслонили Богом; говорят так: «Всякая власть от Бога». Всякая ли?

Как понимать слово «власть»? И насилие, и произвол, и деспотизм, и самая дикая тирания – все они выдают себя за власть. И что же, все они от Бога? Хозяйка публичного дома имела власть над проданной ей девицей. Прислужник царя Иоанна Грозного, Малюта Скуратов, имел власть купаться в крови невинных жертв. По-вашему, и эта власть от Бога? Нельзя же кощунственно валить на Бога все преступления, все зверства и кровавые расправы властителей.

Когда Апостол говорит, что власть от Бога, он разумеет не деспотизм и тиранию. Насилие не власть, это извращение власти. Такой неправильной насильнической власти не повиновались сами Апостолы. Когда Синедрион требовал от них действий, несогласных с их совестью, запрещал проповедовать имя Христа, тогда Петр и Иоанн им сказали в ответ: «Судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, чем Бога» (Деян. 4, 19).

Сергиевское раболепное духовенство на эти слова Апостолов закрывает глаза. В нем верность коммунизму находится сильнее верности Правде Христовой. Создался особый вид атеизма – атеизм практический, безбожие не ума, а воли; на словах и в мыслях Бог признается, но жизнь, деятельность идут так, как будто Бога в мире и в помине нет, как будто Бог только отвлеченное слово, пустой звук.

Митрополит Сергей и его приспешники жадно цепляются за свое временное благополучие и духовную власть. В жертву этой личной свободе и власти они приносят все: и достоинство Церкви, и свободу, и независимость ее, и Евангелие, и Самого Христа, лишь бы по-прежнему оставаться князьями Церкви и жить в покое. Дальше в раболепстве Церкви перед грешным миром идти некуда.

Новообновленчество, руководимое Митрополитом Сергием, сделало Церковь, эту Чистую Невесту Христову, наложницей безбожного государства. Такое поведение князей Церкви есть грубое и преступное из-

вращение сущности Церкви. Осторожно, постепенно и для многих незаметно, при помощи Митрополита Сергия и его послушного безвольного духовенства, вместо Христа вводится Маркс и его учение, христианство заменяется марксизмом.

Что случилось с Митрополитом Сергием? Его жизнь сейчас, как кошмарный сон, как сказка. Это бывший иерарх Русской Церкви. Что за причина такой великой перемены? Это торжество страшного духа сатаны, который в пустыне искушал Христа. Событие это передает нам Апостол Евангелист Матфей в таких словах: «Берет Его диавол на весьма высокую гору и показывает ему все царства мира и славу и говорит Ему: все это дам Тебе, если падши поклонись мне». Тогда Иисус говорит ему: «Отойди от Меня, сатана, писано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Мф. 4, 8–10). В минуты тяжелой борьбы со страшным духом сатаны М. Сергий, объятый жаждою иметь славу, честь и власть, позабыл призвать на помощь Христа и произнести с глубокой верой Его великие слова: «Отойди от Меня, сатана, со своими соблазнами царствами и славой их, я хочу поклоняться только Господу, Ему одному служить». Не мог сказать этого несчастный, ненасытная греховная жажда чести, славы и власти над всеми царствами мира дала перевес, пал к ногам страшного духа сатаны и поклонился ему. В момент покрылась тенью духовная красота падшего. Ад с великим торжеством отпраздновал победу, и по всем уголкам его раздавалось могучее радостное эхо: «Наш...»

Господи! Твоей всемогущей силою и милостию освободивый от уз темничных Апостола Петра, прояви человеколюбие, освободи от уз мрака Митрополита Сергия и его паству⁴⁸⁰.

* * *

⁴⁸⁰ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 4. Л. 280–283 об.

ПИСЬМО ИЗ КИЕВА

ВЕРНЫМ ЧАДАМ СВЯТОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ

6-го августа ст<арого> ст<иля> с<его> г<ода> в жизни Русской Церкви совершилось большое событие.

Заместитель Патриаршего Местоблюстителя, митрополит Сергей, вместе с т. н. Временным Патриаршим Синодом опубликовал обращение ко всем чадам Русской Церкви.

За последние 10 лет не было документа, который бы претендовал иметь такое значение в церковной жизни, которое предполагает за собой «Обращение» митрополита Сергея и его Синода.

Обращенная к православному русскому народу декларация митрополита Сергея носит не личный характер, ибо в ней говорится не о его только личных взглядах и намерениях, не один он, следовательно, несет ответственность за слова, но предполагается, что и всякий другой будет вынужден этим актом к составлению подобных актов и выполнению подобных же действий.

При первом знакомстве с этим документом возникает мысль поставить его рядом с обращенными народу посланиями покойного Святейшего Патриарха Тихона. Однако эти последние не претендовали на то значение, на какое претендует «Обращение». Послания Патриарха, хотя и были обращены к народу, но носили личный характер. В них Святейший говорил о своих ошибках, о своих взглядах, о своих намерениях. Он один нес ответственность за свои слова. Не предполагалось, что кто-нибудь другой вынужден будет этим актом к составлению подобных же актов, к каким-либо подобным действиям. Совсем иначе обстоит дело с декларацией митрополита Сергея.

Как видно из нее, она неразрывно связана с так называемой «легализацией», она является только первым актом, сделанным в центре, за которым неизбежно должны последовать соответственные действия на местах, во всех уголках Русской Церкви.

«Мы надеемся, – говорится в декларации, – что легализация постепенно распространится и на наше управление епархиальное, уездное и т. д.». Итак, митрополит Сергей со своими помощниками начал дело, которое должно вызвать активность всех клеточек церковного организма. Он «легализовался», конечно, на условиях издания своей декларации. С роковой необходимостью отсюда следует вывод: все клеточки организма, если только они хотят быть в единстве с центральным органом церковной власти, должны тоже «легализоваться» и, конечно, на тех же условиях.

Значит, своим деянием митрополит Сергей принимает на себя обязательство за всех членов Русской Церкви, ставит нас в необходимость не просто прослушать его послание, как слушали мы прежде послания Патриарха, но он вынуждает нас или решительно встать на тот путь, которым идет он сам, путь легализации и декларации, или же встать на путь разделения с ним, со всеми вытекающими отсюда церковными и политическими последствиями.

Вот какую важность, какое значение имеет декларация; когда мы видим перед собой документ, принимающий на себя обязательство за всю организацию, первый вопрос, возникающий в нашем сознании, это вопрос о том, уполномочены ли нравственно и юридически лица, подписавшие документ, говорить от имени всей организации? При нормальных условиях Русскую Поместную Церковь возглавляет Патриарх. Однако, по смыслу церковных законоположений о Патриаршестве, установленных Московским собором 1917–1918 года, и Патриарх не является единодержавным правителем Церкви и полномочным выразителем ее голоса. Он дей-

ствуем в неразрывном союзе с выбранными Собором органами – Священным Синодом и Высшим Церковным Советом. По существеннейшим же вопросам он может принимать решения только совместно с Собором.

Ясно, словом, что Патриарх внутренне обязан решать важнейшие вопросы церковной жизни, считаясь с общецерковным мнением, а прежде всего единомысленно со всем епископатом Русской Церкви. Так обстояло бы дело, если бы во главе Русской Церкви стоял всенародно выбранный Патриарх.

Но кто такой митрополит Сергей? Митрополит Сергей – заместитель Местоблюстителя Патриарха, который, хотя и отделен от нас тысячами верст и стеною своего заточения, однако, благодарение Богу, еще жив, является ответственным за Русскую Церковь перед Богом Святителем и поминается во всех храмах Русской Церкви.

Говорят, еще недавно полушутя митрополит Сергей говорил о себе, что он только «сторож» в Русской Церкви. Принадлежат ли эти слова митрополиту Сергию или нет, но они хорошо характеризуют то положение, которое по праву должно принадлежать ему в церковном строительстве.

Раз Местоблюститель жив, то, естественно, его заместитель не может без соглашения с ним предпринимать никаких существенных решений, а должен только охранять и поддерживать существующий церковный порядок от всяких опасных опытов и уклонений от твердо намеченного пути.

Митрополит Сергей, «сторож» Русской Церкви, не имеет права без санкции митрополита Петра и сонма русских иерархов, и находящихся на свободе, и разбросанных по местам ссылки, декларировать и принимать ответственные решения, которые должны определять жизнь церковного организма.

Наличие при митрополите Сергии так называемого «временного синода» не изменяет положения. «Синод»

митрополита Сергия организован совершенно не так, как предполагают постановления Московского собора 1917–1918 года. Он не избран соборно, не уполномочен епископами, а потому не может считаться представительством епископата при митрополите Сергии. Он составлен самим митрополитом и потому является, собственно говоря, как бы его личной канцелярией, – частным совещанием при нем. Кстати сказать, ведь даже и самая конституция синода приписывает ему исключительно личный характер: с прекращением почему-либо полномочий митрополита Сергия падают и полномочия синода.

Все это говорит за то, что поскольку заместитель Местоблюстителя декларирует от лица всей Церкви и предпринимает ответственные решения без согласия Местоблюстителя и сонма епископов, он явно выходит из предела своих полномочий.

Переговоры с митрополитом Петром и со всем русским епископатом несомненно должны бы были быть выдвинуты митрополитом Сергием, как предварительные условия возможности для него всяких ответственных выступлений.

Но дело обстоит еще хуже. Митрополит Сергей действует не только без согласия епископата, но явно вопреки его воле. Кто в курсе трагической истории русской церковной жизни последних лет и кто вчитается в текст декларации, тот, конечно, увидит, что темы, о которых говорит декларация, вовсе не новы.

Пред нами пресловутые «вопросы», по поводу которых в течение последних лет предлагали высказываться представители власти и ответственным руководителям церковной жизни, и рядовым работникам на уровне церковной как единолично, так и коллективно.

Это четыре вопроса: об отношении к советской власти, об отношении к заграничному епископату, главное – об отношении к ссыльным, к «нелегальным» епископам, и, наконец, вопрос о форме церковного высше-

го управления в связи с автокефалией. Они именно и трактуются в декларации митрополита Сергия.

Множество епископов, а также и других церковных деятелей определенно высказывались по поводу этих вопросов – и все не в духе декларации митрополита Сергия. Митрополит не может не знать об этом. Перед его глазами декларация соловецких узников, которую можно считать наиболее полным и обоснованным выражением тех точек зрения, на которых стоит епископат и лучшая часть духовенства Русской Церкви.

Правда, отдельными группами духовенства в отдельных его епархиях делались попытки издания деклараций, приближающихся по духу к тому, что мы видим в «обращении». Но эти попытки вызывали всегда дружное негодование и в среде епископата, и в среде влиятельнейшего духовенства. Они считались равносильными переходу в «обновленчество» и быстро ликвидировались с позором для тех, кто их предпринимал.

Митрополит Сергей не может, следовательно, ссылаться на незнание воли епископата, на то, что трудно услышать его голос. Нет, голос этот звучал неоднократно и громко, и кто не считается с ним, тот делает это, конечно, не потому, что не знает, а потому, что не хочет.

Митрополит Сергей не хочет считаться с убеждениями собратьев-епископов, томящихся за эти убеждения в тяжелых изгнаниях. Декларация говорит о самых больных, о самых страшных вопросах нашего церковного бытия.

Откуда тот ужас, тот кошмар, в котором мы изнемогаем уже столько лет? Где причина того, что Церковь, официально признанная законодательством имеющей право на свободное существование, находится на положении совершенного бесправия, состоянии «нелегальности»?

Кто виноват в том, что наши святители умирают в холоде тундры, в сыпучих песках пустынь? Лучшие представители духовенства большее время проводят в

тюрьме, чем у себя дома? Наши обители уничтожены, останки святых оскорбляются, и мы не имеем возможности совершать молитвословия, так как наши храмы преданы отступникам.

Где причина этого? Декларация дает на это определенный ответ. Митрополит говорит о предпринятой им на себя трудной задаче – поставить Церковь на путь легального существования. И, по его словам, мешать осуществлению этой задачи может лишь то, что мешало и в первые годы советской власти устроению церковной жизни на началах лояльности. Это недостаточное сознание серьезности совершившегося в нашей стране. «Настроение известных церковных кругов, – читаем мы дальше, – выразившееся, конечно, в словах и делах и навлекающее подозрение советской власти, тормозило усилия Святейшего Патриарха установить мирное отношение Церкви с советским правительством».

Всюду противопоставляет декларация это нелояльное прошлое – лояльному будущему, которое будет выражено в делах.

Так вот истинная причина наших неопикуемых церковных бедствий, она в нас самих, в нашей нелояльности. Это причина единственная; «лишь то», подчеркивает митрополит, «в словах и делах» выражалась эта нелояльность.

Ответ митрополита Сергия не нов.

Мы не раз его слышали и от представителей властей, и от наших церковных кругов – обновленцев всех видов.

Но мы называли это обвинение клеветой. Мы говорили, что это может быть подтверждено фактами. Мы указывали на то, что за все эти годы среди фигурировавших на судах политических преступников против власти не было представителей духовенства. Мы обращали внимание на то, что все нарушения закона об отделении Церкви от государства, все отобрания храмов, все кощунственные осквернения святынь, все оскорб-

ления и глумления духовенство встречало гробовым молчанием.

Где «слова и дела» наши, где наше реальное преступление? Так говорили мы нашим обвинителям.

Но что скажем мы, когда управляющий – наш святитель сам произносит нам страшный приговор, сам говорит о «словах и делах»?

Не ставят ли эти слова черный крест над всеми мучительными и невыразимыми страданиями, пережитыми Церковью за последние годы? Над всей этой борьбой, которая казалась героической? Не объявляют ли они подвиг Церкви преступлением? И как прочитают эти слова те, кто изнемогает теперь в далеком изгнании? Что почувствуют, увидев обвинителя в лице своего ответственного собрата, и не сорвется ли страшное слово «клевета» с их побледневших уст? Не покажется ли им, что даже покой усопших тревожит этот приговор подписавших декларацию епископов?

В своей декларации митрополит Сергей говорит не только о прошлом, но также о настоящем и будущем; не только о том, что было, но и о том, что должно быть. Нелояльность прошлого противопоставляет он лояльности настоящего и будущего. По его словам, теперь «наша патриархия решительно и бесповоротно становится на путь лояльности». Он указывает, что «теперь нужно не на словах, а на делах» показать, что мы не можем быть «верными гражданами Советского Союза, не будучи лояльными к советской власти».

Каково же должно быть это «дело»? Указания декларации на этот счет противоречивы. С одной стороны, как будто декларация требует того, на что духовенство и церковные люди с чистой совестью соглашались в течение всех этих лет полной аполитичности, решительного отграничения храмовой и церковной жизни от политической работы и политической симпатии.

Говоря о людях, настроенных политически оппозиционно к существующему порядку, митрополит пред-

лагает им «оставить свои политические симпатии дома, приносить в Церковь только веру и работать с нами только для веры».

Такое требование, которое представляется, по существу, законным, тем не менее оказывается совершенно односторонним, потому что оно обращается не ко всем вообще членам Православной Церкви, а только к людям определенных политических настроений. Но этого мало!

Наряду с требованием отказа от одних политических настроений, декларация определенно предлагает нам запастись другими. Наш долг не в том, чтобы отказаться от оппозиционных настроений к власти во время нашей церковной работы, – наш долг в том, чтобы обнаружить солидарность с этой властью. «Мы должны, – прямо говорит декларация, – показать, что мы... с нашим правительством». Испытывать определенные политические настроения – наш долг. «Мы должны сознавать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости и успехи которой – наши радости, а неудачи – наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное Варшавскому, сознается нами, как удар, направленный в нас».

Здесь декларация вводит нас в водоворот определенных политических оценок. Только и здесь соблюдается робкая недоговоренность. Все должно иметь справедливую логику, политика так политика. Отождествление себя с правительственным аппаратом с логической неизбежностью должно быть доведено до конца.

Раз в вопросах высшей политики, из области которой берет митрополит свои примеры, мы должны занять определенную позицию, не та же ли позиция, не то же ли отождествление себя с властью... с нашим правительством – (показать, что «мы с нашим правительством») обязательны для нас и в вопросах политики внутренней?

Не становится ли, таким образом, «сторож» Русской Церкви «сторожем» советского аппарата, и не превращается ли сонм служителей Церкви в послушную и безответную армию «явных и тайных» сотрудников власти? Ну, а как должны реагировать церковные люди на такие факты, как поругание святынь, отображение храмов, разрушение обителей?

Об этом ничего не говорит митрополит Сергей со своими собратиями. Он настроен чрезвычайно оптимистически по отношению к переживаемому моменту. По поводу предполагающейся легализации он предлагает: «Выразим всенародно нашу благодарность советскому правительству за такое внимание к нуждам православного населения».

В чем же внимание и за что благодарность? Покамест мы знаем один факт: митрополит Сергей и члены синода имеют возможность заседать в Москве и составлять декларацию. Они в Москве...

Но Первосвятитель Русской Церкви митрополит Петр вот уже не первый год без суда обречен на страшное томительное заточение. Они в Москве...

Но митрополит Кирилл, потерявший счет годам своего изгнания, на которое он опять-таки обречен без суда, находится ныне, если он еще жив, на много сот верст за пределами Полярного круга.

Митрополит Арсений, поименованный среди членов синода, не может приехать в Москву и в пустынях Туркестана, по его словам, готовится к вечному покою.

И сонмы русских святителей совершают свой страдальческий путь между жизнью и смертью в условиях невероятного ужаса.

За что благодарить? За эти неисчислимые страдания последних лет?

За храмы, попираемые отступниками? За то, что погасла лампада преподобного Сергия? За то, что драгоценные для миллионов верующих останки преподобного Серафима и еще раньше останки святителей Фео-

досия, Митрофана, Тихона, Иоасафа подверглись неимоверному кощунству? За то, что замолчали колокола Кремля и закрылась дорога к Московским святителям? За то, что Печерские угодники и Лавра Печерская в руках у нечестивых? За то, что северная наша обитель стала местом непрекращающихся страданий?!

За эти мучения, за кровь митрополита Вениамина и других убиенных святителей? За что?

Одно важно, одно нужно знать: верит ли митрополит Сергей, верят ли все те, кто с ним, тому, что они говорят и пишут. Еще недавно он говорил и писал совсем иначе. Еще в прошлом году он разослал всем пастырям и чадам Церкви проект декларации совсем иной, где политическая лояльность декларировалась рядом с определенно подчеркнутой противоположностью основных принципов мировоззрения.

Когда же был искренен митрополит Сергей?

Что случилось за этот год и почему изменились его тон и содержание его обращений?

Вступительная статья, предваряющая в «Известиях» декларацию, говорит о вынужденном «перекрашивании» долго упорствовавших «тихоновцев» в «советские цвета». Она противопоставляет им «дальновидную часть духовенства», еще в 1921 году вступившую на этот путь, то есть обновленцев и живоцерковников. Статья эта, таким образом, определенно считает путь митрополита Сергия проторенной дорогой обновленчества.

Для нас важен один вопрос: мог ли бы митрополит Сергей перед крестом и Евангелием присягнуть, что то, что он пишет в декларации, включительно до «благодарности», есть действительно голос его убеждений, свидетельство его неустрашимой и чистой пастырской совести.

Мы убеждены и утверждаем, что митрополит Сергей и его собратья не могли бы сделать этого без клятвопреступления.

А может ли кто-нибудь от лица Церкви, с высоты амвона возвещать то, в чем он не мог бы присягнуть, как в совершенной истине?

Великий русский писатель Достоевский говорил когда-то об иноках русских: «Образ Христов хранят пока в уединении своем благолепно и неискаженно, в чистоте правды Божией от древнейших отцев, апостолов и мучеников, когда надо будет, явят его поколебавшейся правде мира. Мысль великая. От востока звезда воссияет».

Правда мира поколебалась.

Ложь стала законом и основанием человеческой жизни. Слово человеческое утратило всякую связь с истиной, с Предвечным Словом, потеряло всякое право на доверие и уважение. Люди потеряли веру друг в друга и потонули в океане неискренности, лицемерия и фальши. Но среди этой стихии всеобщего растления, огражденная скалою мученичества и исповеди, непоколебимо стояла Церковь, как Столп и Утверждение истины.

Изолгавшиеся и истомившиеся в своей лжи люди знали, что есть место, куда не могут захлестнуть мутные воды неправды, есть Престол, на котором Сама Истина утверждает Свое Царство и где слова звучат не как фальшивая, не имеющая ценности медянка, но как чистое золото.

Не оттого ли потянулось к Церкви за последние годы столько охваченных трепетом веры сердец, которые до этого были отделены от нее долгими годами равнодушия и недоверия?

Что же скажут они? Что они почувствуют, когда и оттуда, с высоты последнего прибежища отвергнутой миром правды, с высоты амвона зазвучат слова лицемерия, человекоугодничества и клеветы?

Не покажется ли им, что ложь торжествует свою конечную победу над миром и что там, где мерцал для них свет невечереющий, Образ воплощенной Истины, смеется в отвратительной гримасе личина отца лжи.

Одно из двух: или действительно Церковь – Непорочная и Чистая Невеста Христова есть Царство Истины, и тогда Истина – это воздух, без которого мы не можем дышать, или же она, как и весь лежащий во зле мир, живет во лжи и лжью, и тогда – все ложь, ложь каждое слово, каждая молитва, каждое таинство.

«Кабинетными мечтателями» называет митрополит Сергей тех, кто не хочет строить церковного дела по непосредственной указке ненавидящих всем сердцем веру людей, потому что ведь иначе нельзя понимать его неудобовразумительные слова – «закрывшись от власти».

Нет, мы не мечтатели. Не на мечте, а на непоколебимом камне Воплощенной Истины, в дыхании Божественной Свободы хотим мы созидать твердыню Церкви.

Мы не мечтатели. Вместе с тем мы не бунтовщики... Совершенно искренно мы отмежевываемся от всякого политиканства и до конца честно можем декларировать свою лояльность. Но мы не думаем, что лояльность эта непременно предполагает клевету и ложь. Мы считаем, что политическая лояльность есть тоже, прежде всего, добросовестность и честность. Вот эту-то честную, построенную на аполитичности лояльность можем мы предложить правительству и думаем, что она должна расцениваться дороже, чем явное, похожее на издевательство, лицемерие.

И кажется нам, что не мы, а митрополит Сергей и иже с ним пленены страшной мечтой, что можно строить Церковь на человекоугодничестве и неправде.

Мы же утверждаем, что ложь рождает ложь, и не может быть она фундаментом Церкви.

У нас перед глазами позорный путь «церкви лукавующих» – обновленчества; и этот позор постепенного погружения в засасывающее болото все более и более страшных компромиссов и отступничества, этот ужас полного нравственного растрения неизбежно ждет церковное общество, если оно пойдет по пути, намеченному деяниями синода.

Нам кажется, что митрополит Сергей поколебался в уверенности во всемогуществе Всепреодолевающей Истины, во всемогуществе Божие в роковой миг, когда подписывал декларацию. И это колебание, как страшный толчок, передастся всему телу Церкви и заставит его содрогнуться. Не одно человеческое сердце, услышав слова декларации в стенах храма, дрогнет в своей вере и в своей любви к Церкви и, может быть, раненное в самой своей сокровенной святине, оторвется от обманувшей его Церкви и останется за стеной храма. И не только в среде интеллигенции вызовет декларация мучительный соблазн. Тысячеустная молва пронесет страшные слова в самую толщу народа, новой раной поразит многострадальную душу народную, и во все концы пойдет слух о том, что Царство Христа стало царством зверя.

Неисчислимы эти бесконечные тягостные внутренние последствия декларации, этой продажи первородства Истины за чечевичную похлебку ложных и несуществующих благ. Но кроме этих внутренних последствий, конечно, будет иметь она другие последствия, более очевидные и осязаемые.

Уже несутся из отдаленнейших ссылок голоса протеста, голоса скорби и негодования. К этим голосам присоединится все наиболее стойкое и непоколебимое в церковных недрах. Немало найдется тех, для кого лучше умереть в Истине, чем жить во лжи, тех, кто не переменит своего знамени.

Над Церковью навис грозный призрак нового раскола. С одной стороны, будут они, «неуставшие» от своих изгнаний, тюрем и ссылок, обреченные на новые, еще более страшные испытания, – с другой стороны станут полчища «уставших» от постоянного колебания, переходов «покаяний» и непрекращающейся неустойчивости.

Они, эти «неуставшие», будут, вероятно, в меньшинстве среди духовенства, но ведь истина церковная

не всегда там, где большинство. И не всегда она там, где административный церковный аппарат. Об этом свидетельствует история великих святых: Афанасия, Иоанна Златоуста и Феодора Студита.

Но к ним прильнет и пойдет за ними лучшая, ищущая правды душа народа.

А большинство духовенства – жалкой будет судьба его! Оторванные от живого общения со всем подлинно творческим и непоколебимым в Церкви, тщетно стараясь заглушить голос обличения, несущийся из глубины ссылок и тюрем, закрывая глаза, чтобы отвлечь от себя грозный призрак страданий исповедников, будут они, эти «уставшие», лепетать заплетающимся языком слова оправдания и нанизывать дрожащими руками на цепь лжи и компромиссов все новые и новые звенья, втаптывая в грязь часть белоснежной ризы Христовой.

Там, впереди, маячат новые призраки: повторение декларации на местах, незаконные и недопустимые епархиальные съезды без ссыльных епископов, незаконный собор без Первосвятителя и других изгнанников, и позорное примирение с обновленцами, о котором уже говорят «легализовавшиеся» епископы, и, наконец, отказ от патриаршества.

Ведь декларация определенно ставит патриаршество под вопрос. Говоря о задачах будущего собора, она указывает не выборы патриарха, а «избрание высшего церковного управления».

Воистину лучше умереть, чем жить так. Черная туча нависла над Церковью.

Не превращается ли наша высшая церковная власть после такой декларации в добровольный подраздел антихристианской пропаганды? *<неразборч.>*

Какое жалкое и недостойное существование.

Там в обителях небесных плачут о нашей земле святители русские, стоятели за Церковь прошлых веков и мученики и исповедники недавнего прошлого.

Там в преисподней темные силы ада готовятся торжествовать победу, и решительную победу.

Остановитесь же, пока еще не до конца поздно. Остановитесь же, хотя бы ценою жертвы своим положением и своим благополучием.

Господи, сжался же над Твоею Церковью! Ведь она же Твоя Невеста.

«Утверди, Господи, Церковь, юже стяжал еси честною Твоею Кровию» (Канон Св. Космы Маюмского, 3 ирмос на Сретение Господне).

Братья Православные!

Сейчас, когда я кончаю это письмо, весь Киев звонит колоколами, и я уже не думаю о *<предателях>* Церковных.

Нет, не разрушить им Церкви Божией на земле. Звон колоколов переносит меня не только вверх к Богу Живому, но и в далекие края нашей многострадальной Родины, где томятся в неволе наши братья по вере. Их болезни и труды в деле Церковном величают эти колокола теперь.

И я зову Вас вместе со мною присоединиться к этому ликованию и верить, что через страдания и молитвы восторжествует Церковная Правда на земле. Аминь.

Киев, ноябрь 1927 г.⁴⁸¹

⁴⁸¹ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 4. Л. 238–251; размножаемая на стеклографе копия, обнаруженная у Коверского (Л. 125–127 об.).

Приложение III

Иосифляне и митрополит Кирилл (Казанский)

В следственном деле 1929–1930 годов, по которому проходил архиепископ Димитрий (Любимов), находится важный для понимания истории не только иосифлянства, но и всей антисергианской оппозиции документ: письмо епископа Дамаскина (Цедрика), адресованное владыке Димитрию. Письмо датировано сентябрем 1929 года и было передано ему протоиереем Григорием (Селецким). В нем, обращаясь к владыке Димитрию, епископ Дамаскин писал:

«Пользуюсь удобным случаем войти с Вашим Боголюбием в сношения и выразить в лице Вашего Высокопреосвященства высокочтимому Архипастырю м.⁴⁸² Иосифу и всем иже с Вами собратиям, отцам и братьям чувство глубокой признательности и уважения за мужественное исповедание правды Православия и выражение протеста против великого беззакония, внедряемого в жизни Церкви через посредство обезумевшего м. Сергия и его окружения в то время, когда большая часть ссыльного епископата не могла еще иметь о положении никакого представления. Ваш открытый отказ от участия в зачинавшемся тогда беззаконии, Ваш возмущенный голос протеста был услышан всей Церковью и заставил

⁴⁸² Здесь и далее м. — митрополит.

всех ревнующих о Православии и благочестии обратить свое внимание на великую опасность, угрожающую св. Церкви»⁴⁸³.

Протоиерей Григорий Селецкий также передал архиепископу Димитрию очень важные сведения, полученные епископом Дамаскиным от Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра (Крутицкого), в далекую ссылку к которому епископ Дамаскин специально направлял верного человека. По просьбе архиепископа Димитрия отец Григорий письменно изложил эти сведения для митрополита Иосифа.

«Через этого посланного м. Петр устно передал следующее:

"Вы, епископы, должны сами сместить м. Сергия.

Поминать м. Сергия за богослужением не благословляю.

Киевский акт т<ак> наз<ываемого> 'малого собора епископов Украины' об увольнении 16 епископов от занимаемых ими кафедр считать недействительным.

Письмо еп. Василия (Рязанского викария) сообщает неправду.

На вопросы ответу письменно"»⁴⁸⁴.

Обращение к архиепископу Димитрию епископа Дамаскина – важный исторический факт. Он опровергает бытующее мнение о том, что, якобы, существовала непроходимая пропасть между «иосифлянами» и другими течениями антисергианской оппозиции, особенно сторонниками «умеренной» позиции митрополита Казанского Кирилла (Смирнова), одного из самых авторитетнейших архиереев Русской Церкви того времени, первого из кандидатов в Патриархии Местоблюстители, названных в завещании св. патриарха Тихона.

Епископ Дамаскин входил в круг наиболее близких к митрополиту Кириллу священнослужителей. Он был первым архиереем, с которым митрополит Кирилл в

⁴⁸³ Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 4. Л. 102.

⁴⁸⁴ Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 4. Л. 1.

ссылке обсудил церковную ситуацию, сложившуюся после 1927 года, и с которым нашел полное взаимопонимание. В дальнейшем у владык сохранялось полное единомыслие, и они постоянно поддерживали связь друг с другом. Во время следствия 1934 года митрополит Кирилл подтвердил, что епископ Дамаскин является его единомышленником. И на следствии в 1937 году сказал о взглядах епископа Дамаскина: «Отношение его к сергианству одинаковое со мной было»⁴⁸⁵.

В сентябре 1936 года, будучи заключенным, епископ Дамаскин писал: «Обычно принято в понятии — Церковь видеть наличие синодального управления, указов, циркуляров, пышного представительства и т. п. Закрывание храмов рассматривается как "ликвидация Церкви". Это глубоко ошибочный взгляд»⁴⁸⁶. Путь митрополита Сергия, стремившегося во что бы то ни стало сохранить именно видимую структуру Церкви, рассматривался священномучеником Дамаскиным как «путь несомненной апостасии». Судя по всему, с такой оценкой деятельности митрополита Сергия был согласен и святитель Кирилл⁴⁸⁷.

Формально к иосифлянам епископ Дамаскин не присоединялся. Во время следствия в 1930 году, «перечисляя епископов, принадлежавших в разное время к их течению, епископ Димитрий его <Дамаскина> не упоминал»⁴⁸⁸. Однако в Обвинительном заключении по первому групповому делу иосифлян 1929–1930 годов

⁴⁸⁵ Журавский А. В. Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского. М., 2004. С. 365.

⁴⁸⁶ Архив УФСБ РФ по Кировской обл. Д. СУ-9730. Т. 1. Л. 174.

⁴⁸⁷ Мазырин А. Священномученик Митрополит Кирилл (Смирнов) как глава «правой» Церковной оппозиции. Круг его ближайших последователей / Богословский сборник. Вып 12. М., Изд-во ПСТБИ, 2003. С. 254–255.

⁴⁸⁸ Мазырин А., иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920-х–1930-х годах. М., 2006. С. 123.

имя епископа Дамаскина внесено в схему структуры «организации иосифлян, стоящей на защите истинного православия» наряду с такими архиереями, как епископы Алексей (Буй), Иоасаф (Попов), Виктор (Островидов), Варлаам (Лазаренко), Максим (Жижиленко). На этой схеме рукой владыки Димитрия (Любимова) приписано: «Схему в 22 пунктах удостоверяю. Арх. Димитрий. 20 января 1930 г.»⁴⁸⁹.

В 1935 году, будучи в ссылке в Архангельске, епископ Дамаскин получил письмо от архиепископа Угличского Серафима (Самойловича) с просьбой – «быть полезным его Вятским детям», что означало – принять под свое духовное руководство последователей епископа Виктора из общин Вятской епархии. На следствии на вопрос: «Кто уполномочил Серафима Угличского на временное управление так называемой Вятской епархией?» – епископ Дамаскин ответил, что это уполномочие было передано ему перед смертью епископом Виктором Островидовым⁴⁹⁰. Владыка Дамаскин в письме, переданном с протоиереем Измаилом Рождественским, дал вятскому духовенству совет, как упорядочить церковно-приходскую жизнь⁴⁹¹. Отметим, что отец Измаил, «один из виднейших представителей ленинградских иосифлян», в донесении Тучкову в марте 1928 года был охарактеризован как «наиболее ярый и фанатичный представитель оппозиции».

⁴⁸⁹ Архив УФСБ РФ СПб. ЛО. Д. П-78806. Т. 1. Л. 480.

⁴⁹⁰ Архив УФСБ РФ по Кировской обл. Д. СУ-9730. Т. 1. Л. 19 об.

⁴⁹¹ Мазырин А., иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920-х–1930-х годах. М., 2006. С. 169–170. Там же А. Мазырин добавляет: «Как следует из материалов дела, не все вятские "викториане" приняли "совет" священномученика Дамаскина и признали его своим епископом. Однако уже один перечень имен (архиепископ Серафим, епископ Дамаскин, протоиерей Измаил Рождественский, последователи епископа Виктора) свидетельствует о все более тесном сближении представителей различных течений в "правой" оппозиции к середине 1930-х годов».

До 1937 года митрополит Кирилл напрямую с иосифлянами не был связан. На следствии 1930 года он показал: «Дмитрия Гавриловича Гдовского знаю как священника, но ничего общего с ним не имел, переписки с ним за время ссылки не вел». Действительно, владыка Кирилл переписывался лишь со своей свояченицей А. Н. Азиатской, вдовой священника. Но, как показал на следствии настоятель храма Воскресения на Крови протоиерей Василий Верюжский, «содержание писем к ней митр. Кирилла делалось известным и нам», так что через нее же стала известна иосифлянам и копия обращения владыки Кирилла к митрополиту Сергию⁴⁹². Вероятно, через А. Н. Азиатскую было получено и письмо митрополита Кирилла, активно распространяемое среди иосифлян, впоследствии изъятое при обысках и приобретенное к материалам группового дела 1930–1931 годов⁴⁹³.

«Да сохранит всех нас Господь от всякой вражды и ненависти и да вразумит к взаимному пониманию. Я ни от чего святого не отступаю и не отказываюсь, боюсь только приступить и прилепиться к тому, что считаю греховным в своей сущности; никого из братии не считаю мытарем и язычником, но воздерживаюсь от братского общения, не имея других способов обличить согрешающего брата.

... В мою пустыню доходят слухи о разрастающейся среди братии по вере вражде, переходящей в ненависть; укоризнах, переходящих в клевету с одной стороны на другую; о ревности не по разуму, граничащей с хулой на Духа Святаго, каковы взаимные обвинения в безблагодатности. Горестно слышать это. Бог есть любовь, и только пребывающий в любви в Боге пребывает (1 Ин. 4, 16).

⁴⁹² Архив УФСБ СПб. ЛО. Д-П 83017. Т. 1. Л. 273.

⁴⁹³ При первой его публикации указано, что оно найдено во время обыска у Натальи Николаевны Андреевой, вдовы протоиерея Феодора Андреева – секретаря епископа Димитрия. / Бутаков А. Два письма Митрополита Кирилла // Возвращение. 1996. № 4 (8). С. 23–24.

Поэтому всякое раздражение должно быть совершенно удалено из нашей среды, хотя бы и сыпались на нашу голову обвинения во вражде и приговоры о раскольниковстве. Обвинениям этим не к чему прилипнуть, когда вражды в действительности нет. И ревность о сохранении в полной чистоте церковного устройства нашего, как елей над водою, всегда всплывет вверх над обвинениями в раскольниковстве в сосуде действительной церковной правды.

Да сохранит всех нас Господь в любви друг к другу и к согрешающим братьям. Воздерживаясь от общения со грехом, мы не должны, по наставлению Св. Ап. Иоанна, оставлять своей частной молитвы о согрешающих братьях. "Аще, кто узрит брата своего согрешающа грех не к смерти, да просит, и даст ему живот, согрешающим не к смерти. Есть грех к смерти: не о том, глаголю, да молится" (1 Ин. 5, 16), потому что происшедший грех не объявлен еще Церковью как грех к смерти. Благодать Господа да сохранит всех нас от всякого зла и гибели»⁴⁹⁴.

За свое сочувствие к иосифлянам⁴⁹⁵ митрополит Кирилл получил суровый выговор от митрополита Сергия, называвшего отделившихся от него «церковью лукавствующих» и вменявшего общение с ними в тяжкое преступление. В своем письме митрополиту Кириллу от 5/18 сентября 1929 года митрополит Сергий писал:

«Вы "глубоко скорбите" о том, что мы их называем отщепенцами и раскольниками, но ведь они признают нашу, возглавляемую мною Церковь, "царством антихриста", наши храмы — "вертепами сатаны", а нас — его служителями, Св. Причастие — "пищею бесовскою"; оплевывают наши святыни и под<обное>. Для признающих благодатность нашей Церкви должно быть ясно, что все эти хулы и оплевания падают ни на кого другого, а на самую Св. Церковь Христову и

⁴⁹⁴ Архив УФСБ СПб. ЛО. Д-П 83017. Т. 6. Л. 31.

⁴⁹⁵ См. первые письма митрополита Кирилла 1929 года — архимандриту Владимиру Пуссет и vikariyu Казанской епархии, епископу Афанасию (Малинину). Акты Святейшего Патриарха Тихона... С. 636–641.

на Ее божественные таинства. Это даже уже не раскол, а прямо хула на Духа Святого, грех и смерть, лишаящий хульника надежды вечного спасения. И только беспросветная темнота одних и потеря духовного равновесия другими из хулителей дают христианской любви некоторую смелость верить, что грозное изречение Господа (Мф. 12, 31) не будет применяться к этим несчастным со всей строгостью. Заметьте, что эту хулу изрыгают не только какие-нибудь "чернички", "всегда учащиеся и николиже в разум истины прийти могущие" (2 Тим. 3, 7), а сами их вожди (например, епископ Димитрий Любимов, Алексей Буй, Виктор Островидов, Иерофей Афоник)⁴⁹⁶.

Митрополит Кирилл удивился этим «хулам», о которых узнал впервые, и, усомнившись в самом факте их произнесения, отвечал митрополиту Сергию:

«Если хулы такие действительно кем-нибудь произносятся, то они плод личного темперамента говорящих, плод — скажу Вашими словами — "беспросветной темноты одних и потери духовного равновесия другими". И как горько, Владыко, что потерю духовного равновесия обнаруживаете и Вы в равную меру⁴⁹⁷».

И далее владыка Кирилл с болью говорит о тяжком способе воздействия, который применяет Синод митрополита Сергия к «отчуждившимся от его церковного управления»⁴⁹⁸. В письме митрополиту Сергию от 30

⁴⁹⁶ Акты Святейшего патриарха Тихона... С. 647.

⁴⁹⁷ Акты Святейшего патриарха Тихона... С. 655.

⁴⁹⁸ В постановлении № 1864 от 24 июля / 6 августа 1929 года митрополит Сергей и его Синод таинства, совершаемые иосифлянами, приравнивали обновленческим и признали недействительными: «Обращающихся из этих расколов, если последние крещены в расколе, принимать через таинство св. миропомазания; браки, заключенные в расколе, также завершать церковным благословением и чтением заключительной в чине венчания молитвы: "Отец, Сын и Св. Дух"».

Умерших в обновленчестве и в указанных расколах не следует хотя и по усиленной просьбе родственников отпевать, как и не

января 1930 года владыка Кирилл указывал, что он говорит только от своего лица и ни в каких обществах не состоит, отрицая обвинение о «вступлении в общение с обществом отделившихся». Но возможность общения своего с этими «отделившимися» он для себя в принципе допускал, о чем говорит его ответ священнику Евлампию (Едемскому-Своеземцеву), сообщившему владыке о том, что после некоторого недоумения он вступил в общение с епископом Нектарием (Трезвинским), отрицавшим благодатность Сергиевского духовенства:

«Думаю, что в Вашем положении и я поступил бы так же. Пусть есть некоторая разница в степени, какую определяется воздержание Ваше и его от объединения с м. Сергием, но воздержание такое признается необходимым и вновь прибывшим поселенцем. По существу это звук одного и того же клавиша, но у одних с некоторым нажимом на педаль, у других — без него. Дизз, стоящий при ноте И. прекрасного, не может производить какофонию, особенно ввиду все более усиливающейся тугости на ухо Валаамского (он именинник 28 июня⁴⁹⁹»⁵⁰⁰.

«Тугость на ухо Валаамского» все усиливалась, но митрополит Кирилл еще не терял надежды на его вразумление, хотя уже в июне 1929 года понимал тщетность «братских увещаний». Так, в письме епископу Дамаскину владыка Кирилл тогда написал:

следует совершать по ним заупокойную литургию. Разрешать только проводы на кладбище с пением "Святой Боже"». Акты... С. 644.

⁴⁹⁹ 28 июня / 11 июля — день памяти преподобных Сергия и Германа Валаамских.

⁵⁰⁰ «"И. прекрасный", очевидно, не кто иной, как митрополит Иосиф (по наименованию прекрасным ветхозаветного патриарха Иосифа)». Мазырин А. Священномученик Митрополит Кирилл (Смирнов) как глава «правой» Церковной оппозиции. Круг его ближайших последователей / Богословский сборник. Вып 11. М., Изд-во ПСТБИ, 2003. С. 422–423.

«Обращение к митрополиту Сергию с громоздким посланием кажется мне ненужным преувеличением церковного значения митрополита Сергия и подливанием масла в огонь самомнения, и так сжигающего бедного Владыку. Недостатка в братских увещаниях по отношению к нему за эти два года не было. Но митрополит Сергей глух к ним. Не расслышит он и нового, хотя и более строгого окрика. Поэтому достаточно, кажется мне, для личного местоблюстительского уполномоченного частного доведения до его сведения со стороны каждого не согласного с церковной его деятельностью, что деятельность эта идет мимо нас, и поощрять ее своим согласием и послушанием мы не можем»⁵⁰¹.

В марте 1930 года митрополит Сергей запретил в священнослужении митрополита Кирилла «за поддержку раскола и молитвенное общение с раскольниками, за демонстративный отказ от евхаристического общения с возглавлением Русской Патриаршей Церкви и неподчинение Заместителю». К этому моменту митрополит Кирилл был вновь арестован, причем из Обвинительного заключения по делу видно, что главной причиной заключения владыки было «именно его несогласие с митрополитом Сергием, в том числе и в вопросе о Синоде»⁵⁰².

Однако и после этого митрополит Кирилл пытался воздействовать на митрополита Сергия, и в 1933 году написал еще одно письмо, оставленное без ответа, а по окончании ссылки в конце 1933 года митрополит Кирилл приехал в Москву и явился в Патриархию: «Учиненный страж преградил ему вход, но высокий, когда-то могучий митрополит отстранил его, шагнул в кабинет митрополита Сергия. Можно только догадываться о том, какой была эта последняя встреча. Через несколь-

⁵⁰¹ Е. Лопушанская. Епископы исповедники. Сан-Франциско, 1974. С. 34.

⁵⁰² Мазырин А. Указ соч. С. 401.

ко мгновений митрополит Кирилл вышел; видимо, ему все стало ясно»⁵⁰³.

В 1937 году, будучи в южноказахстанской ссылке, митрополит Кирилл вступил в общение с митрополитом Иосифом (Петровых). В январе 1937 года владыка Иосиф передал митрополиту Кириллу письмо через архимандрита Арсения⁵⁰⁴, в котором «свидетельствовал владыке свое глубочайшее почтение» и писал, что преклоняется «перед его мужественным стоянием в его борьбе за церковные интересы». Архимандрит Арсений привез ответ митрополита Кирилла, который, по словам владыки Иосифа, «вполне удовлетворил меня»⁵⁰⁵.

В свою очередь митрополит Кирилл засвидетельствовал свою позицию в письме иеромонаху Леониду от 23 марта 1937 года: «С митрополитом Иосифом я нахожусь в братском общении, благодарно оценивая то, что с его именно благословения был высказан от Петроградской епархии первый протест против затеи митрополита Сергия и дано было всем предостережение в грядущей опасности»⁵⁰⁶. В этом же письме владыка Кирилл высказал важные мысли в отношении сергианства:

«По поводу Ваших недоумений относительно сергианства могу сказать, что те же самые вопросы и в такой же почти форме были обращены ко мне из Казани десять лет тому на-

⁵⁰³ Мазырин А. Указ соч. С. 405.

⁵⁰⁴ Об этом митрополит Иосиф показал на допросе 14 июля 1937 года.

⁵⁰⁵ Журавский А. В. Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописания и труды священномученика Кирилла Казанского. М., 2004. С. 605–606.

⁵⁰⁶ Черновик этого письма, изъятый при последнем аресте митрополита Кирилла, был приобщен к следственному делу 1937 года. В 1997 году этот черновик и ряд других документов был передан в ЦГА Санкт-Петербурга из архива Управления Комитета Национальной Безопасности по Южно-Казахстанской области и впервые опубликован в книге История Русской Православной Церкви: От восстановления Патриаршества до наших дней, 1917–1970 / Под общей ред. М. Б. Данилушкина. Т. 1. СПб., 1997. С. 982–983.

зад, и тогда я отвечал на них утвердительно, потому что считал все сделанное митрополитом Сергием ошибкой, которую он сам осознает и пожелает исправить. К тому же среди рядовой паствы нашей было множество людей, не разбравшихся в происшедшем, и нельзя было требовать от них решительного и деятельного суждения о событиях. С тех пор много воды утекло. Ожидания, что митрополит Сергей исправит свои ошибки, не оправдались, но для прежде несознательных членов Церкви было довольно времени, побуждений и возможности разобраться в происходящем, и очень многие разобрались и поняли, что митрополит Сергей отходит от Православной Церкви, какую завещал нам хранить Св. Патриарх Тихон, и, следовательно, для православных нет с ним части и жребия. Происшествия же последнего времени окончательно выявили обновленческую природу сергианства. Спасутся ли пребывающие в сергианстве верующие, мы не можем знать, потому что дело спасения вечного есть дело милости и благодати Божией, но для видящих и чувствующих неправду сергианства (каковы Ваши вопросы) было бы непростительным лукавством закрывать глаза на эту неправду и там искать удовлетворения духовных своих нужд, потребностей с совестью, сомнящеюся в возможности такого удовлетворения. Все, что не от веры, — грех. Ложь нельзя исправить ложью, и, стало быть, нельзя предпочитать григорьевство сергианству»⁵⁰⁷.

Отметим, что отношение митрополита Кирилла к «сергианству» менялось постепенно, в чем легко можно убедиться, прочитав его широко известные и давно опубликованные письма с 1929 по 1934 год⁵⁰⁸. Да и в последнем письме митрополит достаточно ясно свидетельствует об этом. Если десять лет назад, в 1927 году, он считал все сделанное митрополитом Сергием ошибкой, которую тот сам осознает и исправит, то с тех пор «много воды утекло», и ожидания не оправдались. Многим

⁵⁰⁷ История Русской Православной Церкви: От восстановления Патриаршества до наших дней, 1917–1970 / Под общей ред. М. Б. Данилушкина. Т. 1. СПб., 1997. С. 982–983.

⁵⁰⁸ Акты Святейшего патрарха Тихона... С. 638, 655, 700–702.

стало понятно, что «митрополит Сергей отходит от той Православной Церкви, какую завещал нам хранить патриарх Тихон». И это уже не просто ошибки церковного управления, а нечто гораздо более серьезное.

Митрополит Кирилл отмечает «обновленческую природу сергианства», утверждая, что «митрополит Сергей отходит от Православной Церкви»⁵⁰⁹, и завершает эту фразу важнейшим выводом: «И, следовательно, для православных нет с ним части и жребия». Это очень сильные и даже грозные слова, если вспомнить, при каких обстоятельствах они были произнесены Св. Апостолом (Деян. 8, 18–24), чтобы святитель мог допустить их легковесное употребление. Тем более что далее по тексту письма митрополит Кирилл задается вопросом: «Спасутся ли пребывающие в сергианстве верующие?» И отвечает, как обычно отвечали вопрошающим, когда речь шла о судьбах инославных и отпавших от Православной Церкви: «Мы не можем знать, потому что дело спасения вечного есть дело милости и благодати Божией».

Подробный ответ на последний вопрос и в целом развернутое изложение экклезиологических взглядов митрополита Кирилла и его единомышленников представлены в письме епископа Дамаскина от 15 апреля 1934 года. Оно было адресовано архиепископу Серафиму (Самойловичу), а копия его была направлена митрополиту Кириллу. Во время допроса 16 августа 1934 года на вопрос следователя, кто является его автором, священномученик Кирилл ответил: «Автором этого письма является епископ Дамаскин, мой единомышленник».

⁵⁰⁹ Так что представляется малоубедительным объяснение А. В. Журавского: «Для митрополита Кирилла "обновленческая природа сергианства" заключается не в утверждении за деятельностью митрополита Сергея какой-то новой "ереси", а в нарушении нормального (патриаршего) церковного управления, в своеобразном "обновлении" митрополитом Сергием формы высшей церковной власти». Журавский А. В. Указ. соч. С. 357–358.

И далее владыка Кирилл показал, что «взгляды, изложенные в письме, он сам высказывал епископам Дамаскину и Афанасию, и с ним они были по этому поводу солидарны»⁵¹⁰.

***Из письма епископа Дамаскина (Цедрика)
архиепископу Серафиму (Самойловичу)***

Путь митрополита Сергия – путь несомненной апостасии. Отсюда и отщечение благодати у него несомненно. Несомненен отход от благодати и всякого сознательно внедряющего в жизнь план «мудрейшего». Здесь встает вопрос о том, насколько повинны в этом грехе те массы верующих и рядового духовенства (епископам оправдания никакого быть не может), кои не в состоянии разобраться в тонком лукавстве сергиевского «курса», кои, подчиняясь авторитету большинства епископата, боятся «раскола», к тому же не слыша авторитетнейшего суждения по сему вопросу предстоятеля церкви Патриаршего Местоблюстителя.

Встает и другой вопрос: имеет ли право кто-либо называть безблагодатными таинства, совершаемые в сергианских храмах, раньше, чем Церковь Соборным решением отсечет согрешивших, предварительно призвавши их к покаянию и исправлению?

Отщетились благодати м. С.⁵¹¹, X, Y, Z, но пока они не отсечены – не действует ли в Церкви то положение, исповедуемое Церковью, что «вместо недостойных служителей алтаря Господь ангелов своих невидимо для совершения блаженственного⁵¹² таинства посылает. Если такое положение существует (я верую, что такое

⁵¹⁰ А. Мазырин. Священномученик Митрополит Кирилл (Смирнов) как глава «правой» Церковной оппозиции. Круг его ближайших последователей // Богословский сборник. Вып 12. М., Изд-во ПСТВИ, 2003. С. 251.

⁵¹¹ Здесь и далее имеется в виду митрополит Сергий.

⁵¹² Так записано в копии.

есть), то не благоразумнее ли потерпеть, не обвинять в беззакониях сознательного сергианства массы тех, кои страдают в душе от творимой беззаконниками неправды, кои нисколько не разделяют их мнений, но, не будучи в состоянии уяснить себе сущность наших расхождений, боятся ошибиться при самостоятельном выборе пути, находя же единственную отраду и утешение среди окружающего мрака и скорби в церковных службах, – посещают сергианские храмы?

Такое состояние я полагаю терпимым в отношении тех слабых, непросвещенных, коим в силу их младенческого неведения и простоты не может быть вменен грех сергианства.

Погрешают те из них, кои понимают всю неправду и проистекающее из нее зло сергианства, но по инертности своей или по малодушию остаются в рядах тех.

Еще больше погрешают те пастыри, кои разбираются в положении, но благодаря трусости своей, или, того хуже, – по материальному расчету, остаются в рядах сергиан, увеличивая количество и значимость их. К несчастью, таковых немало.

Что же касается тех рабов Божиих, коим дано разобраться в положении, осознать неправду и зло сергианства, понять, что путь сергианства – есть путь апостасии, – те обязаны не только выступить с протестом против деяний м. С. и присных его, не только пройти указанный Писанием и церковными правилами путь увещания и обличения соблазнительей, но и своим примером должны показать свое противление совершающейся неправде и соблазну, порывая литургическое общение с сергианами, не посещая храмов их, делая все возможное для приближения момента соборного суда над беззаконниками.

Лично я прошел весь этот путь, порвавши литургическое общение с митрополитом Сергием по возвращении из ссылки 1 января 1929 года и словесно и письменно обратившись к нему с увещаниями.

Ныне совершается суд Церкви Российской, и каждый свободной волей избирает путь свой. Люди юридического склада ума церковное бытие мыслят во внешних формах отношений, субординации, различии церковных учреждений, торжественных храмовых служениях и т. д. Путем соблюдения внешних форм, внешней дисциплины, путем умолчаний, условности, фразеологии успокаивается иногда мятущаяся совесть, все у них по видимости складно, в порядке, но за всем сим – по слову Господа (Иоанн 3, 18, 19) – совершается суд: «Люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы».

Не всем, к сожалению, дано осознать, что бедность и немощь являются теми необходимыми условиями, при коих совершается преизобильная сила Божия. Поистине только во тьме безблагодатности можно было решиться пожертвовать свободой Церкви ради сохранения «богатства» условно разрешенных храмовых служений и подозрительной «силы» синодального управления. Эти именно достижения свои имел в виду митрополит Сергей, горделиво заявляя лишь, что он «спасает Церковь».

Мы держимся противоположного взгляда: мы готовы (до времени) отказаться ради сохранения внутренней свободы Церкви и от торжественных богослужений, и от конструирующих церковных учреждений, предпочитая последним создание и укрепление духовно-благодатных связей между пастырями и пасомыми. Дальнейшее же, внешнее устройство Церкви мы возлагаем на милость Божию к нам, кающимся в прежних своих грехах перед Церковью, на Его божественный промысел и силу, твердо уповая на данные Им Церкви обетования. «Верующий не судится, а неверующий уже осужден». Один из оптинских отцев сказал: «Православие живет среди всяческого неустройства и скудности именно для того, чтобы было видно, что оно держится не человеческими силами и порядками, а могуществом Божиим».

Несомненно, строгий суд церковный ждет митрополита Сергия и его присных. Строго говоря, суд, как выражение церковного сознания по данному вопросу, в идеальном его содержании уже совершился. Церковь выразила свое полное осуждение митрополиту Сергию и его незаконным деяниям, а вместе с ним и всем участникам и соратаям митрополита Сергия на его блаженном⁵¹³ пути. Выразила это десятками направленных митрополиту Сергию протестов православных архипастырей и массой таковых же со стороны верующих пресвитеров и мирян. Выразила это она массовым отходом от сергиан верующих, прекративших посещать их храмы и общаться с ними. Суд этот сказывается и в совести самих сергиан, в большинстве своем сознающих неправду сергианства и терзающихся от такого противоречия, ибо только малодушие и боязливость удерживают их в рядах сергиан, участь же такой «боязливости» предчувствуется ими (Апок. 21, 8).

Недаром, однако, учрежден и видимый суд в Церкви для вразумления погибающих и предупреждения соблазняющимся, и каждый из нас должен сделать все от него зависящее для приближения такого момента во имя общего блага Церкви. <...>

Продумайте, Друзе и Брате возлюбленный, следующую мысль. Если происходит суд Божий, если Господь творит отсеивание пшеницы, отбор воинов для противостояния выходящему из бездны зверю, – какое может быть наше место в этом плане? Мое настроение в отношении данного момента определяется последними стихами 97 псалма⁵¹⁴. И чем более углубляюсь я мыслию к

⁵¹³ Так записано в копии.

⁵¹⁴ Пс. 97: 7–9: «Да подвижится море и исполнение его, вселенная и все живущие на ней. Реки восплещут рукою вкупе, горы возрадуются. От лица Господня, яко грядет, яко идет судити земли, судити вселенной в правду, и людям правостию».

уразумению совершающегося, тем более проникаюсь ужасом благоговения перед величием и благостию промысла Божия о нас и в восторге воспеваю первые два стиха 45 псалма⁵¹⁵.

Совершается суд Божий над Церковью и народом русским. Ныне отняты пастыри от пасомых именно для того, чтобы пред лицом суда каждый совершенно самостоятельно избрал путь свой – ко Христу или от Христа, причем и пастыри судятся, как рабы. Совершается отбор тех истинных воинов Христовых, кои только смогут быть строителями нового здания Церкви, кои только и будут в состоянии противостать самому “зверю”, времена же приблизились несомненно апокалипсические.

Разумеется, в таком плане необходимо быть и сергианам, как необходим был Иуда. Недаром апостол говорит: что “надлежит быть и разномыслиям, дабы открылись искусные”. Тяжесть греха этих соблазнительей определена самим Господом. Он и судит их уже, ибо они уже приходят к концу своему, как в свое время “живцы”. Вам еще неизвестно, вероятно, о готовящемся в Москве преподнесении титула – “блаженнейшего” и “митрополита Московского”. Как видите, они сами себя уже топят⁵¹⁶.

Что же мы можем сделать при настоящих условиях? Добиваться удаления митрополита Сергея? Поздно, да и бесполезно. Уйдет митрополит Сергей – останется сергианство, т. е. то сознательное попрание идеала Святой Церкви ради сохранения внешнего декораума и личного благополучия, которое необходимо является в результате так называемой легализации.

⁵¹⁵ «Бог нам Прибежище и Сила, Помощник в скорбех, обретших ны зело. Сего ради не убоимся, внегда смущается земля и прелагаются горы в сердца морская».

⁵¹⁶ Примечание епископа Дамаскина: «О титуляции было известно гораздо ранее 2/V, таким образом этим обнаруживается ложь митрополита Сергея, будто это произошло для него “неожиданно” (Пишу сие 15 мая)».

Что собственно имеет митрополит Сергей? Немногие храмы и готовое ко всему приспособиться духовенство. Паства? Там ее почти нет, ибо за храмы в настоящих условиях держатся в большинстве люди внешнего устройства. Печальную картину являют собою приверженные к храму, но совершенно не церковные, ибо сменяют православных священнослужителей в храме, живцы, тех обновленцы или самосвяты, этих сергиане, потом вновь обновленцы, а приверженцев храма это мало волнует, – им нужен храм, декорум богослужебный, привычная обрядность внешнего участия их в таинствах и только. В этом вся сущность сергианской церкви. Это печальное наследие синодального периода Церкви, это показатель угасания духа в Церкви. Все мы – пастыри, много повинные в сем тяжком грехе перед Церковью, крепко должны в сем каяться.

Еще до появления сергианства, во время натиска на Церковь со стороны обновленцев и самосвяттов, я писал одному батюшке в ответ на его по сему случаю жалобы: "Господь весть, что благодетельнее теперь для Церкви, сохранение храмов во что бы то ни стало или полное закрытие их. Все наши усилия теперь должны быть направлены на установление прочных духовно-благодатных связей между пастырями и пасомыми, тогда в настоящую бурю Церковь будет непоколебима пред лицом еще более тонких соблазнов и без храмов".

Теперь мы свидетели того, что храмы служат не к единению, а к разделению верующих, ибо без храмов не было бы ни сергианства, ни самосвятства, ни григорианства, ни обновленчества. Идейных служителей сих совне навязанных учений почти нет, и если бы им не даны были наши храмы, как трибуны для сеяния соблазнов и разложения, то и не было бы у нас и поводов для настоящих разговоров.

"Горе, имже соблазн приходит", однако таковые попущены выявиться, и, очевидно, через посредство их

производится "отсев". Каково же наше с Вами место в настоящем плане домостроительства Божия? А свое место нам отыскать необходимо.

Пастыри отъяты, "поражены". Овцы рассеялись или уловлены хищниками-наемниками, которые загнали и сторожат овец, томят их в безводных дебрях. Мы же и не в силах противостоять наемникам, ибо находятся те под охраной надежной.

Теперь, очевидно, все призваны на суд, и сами овцы, ибо могли они в свое время и убежать от "чуждого гласа". Теперь никто ни за кого не ответственен и ответит каждый за себя.

Да не соблазнится брат мой чем-либо в словах моих, заподозрив меня в превозношении, прельщении. Спаси меня, Господи, от греха сего. Я всегда со страхом имею перед собою предупреждение Апостола: "Ты стоишь – берегись, чтобы не упасть". Я самого себя прежде всего виню и бичую за грех церковной невоспитанности русского народа, за грех утверждающегося на сем богоборческого похода в России.

Каково же мое собственное место при таком сознании моем? Неключимый и ленивый раб, повинный в столь страшном грехе пред Церковью, напоминающий все зло, содеянное при его участии, и необходимые последствия сего греха, – что другое должен делать, как не горько плакаться в содеянном грехе, умолять милосердного Судию дать время покаяться и по возможности исправить совершенный грех путем противостояния злу, до готовности кровию омыть грех свой.

Нечего нам мечтать и стремиться к кафедрам – каждый из нас уже сделал свое. Мы теперь "самим Богом потушенные свечи". Если мы умолим Праведного Судию потерпеть на нас, да убелим ризы свои слезами покаяния, смиренным подвигом "гефсиманской" молитвы заслужим милость, – Господь еще возжет нас на свещнице церковней, а если будем мнить, что мы призваны только восседать на кафедрах и начальствовать в

наследии Божиим, – то останемся навсегда потушенными.

Подобное стояние наше не может быть рассматриваемо как отказ от общественно-церковного служения, ибо таковое стояние в подвиге, как и каждое духовное выявление, имеет многократное значение. Работа над очищением своей души будет вместе с тем и накоплением благодатной духовной силы, а это и будет то единственное, что только и может быть противопоставлено духу злобы, сиющемуся утвердить свое царство на место Церкви Христовой.

Внешне наше противостояние царству зла может выразиться разве в том, что мы имеющимися еще в нашем распоряжении средствами будем утверждать, подкреплять вместе с нами предстоящих суду меньших братьев наших, единых с нами по духу, уясняя им путь наш, как правильный и со стороны канонической, как благословенный предстоятелем Российской Православной Церкви, который из своего заточения поручил передать одному из собратий наших: "Скажите Владыке Х, что если он с митрополитом Сергием, то у меня нет с ним ничего общего". <...>

Я нахожу возможным "потерпеть, не обвинять в беззаконии сознательного сергианства массы простодушных, непросвещенных", и только потерпеть, ибо завтра они сами побегут к нам, вернее – те из них, кои "предустановлены ко спасению". История времен соборов дает нам много примеров такого снисходительного отношения к "простодушным" <...>

Излияние и действие благодати не представляется мне как действие струи воды, которой необходимо оказывается всякий подошедший под открытый кран или коей всякий может напиться, стоит только ему открыть рот. Если искать аналогий во внешних явлениях, то действие благодати представляется мне, как действие света в затхлом подполье, когда откроют туда доступ

солнца: вся нечисть, мокрицы, миазмы, гнилостные черви будут убиты светом или сокроются опять во тьму, всякая плесень потребится, попавшие туда здоровые семена дадут ростки и потянутся к свету, питаясь и претворяясь в животворящих лучах света и тепла. Поэтому, пока Церковью не пресечен доступ благодатного света в дебри сергианства, случайно попавшие туда здоровые семена или растеньица могут еще пользоваться дарами благодати Духа Святого в меру веры своей, в меру возраста духовного. Мы же с Вами исповедуем, что одни и те же Святые тайны служат одним во спасение, другим "в суд и осуждение"⁵¹⁷.

⁵¹⁷ «Совершается Суд Божий над Церковью и народом русским...»
Архивные материалы к житию священномученика Дамаскина, епископа Стародубского (1877–1937). Публ. О. Косик // Богословский сборник. Вып 10. М., Изд-во ПСТБИ, 2002. С. 454–465. Машинописная копия этого письма была обнаружена при обыске у митрополита Кирилла.

Биографические данные о духовенстве и церковных деятелях, упоминаемых в книге

Агафангел (Преображенский Александр Лаврентьевич), митрополит Ярославский. Родился в 1854. В 1881 – окончил Московскую Духовную академию, преподавал в духовных училищах. В 1885 – пострижен в мантию с именем Агафангел, посвящен в иеромонаха. 10 сентября 1889 – хиротонисан в епископа Киренского в Иркутске, с 1893 – епископ Тобольский и Сибирский, с 1897 – епископ Рижский и Митавский, с 1910 – архиепископ Виленский и Литовский, с 1913 – архиепископ, затем митрополит Ярославский. В 1928 – скончался в Ярославле.

Акимов Василий Александрович, протоиерей. Родился в 1864 в Орловской губ. В 1888 – окончил С-Пб. Духовную академию, 25 декабря рукоположен во иерея, служил в церкви «Убежища», 1891 – в церкви Покрова Богородицы в Коломне, с 1898 – ее настоятелем, 6 мая 1902 – возведен в сан протоиерея. С 1915 – член Комиссии по выработке положения о Высших Богословских курсах, с 21 сентября 1925 – член Совета Высших Богословских курсов. В 1922 арестован по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей и приговорен к 3 годам, освобожден досрочно в декабре 1923. В 1935 – арестован, приговорен к высылке и отправлен в Астрахань, где 6 мая 1942 – скончался.

Алексий (Буй Семен Васильевич), епископ. Родился в 1892. В 1915 пострижен в монахи. В 1917 окончил Томскую Духовную семинарию. Иеромонах при архиерейском доме в Томске. В 1922–1923 настоятель Бугульминского монастыря Самарской епархии. В 1924 хиротонисан в епископа Бугульминского. Управлял разными епархиями. С 1926 управляющий Воронежской епархией, епископ Козловский. В январе 1928 отделился от митрополита Сергия. Управлял иосифлянскими приходами Украины и юга России. В мае 1928 выслан из Воронежа. Жил в Ельце. Арестован в марте 1929, приговорен к 3 годам концлагеря. В феврале 1930 арестован в Соловецком лагере, по новому делу в Воронеже приговорен к ВМН. Привлечен по делу Всесоюзного центра ИПЦ. Приговорен к ВМН с заменой на 10 лет концлагеря. Расстрелян 3 ноября 1937 под Медвежьегорском.

Алексий (Симанский Сергей Владимирович), епископ Ямбургский, впоследствии патриарх Московский. Родился в 1877. В 1904 – окончил Московскую Духовную академию. В 1913 – хиротонисан в епископа Тихвинского, викария Новгородской епархии. В 1921–1926 – епископ Ямбургский, викарий Петроградской епархии. В 1922–1925 – в ссылке в Усть-Каменогорске. В 1926 – архиепископ Хутынский, временно управляющий Новгородской епархией. С 1927 – постоянный член Временного патриаршего Синода при митрополите Сергии (Страгородском). В 1933–1945 – митрополит Ленинградский и Новгородский. В 1945–1970 – Патриарх Московский и всея Руси. В 1970 – скончался.

Анастасия (Куликова Анастасия Георгиевна), схимонахиня. Родилась в 1889. С начала 1900-х годов служила в семье Любимовых. В 1922–1925 сопровождала протоиерея Димитрия в ссылку. Приняла монашеский постриг. 29 ноября 1929 – арестована вместе с архиепископом Димитрием и о. Петром Белавским. Приговорена к 5 годам лагерей. Проживала в Окуловке, потом в Новгороде. Скончалась 12 апреля 1974 года.

Анатолий (Земляницын Александр Николаевич), архимандрит. Родился в 1864. Окончил Кирилловское Духовное училище. Принял монашеский постриг, в 1901–1917 – настоя-

тель Мало-Кирилловского Покровского монастыря под Новгородом. В 1918–1930 – насельник Перекомского монастыря. С 1930 служил в Лазаревской церкви села Ямок. Арестован в январе 1934, осужден условно. В 1937 арестован в Великом Селе Старорусского района, 20 ноября 1937 приговорен к расстрелу.

Андреев Феодор Константинович, протоиерей. Родился в 1887. Окончил в 1909 экстерном Московскую Духовную семинарию. В 1913 – Московскую Духовную академию. В 1913–1918 – доцент по кафедре систематической философии и логики Московской Духовной академии. В декабре 1922 рукоположен во диакона и затем в священника. Служил в Петроградском Казанском соборе, затем в Сергиевском всей Артиллерии соборе. В 1927 возведен в сан протоиерея. В 1927–1929 – в клире собора Воскресения Христова на Крови. 23 мая 1929 скончался.

Андреева (урожденная Фроловская) Наталья Николаевна, жена протоиерея Феодора Андреева. Правнучка архитектора К. А. Тона. Родилась в 1897. В 1921–1922 училась в Богословском институте. Принимала активное участие в церковно-общественной жизни. В сентябре 1930 – арестована по делу «Всесоюзной к-р монархической организации церковников ИПЦ». Приговорена к 3 годам ссылки. Вернулась в Ленинград в сер. 1950-х. В 1970 – скончалась.

Андреевский Иван Михайлович, родился в 1894. Писатель, историк Церкви. Активный участник иосифлянского движения. Весной 1928 – арестован как организатор религиозно-философских кружков среди молодежи. Приговорен к трем годам концлагеря. В середине 1930-х – освобожден, проживал в Новгороде, в 1942 – на оккупированной территории, затем в эмиграции. В 1950 – поселился в Джорданвилле (США), преподавал в Духовной семинарии в Свято-Троицком монастыре. Автор многих книг и статей. В 1976 – скончался.

Анувий (Капинус Андрей Антонович), иеромонах. Родился в 1887. С 1906 – служил в лейб-гвардии Семеновском полку. В начале 1920-х – пострижен в мантию с именем Анувий. Ие-

родиакон в Киеве, с 1928 – служил в Покровской церкви Серпухова. В 1929 – посвящен в иеромонаха. В начале 1931 – арестован, в феврале приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1930-х – освобожден и выслан. В 1937 – арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1943 – освобожден, служил тайно. В 1951 – арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1955 – освобожден, вернулся в Воронеж. Принял постриг в схиму с именем Амвросий. 14 октября 1966 – скончался.

Бартоломей Владимир Владимирович, иерей. Родился в 1892. Окончил Николаевский кадетский корпус и два курса Петербургского университета. В апреле 1929 рукоположен архиепископом Димитрием (Любимовым) во священника. Арестован в Твери в ноябре 1930. Расстрелян в Москве 24 апреля 1931.

Баташев Сергей Иосифович, протоиерей. Родился в 1878. Окончил С.-Петербургскую Духовную семинарию. В 1909 – принял священнический сан. В сани с 1909. До 1918 – священник церкви Спаса Нерукотворного Образа при Министерстве юстиции. После ее закрытия в 1918 служил 5 лет в селе Сырец Лужского уезда, затем – в кладбищенской церкви Гатчины, с 1928–1929 – в церкви Св. Алексия человека Божия на подворье Арзамасско-Алексиевского монастыря, в Троицкой церкви в Лесном. В октябре 1931 – арестован, приговорен к 5 годам лагерей. Расстрелян в 1937.

Белавский Петр Иоаннович, протоиерей. Родился в 1892. Учился в С.-Петербургской Духовной семинарии. До 1921 служил псаломщиком. В 1921 – рукоположен во священника. С 1922 – настоятель Алексиевской церкви пос. Тайцы (Гатчинский район). В 1928 – 1929 – помощник владыки Димитрия (Любимова). 29 ноября 1929 – арестован в Тайцах вместе с владыкой. Приговорен к 5 годам концлагерей. В 1933 – освобожден. Поселился в Новгороде. В 1938 – вновь арестован по делу «контрреволюционной организации». В мае 1939 дело прекращено. Выехал к семье в пос. Пестово (Покров-Молога), где работал бухгалтером до конца войны. В сентябре 1945 назначен вторым священником Павловско-

го собора Гатчины. С 1949 – настоятель собора. С 1955 – настоятель церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Егерской слободе (пос. Мариенбург) близ Гатчины. С 1976 – за штатом. В 1983 – скончался.

Быстриевский Константин Алексеевич, протоиерей. Родился в 1889. В 1911 окончил Новгородскую Духовную семинарию. С 1916 – священник Троицкой кладбищенской церкви в Петергофе. С 1921 – настоятель Знаменской церкви там же. В июле 1929 – арестован. Приговорен к ссылке на 3 года в г. Тару Омской обл. Постановлением от 02.07.1932 запрещено проживание в 12 п.п. с прикреплением к определенному месту жительства сроком на 3 года. С 1936 жил в Новгороде. После войны служил в Николо-Богоявленском кафедральном соборе, в 1958–1967 – настоятель церкви на Смоленском кладбище в Ленинграде. 4.11. 1979 – скончался.

Быстряков Иван Александрович, протоиерей. Родился в 1871. С 1925–1928 – диакон в соборе Воскресения на Крови. В 1929 рукоположен во священника. Арестован в 1929–1930 в Ленинграде.

Валентин (Кузьмин Василий Николаевич), монах. Родился в 1878. С 1900 – в Перекомском монастыре. В 1902 принял монашеский постриг. С 1930 – сторож Лазаревской церкви села Ямок. Арестован в январе 1934. Приговорен к 3 годам ссылки в Сибирь.

Варлаам (Лазаренко Григорий Яковлевич), епископ. Родился в 1879. В 1923 хиротонисан в епископа Лебединского Полтавской епархии. С 1925 – епископ Майкопский. В декабре 1926 арестован в с. Заповедное Туапсинского района, дело прекращено. В августе 1927 отделился от митрополита Сергия. В начале 1928 ездил в Ленинград к епископу Димитрию (Любимову) Окормлял тайные скиты в горах и общины на Кубани. Арестован в 1930. Расстрелян.

Варлаам (Ряшенцев Виктор Степанович), архиепископ. Родился в 1878. В 1900 – окончил Казанскую Духовную академию. В 1913 – хиротонисан во епископа Гомельского, вика-

рия Могилевской епархии. Уклонялся в обновленчество, в 1923 – принес покаяние. В 1924 – арестован, приговорен к 2 годам тюрьмы и отправлен в Ярославский политизолятор. Весной 1926 – освобожден, назначен управлять Любимским викариатством Ярославской епархии. В июле 1927 – возведен в сан архиепископа, назначен на пермскую кафедру, к месту назначения не поехал. В октябре 1928 – управляющий Ярославской епархии. В сентябре 1929 – арестован, приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1933 – выслан в Севкрай. В ноябре 1940 – арестован. В 1942 – скончался в тюрьме Вологды.

Варсонофий (Кузьмин Василий Степанович), иеромонах. Родился в 1888. Насельник Перекомского монастыря под Новгородом. Арестован в январе 1930. В 1930 приговорен к 5 годам концлагеря. В 1933 освобожден, служил в Лазаревской церкви деревни Ямок, неподалеку от закрытого Перекомского монастыря. Арестован в 1934 и выслан на 3 года в Сибирь. С августа 1941 служил в Успенской церкви с. Курицкое на озере Ильмень. С 1943 служил в храмах Шимского района. Эвакуирован в Латвию. В октябре 1944 – в Свято-Троицком монастыре в Риге.

Василий (Докторов Владимир Иванович), епископ Каргопольский. Родился в 1872. В 1886 поступил в Никандрову пустынь Псковской епархии. В 1902–1905 учился в Казанской Духовной академии. Миссионер в Семипалатинске. В 1924 хиротонисан во епископа Горно-Алтайского. В 1925 – епископ Пинежский. В 1925–1926 – епископ Яранский. С 1927 – епископ Каргопольский. Не принял Декларации митрополита Сергия. Присоединился к иосифлянам. Арестован в декабре 1930, приговорен к 5 годам заключения в Ярославский изолятор, с 1933 – на Соловках. С 1935 жил в Мариуполе. Вновь арестован в 1938, вероятно расстрелян.

Введенский Александр Иванович, родился в 1889. Окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1913 – рукоположен во иерея. В мае 1922 – подписал письмо группы «прогрессивного» духовенства, положившее начало

обновленчеству. В 1923 – «хиротонисан» в «епископа». С 1924 – обновленческий «митрополит». В 1946 – скончался.

Венедикт (Плотников Виктор Васильевич), епископ. Родился в 1872. В 1902 – окончил Петербургскую Духовную академию. С 1907 – настоятель церкви Павловского женского института в Петрограде, с 1919 – ключарь Исаакиевского кафедрального собора. 28 августа 1920 – хиротонисан во епископа Кронштадтского, викария Петроградской епархии. В 1922 – арестован, приговорен к ВМН с заменой на 5 лет заключения. 30 ноября 1923 – освобожден. С 9 января 1924 – управлял Олонецкой, с февраля 1924 – Петроградской епархиями. 18 декабря 1925 – арестован и приговорен к 3 годам ссылки в Сибирь. С 1931 – управлял Вологодской епархией, именуясь епископом Кронштадтским. С 5 октября 1933 – архиепископ Новгородский, с 7 декабря 1936 – архиепископ Казанский и Свияжский. 28 февраля 1937 – арестован, приговорен к ВМН и расстрелян.

Вениамин (Казанский Василий Павлович), митрополит. Родился в 1873. Окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию. В 1895 – пострижен в монашество. В 1902 – ректор Самарской Духовной семинарии. В 1905 – ректор Санкт-Петербургской Духовной семинарии. В 1910 – рукоположен во епископа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии. 1917 – архиепископ Петроградский и Ладожский, затем митрополит Петроградский и Гдовский. В 1922 выступил против обновленческого раскола и его главных деятелей. Арестован и привлечен по делу «о сопротивлении изъятию церковных ценностей». Приговорен к смертной казни. В ночь с 12 на 13 августа 1922 – расстрелян.

Верюжский Василий Максимович, протоиерей, родился в 1874. Профессор Санкт-Петербургской академии. С августа 1923 – настоятель собора Воскресения на Крови в Петрограде. 3 декабря 1929 – арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1932 – освобожден и выслан в Севкрай. В декабре 1939 – освобожден. В 1946 – примирился с Московской патриархией. В 1947 – после снятия судимости преподавал в

Ленинградской Духовной академии, заведовал кафедрой византологии и истории славянских церквей. В 1955 – скончался.

Виктор (Островидов Константин Александрович), епископ. Родился в 1875. В 1903 – окончил Казанскую Духовную академию. Пострижен в мантию с именем Виктор, посвящен в иеромонаха, с 1904 – в Иерусалимской Духовной миссии, с 1910 – настоятель Зеленецкого Свято-Троицкого монастыря. В 1920 – хиротонисан во епископа Уржумского, викария Вятской епархии. В 1922 арестован и сослан в Нарымский край. С 1924 назначен епископом Глазовским, с осени 1926 – епископ Ижевский и Вотский. В апреле 1928 – арестован, приговорен к 3 годам концлагеря, отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. В 1931 – освобожден и выслан в село Нерица Усть-Цильмского района. 2 мая 1934 – скончался.

Вознесенский Алексей Константинович, иерей. Родился в 1879. В 1920-е – настоятель церкви в с. Посолодино Лужского уезда. К 1931 переехал в Стрельну, где служил тайно. В июне 1931 – арестован (12.06.1931) по «делу ИПЦ». Обвинялся в том, что «... скрывался от ареста... устраивал тайные богослужения, вел контрреволюционную агитацию». Постановлением от 18.11.1931 приговорен к заключению в концлагерь сроком на 3 года. Наказание отбывал в СЛАГ ОГПУ (г. Кемь). В июле 1933 освобожден. Поселился в Новгороде, где служил во время войны. В феврале 1945 – арестован. 1 июля 1945 – умер в тюремной больнице.

Вознесенский Алексей Петрович. Священник. Родился в 1865. В 1888 – окончил Московскую Духовную семинарию. В конце 1920-х – настоятель церкви Успения в Гончарах в Москве, присоединился к иосифлянам. В октябре 1930 – арестован, приговорен к 5 годам высылки.

Гавриил (Владимиров Григорий Петрович), иеромонах. Родился в 1873. Странствующий монах. Арестован по «делу ИПЦ». 03.08.1930 приговорен к 10 годам лагерей. Позднее сослан в Казахстан. Осенью 1937 арестован в Чимкенте по одному делу с митрополитом Иосифом (Петровых). 19 ноября 1937 расстрелян.

Голощапов Сергей Иоаннович, протоиерей. Родился в 1882. Окончил Московскую Духовную академию в 1908. Преподавал словесность в Московской Духовной семинарии. С 1920 – священник. В 1926–1929 служил в Троицкой церкви в Никитниках в Москве. Иосифлянин. Арестован в 1929 и выслан из Москвы. В 1931 вновь арестован и приговорен к 3 годам лагеря. В 1934 – в ссылке в Муроме. В декабре 1935 освобожден, поселился в Муроме. Служил тайно. Расстрелян 19 декабря 1937 в Бутovo.

Горгоний (Анисимов Георгий Яковлевич), иеромонах. Родился в 1875. Насельник Ново-Афонского монастыря. Служил на подворье в Петербурге. В 1929 назначен архиепископом Димитрием (Любимовым) настоятелем Желтиковского монастыря в Твери. Арестован осенью 1930. Расстрелян 23 февраля 1931.

Григорий (Лебедев Александр Алексеевич), епископ Шлиссельбургский. Родился в 1878 в Коломне Московской губ. В 1903 – окончил Казанскую Духовную академию, преподавал. В конце 1920 – поступил в Смоленскую Зосимовскую пустынь под Владимиром. Пострижен в мантию с именем Григорий. С лета 1921 – в Свято-Даниловом монастыре в Москве. Посвящен во иеромонаха. 2 декабря 1923 – хиротонисан во епископа Шлиссельбургского, викария Петроградской епархии, с назначением настоятелем Александрo-Невской лавры. С 1924 по 1927 – не раз подвергался арестам. С конца 1927 – не поминал за богослужениями митрополита Сергия. С середины 1928 года – на покое, проживал под Москвой, с 1933 – в Кашине Тверской области. Писал богословские труды. В апреле 1937 – арестован. 17 сентября 1937 – приговорен к ВМН и расстрелян в Калининской тюрьме.

Дамаскин (Цедрик Дмитрий Дмитриевич), епископ Стародубский. Родился в 1877. Окончил Духовную семинарию, Сельскохозяйственный институт, Институт восточных языков. Принял монашеский постриг, миссионер в Пекинской духовной миссии. В 1914–1917 в отряде Красного Креста на фронте. В 1919 – иеромонах в Киеве. В 1920 архимандрит Георгиевского Балаклавского монастыря в Крыму. В 1923

рукоположен во епископа Стародубского, управлял Черниговской и Глуховской епархией. В 1925 выслан в Москву. Арестован вместе с митрополитом Петром. Выслан на 3 года в Туруханский край. В 1928 встретился с митрополитом Сергием в Москве, отделился от него. Сблизился с иосифлянами. В 1929 арестован и приговорен к 3 годам концлагеря. Освобожден в 1933. В 1934 вновь арестован и приговорен к 3 годам ссылки в Северный край. В 1936 арестован в Архангельске, отправлен в Карлаг. 10 сентября 1937 расстрелян в Караганде.

Добронравов Викторин Михайлович, протоиерей. Родился в 1889. В 1910 окончил Кишиневскую Духовную семинарию. В 1910–1915 учился в Политехническом институте. С 04.10.1914 – диакон Спасо-Преображенской Колтовской церкви. 25.02.1919 рукоположен во иерея. В 1919–1930 – настоятель Никольской церкви при убежище престарелых сценических деятелей на Петровском острове. В 1931 приговорен к заключению в концлагерь сроком на 10 лет. Отправлен на Беломорканал, где работал фельдшером. В апреле 1937 – освобожден, поселился в Окуловском р-не в пос. Оксочи. В августе 1937 – арестован. Приговорен к ВМН и расстрелян в Боровичах 28 декабря 1937.

Домнышева Елена Васильевна, послушница. Родилась в 1887. С 12 лет – в Иоанновском монастыре на Карповке. Входила в "двадцатку" храма иосифлянской церкви Тихвинской иконы Божией Матери в Александро-Невской лавре. Арестована в феврале 1930. Приговорена к 3 годам концлагеря.

Жураковский Анатолий Евгеньевич, иерей. Родился в 1897. В 1920 окончил Киевский университет, рукоположен во священника. В 1923 выслан в Марийскую область. В 1924 вернулся в Киев, настоятель церкви Св. вмч. Варвары при храме Николы Доброго на Подоле. В 1928 присоединился к иосифлянам. Арестован в 1930 по делу Всесоюзного центра ИПЦ. Приговорен к ВМН с заменой на 10 лет концлагеря. 3 декабря 1937 расстрелян.

Загоровский Николай Михайлович, протоиерей, в монашестве Серафим. Родился в 1872. С 1894 – в сане священника сужил в храмах Харькова. В марте 1923 арестован, приговорен к 3 годам ссылки. С конца 1920-х жил в Ленинграде и имел тайный храм. Считался прозорливым. В январе 1930 арестован как иосифлянин. Приговорен к 5 годам лагерей. После освобождения жил в Обояни. Служил в Харькове в годы войны. Принял постриг. Скончался в г. Перемышле в 1944.

Зосима, схиигумен. Родился 28 июня 1862 года. Мирское имя в честь св. Филиппа (память 3/16 июня). Монашеский постриг принял в Александро-Свирском монастыре 23 апреля/6 мая 1900 года, монашеское имя в честь праведного Филарета (1/14 декабря). Хиротония в иеромонаха – 25 мая/7 июня 1902 года. В схиму пострижен 10/23 декабря 1925 <1926> года, имя в честь преп. Зосимы Соловецкого. Скрывался и тайно служил в квартире иосифлянков на Мойке Красноленской В. А. и Граббе М. Н. Скончался 10/23 октября 1943 года. Похоронен на Волковом кладбище.

Иванов Дмитрий Николаевич, протоиерей. Родился в 1883. Окончил Киевскую Духовную академию. В 1920-е годы настоятель церкви Покровского женского монастыря в Киеве. С 1927 служил в Троицкой церкви в п. Ирпень. В июле 1928 присоединился к иосифлянам. Арестован в 1931, приговорен к 5 годам концлагеря. Досрочно освобожден и выслан в Северный край. 17 марта 1933 умер в Архангельске.

Иерофей (Афонин Тимофей Дмитриевич), епископ Никольский. Родился в 1890. В 1923 рукоположен во епископа Шадринского, викария Екатеринбургской епархии, уфимскими архиереями. В 1924 хиротония утверждена патриархом Тихоном, назначен епископом Никольским, викарием Великоустюжской епархии. В январе 1928 отделился от митрополита Сергия. 6 мая 1928 ранен при аресте, скончался в больнице.

Иларион (Бельский Иван Иванович), епископ. Родился в 1893. Окончил Олонецкую Духовную семинарию. В 1919

принял монашеский постриг. Иеродиакон, позднее игумен Александро-Невской лавры. В октябре 1924 хиротонисан в Москве во епископа Каргопольского. В 1926–1927 – епископ Поречский, управлял Смоленской епархией. В марте 1928 отделился от митрополита Сергия. Арестован, с 1928–1931 – на Соловках, затем до 1933 – в Белбалтлаг. После освобождения проживал в Козьмодемьянске Марийской АССР. Приговорен к ВМН. Расстрелян в Йошкар-Оле 31 августа 1937.

Иннокентий (Тихонов Борис Дмитриевич), архиепископ. Родился в 1889. В 1915 – окончил Петроградскую Духовную академию. Пострижен в мантию с именем Иннокентий. С июня 1917 – в братии Александро-Невской лавры. 10 апреля 1922 – хиротонисан во епископа Ладожского, викария Петроградской епархии. В июне 1922 – арестован, приговорен к 2 годам ссылки и отправлен в Севкрай. С лета 1925 – освобожден, вернулся в Ленинград, вошел в Епископский Совет. В 1926 – арестован, приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Норильский край. После освобождения жил в Архангельске. С сентября 1930 – епископ Благовещенский; назначения не принял. В 1931 – арестован, приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. С октября 1933 – викарий Старорусский, с 1937 – архиепископ Харьковский, затем – Винницкий. 29 октября 1937 – арестован, приговорен к ВМН и расстрелян в Винницкой тюрьме.

Инюшин Иоанн Иоаннович, протоиерей. Родился в 1891. Окончил Московскую Духовную академию. В 1920–1931 – служил в селе Малыгино Загорского района. Арестован по делу «Загорского филиала ИПЦ» в 1931. 10 июня 1931 – расстрелян. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

Иоасаф (Попов Петр Дмитриевич), епископ. Родился в 1874. В 1904 окончил Екатеринославскую Духовную семинарию. Служил в сельских храмах. В 1916–1920 настоятель храма в Новомосковске. В 1924 хиротонисан во епископа Бахмутского и Донецкого. Иосифлянин. Арестован в 1931, приговорен к 5 годам лагерей. Освобожден в 1933. В 1935 вновь арестован и приговорен к 5 годам лагерей. В 1937 расстрелян.

Иосиф (Петровых Иван Семенович), митрополит. Родился в 1872. В 1899 окончил Московскую Духовную академию. В 1901 принял монашеский постриг, рукоположение. В 1906 – настоятель Яблочинского Свято-Онуфриевского монастыря Холмской епархии. В 1907 – настоятель Юрьевского монастыря в Новгороде. В 1909 рукоположен во епископа Угличского, викария Ярославской епархии. С 1920 – архиепископ Ростовский. С 1924 – временно управлял Новгородской епархией. В августе 1926 назначен митрополитом Петроградским. В декабре 1927 поддержал своих Петроградских викариев, отделившихся от митрополита Сергия. 6 февраля 1928 подписал Ярославскую декларацию об отделении от митрополита Сергия. В сентябре 1930 арестован по делу «Всесоюзного центра к.-р. организации церковников Истинно-Православная Церковь». 3 сентября 1931 приговорен к 5 годам концлагеря с заменой на ссылку в Казахстан. В апреле 1935 освобожден из ссылки, но без права выезда из Казахстана. Летом 1937 арестован. 19 ноября 1937 приговорен к расстрелу. 20 ноября 1937 в 24 часа расстрелян в Чимкенте.

Ищенко Николай Трофимович, иерей. Родился в 1887. Окончил Киевскую Духовную семинарию. Служил в сельских храмах Киевской епархии. В августе 1929 назначен архиепископом Димитрием (Любимовым) настоятелем Спасо-Занарской церкви в Серпухове. Арестован в ноябре 1930. В феврале 1931 приговорен к ВМН и расстрелян.

Ия (Репина Ольга Ивановна), монахиня. Родилась в 1889. Окончила 4 класса Константиновской гимназии в Санкт-Петербурге. В 1923 арестована за распространение воззвания патриарха Тихона. С февраля 1924 года – инвалид. С 1925 – тайная монахиня. Постригал епископ Сергей (Дружинин). Подвергалась арестам в 1923 и 07.01.1930 по «делу иосифлян». В 1930 осуждена к заключению в концлагерь сроком на 3 года. Отправлена 19.09.1930 в Соловецкий лагерь (г. Кемь). После освобождения жила в Новгороде, скончалась в 1970-х.

Касьянов Афанасий Игнатьевич, дьякон. Родился в 1902. Дьякон с. Шапта Кикнурского района (Вятской епархии). Посвящен архиепископом Димитрием (Любимовым). В 1932 – приговорен к 3 годам ссылки. В 1935 году арестован в Архангельске за нелегальные службы и приговорен к 5 годам лагеря. В 1947 – третий раз арестован в Казани как активный участник группы «ИПЦ», приговорен к ВМН, с заменой на 10 лет лагеря.

Кибардин Алексей Алексеевич, протоиерей. Родился в 1882. В 1912 окончил С.-Петербургскую Духовную академию. В 1913–1930 служил в Феодоровском соборе Царского Села. В декабре 1930 арестован как иосифлянин. Приговорен к 5 годам лагерей. В 1934 – освобожден. Жил в Новгороде. В 1942–1945 служил в Покровской церкви с. Козья Гора Осьминского (ныне Сланцевского) района. В 1945–1950 – настоятель Казанской церкви в пос. Вырица. В 1950 – арестован. Приговорен к 25 годам лагерей. Освобожден в 1955 из Ангарага. Скончался в пос. Вырица в 1964.

Кирилл (Смирнов Константин Иларионович), митрополит. Родился в 1863. В 1887 окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию. Рукоположен в священнический сан. В 1902 принял монашеский постриг после кончины жены и ребенка. Возведен в сан архимандрита и назначен начальником Урмийской миссии в Персии. В 1904 – хиротонисан во епископа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1909 – епископ Тамбовский и Шацкий. С 1918 – митрополит Тифлисский и Бакинский. С 1920 – митрополит Казанский и Свияжский. Неоднократно подвергался арестам и тюремному заключению. С 1923–1933 – постоянно в ссылках в Сибири и на Севере. В конце 1933 – освобожден, с января 1934 проживал в Гжатске. В июле 1934 – арестован и приговорен к ссылке в Казахстан. Летом 1937 арестован. Приговорен к расстрелу. Расстрелян 20 ноября 1937 в Чимкенте.

Клавдий (Савинский Константин Сафонович), архимандрит. Родился в 1882 в крестьянской семье. С 1903 – послушник Киево-Печерской лавры. В армии 1914–1918. Вернулся в лавру, принял монашеский постриг. В 1923 – рукоположен

во иеромонаха. В 1925 – игумен, настоятель подворья лавры в Ленинграде. С ноября 1928 – служил в храме Воскресения на Крови. В декабре 1930 – арестован, приговорен к 5 годам концлагеря. С 1936 проживал в Новгороде, перешел на нелегальное положение, служил тайно. В июне 1942 – арестован в блокадном Ленинграде. 12 августа 1942 – расстрелян.

Кратиров Дмитрий Дмитриевич, протоиерей. Родился 15.11.1875. В 1900 окончил С.-Петербургскую Духовную академию. В марте 1903 рукоположен в иереи. В 1904–1911 – служил в Колтовской церкви С.-Петербурга, с 1911 – в Введенской церкви на Петербургской стороне. В декабре 1930 – арестован. Приговорен к заключению в концлагерь сроком на 5 лет. Постановлением от 16.08.1933 условно-досрочно освобожден. С 1933 проживал в Новгороде. Был вывезен в Германию. С 1945 настоятель русского Воскресенского собора в Берлине. 22.08.1952 скончался.

Кремышенский Александр Анатольевич, протоиерей. Родился в 1897. С 1920 – диакон. С 1924 – священник. Настоятель Троицкого собора в Серпухове. Иосифлянский благочинный с 1928. В августе 1928 арестован, приговорен к 3 годам. В заключении на Соловках. Привлечен по новому делу в 1930. Этапирован в Бутырскую тюрьму. Приговорен к ВМН. Расстрелян 4 июня 1931.

Крылов Илья Сергеевич, иерей. Родился в 1890. Священник в Орехово-Зуеве с 1921. В мае 1929 присоединился к иосифлянам. Выслан в 1929, вернулся через полгода. Арестован в декабре 1930, приговорен к заключению в концлагерь.

Лебедев Иван Михайлович, протоиерей. Родился в 1873 в Твери. Служил настоятелем церкви Свт. Николая в с. Лебяжье Ораниенбаумского района. Арестован 11.01.1931 по «делу ИПЦ». Приговорен к 3 годам концлагеря.

Левковский Александр Евменьевич, протоиерей. Родился в 1887. Окончил Московскую Духовную академию. Священник с 1913. Настоятель собора Рождества Христова, бывшего Христорождественского монастыря в Твери. Иосифлянин,

благочинный Твери. Осенью 1930 служил в Серпухове. Арестован, в феврале 1931 приговорен к ВМН. Расстрелян в Москве 4 июня 1931.

Лысяк Григорий Клементьевич, протоиерей. Родился в 1885. Окончил Киевскую Духовную академию в 1911. В 1912 – рукоположен во священника. Настоятель церкви Успения в Гончарах в Москве в 1926–1930. Иосифлянин. Арестован в 1930. Приговорен к 10 годам лагерей. В 1941–1945 – священник Георгиевской церкви Калуги. В 1948 арестован, приговорен к 10 годам лагерей. В 1955 – освобожден, настоятель церкви в п. Лисий Нос под Ленинградом. Умер в 1958.

Макарий (Клишин Михаил Александрович), иеромонах. Родился в 1875. Окончил сельскую школу. До 1917 – насельник Старорусского монастыря. С 1925 настоятель Знаменской церкви в дер. Маковище. С 1928 присоединился к иосифлянам. Арестован в декабре 1929. В августе 1930 приговорен к 10 годам концлагеря.

Максим (Жижиленко Михаил Александрович), епископ Серпуховской. Родился в 1885. В 1912 – окончил медицинский факультет Московского университета. Работал врачом в больнице МПС, в 1914–1918 – на фронте врачом Кубанского пластунского батальона. С 1922 – главный врач Таганской тюремной больницы. В 1928 – рукоположен во иерея, пострижен в мантию с именем Максим, затем посвящен в сан епископа. В мае 1929 – арестован в Серпухове, приговорен к 5 годам концлагеря и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. В январе 1931 – привлечен к следствию по новому делу. 4 июня 1931 – расстрелян в Москве.

Мануил (Виктор Викторович Лемешевский), епископ (впоследствии митрополит). Родился в 1884. В 1907–1910 – учился на юридическом факультете Петербургского университета. В 1911 – пострижен в мантию с именем Мануил, в 1912 – рукоположен во иеромонаха. С 1919 – настоятель домово́й церкви Св. Николая Чудотворца. 23 сентября 1923 – хиротонисан во епископа Лужского, викария Петроградской епархии. 3 февраля 1924 – арестован, приговорен к 3 годам

концлагеря и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. В 1927 – освобожден, с 25 апреля 1928 – епископ Серпуховской. 30 января 1930 – уволен на покой. В 1930, 1932, 1933 и 1939 – подвергался арестам. С 14 февраля 1945 – епископ Оренбургский и Бузулукский. В 1948 – арестован, приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. В 1955 – освобожден, назначен управляющим Чебоксарской епархией. С 22 марта 1960 – архиепископ Куйбышевский и Сызранский, с 25 февраля 1962 – митрополит. С 25 ноября 1965 – на покое в Куйбышеве. В 1968 – скончался.

Мелхиседек (Лихачев Дмитрий Алексеевич), иеромонах. Родился в 1867. В 1890–нач. 1920-х – в Гефсиманском скиту, в 1923 – в Зосимовой пустыни. В 1923–1931 жил в д. Олисово Клинского района Московской области. Арестован в 1931. Расстрелян в Москве в 1931.

Модестов Николай Александрович. Родился в 1893 в Твери. Священник в селе Наумовка Бугурусланского района Средне-Волжского края. В 1926–1927 – в общении с архиепископом Андреем (Ухтомским), затем его заместителями епископами Аввакумом и Вениамином. В мае 1932 – арестован и приговорен к 10 годам. В декабре 1937 – Тройкой НКВД Новосибирской области приговорен к расстрелу.

Нектарий (Трезвинский Нестор Константинович), епископ Яранский. Родился в 1889. В 1915 окончил Киевскую Духовную академию. Принял монашеский постриг в 1912; иеромонах. С 1917 в братии Александро-Невской лавры; с 1918 – архимандрит. В 1924 хиротонисан в Александро-Невской лавре во епископа Велижского, викария Полоцкой епархии. К месту служения допущен не был. С 1924 – епископ Яранский, викарий Вятской епархии. Арестован в мае 1925 в Яранске, осужден на 3 года лагерей. Отбывал срок на Соловках. После освобождения в ссылке в Казани. Отделился от митрополита Сергия. В августе 1930 арестован по обвинению в создании филиала ИПЦ в Татарской АССР. Приговорен к 10 годам заключения в лагерь и помещен в Прорвинский лагерь Западно-Казахстанской обл. В 1937 – расстрелян в Гурьеве.

Никитин Иоанн Григорьевич, протоиерей. Родился в 1880. Окончил С.-Петербургскую Духовную академию в 1907. С 1908 служил в церкви Равноапостольных Константина и Елены при гимназии Императорского Человеколюбивого Общества. До 1928 служил в Троице-Измайловском соборе, в 1928–1929 – в соборе Воскресения Христова (Спас-на-Крови) в Ленинграде. 29.11.1929 арестован по делу «иосифлян» и 03.08.1930 приговорен к заключению в концлагерь сроком на 10 лет. Направлен в г. Кемь. Скончался в Белбалтлаге в 1938.

Николай (Голубев Владимир Иванович), епископ Ветлужский. Родился в 1862. До 1917 служил священником в с. Ширяево Кинешемского уезда. В 1918 построил храм в с. Ново-Спасском. С 1920 служил в церкви с. Загорье Кинешемского уезда. В 1926 принял монашеский постриг. Хиротонисан в епископа Ветлужского, викария Нижегородской епархии. В феврале 1928 отделился от митрополита Сергия. Присоединился к иосифлянам. Арестован в октябре 1929. Тяжело заболел в тюрьме, освобожден, 5 декабря 1929 умер в с. Ширяево.

Николай (Ярушевич Борис Дорофеевич). Родился в 1891. В 1913 – окончил Духовную академию. Пострижен в мантию, рукоположен в иеромонаха. В 1918 – настоятель Петропавловского собора в Петергофе. В 1919 – архимандрит, наместник Александро-Невской лавры. 7 апреля 1922 – хиротонисан во епископа Петергофского, викария Петроградской епархии. С 1923 по 1926 – в ссылке в Усть-Куломе. С 17 сентября 1927 по март 1928 – в. у. Ленинградской епархией. С 1936 по 1940 – в. у. Новгородской и Псковской епархиями. С 1940 по 1941 – патриарший экзарх западных областей Украины и Белоруссии. С 1941 по 1943 – митрополит Киевский и Галицкий. С 1944 по 1960 – митрополит Крутицкий и Коломенский. С 1960 – на покое, в 1961 – скончался.

Никольский Сергей Владимирович, протоиерей. Родился в 1887. Окончил С.-Петербургскую Духовную семинарию. В 1912 принял сан. В 1918–1924 служил в Сампсониевском соборе Ленинграда, переведен в Казанскую церковь на Боль-

шой Охте. В 1929–1930 – настоятель Сретенской церкви в Полюстрове. 30.12.1930 арестован по «делу ИПЦ». Приговорен 08.10.1931 к 5 годам концлагерей. Отбывал срок в Сиблаге (г. Мариинск), затем на Беломорканале. К 1937 проживал в Новгородском округе. В 1937 – арестован и расстрелян в Ленинграде.

Никострат (Лаврешов Николай Андреевич), иеромонах. Родился в 1876. В 1907 – в Ново-Афонском монастыре. С 1909 года – на его подворье в С.-Петербурге. Впоследствии служил в церкви Св. Александра Невского в селе Александровка близ пос. Тайцы в Ленинградской обл. В 1931 арестован и приговорен к 3 годам концлагерей.

Новоселов Михаил Александрович. Родился в 1864 в селе Бабье Тверской губ. Окончил Московский университет. Увлёкся идеями Л. Н. Толстого. В конце 1887 – арестован за издание брошюры «Николай Палкин», в начале февраля 1888 – освобожден. Организовал в селе Дугино под Тверью «толстовскую» земледельческую общину. Позднее вернулся к строгому православию. С 1902 – занимался издательской деятельностью (серия книг «Религиозно-философской библиотеки»). Известный религиозный просветитель и писатель, почетный член Московской Духовной академии. С июля 1922 – на нелегальном положении, вел активную борьбу с обновленчеством и «сергианством». 17 марта 1929 – арестован, 23 мая приговорен к 3 годам политизолятора. 27 октября 1930 – привлечен к следствию по делу «Всесоюзного Центра». 3 сентября 1931 – приговорен к 8 годам заключения и отправлен в Ярославскую тюрьму. В 1937 получил еще три года, переведен в Вологодскую тюрьму. 17 января 1938 – приговорен к ВМН и расстрелян.

Павел (Кратиров Павел Федорович), епископ Старобельский. Родился в 1871. Окончил Казанскую Духовную академию. В 1918 – рукоположен во священника. В 1922 – во епископа Старобельского, викария Харьковской епархии. Выслан за пределы епархии. В 1923 вступил в управление Ялтинским викариатством Таврической епархии. Отправлен на покой. Отделился от митрополита Сергия. Присоединился к иосиф-

лянам. В январе 1931 арестован в Харькове, приговорен к 10 годам концлагеря. Умер 5 января 1932 в тюремной больнице Харькова.

Поляков Филофей Петрович, протоиерей. Родился 15.09.1893. Окончил 2 класса С.-Петербургской Духовной семинарии. В 1921–1922 – священник Никольской церкви на Петровском острове, в 1922–1923 – настоятель церкви Свт. Тихона Задонского на Крестовском острове. В 1924 – 1932 служил в церкви Михаила Архангела (Малоколоменской). В 1927 месяц находился под арестом. В ноябре 1930 арестован. Под стражей находился 1,5 месяца и снова освобожден. Перешел к сергианам. Служил в разных церквях Ленинграда. В 1944 – настоятель Князь-Владимирского собора. С 1946 – настоятель Троицкой церкви «Кулич и Пасха», настоятель Спасо-Парголовской церкви в Ленинграде. Умер в 1958.

Преображенский Георгий Васильевич, иерей. Родился в 1879. Окончил С.-Петербургскую Духовную семинарию. В 1904 определен священником Горской Знаменской церкви Лужского уезда. С 1911 по 1931 – настоятель Петропавловской церкви в пос. Вырица. В январе 1931 – арестован и приговорен к 3 годам лагерей. В апреле 1933 – досрочно освобожден с лишением права проживания в определенных населенных пунктах на оставшийся срок.

Прозоров Николай Федорович, иерей. Родился в 1897. Учился в Пензенской Духовной семинарии. В 1914 ушел в Александровское военное училище, воевал на фронте, был четырежды ранен. В 1918 во время красного террора как бывший офицер был посажен в тюрьму, чудом избежал расстрела, дал обет принять священство. В 1919–1926 – священник в Пензенской епархии. В 1927–1929 – настоятель часовни вмч. Пантелеймона подворья Св. Александра Ошеченского на Пискаревке. Один из ближайших помощников архиепископа Димитрия (Любимова). Арестован в 1929. Расстрелян в Ленинграде 21 августа 1930.

Пронин Василий Михайлович, протоиерей. Родился в 1875. С 1920 – священник. С 1922 – настоятель Серафимовской

церкви Общества распространения религиозно-нравственного просвещения. В декабре 1930 арестован, приговорен к 5 годам заключения в концлагерь.

Рождественский Измаил Васильевич, протоиерей. Родился в 1897. Окончил Московскую Духовную академию. В 1921–1928 – настоятель Спасо-Преображенской церкви в Стрельне. В феврале 1928 – арестован, приговорен к 3 годам высылки на Урал. Вернулся, служил тайно. Арестован в июле 1937, расстрелян в Кирове 14 октября 1937.

Рождественский Михаил Васильевич, протоиерей. Родился в 1901. В 1926–1930 служил в Спасо-Преображенской церкви в Стрельне. Арестован в конце 1930 по делу «иосифлян». Приговорен к 3 годам лагерей. С 1938 служил тайно в Ленинграде. Арестован 19 января 1943. Приговорен к 10 годам Воркутинских лагерей, срок увеличен. В 1955 освобожден на поруки. Поселился в Брянской обл., служил тайно, окормлял множество катакомбных общин. Скончался в Луге 26 сентября 1988.

Романюк Федор Филиппович, протоиерей, в схиме Иоанн. Родился в 1886. Окончил Житомирское училище пастырства. В 1914 рукоположен во священника. С 1927 служил в Ленинградской епархии и в том же году возведен в сан протоиерея. Настоятель церкви Прмч. Андрея Критского (ст. Володарская). В декабре 1930 – арестован, приговорен к 5 годам заключения в лагерь. После отбытия наказания жил в ссылке в Новгороде. С 1952 – настоятель Покровского молитвенного дома в г. Камень-на-Оби Алтайского края, с 27.11.1957 – Петропавловской церкви Красноярского края. С 1961 – за штатом. Перед смертью принял схиму. Умер в г. Камень-на-Оби в 1984.

Сазонов Михаил Иванович. Родился в 1879. Работал наборщиком в типографии. Председатель «двадцатки» в соборе Воскресения Христова на Крови. В феврале 1930 арестован по «делу иосифлян». Постановлением от 03.08.1930 осужден к ссылке на 3 года. После ссылки жил под Ленинградом, устроил в подвале дома потайную церковь, где служил ио-

сифлянский монах Мелетий. Во время войны был угнан в Германию. Возвратился и постоянно посещал тайные богослужения. Скончался в декабре 1960.

Сазонов Петр Михайлович, иподьякон. Родился в 1903. Сын М. И. Сазонова. Служил в соборе Воскресения на Крови. Подвергался арестам в 1928 и 1930. В 1931 – приговорен к заключению в концлагерь сроком на 5 лет, который отбывал в Сиблаге. По возвращении из лагеря ездил в ссылку к митрополиту Иосифу в Казахстан. Вновь арестован и осужден. Возвратился в Ленинград в сер. 1950-х годов, постоянный участник тайных богослужений. Скончался в 1972.

Свенцицкий Валентин Павлович, протоиерей. Родился в 1879. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Организатор общества «Христианское братство борьбы». Церковный писатель. В 1917 – рукоположен во священника. В 1922–1925 – в ссылке. С 1926 – настоятель храма Св. Николая Чудотворца на Ильинке. Присоединился к иосифлянам. 19 мая 1928 – арестован, сослан на 3 года в Канск. 20 октября 1931 – умер. Перед смертью в письме митрополиту Сергию принес покаяние.

Сверчков Измаил Александрович, иерей. Родился в 1890. В 1929 рукоположен во священника архиепископом Димитрием (Любимовым). Служил в московском храме Св. Николая на Ильинке. В феврале 1931 арестован по делу «Всесоюзного центра ИПЦ». Приговорен к 10 годам лагеря.

Селецкий Григорий Гаврилович, протоиерей, в дальнейшем игумен. Родился в 1885. Окончил Одесскую Духовную семинарию, философский факультет Цюрихского университета. С 1921 – священник. Служил в Покровской церкви Елисаветграда. В мае 1927 избран управляющим Зиновьевской (Елисаветградской) епископии. Иосифлянин. Арестован в 1931, приговорен к 10 годам лагеря. Освобожден в 1938. Вновь арестован в 1938, приговорен к 5 годам лагеря. Освобожден в 1940. Нелегально жил в Харькове, принял монашеский постриг. Жил несколько лет в Почаевской лавре, в дальнейшем в Кременце, служил дома. Умер в 1971.

Серафим (Протопопов Александр Алексеевич), архиепископ. Родился в 1894. Учился в Петроградском университете и одновременно в Духовной академии. 1 декабря 1917 – пострижен в мантию, позднее рукоположен в иеромонаха. С января 1918 по 1922 – настоятель Введенской церкви за Невской заставой. 22 января 1924 – хиротонисан во епископа Колпинского, викария Петроградской епархии. В сентябре 1924 – арестован, приговорен к 2 годам концлагеря и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. В ноябре 1926 – освобожден и вернулся в Ленинград. С 27 апреля 1928 – епископ Аксайский, затем епископ Сызранский, Стерлитамакский, Бакинский, Рыбинский. В 1932 – арестован, приговорен к 3 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. 25 февраля 1934 – освобожден, управляющий Челябинской, позднее – Елецкой епархиями, с сентября 1935 – архиепископ Орловский, с 19 октября – архиепископ Елецкий и Задонский. В 1937 – арестован, приговорен к ВМН и расстрелян в Липецкой тюрьме.

Серафим (Самойлович Семен Николаевич), архиепископ. Родился в 1881. В 1905 – пострижен в мантию с именем Серафим, настоятель Нугекской миссии в Америке. В 1907 – преподавал с Ситкинской Духовной семинарии на Аляске. С 1910 – наместник Толгского монастыря. 15 февраля 1920 – хиротонисан во епископа Угличского, викария Ярославской епархии. В 1926–1927 – заместитель Патриаршего Местоблюстителя. В 1929 – арестован, приговорен к 3 годам концлагеря и отправлен в лагерь, с 1932 – в ссылке в Коми-Зырянском крае. В 1934 – арестован, приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в лагерь. 9 ноября 1937 – расстрелян.

Серафим (Суздальцев Антон Матвеевич), протодьякон. Родился в 1887. В Перекомский монастырь поступил в 1913. В 1914–1917 воевал рядовым на фронте. В 1918 – вернулся в обитель, в 1921 – принял монашеский постриг. До 1924 служил в Новгороде при часовне Чудного Креста. Арестован в январе 1930. Приговорен к 5 годам концлагеря.

Серафим (Чичагов Леонид Михайлович), митрополит. Родился в 1856. Офицер, участник русско-турецкой войны, георгиевский кавалер. В 1893 рукоположен в диакона, затем

во иерея. В 1898 принял монашеский постриг. Много потрудился в подготовке канонизации прп. Серафима Саровского и в проведении самих торжеств. 10.04.1905 хиротонисан в Москве во епископа Сухумского. С 1906 – епископ Орловский и Севский, с 1908 – епископ (с 1912 архиепископ) Кишиневский и Хотинский, с 1914 – архиепископ Тверской и Кашинский. В 1918 удален с кафедры и назначен митрополитом Варшавским. В связи с многократным отказом польских властей выдать ему въездную визу уволен на покой. Арестован в Москве в 1921. До 1926 – в тюрьме и ссылке. С февраля 1928 – митрополит Ленинградский и Гдовский. В августе 1933 уволен на покой. Проживал на ст. Удельная под Москвой. Арестован 30 ноября 1937. Расстрелян на полигоне НКВД в Бутово.

Сергий (Андреев Андрей Платонович), архимандрит. Родился в 1868. Насельник Перекомского монастыря под Новгородом с 1895. Служил в Новгороде при часовне Чудного Креста. С 1924 – игумен Перекомского монастыря. В 1928 перешел к иосифлянам. Арестован в январе 1930. Приговорен к 10 годам концлагеря. Во время войны служил в Спасской церкви села Спас-Пископец. В 1943 эвакуировался в Литву. Скончался 22 мая 1944.

Сергий (Дружинин Иван Прохорович), епископ. Родился в 1863. С 1887 – насельник Троице-Сергиевой Приморской пустыни Петроградской епархии. Пострижен в мантию с именем Сергий, посвящен в иеромонаха. С 1904 – архимандрит. 1915–1919 – настоятель пустыни. Духовник великих князей Константиновичей. В октябре 1924 – хиротонисан в епископа Нарвского, викария Петроградской епархии. 26 декабря 1927 – подписал акт отхода от митрополита Сергия. 7 декабря 1930 – арестован, приговорен к 5 годам тюремного заключения. В 1935 – выслан на 3 года в Йошкар-Олу. 7 сентября 1937 – арестован. 17 сентября 1937 – приговорен к ВМН и расстрелян.

Сидоров Александр, иерей. Родился в 1890-е годы. Настоятель иосифлянского Крестовоздвиженского храма в Москве.

Арестован весной 1929. Приговорен к заключению в лагерь. Погиб в лагере в 1931.

Стрельников Никифор Никифорович, протоиерей. Родился в 1891. В 1916 окончил Петроградскую Духовную академию. Был настоятелем Георгиевской церкви в с. Ратчино Ямбургского уезда. В 1924–1930 служил в соборе Воскресения Христова на Крови, ключарь собора. В 1931 приговорен к 10 годам лагерей в Кузбассе. 16.06.1933 определено досрочное освобождение и высылка в Казахстан на оставшийся срок. Арестован и расстрелян в Алма-Ате 16 ноября 1937.

Телятников Николай Сергеевич, протоиерей. Родился в 1865. В 1886 окончил в Гатчине Учительскую семинарию. С 1898 – диакон. В 1909 рукоположен во священника. В 1913–1916 служил в Петроафонской церкви с. Морье Шлиссельбургского уезда. С 1920 служил в Троицкой церкви Красного Села. В 1928–1930 – настоятель церкви Александра Невского в Красном Селе. В августе 1930 арестован по «делу ИПЦ». В октябре 1931 освобожден из-под стражи с лишением права проживания в 12 п.п. с прикреплением к определенному месту жительства сроком на 3 года. В 1933 вернулся в Красное Село. В 1935 выслан из Ленинградской области. В 1941–1945 – в немецком концлагере. В 1945–1947 – настоятель Покровской церкви Мариенбурга близ Гатчины. В 1947–1950 служил в церкви Прав. Иова Многострадального на Волковском кладбище Ленинграда. Скончался в Ленинграде в 1950-е годы.

Тихомиров Александр Андреевич, протоиерей. Родился в 1870. Окончил С.-Петербургскую Духовную семинарию. В 1892–1902 – священник Михайловской церкви в с. Новопятнице Ямбургского уезда. С 1902 – священник в Скорбященской церкви при детском приюте на Лахтинской улице. В августе 1922 был арестован и выслан в Оренбургскую губернию. В 1928–1929 служил в соборе Воскресения Христова. В конце 1929 арестован и приговорен к 10 годам концлагерей. В 1933 из лагеря был освобожден по инвалидности, в ссылке проживал в Мелекессе. В 1934 обращался с ходатайством о

полном освобождении по состоянию здоровья. Дата и место кончины неизвестны.

Тихомиров Сергей Андреевич, протоиерей. Родился в 1872. Окончил Санкт-Петербургскую Духовную семинарию. В 1891 – рукоположен в иерейский сан. Настоятель церкви Св. Александра Невского при Доме трудолюбия на Стрельнинской улице. Служил во Введенской церкви на Введенской улице Петроградской стороны, в церквях Св. Иоанна Милостивого и Алексия, человека Божия. С конца 1927 – в соборе Воскресения на Крови. В ноябре 1929 арестован, 21 августа 1930 – расстрелян.

Тулин Василий Федорович, священник. Родился в 1872. В 1920 митрополитом Вениамином рукоположен в диакона, через год – во священника. С 1926 – служил в Покровской церкви Ленинграда, с 1928 в соборе Воскресения Христова. В декабре 1930 – арестован по «делу ИПЦ». Приговорен к 8 годам концлагерей, направлен в Вишлаг. 16.02.1933 досрочно освобожден с лишением права проживания в определенных населенных пунктах на оставшийся срок.

Ушаков Николай Николаевич, иерей. Родился в 1886. Служил в Георгиевской церкви на Большой Охте в Ленинграде. Арестован в мае 1931, приговорен к 3 годам лагерей.

Феофан (Ишков Феодор Филиппович), иеромонах. Родился в 1875. С 1896 – послушник Никольского монастыря в Курской губернии. Принял монашеский постриг в 1914. С 1915 – насельник Никольского монастыря Вышнего Волочка. Настоятель Никольской церкви Вышнего Волочка. Иосифлянин. Арестован в декабре 1930. Расстрелян 24 апреля 1931.

Фессалоницкий Арсений Васильевич, иерей. Родился в 1870. Окончил Тверское Духовное училище. Служил в храмах Твери. С 1929–1930 – в Никольской церкви в Твери. Арестован в ноябре 1930, приговорен к расстрелу 18 февраля 1931.

Фотий (Солодов Михаил Семенович), иеродьякон. Родился в 1885. В 1906 году поступил в Новгородский Вяжицкий монастырь. В 1914–1917 – воевал на фронтах Первой мировой рядовым. Вернулся в Вяжицкий монастырь, где прожил до 1927. Служил в храме Воскресения на Крови в 1928. Направлен архиепископом Димитрием (Любимовым) в Желтиковский монастырь в Твери. Арестован в 1930. Расстрелян в Москве осенью 1931.

Чельцов Михаил Павлович, протоиерей. Родился в 1870. Окончил Казанскую Духовную академию. С ноября 1894 – преподаватель Калужской Духовной семинарии. В 1898 переезжает в С.-Петербург. С этого времени является миссионером по С.-Петербургской епархии. В 1903–1918 – преподаватель богословия в Институте гражданских инженеров и настоятель Симеоновской церкви в этом институте. В 1919–1922 – настоятель Троице-Измайловского собора. Неоднократно подвергался арестам в 1918–1920. В мае 1922 арестован по делу «о сопротивлении изъятию церковных ценностей». Приговорен к ВМН с заменой 5-ю годами лишения свободы. В заключении находился 2 года. В 1924–1930 – настоятель церкви Михаила Архангела (Малоколоменской). Арестован в 1930 по делу графини Зарнекау. Приговорен 02.01.1931 к ВМН. Расстрелян в Ленинграде.

Чепурин Николай Викторович, протоиерей. Родился в 1881. Окончил юридический факультет Киевского университета, вольнослушатель Петроградской Духовной академии. В сане священника с 1903. С 1914 – С.-Петербургский епархиальный противосектантский миссионер-проповедник. В 1919–1930 служил в церкви Покрова Богородицы в Большой Коломне в Петрограде. Преподавал в Петроградском Богословском институте и на Высших Богословских курсах. Арестован в 1930 по «делу Академиков». Приговорен к 8 годам лагеря с конфискацией имущества. В 1934 определено досрочное освобождение. С 1946 – ректор Московской Духовной академии, настоятель Пименовской церкви, что в Новых Воротниках. Скончался в Москве.

Чуков Николай Кириллович, протоиерей, впоследствии митрополит. Родился в 1870. С 1919 – настоятель Петропавловской церкви университета, с 1920 – настоятель Казанского собора. В 1920 – ректор Богословского института. 30 мая 1922 – арестован, приговорен к ВМН с заменой на 5 лет тюрьмы. 30 ноября 1923 – освобожден. С 29 марта 1924 – настоятель Николо-Богоявленского собора, по 1928 – возглавлял районные, затем Высшие Богословские курсы. В марте 1932 – выслан в Саратов. В 1942 – пострижен в мантию с именем Григорий. В 1942 – рукоположен в епископа Саратовского. С 1944 – архиепископ Псковский и Порховский. С 1945 – митрополит Ленинградский и Новгородский. В 1955 – скончался.

Библиография

1. Акты Святейшего патриарха Тихона, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943. / Сост. М. И. Губонин М., 1994.
2. *Андреев И. М., профессор.* Воспоминания о Катакомбной Церкви в СССР. / Луч Света. Джорданвилль, 1970.
3. *Антонов В. В.* Братство Преп. Серафима Саровского. / Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Вып. 16, 1996.
4. *Антонов В. В.* Священномученик митрополит Иосиф в Петрограде. / Возвращение, 1993, №.
5. Архивы Кремля. Политбюро и Церкви: 1922–1925 гг. В 2-х кн. / М.— Новосибирск, 1997. Кн. 1.
6. «Беседа двух друзей». / Православная жизнь, №, 1999.
7. *Бутаков А.* Два письма Митрополита Кирилла. / Возвращение. 1996, № (8).
8. *Валентина Яснопольская.* Счастливый случай: воспоминания / Мироносицы в эпоху ГУЛАГа. // Сост. П. Г. Проценко. Нижний Новгород, 2004.
9. *Вострышев М.* Патриарх Тихон. М., Молодая гвардия, 2004.
10. «Год скорби и печали»: Дневник священномученика Серафима (Самойловича), архиепископа Угличского, за 1928 год. / Мир Божий. 2003. № (9).
11. Е. Л<опушанская>. Епископы исповедники. Сан-Франциско, 1974.

12. Журавский А. В. Во имя правды и достоинства Церкви: Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского. М., 2004.
13. За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь, 1917—1956: Биографический справочник. М., ПСТБИ, 1997. Кн. 1: А-К.
14. Известия по Санкт-Петербургской Епархии. 1907, №9; 1912, № 17—20, 24; 1913, №1; 1914, №5—16.
15. «Истоки раскола Русской Православной Церкви на "Советскую" и "Катакомбную"» / Русский Национальный Календарь на 1960 год. Издание Св. Владимирского Общества. Нью-Йорк, 1959.
16. Иоанн (Снычев), митрополит. Церковные расколы в Русской Церкви. Самара, 1997.
17. История Русской Православной Церкви: От восстановления Патриаршества до наших дней, 1917—1970. / Под общей ред. М. Б. Данилушкина. Т. 1. СПб., 1997.
18. Княгиня Н. В. Урусова. Материнский плач Святой Руси. М., 2006.
19. Косик О. В. «Послание ко всей Церкви» священномученика Серафима Угличского от 20 января 1929 года. / Богословский сборник. Вып. 11. М., ПСТБИ, 2003.
20. Лавры, монастыри и храмы на Св. Руси. Вып. 1. СПб., 1908.
21. Лебедев Лев, протоиерей. Границы Церкви. Сентябрь 1996. [www/monarchist-spb.narod.ru/library/LevLebedev](http://monarchist-spb.narod.ru/library/LevLebedev).
22. Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996.
23. Мазырин Александр, иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920-х—1930-х годах. М., 2006.
24. Мазырин А. В. Священномученик Митрополит Кирилл (Смирнов) как глава «правой» церковной оппозиции. Круг его ближайших последователей. / Богословский сборник. Вып. 11. М., ПСТБИ, 2003.
25. Мария Юдина. Лучи Божественной Любви. Литературное наследие. М.; СПб., 1999.

26. «Молитва всех вас спасет». Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского. / Сост., предисл. и примеч. О. В. Косик. М., 2000.
27. *Никон (Рклицкий), архиепископ*. Жизнеописание Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого. Т. VI. Издание Северо-Американской и Канадской епархии, 1960.
28. *Новоселов М. А.* Письма к друзьям. М., 1994.
29. Ораниенбаумская городская больница, учрежденная в память государыни Великой княгини Елены Павловны. СПб., 1901.
30. Отчет Общества вспомоществования бедным в г. Ораниенбауме за 1897—1901 гг. СПб., 1901.
31. *Осипова И. И.* «Сквозь огонь мучений и воды слез...»: Гонения на Истинно-Православную Церковь. М., 1998.
32. Письма владыки Германа: Жизнеописание и духовное наследие священномученика Германа, епископа Вязниковского. / Сост., предисл. и примеч. А. Г. Воробьевой. М., 2004.
33. *Польский Михаил, протопресвитер*. Новые мученики Российские: в 2-х ч. Репр. воспр. изд. 1949—1957 гг. (Джорданвилль). М., 1994.
34. *Польский Михаил, протопресвитер*. Положение Церкви в Советской России: Очерк бежавшего из России священника. Иерусалим, 1931. (СПб., 1998)
35. *Попов И. В.* Ораниенбаумский пастырь — протоиерей Гавриил Любимов. // Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости. СПб., 1995, Вып. 14.
36. *Попов И. В.* Святая Вырица // Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости, 2003, Вып. 28—29.
37. *Послушница Татьяна*. Отец Николай Сангушко-Загоровский. / Православная жизнь. 1993, №0.
38. Православная энциклопедия. Т. II. М., 2001.
39. Православные русские обители. {Репринт. изд.}. СПб., Воскресение, 1994.
40. *Пришвина В. Д.* Невидимый град. М., 2003.
41. *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви. 1917—1945. Париж, 1977.

42. Священномученик Иосиф, митрополит Петроградский: Жизнеописание и труды. / Сост. Сахаров М. С., Сикорская Л. Е. СПб., 2006.
43. Сербский крест. № 30 (79). 2002.
44. *Симанский В. К.* Куда ехать на дачу? Петербургские дачные местности в отношении их здоровья. Вып. II. СПб., 1892.
45. Соборный разум. 1922. № 1.
46. «Совершенно секретно. Срочно. Лично Тов. Тучкову». Донесения из Ленинграда в Москву, 1927—1928 годы / Публикация, вступление и примечания А. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 10. М., ПСТБИ, 2002.
47. «"Совершенно секретно. Срочно. Лично Тов. Тучкову". И не только ему»: Донесения из Ленинграда в Москву, 1928—1930 годы / Публикация, вступление и примечания А. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 11. М., ПСТБИ, 2003.
48. «Хотелось бы всех поименно назвать...»: По материалам следственных дел и лагерных отчетов ГУЛАГа / Составитель И. И. Осипова. М., 1993.
49. Христианское чтение. 1882. Ч. I. Вып. 1—6.
50. *Цыпин Владислав, протоиерей.* История Русской Церкви, 1917—1997. М., 1997.
51. *Чельцов Михаил, протоиерей.* В чем причина церковной разрухи в 1920—1930 гг. // Минувшее: исторический альманах, М., СПб., 1994. Вып. 17.
52. *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., НИЦ «Мемориал», 1999.
53. *Шкаровский М. В.* Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917—1945. СПб., 1995.
54. *Шкаровский М. В.* Судьбы иосифлянских пастырей. СПб., 2006.
55. *Шоломова С. Б.* Харьковский Серафим. Харьков, 2003.
56. «Это есть скорбь для Церкви, но не смерть ее...». Из материалов следственного дела священномученика митрополита Кирилла Казанского. / Публикация, вступление и примечания Н. Кривошеевой, А. Мазырина // Богословский сборник. Вып. 8. М., ПСТБИ, 2001.

Архивные источники

- Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Д. П-78806.
- Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Д. П-83017.
- Архив УФСБ РФ по Республике Татарстан. Д. 2-18199
- Государственный архив новейшей истории Костромской области. Д. 5652с.
- Государственный архив по делам политических репрессий Пермской области. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8893.
- Государственный архив социально-политической истории Кировской области. Ф. 6799. Оп. 8. Д. СУ-10267.
- Государственный архив РФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 263.
- Государственный архив РФ. Ф. 5919. Оп. 1. Д. 1.
- Государственный архив РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-28850
- Тверской центр документации новейшей истории. Ф. 7849. Оп. 1. Д. 25701 с
- Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Д. Н-7377. Т. 11.
- Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 278. Л. 116.
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 19. Оп. 113. Д. 3812.

Список сокращений

Адмотдел	—	Административный отдел
ВЦИК	—	Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВВЦС	—	Временный Высший Церковный Совет
ВМН	—	Высшая мера наказания
ВЦС	—	Высший Церковный Совет
ВЦУ	—	Высшее Церковное Управление
ГА	—	Государственный архив
ГУЛАГ	—	Государственное Управление лагерей
к/р.; к.-р.	—	контрреволюционный
ИПЦ	—	Истинно-Православная Церковь
ЛО	—	Ленинградская область
НКВД	—	Народный комиссариат внутренних дел
Облисполком	—	Областной исполнительный комитет
ОГПУ	—	Объединенное Главное политическое управление
прот.	—	протоиерей
ПКК	—	Политический Красный крест помощи политическим заключенным
Политбюро	—	Политическое бюро
ПСТБИ	—	Православный Свято-Тихоновский институт
РПЦЗ	—	Русская Православная Церковь за границей
РСФСР	—	Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ	—	Российская Федерация
Соввласть	—	советская власть
СО	—	секретный отдел
СПб.	—	Санкт-Петербург
СССР	—	Союз Советских Социалистических Республик
УФСБ	—	Управление Федеральной службы безопасности
ФСБ	—	Федеральная служба безопасности
ЦА	—	Центральный архив
ЦГА	—	Центральный государственный архив
ЦГИА	—	Центральный государственный исторический архив
ЦИК	—	Центральный исполнительный комитет

Именной указатель

- Абрамович-Барановский С. С., профессор 84
Агафангел (Преображенский), митрополит 92, 100, 102–108, 116, 263, 408, 415, 419, 478
Агранов Я. 198
Азиатская А. Н. 461
Аквилонов, протоиерей 361, 362
Акимов Василий Александрович, протоиерей 30, 40, 51, 110, 478
Александр I, император 10
Александр II, император 13, 15, 109, 250
Александр III, император 16, 250
Алексеев (Аскольдов) С. А. 215, 270, 280
Алексеев Сергей 83
Алексеев-Бобров 205
Алексий (Буй), епископ 56, 158, 159, 162, 166, 172, 183, 189, 392, 460, 479
Алексий (Семенов), иеродьякон 207, 251, 253, 479
Алексий (Симанский), епископ, патриарх 42–45, 57, 58, 61–63, 70, 324, 479
Анастасия (Куликова), схимонахиня 48, 133, 164, 170, 174, 182, 206, 257, 258, 480
Анатолий, старец 215, 423
Анатолий (Земляницын), архимандрит 256, 257, 480
Анатолий (Согласнов) иеромонах 152
Андреев Федор Константинович, протоиерей 82–84, 91, 97, 98, 112–114, 159, 169, 176, 195, 196, 212, 222, 223, 226, 248, 252, 262, 264–281, 297, 389, 390, 461, 480
Андреева Мария Федоровна 264, 267, 271, 274
Андреева (урожденная Фроловская) Наталья Николаевна, матушка 270, 276–278, 281, 283, 461, 481
Андреевский Иван Михайлович 83, 84, 155, 213, 214, 222, 242, 243, 260, 261, 280, 481
Андрей (Ухтомский), архиепископ 146, 198

- Анна Иоанновна, императрица 23
Антоний Великий, преп. 306, 307, 369
Антоний (Рафальский), митрополит 12
Антоний (Храповицкий), митрополит 191, 234
Антонин (Грановский), обнов. митрополит 317, 410
Антонов В. В. 62, 174, 214, 244, 245
Анувий (Капинус), иеромонах 147, 481
Апланов Сергей 118
Арсений (Стадницкий), митрополит 408, 415, 450
Артемиий (Ильинский), епископ 42, 43
Афанасий Великий, свт. 407, 455
Афанасий (Сахаров), епископ 53
Базаров Иоанн, протоиерей 20
Бакаев 42
Бартоломей Владимир Владимирович, иерей 146, 481
Баташев Сергей Иосифович, протоиерей 115, 123, 129, 482
Белавский Петр Иоаннович, протоиерей 128, 129, 169, 170, 174, 176, 180, 182, 206, 220, 482, 229, 244, 245, 257, 389
Белавская Ксения, матушка 169, 174, 245
Боголюбов Сергей, протоиерей 65
Бойчук Андрей Николаевич, иерей 150
Болотов Василий Васильевич, профессор 311
Быстреевский Иоанн Александрович, иерей 110
Быстриевский Константин Алексеевич, протоиерей 127, 129, 482
Быстряков Иван Александрович, иерей 112, 483
Валентин (Кузьмин), монах 256, 257, 483
Варлаам (Лазаренко), епископ 159, 160, 391, 392, 394, 460, 483
Варлаам (Ряшенцев), архиепископ 100, 104, 105, 483
Варганов Дмитрий Петрович 59
Варсонофий (Кузьмин), иеромонах 207, 248, 251, 254, 257, 484
Василий Великий, свт. 304, 377, 407
Василий (Докторов) епископ 138, 197, 205, 388, 484
Василий, патриарх Константинопольский 310
Введенский Александр Иванович, обнов. митр. 37, 41–43
Введенский Алексей Иванович, профессор 267, 268, 485
Ведерников Василий Андреевич 209, 252, 254
Ведерников Николай Никитич 209, 254
Вейерт Ольга Эдуардовна 244, 245
Венедикт (Плотников), епископ 42, 43, 50, 55, 170, 485
Вениамин (Казанский), митрополит 5, 6, 29, 39, 42, 43, 242, 485
Верюжский Василий Максимович, протоиерей 57, 59, 62, 63, 65, 76, 77, 79, 80, 82, 91, 94, 97, 110–116, 121, 122, 126, 165–167, 176, 178–180, 1872, 206, 211, 221, 232, 263, 265, 274, 297, 304, 389, 390, 461, 486
Виктор, папа римский 427
Виктор (Островидов), епископ 104, 137, 152–155, 157, 172, 248, 388, 392, 400, 408, 409, 413, 460, 486
Викторова М. А. 287
Виноградов Николай, протоиерей 65, 161

- Владимир (Кожин), иеродиакон 182, 248, 251, 253, 257
Вознесенский Алексей Константинович, иерей 128, 129, 486
Вознесенский Алексей Петрович, иерей 143, 487
Войков (Вайнер) П. Л. 66, 67
Волокитин Аркадий, иерей 146
Воробьев Владимир, протоиерей 105
Вострышев М. В. 54
Гавриил (Владимиров), иеромонах 138, 181, 206, 487
Гавриил (Воеводин), архиепископ 61, 62, 64, 95, 297
Гавриил (Красновский), епископ 198
Галицкий П. С., иерей 157
Геннадий (Крылов), монах 151
Герасим (Прокофьев), архимандрит 136
Герман Лидия Николаевна 177, 208, 212
Гермоген (Голубев), архимандрит, архиепископ 82
Глаголев С. С., профессор 267, 268
Голощапов Сергей Иоаннович, протоиерей 143, 383, 487
Голубинский Ф. А. 268
Горгоний (Анисимов), иеромонах 145, 487
Граббе Марина Николаевна, (инокия Марина) 431
Григорий Богослов, свт. 307, 314, 352
Григорий (Лебедев), епископ Шлиссельбургский 50, 55—57, 59, 61, 63, 64, 95, 97, 99, 118, 119, 318, 488
Григорий (Яцковский), архиепископ Екатеринбургский 57, 414
Губонин М. И. 34
Гурий (Егоров), архимандрит 95
Давидович Виктор, иерей 150
Дамаскин (Цедрик), епископ Стародубский 161, 162, 387—390, 457—460, 468, 469, 473, 477, 488
Даниил, пророк 306
Даниил (Бондаренко), схимонах 160
Данилушкин М. Б. 466
Дарий, царь 306
Деева Александра Васильевна 182, 205
Дионисий Александрийский 428
Дмитриева Наталия Тимофеевна 203, 399
Добронравов Викторин Михайлович, протоиерей 83, 88, 115, 126, 128, 170, 489
Домнышева Елена Васильевна, монахиня 207, 489
Достоевский Федор Михайлович 452
Дулов Николай, протоиерей 159
Евдоким (Мещерский), обнов. Митрополит 318
Евгений (Кобранов) епископ 100, 104, 105
Евлогий (Георгиевский) митрополит 108
Евстафий, свт. 319, 320
Егунов Владимир Александрович 207
Едемский-Своеземцев Евлампий, иерей 464
Екатерина II, императрица 10

- Екатерина Михайловна, вел. княгиня 14, 15, 21
Екатерина Павловна, вел. княгиня 20
Елена Павловна, вел. княгиня 11, 13, 15
Епанчина А. А. 244
Ефрем Перекомский, прп. 247, 255
Журавский А. В. 459, 466, 468
Жураковский Анатолий Евгеньевич, иерей 133, 137, 150, 166, 183, 189, 273—275, 279, 489
Загоровский Николай (в монашестве Серафим) Михайлович, протоиерей 179, 182, 206, 220, 229, 234, 240, 489, 490
Замошкин Николай Николаевич 289
Западалов Алексей Иосифович, протоиерей 65
Захаров И. З. 209
Зосима, схиигумен 430, 431, 490
Зубриков Н. А. 209
Иванов Дмитрий Николаевич, протоиерей 150, 166, 490
Игнатий, иеромонах 151
Игнатий (Богоносец), свмч. 302, 354
Игнатий (Брянчанинов), свт. 307, 312, 314, 327
Иерофей (Афонин) епископ Никольский 104, 158, 172, 392, 395, 417, 490
Иларий, архимандрит 142
Иларион (Бельский), епископ 155, 490, 491
Иннокентий (Тихонов), архиепископ 42, 43, 51, 55, 265, 491
Инюшин Иоанн Иоаннович, протоиерей 147, 491
Иоанн Богослов, апостол 324, 366, 462
Иоанн Грозный 404, 440
Иоанн Златоуст, свт. 314, 319, 321, 407, 455
Иоанн (Кронштадтский), св. праведный 16, 18, 19, 136, 137, 243, 259
Иоанн (Помер) архиепископ 221
Иоанн (Снычев), митрополит 7, 74—76, 78—81, 83, 84, 89, 92, 93, 100, 120, 121, 122, 244
Иоанникий (Сперанский), епископ 278
Иоасаф Белгородский, свт. 234
Иоасаф (Попов), епископ 162, 170, 197, 385, 388, 392, 460, 491, 492
Иоасаф (Сазонов), иеромонах 151, 152
Иосиф (Петровых), митрополит 5, 6, 59—63, 72, 73—78, 80, 81, 88, 89, 92, 99—102, 104, 107, 109—111, 113, 115—119, 126, 1431—133, 138, 145, 146, 158, 163—165, 167, 170, 171, 173, 175, 176, 183—187, 189, 192—195, 213, 223, 227, 232, 2334, 242, 256, 259, 263, 278, 282, 379, 382, 387—391, 408, 416, 457, 458, 464, 466, 492
Иринарх (Синеоков-Андреевский), епископ 415
Иринеи Лионский, свт. 267, 427
Ирод, царь 404
Исайя (Кушнерев), иеромонах 189
Иувеналий (Масловский), архиепископ 105
Ищенко Николай Трофимович, иерей 147, 148, 257, 258, 492
Ия (Репина), монахиня 207, 493
Кабанов, иерей 393

- Касьянов Афанасий Игнатьевич, дьякон 157, 493
Кедринский Павел Антонович, протоиерей 58
Келестин, папа римский 91
Кибардин Алексей Алексеевич, протоиерей 115, 127, 493
Киприан Карфагенский, свт. 88, 320, 321, 338, 369, 427
Кирилл (Смирнов), митрополит 7, 25, 53, 146, 156, 415, 450, 457–459, 461–469, 493, 494
Кирилл (Соколов), епископ 227
Кириллов С. К. 209, 210
Клавдий (Савинский), архимандрит 138, 139, 205, 494
Коверда Б. С. 66
Коверский Константин Петрович 177, 178, 207, 212, 2143, 456
Ковшаров Иван 43
Кожевников В. А. 284
Кожухарев Гавриил Антонович 181, 206
Колобков Нил Александрович 179, 209
Константин (Булычев), епископ 29
Константин (Дьяков), епископ 324
Коптев Михаил Андреевич 206, 391
Косик О. В. 53, 107, 477
Косьма Маюмский, св. 456
Красницкий Владимир Дмитриевич, протоиерей 42, 53
Красноленская Валентина Александровна (инокиня Валентина) 431
Красновский Ипполит, протоиерей 143
Кратиров Дмитрий Дмитриевич, протоиерей 46, 47, 115, 124, 127, 129, 494
Кремышенский Александр Анатольевич, протоиерей, 142, 495
Крылов Илья Сергеевич, иерей 147, 495
Лебедев Иван Михайлович, протоиерей 128, 129, 495
Лебедев Лев, протоиерей 67, 68
Лев (Егоров), архимандрит 95, 184
Левитин-Краснов А. 41, 44, 45, 203
Левицкий Сергей 153
Левковский Александр Евменьевич, протоиерей 142, 144, 145, 147, 148, 495
Ленин В. И. 38, 250, 437
Лелянов Александр Иванович 240
Лелянов Петр Иванович 240
Лелянова Юлия Александровна 245
Лив Татьяна Федоровна 431
Лихачев Дмитрий Сергеевич, академик 214, 272
Лопушанская Елена 465
Лосев Алексей Федорович, профессор 184, 189
Лосский Н. О. 269
Лысяк Григорий Клементьевич, протоиерей 143
Любимова Вера Дмитриевна 202, 203, 396–399
Любимов Гавриил Маркович, протоиерей 10, 12–19, 137
Любимов Сергей Гаврилович, протоиерей 18
Мазырин Александр, иерей 65, 94, 96, 97, 106–108, 117, 459, 460, 464, 465, 469

- Макарий (Клишин), иеромонах 206, 248—251, 496
Макаров А. 180, 223—225, 279
Максим (Генба), монах 173, 206, 220
Максим (Жижиленко), епископ Серпуховской 126, 139, 142, 147, 149, 155, 172, 192, 197, 225, 388, 392, 460, 496
Максим Исповедник, преп. 306, 308, 366, 407, 413, 428
Малюта Скуратов 440
Мануил (Лемешевский), митрополит 7, 50, 90, 120—122, 311, 496
Мария (Лелянова Лидия Александровна), монахиня 240—246, 252, 261
Мария Федоровна, императрица 18
Маркинов Н. Ф. 205
Мартышев Василий Михайлович, 208
Медведь Роман, протоиерей 140
Мелетий, иеромонах 259, 502
Мелхиседек (Лихачев), иеромонах 148, 497
Меншиков А. Д., князь 10
Мечев Сергей Алексеевич, протоиерей 318
Митрофан (Коковкин), иеромонах 256
Митрофан (Коковкин), иеромонах 256
Михаил (Ермаков), митрополит 75, 150
Михаил Павлович, великий князь 10, 11, 15
Морозов Павел, иерей 170, 389, 390
Модестов Николай Александрович, иерей 146, 497
Можанская Анна Федоровна 264, 267, 271, 274
Назарова Клавдия Владимировна 294
Нектарий (Афанасьев), иеромонах 151
Нектарий (Тихонов), иеросхимонах 215, 309
Нектарий (Трезвинский), епископ Яранский 155—157, 196, 464, 497
Нерон, император 86
Несторий, патриарх Константинопольский 369
Никандр (Феноменов), епископ, митрополит 29
Никита Пустосвят 19, 20
Никитин Василий Никитич 209, 252, 254, 255
Никитин Георгий Никитич 393
Никитин Илья Никитич 209, 252, 254
Никитин Иоанн Григорьевич, протоиерей 76, 88, 112, 113, 115, 116, 123, 128, 134, 166, 167, 171, 178, 181, 182, 206, 220, 229, 231—234, 389, 390, 498
Никифор, патриарх Константинопольский, свт.
Никодим, иерей 383
Николай II, император 178, 179, 250, 274
Николай (Голубев), епископ Ветлужский 158, 388, 498
Николай (Клементьев), епископ 50
Николай (Соболев), протоиерей, обнов. архиерей 44
Николай (Степанов), иеромонах 207, 248, 251, 252
Николай (Ярушевич), митрополит 42—44, 57, 63, 64, 70, 71, 73—76, 89, 91, 94—97, 110, 118, 270, 434, 498
Никольский Сергей Владимирович, протоиерей 94, 127, 128, 499
Никон (Катанский) 139

- Никострат (Лаврешов), иеромонах 125, 499
Нильский, профессор 19
Новицкий Юрий 43
Новоселов Михаил Александрович 7, 35, 82, 83, 115, 116, 142, 159, 169, 172, 183, 184, 189, 262–267, 270, 284–297, 304, 499
Ольга Николаевна, вел. княгиня, королева 20
Онисим (Поль), иеромонах 160
Осипова И. И. 148, 150, 158–160, 188, 189
Павел, апостол 306, 329, 426
Павел (Борисов), монах 152
Павел (Борисовский), архиепископ 103, 324, 350
Павел (Колбин), иеромонах 257
Павел (Кратиров), епископ 161, 166, 197, 235, 392, 500
Павел (Лигор) иеромонах 200
Павел I, император 20, 24
Палладий (Раев), архиепископ 21
Пафнутий (Акиншин), иеромонах 232
Перепелкин Василий, иерей 159
Перминов Василий, иерей 199
Перфильева Анна Васильевна, монахиня 177, 206
Петр, апостол 353, 367, 379, 376, 441
Петр (Полянский), митрополит 51, 54, 57, 87, 92, 103, 146, 162, 164, 185, 253, 316, 332, 357, 380, 381, 385, 388, 390, 411, 414–418, 422, 437, 444, 450, 458
Петр III, император 10
Пешкова Екатерина Павловна 281, 282
Победоносцев К. П. 438
Подгорный Василий Филиппович, иерей 393
Покровский 94
Полищук Е. С. 285
Польский Михаил, протопресвитер 93, 116, 185, 202, 215, 221, 226, 231, 243, 246, 280
Поляков Филофей Петрович, протоиерей 94, 115, 127, 129, 153, 500
Попов И. В. 13, 16, 234
Порфирий (Петренко), монах 151
Преображенский Георгий Васильевич, иерей 128, 129, 500
Принцев М. А. 209, 210
Пришина Валерия Дмитриевна 140, 143, 144, 160, 286, 296
Прозоров Николай Федорович, иерей 115, 124, 126, 128, 134, 165, 170, 176, 178, 179, 181, 182, 206, 216, 220–223, 225–227, 229–231, 274, 389, 390, 501
Пронин Василий Михайлович, протоиерей 124, 127, 129, 501
Проценко П. Г. 134
Пушкин Александр Сергеевич 23
Распутин Григорий 438
Рождественский Измаил Васильевич, протоиерей 94, 118, 127, 128, 172, 460, 501
Рождественский Михаил Васильевич, протоиерей 115, 127, 129, 205, 257, 501
Розанов В. В. 289
Романюк Федор (в схиме Иоанн) Филиппович, протоиерей 127, 129, 502

- Ругин И. Д. 179, 208
Рябов И. И. 135
Саблер В. К. 438
Сазонов Александр Михайлович 259
Сазонова Вера Федоровна 200, 258, 259, 260
Сазонов Михаил Иванович 179, 208, 258, 259, 502
Сазонов Петр Михайлович, иподьякон 259, 502, 503
Самарин Федор Дмитриевич 267, 285
Самарин Юрий Федорович 267
Сахаров М. С. 6, 8, 107
Свенцицкий Валентин Павлович, протоиерей 116, 141, 172, 421, 503
Сверчков Измаил Александрович, иерей 144, 503
Селецкий Григорий Гаврилович, протоиерей 161, 388, 389, 457, 458, 503
Семенова Лидия Павловна 200, 258
Серафим (Александров), митрополит 88, 89, 145, 324
Серафим (Звездинский), епископ 198, 415
Серафим (Протопопов), архиепископ 50, 55, 64, 65, 91, 94, 99, 118, 504
Серафим (Самойлович), архиепископ 92, 100, 103, 104, 106, 107, 151, 415, 419, 460, 468, 504
Серафим Саровский, преп. 213, 214, 312
Серафим (Суздальцев), протоиерей 207, 251, 254
Серафим (Чичагов), митрополит 119, 120, 321
Сергий (Андреев), архимандрит 170, 206, 248, 249, 251, 254, 257, 504, 505
Сергий (Воскресенский), митрополит 200
Сергий (Дружинин), епископ 50, 55, 59, 63, 64, 91, 92, 97, 99, 104, 115, 120, 125, 127, 133, 138, 139, 151, 152, 157, 168, 171, 175, 197, 203, 205, 388, 505
Сергий (Зенкевич), епископ 89
Сергий (Страгородский), митрополит 7, 29, 54–56, 57–60, 65–69, 90, 91–100, 116–122, 132, 133, 137, 139–143, 145, 149, 150, 152–154, 156, 158, 160–162, 169, 171, 175, 178, 180, 181, 184, 186, 187, 188, 196, 199–201, 208, 212–214, 220, 223–225, 232, 233, 248, 251, 252, 270–273, 275, 278, 279, 286, 297, 308–311, 314–324, 329, 332–335, 344–348, 3590, 354–367, 371–377, 379–389, 392, 394, 400–404, 406, 408, 410–412, 414–416, 418–419, 421, 422, 426, 427, 429, 434, 435, 437–441, 444, 448, 450, 453, 454, 457–459, 461, 462, 463–474
Серебренников В. С. 269
Серебрякова Анна Арсеньевна 260
Сидоров Александр, иерей 142, 143, 382, 383, 505
Сидоренко Егор Никитович 135
Сильвестр (Братановский), архиепископ 324
Симанский В. К. 11
Синезий (Зарубин), епископ 198
Смолин Иоанн Викулович, протоиерей 243
Снежков, инженер 47
Смирнов, протоиерей 388, 389
Советов Александр, протоиерей 115, 123, 126, 129
Сокольский 94
Соловьев В. С. 277

- Софроний (Арефьев), епископ 416
Софроний Иерусалимский патриарх, свт. 428
Союзов Михаил, протоиерей 39
Спиридон (Кисляков), архимандрит 166
Степанов Стефан, иерей 169
Стефан, папа римский 427
Стефан (Бех), епископ 94
Стефановский Николай, протоиерей 159
Страхович И. О. 181, 208
Стрельников Никифор Никифорович, протоиерей 59, 83, 97, 1112, 114, 134, 166, 168, 170, 196, 505
Сычев Филипп, иерей 154
Тарасий, патриарх Константинопольский, свт. 428
Тареев М. М., профессор 269 127, 129
Телятников Николай Сергеевич, протоиерей 127, 129, 505, 506
Титлинов В. В., профессор 37
Тихомиров Александр Андреевич, протоиерей 94, 113, 115, 129, 176, 178, 182, 206, 220, 390, 506
Тихомиров Сергей Андреевич, протоиерей 70, 94, 113, 115, 123, 128, 134, 170, 176—178, 190—193, 195, 206, 210—215, 220, 221, 229, 231, 274, 390, 506, 507
Тихон (Белавин), патриарх 36, 38—40, 49, 50, 52, 53, 54, 72, 80, 85, 98, 102, 110, 111, 116, 235, 391, 418, 428, 442, 458, 467
Тихон (Зорин), иеромонах 257
Троицкий Николай, иерей 143
Троцкий Л. Д. 40, 95
Трохов Фома 189
Туманова-Тимофеева Мария Тимофеевна 208
Тулин Василий Федорович, иерей 110, 113, 129, 507
Тучков Е. А. 53—55, 72, 94—96, 1112, 117, 130, 173, 460
Ульяша послушница (Магдалина монахиня) 237
Урсова Наталья Владимировна, княгиня 142, 143, 195
Утилов Николай Степанович 208
Ушаков Николай Николаевич, иерей 124, 126, 129, 507
Фатеев В. А. 267, 271
Федоров Сергей, иерей 83, 170
Федорова Анна Андреевна 245
Федорова Евдокия Ивановна 181, 207
Феодор (Поздеевский), архиепископ 268, 285
Феодор Студит, преп. 115, 304, 313—315, 377, 407, 413, 428, 429, 455
Феофан (Говоров) Затворник, свт. 328
Феофан (Ишков Феодор Филиппович), иеромонах 148, 507
Феофания (Сметанина), игуменья 154
Фессалоницкий Арсений Васильевич, иерей 148, 507
Филарет (Дроздов), митрополит 312, 326
Филипп (Кольчев), митрополит, свт. 214, 404
Филипп (Гумилевский), архиепископ Звенигородский 324, 382
Филиппов (Филистинский) Б. А. 270

- Флоренский Павел Александрович, иерей 267–270, 277
 Флоровский Н. А. 277
 Флоровская Е. К. 283
 Фотий (Солодов Михаил Семенович), иеродьякон 145, 507, 508
 Хомяков Алексей Степанович 313
 Цветков Герасим, протоиерей 159
 Цыпин Владислав, протоиерей 200
 Чельцов Михаил Павлович, протоиерей 38, 42, 45, 51, 52, 56, 57, 58, 60, 61,
 63–65, 69–71, 76–78, 508
 Чепурин Николай Викторович, протоиерей 46, 50, 51, 55, 110, 221, 508,
 509
 Черняева Н. М. 273
 Чистякова Агриппина Ивановна 21
 Чуков Николай (в монашестве Григорий) Кириллович, протоиерей, митрополит
 50, 51, 55, 58, 64, 65, 71, 221, 509
 Чуриков 373
 Шавров В. 41, 44, 45
 Шенец Никифор Федорович 208, 209, 229
 Шипунов Анатолий, иерей 158, 392, 393
 Щербов И. И., профессор 267, 269
 Шарковский М. В. 37, 46, 47, 56, 110, 122, 128, 150, 159, 166, 199, 205, 385,
 386
 Шоломова С. Б. 236, 237
 Юдина Мария Вениаминовна 136, 264, 270, 273, 274, 280–283
 Яблонский Василий, протоиерей 65
 Яснопольская (Ждан) Валентина Николаевна 133, 134, 199, 273, 279

Содержание

Предисловие	5
ГЛАВА I. Архиепископ Димитрий (Любимов)	9
Протоиерей Гавриил Любимов, отец Димитрия	10
Начало пастырского пути Димитрия Любимова	17
Служение иерея Димитрия в церкви Покрова Богородицы	23
Активное участие протоиерея Димитрия в юбилейных торжествах в октябре 1912 года	28
Революционные события 1917 года, борьба с обновленчеством и первый арест протоиерея Димитрия	34
«Полуобновленчество» и легализация. Архиерейская хиротония протоиерея Димитрия	49
Назначение на Петроградскую кафедру владыки Иосифа (Петровых) и его последующее удаление. Объединение епископов Григория (Лебедева), Димитрия (Любимова) и Сергея (Дружинина)	59
Декларация митрополита Сергея (Страгородского). Отношение к ней петроградского духовенства	65
Перемещение владыки Иосифа на Одесскую кафедру. Защита его епископом Димитрием Гдовским	73
Петроградская делегация во главе с епископом Димитрием Гдовским у митрополита Сергея (Страгородского)	82
Отход от митрополита Сергея петроградского духовенства во главе с епископом Димитрием Гдовским	90

Отделение от митрополита Сергия архиереев Ярославской епархии. Последующее их примирение с Сергием. Отношение к этому владыки Иосифа	100
Переход епископа Димитрия в собор Воскресения Христов (Воскресения на Крови)	109
Начало борьбы с «иосифлянским расколом». Иосифляне Петроградской епархии под руководством владыки Димитрия в 1928—1929 годах	117
Владыка Димитрий (Любимов) — руководитель «церковно-административного центра иосифлян»	130
Архиепископ Димитрий во главе антисергианского движения в других регионах	149
Расправа с антисергианской оппозицией. Первое групповое дело «иосифлян»	172
Дело «Всесоюзной контрреволюционной монархической организации церковников ИПЦ»	184
Завершение операции по ликвидации «контрреволюционной организации церковников ИПЦ»	197
Кончина архиепископа Димитрия (Любимова)	203

ГЛАВА II. Иосифляне — сострадалцы

священноисповедника архиепископа Димитрия	205
Союзники архиепископа Димитрия	205
Священномученик протоиерей Сергей Тихомиров	211
Священномученик иерей Николай Прозоров	217
Священноисповедник протоиерей Иоанн Никитин	232
Священноисповедник иерей Николай Загоровский	235
Преподобномученица Мария Гатчинская	241
Новгородские иосифляне-дмитровцы. Перекомский монастырь: монашествующие и прихожане	248
Судьбы последних иосифлян, ближайших помощников владыки Димитрия	258

ГЛАВА III. «Идеологи иосифлянства»

Протоиерей Феодор Андреев и Михаил Александрович Новоселов	263
1. Протоиерей Феодор Андреев	267
Биографические данные	267

Воспоминания дочерей протоиерея Феодора Андреева	272
Воспоминания Валентины Яснопольской (Ждан)	275
Воспоминания И. М. Андреевского	281
Воспоминания Марии Юдиной	281
2. Михаил Александрович Новоселов	285
Краткие биографические сведения	285
Воспоминания В. Д. Пришвиной	287
3. Иосифлянские документы, составленные протоиереем Феодором Андреевым и М. А. Новоселовым	298
Обращение духовенства и мирян Петроградской епархии к митрополиту Сергию, датированное 26-27-28 ноября / 9-10-11 декабря 1927 года	298
«Ответ востязующим»	305
Апология отошедших	332

Приложение I. Письма и документы

владыки Дмитрия (Любимова)	380
Письмо епископа Гдовского Дмитрия (Любимова) духовенству ст. Сиверская	380
Письмо епископа Дмитрия, временно управляющего Ленинградской епархией, к отцам настоятелям от 4 января 1928 года	382
Письмо настоятеля Крестовоздвиженского храма священника Александра Сидорова к епископу Гдовскому Дмитрию (Любимову)	383
Ответное письмо епископа Гдовского Дмитрия (Любимова) московским иосифлянам	384
Ответ епископа Гдовского Дмитрия (Любимова) митрополиту Сергию (Страгородскому) по поводу возведенной на него клеветы	385
Послание архиепископа Гдовского Дмитрия благочинным Задонского округа 24 июля / 6 августа 1929 года	387
Письмо епископа Дамаскина (Цедрика) архиепископу Дмитрию Гдовскому	388
Протоколы допросов заключенного Дмитрия (Любимова)	389
Из архива Политического Красного Креста	397

<i>Приложение II. Церковные документы,</i>	
изъятые при арестах иосифлян в 1929—1930 годах.....	401
Протесты епископов	401
Другие документы	422
 <i>Приложение III. Иосифляне и митрополит Кирилл (Казанский)</i>	 458
Биографические данные о духовенстве	
и церковных деятелях, упоминаемых в книге	479
Библиография	507
Список сокращений	512
Именной указатель	512

**СВЯЩЕННОИСПОВЕДНИК ДИМИТРИЙ,
АРХИЕПИСКОП ГДОВСКИЙ.
СПОДВИЖНИКИ ЕГО И СОСТРАДАЛЬЦЫ**

Жизнеописания и документы

Составитель *Л. Е. Сикорская*

Редактор *И. И. Осипова*
Корректор *Е. А. Соседова*
Верстка *М. Н. Демидова*
Обложка *О. С. Гушанская*

ООО «Издательство «Братонеж»
127 273, Москва, ул. Отрадная, д. 44

Подписано в печать 12.01.2008. Формат 60×84¹/₁₆.
Усл. печ. л. 33,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 149

Отпечатано в полном соответствии с предоставленными
материалами в ГУП ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6